

Анна Отриковская

Кольцо

княгини Амондиран

Советнику Дамиану и так непросто живется при дворе князя Ромуальда, а тут еще княгиня сбежала и утащила важный родовой артефакт. И хорошо бы, если бы она сделала это по глупости, но нет! Против князя и княжества затевается опасная интрига. Но если в дело замешан артефакт, ищи специалиста-артефактора. Поможет, проверено.

Анна Стриковская

Кольцо княгини Амондиран

МИР ТОТ ЖЕ, ЧТО И В «ОСЛЕ И МОРКОВКЕ», «ТЕ АРХИМАГА», НО МЕСТО И ВРЕМЯ ДРУГИЕ.

Расширяем географию.

В коридоре послышались шаги и Дамиан решительно отложил книгу. Смена ночной стражи, а значит он опять зачитался до трех часов ночи. Пора уже погасить светильник и спать, завтра много дел.

Он потянулся, чтобы потушить лампу, и в это время тот, кто шел по коридору, вместо того, чтобы проследовать дальше, остановился у его дверей и постучал.

— Дамиан! Я вижу, ты не спишь! Открой! Ты мне очень нужен!

Вот так и читай до глубокой ночи. Надо было уже давно гасить свет, тогда даже князь Ромуальд не решился бы его будить. А сейчас придется встать и впустить ночного гостя. Князю не откажешь.

Ромуальд влетел в покои своего друга и советника и кинулся в кресло. На его красивом, породистом лице было написано отчаяние.

— Дамиан, это катастрофа! Настоящая катастрофа! Азильда сбежала! Она меня бросила!

Так хотелось ему сказать: «Хвала богам, наконец-то!», но советник удержал сам себя. Если такое ляпнуть, Ромуальд заведет волюнку до утра. Будет обвинять всех, и его в том числе, что никто его не любит и никто не сочувствует. Поэтому он коротко спросил:

— Когда? И откуда известно, что она именно убежала?

Конкретные вопросы всегда ставили князя в тупик и этим самым успокаивали. Собираться с мыслями и фонтанировать эмоциями одновременно было затруднительно. Поэтому он перестал ломать руки, задумался, затем сообщил:

— Я получил от нее письмо, то есть, нашел записку.

— Она у тебя с собой?

Ромуальд затряс головой.

— Нет, конечно нет! Я не мог заставить себя прикоснуться к этой гадости! Я оставил ее там, где нашел!

Ситуация принимала фантазмагорические формы, как любое происшествие с участием молодого князя. Сейчас он упадет на кровать, станет биться в истерике и нести такую чушь, из которой при всем желании не вычленишь рационального зерна. Это не под силу даже опытному Дамиану.

Истерике надо душить в зародыше, иначе вся ночь псу под хвост.

Советник сделал вид, что не заметил состояния своего господина. Произнес спокойно и решительно:

— Ромуальд, так я ничем не смогу тебе помочь. Успокойся и давай по порядку. Расскажи, как дело было. Я вчера весь день отсутствовал и ничего не знаю.

Действительно, весь предыдущий день Дамиан провел в поездке по близлежащим деревням. Недавний паводок смыл кое — какие мосты и постройки и старосты прислали

просьбы о вспомоществовании. Зная, как они любят в этом деле приписывать, пытаюсь нагреть своего господина, советник счел своим долгом проверить все лично.

К тому же это был хороший повод для того, чтобы покинуть замок и немного отдохнуть душой. Общество князя и его жены было довольно тягостным. Оба они отличались повышенной эмоциональностью и между собой уживались плохо: истерика, скандал с рыданиями и битьем посуды были в замке чем-то вполне обыденным, чуть ли не ежедневным.

Поводом могло служить что угодно, а чаще и вовсе ничего, нечто воображаемое, причем Азильда являлась в большинстве случаев стороной наступающей, а Ромуальд оборонялся. Быть свидетелем этих ежедневных баталий было по меньшей мере утомительно.

Поэтому советник и искал любую зацепку, чтобы провести день где-нибудь подальше от таких бешеных, но совершенно бессмысленных страстей.

В общем, образ жизни княжеской четы казался уравновешенному Дамиану чем-то бесконечно утомительным, а их характеры он не одобрял.

Но если Ромуальду Дамиан был согласен прощать его недостатки хотя бы потому, что юный князь в свое время взял его на службу, назвал другом и дал самые широкие полномочия, то Азильду он терпеть не мог.

Князь небольшого, но относительно процветающего княжества Амондиран, Ромуальд Лериан Амондиран, был человеком незаурядным. Не только потому что князь, а потому что таких на своем пути Дамиан никогда не встречал. Талант! Художник, поэт и композитор в одном лице!

Его пейзажи, портреты, жанровые сценки и батальные полотна достойны были лучших галерей.

Да не только достойны, они там и висели! Групповой портрет королевской семьи Гремона, выполненный Ромуальдом в ранней юности, висел в тронном зале гремонского короля. А изображение битвы при Радо между войсками империи и Сальвинии, когда сальвинцам удалось отстоять свою независимость, украшало Зал Гильдий при дворе сальвинского монарха.

Томики стихов Ромуальда, не успев выйти из типографии, разлетались как горячие пирожки. Ими зачитывались все девицы как в странах Девятки, так и в Империи. Они же и распевали песни на эти стихи, музыку к которым писал тоже Ромуальд.

Кроме песен он написал также две оперы, которые с успехом шли в театрах Девятки, а его струнные квартеты исполнялись придворными музыкантами всех стран.

Такой человек имел право смотреть на всех людей, лишенных творческого дара, с презрением. Но Ромуальд был не таков. Этот еще молодой, но уже не юный мужчина поражал какой-то детской открытостью и искренностью. Те, кто ему нравился, могли рассчитывать на самое теплое, душевное отношение, помощь и поддержку.

И при этом иметь с ним дело, а тем более работать на него было очень тяжело. Дамиан за десять лет много раз порывался все бросить и уйти, потому что втолковать Ромуальду что-то простое и логичное, особенно если оно тому не слишком нравилось, было практически невозможно. Молодой князь обладал тем, что называют «умным сердцем», а вот мозги имел самые посредственные и отличался изрядным упрямством, с которым настаивал на своих ошибках.

Дамиана всегда поражало, что при этом его господин очень хорошо разбирался в людях, вернее, в их душевных качествах.

Надо сказать, хотя для определения качеств человека Ромуальд умом не пользовался, интуиция почти никогда его не подводила. В мужчинах он разбирался отлично. Всегда мог сказать, кто хороший человек, а кто сволочь, кто честен, а кто лжет не краснея, кто пришел с открытым сердцем, а кто таит камень за пазухой.

Десять лет назад он выбрал Дамиана из толпы соискателей, практически просто ткнув в него пальцем, и приобрел не просто честного управляющего для своих земель, соратника во всех делах, но и настоящего друга. Когда Дамиан допытывался, как ему это удалось, каков был критерий выбора, князь только отмахивался: «Сердце подсказало».

С женщинами было хуже. Красивая внешность закрывала Ромуальду глаза на все остальное сразу и очень надолго, если не навсегда. А по наблюдениям Дамиана, выдающаяся красота очень редко уживается с хорошим характером и умом. В одной даме обычно присутствует одно, реже два из вышеперечисленных качеств, а три не встречаются практически никогда.

При этом сам Ромуальд отличался удивительной для мужчины изящной, благородной красотой, отнюдь не делавшей его облик женственным. О его синих глазах грезили по ночам девицы, совершенство черт его лица и фигуры вдохновляло скульпторов. Конечно, рядом с таким мужчиной могла быть только божественная красавица, другие было просто его недостойны.

Еще бы подумать, что внешность должна сочетаться еще хоть с чем-нибудь хорошим... например, с мозгами.

Азильда была красива. Очень красива. Других положительных качеств она не имела. Отличалась склочным характером и невообразимой глупостью. Чтобы крутить ею как угодно, надо было только петь ей дифирамбы. Под эту музыку она была готова на любой идиотизм, разве что с башни вниз головой бы не кинулась.

Вдобавок она была не слишком хорошо воспитана для высокородной дамы. Дочь сальвинского графа, она выросла в убеждении, что за эту красоту ей все должны. Людей в целом она не любила и презирала, подозревая, что не все в восторге от ее небесной прелести. Поэтому тех, кем она могла помыкать, начиная от последней горничной и заканчивая собственным мужем, она гоняла в хвост и в гриву, ибо только так могла подтвердить для себя собственную значимость.

Запросы ее не отличались скромностью, хорошо еще что звездочку с неба не требовала. Но стоило ей встретиться с отпором ее безумным притязаниям, как она начинала визжать и браниться как рыночная торговка.

Конечно, в невестах она вела себя так, как учила маменька: скромно улыбалась и со всем соглашалась. Но стоило ей стать женой, как она себя показала.

Очарованный ею Ромуальд поначалу готов был выполнить любые капризы прекрасной дамы, но очень скоро его возможности пришли в конфликт с ее желаниями. Амондиран — не такое уж богатое княжество, выкладывать половину его годового дохода за ожерелье или диадему было попросту невозможно.

Услышав первый раз отказ, красотка связала его с Дамианом и была права. Именно он не позволил князю разорить княжество ради прихоти жадной сучки. Зная, что логические доводы не подействуют, советник решил сыграть на чужом поле и нарисовал перед сюзереном картину бедствий простого народа, от которой заплакал бы даже камень.

Ромуальд проникся настолько, что резко отказал жене. С этого момента его семейная жизнь покатила под откос. Отношения князя с женой нельзя было назвать нормальными:

они спали вместе только когда не были в ссоре, а ссорились почти каждый день, как по расписанию.

Пять лет брака не ознаменовались рождением наследника. Азильда даже не забеременела ни разу. Зато нервы всем в замке успела вытрепать.

И вот она сбежала! О радость! О счастье! Дамиан опасался лишь одного: что это шутка и красotka через пару дней вернется. Поэтому так старательно расспрашивал друга об обстоятельствах бегства злобной фурии.

Конечно, Ромуальд сейчас расстроен и оскорблен. Но вскоре он почувствует, насколько легче ему стало жить и переменит свое мнение. Главное, не допустить, чтобы злыдня вернулась, а этот благородный дурак ее простил и принял.

В любом случае его надо расспросить. Подробный рассказ о злоключениях обычно успокаивает, переводя собственное несчастье в некую литературную область. А там и до взгляда со стороны недалеко. Может, князь еще томик стихов выпустит, какой-никакой, а доход.

Ромуальд не собирался держать переживания в себе, поэтому заговорил горячо, но сбивчиво:

— Понимаешь, я ничего не понимаю! Мы с ней сегодня даже не ссорились!

— Интересно почему?

— Не успели! Она после завтрака сказала, что собирается съездить в храм Доброй Матери. Ну, тот, главный, который стоит в месте силы.

Храм Доброй Матери, о котором шла речь, находился не в столице княжества, а между ней и Нидором, вторым по значению городом княжества, ближе к последнему, на границе с Сальвинией. Это действительно было место силы Доброй Матери. Туда шли молиться о даровании потомства не только жители Амондирана, но и из сопредельных стран, и многим богиня помогла. Так что поездка Азильды в такое место не вызывала подозрений.

— Она вроде как собиралась молиться о наследнике. Я предложил ее сопровождать. Это ведь и ко мне имеет отношение! А она... В общем, предложила съездить туда самостоятельно и в другое время. Сказала, чтобы мы не поссорились. Я, если честно, тоже об этом подумал. Ведь стоит нам провести вместе больше получаса, как тут же скандал на ровном месте! Я прямо не понимаю, как ей так удастся?!

Дамиан фыркнул: он прекрасно знал все уловки Азильды, с помощью которых любую нейтральную беседу она умела превратить в ссору с криками и битьем посуды. Но сейчас не время объяснять это Ромуальду. Пусть дальше рассказывает.

— Ну так вот. Она уехала, я занялся делами. Дописал тот пейзаж, с башней и коровами, помузицировал: размял пальцы, кстати сочинил песенку о поездках к святыням. Комическую. Если хочешь, тебе спою.

— Не надо. Это потом. Дальше, дальше...

Князь надул свои красивые, вырезанные в форме эльфийского лука губы:

— Ну, если тебе неинтересна моя песенка...

— Мне очень интересно, но это не ко времени. Сейчас ночь. Завтра споешь. А пока расскажи про Азильду. Когда и как ты узнал, что она сбежала?

— погоди. Значит, обедал я без нее прямо в мастерской. Ужинал... Ужинал в столовой опять же один. Почему тебя не было?

Дамиан вздохнул:

— В деревне Комарики паводком смыло мост, пришлось тащиться в объезд... Я опоздал

к ужину часа на два.

Не рассказывать же князю, что он засел в харчевне этих самых Комариков и просидел там битых три часа, чтобы не встречаться за столом с госпожой княгиней. Откуда ему знать, что она в отъезде?

Ромуальд согласно кивнул. Он ценил своего советника, который десять лет назад пришел сюда и снял с него заботу об управлении княжеством, которая очень тяготила молодого князя. Он не был для этого создан. Будь у него братья, он отрекся бы от престола и посадил на него любимого родственника, а сам уехал бы из этой дыры в прекрасную Элидиану и занимался бы там искусством. Но единственному сыну своих родителей некому было передать власть.

Какое счастье, что нашелся Дамиан: умный, толковый, а главное честный. Без него княжество уже давно слопали бы соседи, а Ромуальд пошел бы по миру. В принципе можно было присоединить Амондиран к Империи, на что ему регулярно намекал имперский посол граф Даригон, но у Ромуальда, кроме любви к искусству, было еще и обостренное чувство чести. Оно не позволяло так нагло пренебречь наследием предков.

До сих пор его правая рука, советник Дамиан Оран ле Сиртажель, поддерживал его и помогал сохранить суверенитет..

Сейчас он должен будет сказать верному Дамиану кое-что такое, что расстроит его друга. Поэтому он мямлил и тянул.

— Понятно, ты застрял в этих, как их, Комариках... Ну и нелепое название! А я ужинал в одиночестве. Азильда не вернулась их храма. Я и не удивился особо: дорога дальняя. Она могла заночевать в храмовой гостинице или проехать еще несколько лиг и устроиться в нашей резиденции при ратуше в Нидоре.

Разумно, Дамиан и сам так же подумал.

— А потом я пошел спать. Лег не сразу. Сначала читал за столом, потом мне кое-что пришло в голову и я пошел в мастерскую... Взял лютню... В общем, в спальню я вернулся меньше часа назад. Еще ванну принял... Потом лег и чувствую: что-то шуршит. Бумажка какая-то. Я ее достал, прочитал... И побежал сразу к тебе. Боялся, что ты спишь, не хотел будить, но когда увидел свет из-под двери...

Эх, надо было раньше его гасить да спать ложиться! Азильда убежала, с этим теперь ничего не сделаешь, но этот разговор мог подождать до утра. Какая теперь разница! Надо под любым предлогом отвести Ромуальда в спальню и уложить. Пусть поспит и придет в себя. Кстати, предлог есть и преотличный!

Дамиан похлопал друга по плечу, успокаивая:

— Не переживай так сильно! Все образуется. Утро вечера мудренее. Сейчас пойдем, я тебя в спальню провожу. Заодно гляну на записку Азильды. Может, ты что-то не так понял.

— По — твоему я совсем дурак? — обиделся Ромуальд.

— Причем тут это? Ты просто в расстроенных чувствах, а в таком состоянии все воспринимается не так, как нужно. Все видится в черном свете.

Говоря это, он осторожно увлек друга в коридор и повел в сторону его покоев.

— Поспишь, отдохнешь, а завтра будем думать, что делать. Думаю, несчастье не так велико, как тебе кажется...

Этого говорить не стоило. Князь вдруг вырвался из его рук, повернулся к нему лицом и чуть ли не впервые в жизни заорал, не выбирая выражений:

— Ты что, дурак или издеваешься?! Ты ничего не понял?! Да срать я хотел на Азильду!

Сбежала — туда ей и дорога! Эта сучка такое сотворила! Такое! Уперла с собой все женские княжеские регалии! Это конец! Понимаешь? Конец! Мне теперь ни жениться, ни наследника завести!

Дамиан так и сел. Это действительно была катастрофа.

* * *

Уговорить князя лечь поспать хоть с трудом, но все же удалось. Дамиан грешным делом подлили тому в вино несколько капель снотворного и затолкал сразу поплывшего Ромуальда под одеяло. Он же забрал с собой послание Азильды. Прочитать его собирался только утром: нечего себе здоровый сон портить.

Проснулся ближе к полудню, выяснил, что князь еще не вставал, и занялся делом. На этот раз отчетам хозяйств, счетам и накладным пришлось подождать. Появилась более насущная задача: как вытащить Ромуальда из той задницы, в которую его отправила жена.

Первым делом нужно было предотвратить сплетни и слухи. Пока ничего не ясно, лучше, если будет считаться, что Азильда не сбежала, а отправилась в храм на богомолье. Для этого Дамиан отправился в главный рассадник всех сплетен в замке: на кухню. Ему повезло. Кроме главной кухарки Мины и парочки любопытных поварят, там сидел дворецкий, то есть тот, от кого новости узнают все слуги и разнесут по городу.

Посетовав на то, что вчера зачитался до глубокой ночи и поэтому проспал завтрак, Дамиан получил от Мины кучу разных вкусностей и сел за один стол с дворецким. В замке его любили за то, что он не стыдился разделить трапезу с теми, кто стоит на общественной лестнице гораздо ниже него. При этом панибратства Дамиан не допускал, за что его уважали. Ему же это позволяло быть в курсе всех внутренних дел и зачастую предотвращать неприятности, которые иначе бы непременно случились.

Вот и на этот раз он для начала похвалил тыквенную запеканку, а затем почти прямо перешел к делу. Дворецкий ему помог, потому что заинтересовался, вернется ли княгиня к ужину.

— Боюсь, Лагиш, мы не увидим ее теперь целую декаду. Ее Светлость госпожа Азильда решила ее провести в молитвах Доброй Матери.

Мина влезла в разговор, который показался ей интересным.

— О даровании наследника?

— Что? — «не расслышал» ее Дамиан.

Ему было нужно, чтобы женщина сама создала миф и сама в него уверовала. Тогда в эту новость поверят все.

— Ну как же, — растерялась Мина, — Ее Светлость уже пять лет не может забеременеть. Князь же может с ней развестись! Ясное дело, к Доброй Матери она поехала ради наследника! Я бы на ее месте так и поступила. Говорят, кто в этом храме от души молится, тому богиня дает детей. Вот у моей соседки дочка... Четыре года родить не могла, а разок сходила на богомолье и уже третьего с тех пор принесла.

Дворецкий тоже вспомнил подобные истории и они с Миной захлеб стали обсуждать эффективность паломничества к знаменитому храму. Поварята наострили уши: им не разрешалось вмешиваться в беседу, но никто не запрещал слушать.

Советник доел, поблагодарил и ушел. Дело сделано. Семена брошены, не надо мешать

им прорасти.

Затем Дамиан вернулся к себе и ознакомился с запиской Азильды. Бывшая княгиня была на удивление лаконична.

«Вы испортили мне жизнь, я больше не могу быть вашей женой, прощайте навсегда. Не надо меня искать, я не вернусь. Азильда Гермина Регианор Амондиран.»

Дамиана удивило, что она поставила впереди свою девичью фамилию безо всяких добавлений. Во — первых, после брака с князем дамочка не должна была им пользоваться. Но даже если бы они с Ромуальдом развелись и она утратила бы права на имя мужа, все равно название графства ее отца не могло служить ей фамилией. Азильде полагалась ставить перед ним частицу «ле», которая показывала, что никаких прав на домен Регианор у нее нет.

У самого Дамиана такая частица была. Младший сын графа Сиртажеля от второй жень не мог ни на что претендовать. После смерти отца, который неплохо относился к младшему, а потому бесправному сыну, Дамиан получил в наследство только драгоценности матери, и то не все, а те, что принадлежали ей в девицах. Потому и подался в чужие края, нанялся работать советником у князя: дома ему ничего не светило. Разве что миску супа налили бы из милости. Хорошо еще, что отец, пока был жив, успел дать сыну хорошее образование, а он положил все силы, чтобы его получить.

Зато теперь он ни с кем и ничем не связан. Если завтра по какой-либо причине он лишится места в Амондиране, есть желающие заполучить себе такого ценного советника: знающего, опытного и честного.

А на вот что рассчитывает Азильда? На что она надеется, называя себя так, как будто она все еще княгиня Амондирана и в то же время полноправная графиня, наследница земель своего отца? Там, кажется, еще трое сыновей было. Или что-то ей что-то несбыточное обещал, а она по дуруости поверила?

В любом случае это очень плохо. Опасно.

Еще вопрос: что там с регалиями? Они же, кажется, не просто символы, а еще и сильные артефакты?

В магических делах Дамиан разбирался плохо, поэтому решил призвать для консультации специалиста.

Придворный маг Амондирана Стефан Гелфинд вставал рано, но его еще надо было выманить из башни, где он оборудовал себе лабораторию. Слуга три раза ходил его звать, но безрезультатно. Наконец, когда Дамиан уже терял терпение, Стефан появился. Как всегда: мантия заляпана, манжет обгорел, из кармана что-то вроде крысиного хвоста высовывается.

Гелфинд был не на шутку увлечен оставлением эликсиров и мечтал об академической карьере. Но то ли таланта боги не дали, то ли сильной руки где надо не было, а в месте на кафедре зельеварения ему было отказано, причем сразу в трех магических высших учебных заведениях.

Он прибил к княжескому двору, благо родом отсюда, и магичил помаленьку: подпитывал охранные заклинания и магическое освещение, устраивал на праздники иллюзии для народа, травил крыс и мышей и варил зелья привлекательности для девиц. Взял его сюда еще придворный маг предыдущего князя, на редкость вредный и занудливый старичок, который недостаток магических сил компенсировал опытом.

У Стефана не было этого преимущества, ни силой, ни опытом он похвастаться не мог, зато и характер имел покладистый. После смерти старого мага он просто унаследовал его должность, потому что Ромуальд не захотел искать на это место никого другого.

Если бы они жили не в княжестве, а в родной Дамиану Элидиане, то пост старичка занял бы маг гораздо более высокой квалификации, а Стефан так и остался бы его помощником. Но в Амондиране с магами было туго.

Те, кто рождался с даром, отправлялись учиться в дальние края и очень редко возвращались, особенно если что-то из себя представляли. Гелфинд и вернулся только потому, что нигде не смог пристроиться получше.

Дамиан не ждал от него большой пользы, но кое — какой информацией все же надеялся разжиться.

Как выяснилось, о бегстве Азильды Стефан еще не знал. Да он этой стервой и не интересовался. Терпеть ее не мог. Тонула бы в болоте — палкой бы ткнул, чтоб не вылезла. Примерно это он сказал, когда Дамиан спросил, не слышал ли маг чего о сиятельной княгине.

Тогда советник решил зайти с другого конца. Попросил описать парные княжеские регалии. Гелфинд признался, что в артефакторике он нуль без палочки, может только сказать, что женская часть княжеских украшений соответствует таким же мужским и связана с ними. Это кольцо и венец.

Что-то из этих двух предметов имеет символическую и защитную функции, он предполагает, что это венец, а что-то отвечает за рождение здорового наследника. Это, скорее всего, кольцо.

Нашелся эксперт. Это Дамиан знал и без мага. Ему хотелось понять, чем княжеству грозит утрата этих двух предметов, но как раз тут информированность Стефана заканчивалась.

Когда Дамиан попытался добыть из Гелфинда еще хоть какие-то подробности, в его кабинет вошел Ромуальд. Снотворное помогло ему хорошо выспаться, но дало некоторые побочные эффекты. Сейчас он зевал и никак не мог сосредоточиться. Зато и паники больше не было. Эмоции больше не захлестывали князя и он, пусть медленно, но соображал.

— Вы тут о чем? О кольце княгини? Да кого ты спрашиваешь? Я и то лучше знаю. Кстати, насчет венца можете расслабиться. Я его нашел в шкафу под бельем. Азильда додумалась запихнуть ценный артефакт в ящик с панталонами! Думала там от меня спрятать, дура!

Дамиан не дал себя отвлечь.

— А где он теперь?

— Где и положено: в сокровищнице рода.

— Ну, хоть что-то хорошее. Но пока так и не ясно насчет кольца. Что оно делает и чем грозит его потеря?

На этот вопрос Ромуальд смог ответить гораздо лучше своего мага.

— Кольцо брачное, надевается в храме во время обряда соединения жизни. Артефакт сильный, но это не brasлеты магов. Снять его не проблема.

Маг тут же понял, что с госпожой не все в порядке и тихонько поинтересовался у Дамиана, что с Азильдой. Узнав, что она сбежала и утащила родовое кольцо, все понял и подсказал:

— Его Светлость хочет сказать, что развод возможен. Например, пятилетний бесплодный брак — отличный повод.

— Ага, — подтвердил Ромуальд, — Но есть одно «но»: снять его с пальца Азильды может только она сама. В смысле, чтобы развестись, требуется ее добровольное согласие и

проведение небольшого обряда. — Ну, это побочные эффекты, — выразил свое мнение советник, — А смысл самого артефакта в чем?

— Пока он на руках супругов, у них не может быть детей от других, это раз, а во вторых... если бы Азильда вдруг забеременела, кольцо княгини хранило бы плод и облегчило бы роды. Вроде бы так... Но беда не в этом... Та, у которой наше родовое женское кольцо, является моей женой, пока добровольно его не снимет. И не важно, где она находится. Так что без этого кольца я не могу взять новую жену и зачать наследника.

Дамиан сразу все понял.

Полезная штучка и одновременно очень опасная. Если у Ромуальда не будет наследника, а лучше пары — тройки детишек, то после его смерти Амондиран присоединит тот, кто быстрее подсуетится. Скорее всего это будет Империя. Но Гремон и Сальвинию со счетов тоже сбрасывать не стоит.

Сбежавшая с главным «размножительным» артефактом князей Амондиранских Азильда льет воду на мельницу потенциальных захватчиков. Осталось угадать, кто ее сманил и чем прельстил. Сама бы она ни за что до этого не додумалась.

Но говорить об этом князю Дамиан не торопился. Сейчас нужно, чтобы Ромуальд послал за Азильдой агентов в погоню. Дамиан и сам бы с этим справился, если бы сбежавшая не была законной княгиней. Тут секретная служба послушается только лично князя.

Он прекрасно отдавал себе отчет: поймать Азильду скорее всего не удастся, она уже давно должна была выбраться с территории княжества, Тем не менее проследить необходимо, хотя бы чтобы знать, где потом выцарапывать обратно княжеский артефакт. И не стоит питать иллюзий: наверняка она поехала не туда, куда сказала. Несмотря на это в сторону Нидора тоже нужно отправить людей: мало ли что.

С другой стороны, чем меньше народу будут знать, что княгиня сбежала и чем позже это откроется, тем лучше. Послать сейчас даже самых тайных из всех секретных агентов значило оповестить о несчастье Ромуальда собственное население и все окрестные страны. А это не в интересах Амондирана. Может, проблему удастся решить келейно, а затем объявить народу, что брак расторгнут из-за бесплодия супруги.

Тут вдруг здравую идею подал маг:

— У госпожи княгини с собой родовой артефакт, значит, ее можно по нему отследить и узнать, куда она отправилась.

Князь и советник как по команде повернулись к нему:

— Ты можешь это сделать?

Стефан замялся.

— Ну, я, в общем, могу, но... Не знаю... Не уверен... Никогда этого не делал. Но у меня есть идея! Надо нанять специалиста! Подождите меня!

И с этими словами он вылетел из комнаты. Мужчины переглянулись.

— По — твоему с ним все в порядке? — поинтересовался Ромуальд.

— Не уверен, но... Подождем. Он сейчас вернется и все расскажет. Стефан далеко не дурак и идеи у него бывают весьма плодотворные.

Маг вернулся подозрительно быстро, на лице его играла самодовольная улыбочка. Он достал из кармана свернутую трубкой газету и развернул ее на последней странице, где печатались объявления о сведении мозолей и прыщей, наращивании волос и ногтей, уничтожении крыс, мышей и тараканов, а также о прочих мелких целительских и

магических услугах. Ткнул пальцем в несколько строк жирным шрифтом в рамочке и гордо произнес:

— Вот! То, что нам нужно!

Дамиан вытащил из его рук газету и прочитал вслух:

— Маг — артефактор высшей категории, магистр Э. Кавериско изготовит амулет любой сложности по вашему заказу. Консультации. Обращаться в лавку Торниля на улице Цветущей Жимолости.

Усвоив содержание объявления, советник пожал плечами, фыркнул и спросил с сарказмом:

— И что это такое? Какие, по — твоему, амулеты нам следует изготовить?

Стефан аж покраснел от возмущения тупостью своих работодателей.

— Вы что, не поняли? Это знаменитый магистр артефакторики господин Кавериско! Я о нем еще в Университете слышал! Он учебник написал! Если есть то, чего он не знает об артефактах, того и знать незачем! Такая величина! Представляете?! Он дает консультации прямо в нашей Ардене! Это объявление появилось на прошлой декаде. Я когда прочитал, просто не мог поверить. Проверил: оказалось, все так и есть. Если у нас проблема с артефактом, то к кому и обращаться, если не к нему!

Ромуальд, молча наблюдавший всю сцену, промолвил, грустно свесив голову набок:

— Он где-то прав. Отец всегда говорил: специальные вопросы должны решать специалисты. Надо пригласить сюда этого Кавериско и взять с него клятву о неразглашении.

Дамиан замотал головой.

— Если мы пошлем за ним кого-то постороннего, об этом обязательно станет известно. Придется действовать самим. Я лично съезжу в лавку Торниля и договорюсь о консультации.

— Под личиной? — поинтересовался маг.

Стефан в принципе мог сделать личину, но выходило у него это всегда так криво, что нечто подобное можно было использовать без опасности разоблачения только под покровом темноты. Дамиану Это было прекрасно известно, поэтому он отклонил предложение мага:

— Зачем? Просто загримируюсь, приклею усы, бородку, и вместо придворного надену костюм богатого горожанина. Никто внимания не обратит. Приглашать этого Кавериско в замок тоже не следует. Он же где-то дает эти свои консультации? Ну вот, туда и отправимся.

Идея театрализованной вылазки пришлась князю по душе. Он лично соблаговолил заняться гримом и костюмом своего доверенного друга. Сразу после обеда Дамиан выскользнул из замка через тайный ход, на ратушной площади нанял экипаж и поехал на улицу Цветущей Жимолости.

* * *

Никакой жимолости там и в помине не было. Один серый камень повсюду. Из растительности, тем более цветущей, можно было назвать только герань в горшках, произрастающую почти на каждом окне.

На этой улице в каждом доме был магазинчик и продавались в них отнюдь не хлеб и не фураж. Здесь торговали предметами роскоши, дорогими тканями, картинами и скульптурами, драгоценностями, заморскими винами и прочим в этом духе.

Лавку Торниля Дамиан нашел без проблем. На черной лакированной вывеске золотыми

буквами значилось: «Торниль, ювелир. Драгоценности и амулеты на все случаи жизни». Советник толкнул дверь и вошел. Мелодичный звон колокольчика возвестил о его появлении продавцу, который сразу оценил платежеспособность клиента и поспешил ему навстречу.

— Что угодно господину?

— Мне нужен магистр — артефактор Кавериско. В газете я прочел, что могу обратиться в вашу лавку.

Продавец кланялся, не переставая.

— Все верно, уважаемый господин. Вы хотите что-то заказать? Тогда прошу сюда...

Он провел Дамиана в комнату за торговым залом, где уже ожидал сам Торниль, солидный сухощавый господин средних лет в дорогом, но практичном костюме, прикрытом фартуком со множеством кармашков и в нарукавниках. Он принял посетителя с большим достоинством.

Здесь было неожиданно просторно и уютно: ювелир даже в рабочей обстановке не хотел себя ни в чем ущемлять. Усадив потенциального заказчика в кресло, он достал толстую тетрадь, переплетенную в черную кожу, и, раскрыв на пустой странице, протянул ее советнику:

— Если вы хотите заказать амулет с определенными свойствами, напишите своей рукой все пожелания вот сюда. Еще прошу сообщить, как с вами можно связаться. Магистр либо выполнит ваш заказ в течение декады, либо пригласит вас, чтобы обсудить, что именно он может вам предложить.

Тот рукой отвел тетрадь в сторону.

— В объявлении было сказано: консультации. Мне нужна личная консультация магистра Кавериско. О чем именно, я смогу сказать только ему.

Слова Дамиана явно разочаровали ювелира. Он уже видел, как продает богатому посетителю свои изделия под амулеты, и вот сорвалось. От консультаций же ему доход небольшой.

— Если вам нужна консультация, то приходите через три дня в полдень. Я вас сейчас запишу, а магистр примет.

— Не пойдет, — сказал советник, выкладывая на стол золотой, — Консультация мне нужна срочно: сегодня, в крайнем случае завтра.

На столе оказалась еще одна полновесная монета.

— Но ни сегодня, ни завтра я с магистром просто не увижусь! — вскричал расстроенный Торниль.

Золотые ему очень нравились, но делиться ценной информацией он не хотел, желая пользоваться доходом, который давало это знание, в одиночку. Дамиан усилил нажим.

— Я здесь проездом из Сальвинии в Гремон, вчера приехал, завтра уезжаю, так что ждать не могу. А дело для меня очень важное, можно сказать вопрос жизни и смерти. Специально заехал в Амондиран, чтобы посоветоваться с Кавериско. Ну, так я могу рассчитывать получить от вас адрес уважаемого магистра?

Ювелиру стало ясно, что, во — первых, с этого посетителя особых денег не стрясеешь: покупать он явно ничего не собирается, а во — вторых он безопасен: раскрыть его прибыльную тайну просто не успеет. Лицо незнакомое, значит, скорее всего не врет. Здесь, в маленьком княжестве и его крохотной столице все знали друг друга если не по имени, то в лицо. И он решил сдаться на третьей монете, которая не замедлила зазвенеть на столе.

Торниль сделал вид что готов отойти от строгих указаний, которые ему дал маг —

артефактор. Пусть магистр не хотел никого принимать у себя и строго — настрого запретил давать кому-либо свой адрес, но чего не сделаешь для щедрого клиента. Когда на стол упал третий золотой, ювелир, выдрав из тетради листок, написал на нем адрес «Садовая, 15» и протянул упрямому посетителю..

Дамиан тут же поднялся, сунул листок в карман и вышел. Ювелир явно пытался что-то ему сказать, но никак не мог решиться и в конце концов промолчал.

А, — подумал он, — в конце концов увидит сам.

* * *

Выйдя от Торниля, советник направился обратно во дворец. Первым побуждением его было броситься на эту Садовую, но идти на встречу с артефактором без подготовки было глупо. Он может захотеть осмотреть парный артефакт или задать вопрос, ответ на который Дамиану попросту неизвестен. Уж если идти, то вдвоем с Ромуальдом, а лучше втроем. Стефана обязательно надо взять с собой. Во — первых, маг проследит, чтобы магическая клятва была дана как следует, а во — вторых и сам окажется там, где не сможет ничего разболтать.

В результате этих размышлений Дамиан вернулся в замок, где его с нетерпением ждали.

— Ну что?! — встретил его вопросом князь, — Видел этого Кавериско? Как он тебе?

— Не видел, — отозвался советник, — Зато теперь знаю, где он живет. Как, поедем сейчас или подождем до утра?

Ромуальд пропустил вопрос мимо ушей, зато заинтересовался адресом:

— Ну, и где поселился этот знаменитый маг?

— Вот, — ответил Дамиан, доставая листок из кармана, — Садовая, пятнадцать.

— Понятия не имею, где это, — пожал плечами князь, — Кажется, таких пошлых названий в моей столице нет.

— Это в предместье, — вдруг отозвался из угла Стефан, — Если выехать за стены по Западной дороге, то слева будут такие домики... Коттеджи для людей среднего достатка. Там всего три улицы: Садовая, Огородная и Цветочная. У меня на Цветочной двоюродная сестра с мужем живут, потому и знаю.

Почему-то весть о том, что чудо — маг живет в предместье среди небогатых людей, сильно расхолодила князя. Ему почему-то мерещилось, что знаменитый маг должен был нанять себе роскошный дом в самом центре, а не ютиться на задворках.

Если бы ради этого надо было тащиться через всю столицу, то поездку бы отложили на завтра. Но Западная дорога начиналась практически у самого замка. Ехать пришлось бы не более двадцати минут. Поэтому Ромуальд недовольно скомандовал:

— Одеваемся как простые горожане и на выход. До заката еще далеко, успеем съездить. Я хочу уже сегодня начать поиски Азильды.

Он готов был приказать запрягать карету. Дамиану с трудом удалось его уговорить не светить своим величием на всю столицу. Как потом объяснять гражданам зачем князь ездил в предместье?

Пришлось напомнить о маскараде. Скрывать свою красоту Ромуальд не любил, но ради дела согласился слегка загримироваться, прилепить усы и бороду и надеть затрапезный костюм богатого лавочника. Потратив на это почти час, все трое наконец выбрались из

замка и, поймав очередного извозчика, поехали на Садовую улицу.

Эта часть предместий отличалась благополучием. Люди здесь жили не богатые, но и не бедные. Здесь редко случались происшествия, преступления были чем-то, о чем читают в газетах. Полиция сюда наведывалась редко, хотя среди ее старших чинов многие имели тут домик, свой или родственников.

Небольшие, выкрашенные в яркие цвета коттеджи стояли в окружении садов и огородов, так что названия улиц пришились как нельзя впору. Владения разных хозяев друг от друга и от дороги отделяла аккуратно подстриженная живая изгородь, на которой только распустились ярко — зеленые листочки. Кое — где в нее были вставлены калитки, на которых красовались номера домов.

В этот час на Садовой улице было пустынно: ни прохожих, ни проезжих. Во дворах вокруг домиков не видно было жителей и вообще стояла неестественная тишина: даже собаки не лаяли.

Дом пятнадцать по Садовой улице полностью зарос девичьим виноградом, на котором начали раскрываться пятипалые листья. Через кусты живой изгороди, еще не полностью покрывшиеся листвой, хорошо просматривался участок. Он был ухожен, но не чрезмерно. От калитки к крыльцу вела дорожка, окаймленная той самой жимолостью, которой не нашлось на одноименной улице.

Ближе к дому располагался огород, в котором кто-то копался. Кверху торчала круглая и довольно обширная попа, обтянутая чем-то грязно — коричневым.

Дамиан заплатил извозчику, подождал, пока тот отъедет подальше, а затем окликнул огородника:

— Эй уважаемый, это дом магистра Кавериско?

Человек поднялся и стало видно, что это женщина в просторных рабочих мужских штанах и с замотанной платком головой. Испачканное в земле лицо не давало разглядеть, молода она или стара, хороша собой или уродлива. Она звонко крикнула:

— Вы к магистру? Проходите в дом. Дверь не заперта.

Сама же не вернулась к работе, а побрела куда-то вокруг строения. Дамиан предположил, что это служанка. Похоже, она собралась предупредить хозяина о гостях.

Если магистр Кавериско так старательно избегал незапланированных встреч с возможными клиентами, то не выяснится ли сейчас, что его нет дома? С другой стороны, они уже пришли и обратно без консультации не уйдут. Будут дожидаться его хоть до ночи.

Дверь действительно была не заперта. Мужчины вошли в большую, добротную и красиво обставленную комнату. Центральное место в ней занимал большой дубовый стол, вокруг которого были расставлены то ли стулья, то ли кресла.

Никто не решился сразу сесть, даже князь. Зато все рассредоточились по помещению. Ромуальд остановился у камина и рассматривал стоящие на нем безделушки, Стефана привлекли наваленные на столике у дивана книги, Дамиан же подошел к окну и не пожалел об этом. Тяжелые шторы не были задернуты и открывали отличный вид на огород и соседний дом.

Вот его дверь распахнулась и из нее на крыльцо вышла женщина. У Дамиана аж дыхание перехватило, как она была хороша!

Конечно, издали он не мог разглядеть подробностей, но ее тонкая, стройная фигура, посадка головы, изящество движений были пленительны, как все совершенное. Женщина спустилась со ступенек, присела протянула руку вперед и погладила вышедшего из-за кустов

кота. Затем поднялась, поманила животное за собой и снова ушла в дом. Дамиан продолжал стоять и смотреть в надежде, что она выйдет снова.

С того самого момента как он увидел соседку Кавериско, эта поездка предстала совсем в другом свете. Даже если визит к магистру закончится ничем, он узнал, где живет самая прекрасная женщина в этом княжестве, а это чего-нибудь да стоит. После смерти Тессы он не вступал в долгосрочные отношения ни с кем, довольствуясь мимолетными ласками служанок в трактирах. Пора закрыть эту страницу своей жизни и начать следующую. Да, и неплохо выяснить, как зовут чудное виденье. Хотя... Адрес ему уже известен, а в регистрационной книге можно будет посмотреть имя.

Его мечты грубо прервало появление совсем другой женщины. Из внутренней части дома в гостиную вошла невысокая, плотная молодая дама в шоколадной мантии мага — артефактора и обратилась к мужчинам:

— Вы пришли по поводу консультации? Я магистр Эммелина Кавериско. Прошу.

Она указала на стулья, стоявшие вокруг стола и первая заняла свое место.

* * *

Князь и его спутники не сразу смогли опомниться. Как-то слишком внезапно уважаемый магистр, которого каждый представлял себе представительным пожилым мужчиной, превратился в молодую женщину. Первым взял себя в руки, как ни странно, Стефан. Сказал, правда, не то, что диктовали приличия. Этот непосредственный осел заявил прямо:

— Уважаемая, вы точно магистр Кавериско? Когда я учился в Элидиане, то слышал это имя. Тогда, помнится, его носил мужчина в годах. А вы такая молодая, да еще женщина...

У Дамиана вертелся на языке тот же вопрос, но ему было неловко выразить недоверие. Стефан выразил всеобщие опасения и этим, казалось, снял со всех тяжкую обязанность. Напрягшийся было Ромуальд вдруг расслабился. Он хотел сказать те же слова, но боялся обидеть даму, а тут его подчиненный взял это на себя.

Женщина хихикнула дробным невеселым смешком.

— Думаете, я нахально пользуюсь чужим именем? Ничуть не бывало. Могу диплом магистра показать. А насчет того, о ком вы слышали... Вы, должно быть, имеете в виду моего... ммм... покойного мужа. Только он был не Э, а Г. Кавериско. Его звали Герард.

По ходу дела она достала из ящика стола папку из тисненой кожи и протянула Стефану. То открыл и удовлетворенно закивал головой. Диплом или что там у нее лежало, явно был в полном порядке.

Пока она демонстрировала свои документы, а их разглядывал, советник изучал магистра Кавериско. Круглые щеки, небольшие улыбочивые глаза, вздернутый, приперченный веснушками нос, пухлые губы... Такие лица он привык встречать не во дворцах, а в деревнях. Вот только взгляд: спокойный, пронизательный и полный достоинства говорил, что это не простая селянка. А вообще магистр Кавериско производила приятное впечатление. Как ни странно, при полном отсутствии красоты, на ее лицо хотелось смотреть, такие от него шли спокойствие и уверенность.

Слушая ее голос, Дамиан вдруг понял, что та нелепая служанка в огороде и сидящая перед ними магичка — одно лицо. Непонятно это, воля ваша. Если эта дамочка —

выдающийся артефактор, то почему сама в огороде копается, а не наймет, например, садовника?

Но вслух он сказал другое.

— Уважаемая, у нас к вам очень важное дело. Если вы действительно магистр — артефактор, надеюсь, вы сможете нам помочь. Но дело это тайное и не терпит огласки.

Она вскинула на него проницательный взгляд:

— Если вы хотите, чтобы я принесла клятву молчания, то предупреждаю: вам предварительно придется поклясться, что вы не собираетесь требовать от меня чего-то незаконного.

Дамиану ее опасения были понятны: пришли трое неизвестных, на лицах грим, фальшивые усы и бороды, и эти странные типы хотят срочных и тайных услуг... В том, что магичка раскусила их маскарад, он не сомневался: глазастая. Но он боялся, что ее требование может оскорбить Ромуальда.

Напрасно. Он никогда не мог предсказать реакции своего работодателя в той или иной ситуации, особенно если дело касалось чувств. Молчавший до этой поры князь вдруг бесшабашно заявил:

— Не волнуйтесь, дражайшая. Мы ничего незаконного от вас не потребуем, клянусь богами! Напротив, все только ради торжества закона и порядка.

Женщина улыбнулась и кивнула. Кажется, она приняла слова Ромуальда за клятву и вполне ею удовлетворилась.

— Хорошо, теперь моя очередь. Клянусь, что ни одно сказанное здесь слово не перейдет за порог этой комнаты.

Дамиан ждал какого-то обряда, но вдруг напряженный, вцепившийся в свое сиденье Стефан расслабился и подтвердил:

— Клятва принята. Можем начинать разговор по существу.

Затем оглядел своих спутников и представил их:

— Госпожа Кавериско, перед вами полноправный владелец здешних земель Его Светлость Ромуальд Лериан князь Амондиранский, его первый советник Дамиан Оран ле Сиртажель, а я — придворный маг Стефан Гелфинд.

Женщина привстала со своего кресла и поклонилась важным гостям с непередаваемым достоинством, а затем тихо рассмеялась и пробормотала себе под нос:

— Все было так прозрачно, могла бы и догадаться...

Затем произнесла громко, обращаясь ко всем троим:.

— Да уж, господа, примите мои извинения. Вряд ли вы могли предложить мне совершить что-то противозаконное. Чем могу быть вам полезна?

Маг тут же отодвинулся в тень, князь тоже не выказал желания рассказать про свои злоключения, поэтому Дамиану пришлось брать все на себя. «Как обычно», — отметил он в уме. Излагать подробности он не собирался, пусть Ромуальд, если захочет, сам рассказывает историю своего неудачного брака. Советник же ограничился фразой, обрисовывающей ситуацию в общих чертах.

— Уважаемая госпожа магистр, у Его Светлости похитили важный артефакт, один из пары. Мы хотели бы его найти. Это возможно?

Женщина вдруг забавно наморщила носик.

— Важный артефакт? Один из пары... Парные артефакты власти... Это может быть венец и брачное кольцо. Что именно у вас украли? От этого зависит метод поиска.

Стефан смотрел на нее, как на оракула, изрекающего мудрость. Дамиан мялся. Сказать, что кольцо украдено, он не мог: оно по праву принадлежало Азильде. Жаловаться на нее мог лишь муж. Поэтому советник в упор уставился на князя. Тот поначалу потупился и надул губы, не желая вводить совершенно постороннюю женщину в суть своих трудностей, но воцарившееся молчание его тяготило. Поэтому он вдруг потрянул головой так, что наклеенные усы отвалились. Ромуальд схватил их и сунул в карман, затем платком стер с лица остальную грим и заговорил.

— Понимаете, магистр, я не могу сказать, что кольцо было похищено. Все гораздо хуже. Умоляю, не смейтесь. Это ужасно. От меня сбежала жена.

Но магичка и не думала смеяться. Она смотрела на Ромуальда спокойно и участливо. Это решило дело. Он открыл рот и вскоре магистр знала о деле столько же, сколько и Дамиан.

В принципе, обо всем можно было поведать и за пять минут, но возбужденный и расстроенный Ромуальд внес в рассказ столько эмоций и красочных отступлений, что растянул его более чем на полчаса.

Дамиан в это время наблюдал за женщиной. Рассматривал ее, изучал реакции и размышлял...

Еще раз отметил, что внешность у Эммелины Кавериско была самая затрапезная. Невысокий рост, приятное, но обычное лицо, фигура, как будто состоящая из шариков разной величины... По сути только волосы были хороши: густые, блестящие, они скручены были в большой, тяжелый узел на затылке, а на висках и на шее выбивались из прически в виде пушистых кудряшек.

Такие женщины часто встречаются среди простонародья: круглолицые, аппетитные пышки с рыжеватыми волосами и глазами цвета незрелого лесного ореха. Их много среди кухарок и трактирных служанок.

Если бы Дамиан встретил такую на постоялом дворе, то позвал бы греть себе постель, а утром щедро расплатился бы и забыл о ее существовании. Но сейчас перед ним была отнюдь не служанка, а магистр магии. В этом не было ни малейшего сомнения. Чтобы понять это, не нужно было разглядывать предъявленные ею дипломы и аттестаты. Достаточно было посмотреть, как она разговаривает с князем. Как равная с равным, а иногда и как мать с неразумным дитятей.

Она ловко вела беседу, не позволяя князю увлечься излишними чувствами, и старательно добывала из его речи информацию о княжеских кольцах. Переспрашивала, задавала уточняющие вопросы, перефразировала слова Ромуальда и возвращала ему для подтверждения, в общем, искусно применяла все приемы, которые в свое время Дамиан изучал в университете в курсе «ведение переговоров».

Под конец попросила показать кольцо. То, второе, парное. Князь снял перчатку и хотел уже свинтить перстень с пальца, но магичка его остановила.

— Не надо, Ваша Светлость, не торопитесь. Сейчас я лучше посмотрю прямо на вашей руке.

И неожиданно цапнула Ромуальда за кисть, так, что он вздрогнул. Поднесла княжескую руку к глазам, в один из которых неизвестно как оказался вставлен окуляр, какой обычно используют часовщики и ювелиры, покрутила кольцо прямо на пальце. Затем вытащила откуда-то металлическую пластину размером в полторы мужских ладони, исчерченную рунами и магическими фигурами, положила ее на стол, а руку Ромуальда пристроила сверху,

пробормотала какое-то заклинание... Пластина вспыхнула неприятным синем — лиловым светом, от которого все закрылись руками, а лишенный такой возможности князь зажмурил глаза.

— Потерпите, Ваша светлость, немного осталось, — постаралась успокоить его Эммелина, — сейчас еще с картой пробу сделаем, и я вас отпущу.

Дамиан хотел спросить, о какой карте речь, но вдруг заметил, что она уже лежит на столе: большая, подробная карта княжества и сопредельных земель. Масштаб был довольно мелкий, так что Ардена была нарисована не кругляшком, а распадалась на отдельные части.

Магичка недовольно хмыкнула, затем заметила:

— Эх, при таком масштабе мы только близлежащие земли можем посмотреть. Ну да ничего. Если ваша супруга не ушла порталом слишком далеко, мы ее найдем. По крайней мере направление будет ясно. Сможете послать своих ищеек.

Князь ничего не ответил, а магичка, покрутив его руку, расположила ее так, что кольцо оказалось прижато к плоскому, как монета, камешку, установленному в том месте, где они сейчас находились. Кругляш аккуратно прикрыл предместье с Садовой улицей.

Дамиан ждал, что сейчас князю придется пожертвовать кровью или прядью волос, но обошлось. Эммелина просто накрыла его руку своей, и запела, щелкая пальцами свободной руки в такт. Мелодия была странная, слова непонятные, так что ошибиться было трудно: еще одно заклинание.

От кольца во все стороны прыснули нити нежно — голубого света и покрыли паутиной все пространство карты, затем загорелся золотой огонек и начал метаться, нарезая все увеличивающиеся концентрические круги. Дамиан хотел что-то сказать, но не смог даже рта раскрыть, по его наблюдениям с Ромуальдом творилось то же самое.

Стефан, тихо сидевший в уголке, смотрел на женщину с плохо скрываемым восхищением. Кажется, он пытался повторить про себя ее заклинание, но у него ничего не выходило: у бедняги не было ни слуха, ни голоса, и даже чувство ритма весьма посредственное.

Золотой огонек кончил носиться кругами и замер почти у края карты.

— Ну вот, — спокойно резюмировала магичка, — нашли. Если карта не врет, она сейчас в крепости Стомбир.

— В Империи! — в один голос ахнули и Ромуальд, и Дамиан.

В сущности, этого и надо было ожидать. Кто мечтал присоединить Амондиран и прикладывал к этому больше всего усилий? Другие соседи тоже зарились, но по активности они с имперцами и рядом не стояли. Тем более такой коварный план мог придумать только первый советник императора хитроумный Элдар Вианор. Он любил действовать через женщин и чувства, у него даже в штате тайной службы состояли красавцы и красавицы для соблазнения лица обоего пола. С князем в свое время у него ничего не вышло, с Дамианом не получилось, так он через эту дурищу Азильду дотянулся!

Эммелина тем временем заговорила:

— Поиск стоит десять золотых. Еще я сняла с вашего перстня магический слепок для диагностики, это бонус. Если хотите, за отдельную плату можно лишить вашу супругу возможности физической измены. Ваши кольца дают такую возможность. Тогда она не только не сможет забеременеть от другого, она даже не сможет лечь с другим в постель. Жестоко, конечно, но зачем вам бастарды, которых магия колец признает за законных детей?

Хорошо, что Ромуальд сидел. Он распахнул свои прекрасные синие глаза и глупо шлепнул губами, как вытасченный из воды карась. Затем спросил робко:

— Как это возможно? Насколько я знаю, магия наших колец исключает...

— Исключала, — поправила его артефакторша, — Кто-то заблокировал эту функцию для княгини. Сейчас она может забеременеть от любого.

Она вытасила ту самую пластинку с рунами и сунула ее под нос князю. Сейчас часть значков тускло светилась синим, часть — желтым, часть — зеленым, некоторые сияли довольно ярко, некоторые светились еле — еле, а были и такие, которые остались просто черточками на металле. Магичка пояснила:

— Это простой анализатор парных артефактов, на который я сняла слепок. Вообще-то для вашего кольца стоило бы применить что-то более информативное, но пока и этого хватит. Если возникнут вопросы, подумаем, что можно сделать.

Она сунула пластинку под нос Ромуальду.

— Смотрите: здесь слепок возможностей вашего кольца и, как отражение, возможностей кольца вашей супруги. Синие имеют отношение к вашему кольцу, желтые — к ее. Зеленые — общие для обоих колец. Надо сказать, удивительный артефакт, настоящая древность. Теперь таких не делают. Мне редко встречаются изделия с таким множеством заложенных функций. К сожалению, большая их часть неактивна и на данном этапе активирована быть не может. Хотелось бы изучить поподробнее...

Непосредственный князь перебил Эммелину:

— А почему некоторые светятся ярче?

Она тяжело вздохнула и ответила:

— Потому что они активны. Смотрите: среди зеленых, то есть общих, таких всего три. Общая связь между парными артефактами, — она ткнула пальцем в самую яркую руну, — Ну, она всегда существует, если амулеты парные, потом связь жизни — результат вашего брачного обряда и принадлежность дому. Это, надеюсь, понятно. А вот верность и невозможность зачатия от другого вашей жене кто-то отключил.

Она ткнула пальчиком в две расположенные рядом руны, тускло светившие синим, и добавила:

— А вам, кстати, нет. Видите? Если бы они были активны у обоих, цвет был бы зеленым.

Затем спросила безразличным голосом:

— Ну как, будем активировать ей и отключать для вас? Это стоит пятьдесят золотых.

Она обратила внимание на то, как дернулся князь при упоминании стоимости и виновато развела руками:

— Цены не я устанавливаю. Валариэтан требует, чтобы магистры не оказывали услуги дешевле, чем по их прейскуранту. Если хотите, могу его показать. Там все честь по чести, с подписями и печатями.

Ромуальд отмахнулся, изображая, что разговор о деньгах ниже его достоинства. Действительно, не стоит трястись из-за лишней монетки, когда можно потерять все и немного больше. К тому же среди вольных княжеств Амондиран был чуть ли не самым богатым, так что заявленная сумма не проделала бы дыры в бюджете. Азильдины хотелки стоили много дороже.

Дамиан был уверен, что друг ухватится за предложение магички, но он гордо произнес:

— Нам надо посоветоваться.

Неужели Ромуальду вдруг стало жалко золота?

Эммелина кивнула и предложила:

— Посоветуйтесь, Ваша Светлость. Вам для этого надо во дворец или здесь будете размышлять?... Если здесь, то я пока вас оставлю, без моего присутствия вам будет свободнее. Обо мне не беспокойтесь. Выйду прогуляюсь, свежим воздухом подышу.

Дамиан перехватил растерянный взгляд своего господина и с улыбкой ответил магичке:

— Прогуляйтесь, уважаемая, если вас не затруднит. Нам потребуется минут двадцать.

Женщина встала, кивнула и направилась к входной двери. У нее обернулась и сообщила:

— Я вернусь через полчаса. Надеюсь, к этому времени вы примете решение.

Она явно хотела добавить что-то про десять золотых за поиск, но промолчала. Вместо этого быстро выскользнула наружу.

Дамиан встал, подошел к окну и осторожно выглянул во двор. Маленькая артефакторша коломбом катилась к тому самому дому, из которого выходила прекрасная богиня. Советник вдруг отметил, что между участками с этой стороны нет практически никакой преграды. Так, несколько кустов смородины, и все. От соседей с другой стороны, насколько ему запомнилось, двор Кавериско был отделен сплошной стеной очень колючего боярышника. Похоже, барышни плотно общались.

Подтверждение своих умозаключений он получил немедленно. Из своего дома вышла давешняя красавица и легким шагом подбежала к Эммелине. Они остановились на границе около особо развесистого куста смородины и о чем-то тихо заговорили.

Дамиан был бы рад знакомству с соседкой артефакторши, но признавал, что лучше бы сделать это в другой раз и при других обстоятельствах. Две беседующие женщины наводили на мысль о сплетнях, допустить которые было никак нельзя. Успокаивало только то, что проболтаться магичка не могла: клятва не позволяла.

Ромуальд между тем говорил, не обращаясь к кому-то конкретно:

— Я не очень понимаю, о чем она сейчас сказала? Какие такие функции у наших колец, кроме тех, о которых мне рассказывал дедушка? И... Я не понимаю, что она делает. Это настоящая магия или шарлатанство? Выглядело красиво, но насколько этому можно доверять?

Стефан подал голос из угла:

— Ваша Светлость, она не шарлатанка. За это я могу ручаться. Такая пластинка, то есть артефакт — определитель, был у нашего преподавателя. Конечно, она пользуется такими разделами магии, в которых я мало что смыслю, но поиск провела верно. Нестандартно, да. Я даже не сразу заклинание узнал. А потом понял: оно длинное и произноситься должно с определенным ритмическим рисунком, а магистр мелодию подходящую подобрала. Здорово, я бы не додумался. — То есть, — резюмировал на всякий случай советник, — Ты считаешь, что место, где укрылась княгиня, магистр Кавериско назвала правильно: крепость Стомбир.

Стефан обрадовался поддержке советника.

— Я уверен, она не ошиблась.

Дамиан, у которого артефакторша не вызвала подозрений, резюмировал:

— Тогда сегодня же пошлем туда людей, пусть проследят.

Затем сгреб ладонью собственный подбородок и продолжил:

— Но есть и другой вопрос: стоит ли тратить деньги на активацию того, о чем она говорила?

Он оглядел князя и мага, не сводивших с него глаз и ожидавших от него верного

решения, и веско уронил:

— Мое мнение: стоит.

Затем дал подробное обоснование, как и положено советнику:

— Пятьдесят золотых, конечно, немалые деньги, но если госпожа Азильда принесет в подоле, а княжеские регалии примут ее ублюдка за законного наследника... Лучше заплатить и спать спокойно. У меня, правда, нет при себе таких денег...

Кажется, именно недостаток средств и был для князя камнем преткновения. Как-то не подумал никто, что услуги мага такого уровня могут стоить настолько дорого.

— У меня с собой двадцать золотых, — буркнул Ромуальд, — Это кроме тех десяти, что мы ей уже должны.

Советник пошарил в карманах и вытащил кошелек.

— У меня тоже двадцать, я обычно не беру из дома больше.

— У меня пятнадцать, — пискнул Стефан, — Жалованье как раз позавчера было. Я могу десять вам одолжить.

Вид у него был не самый счастливый. Парень прикинул, что магистр Кавериско заработает за вечер шестьдесят золотых и вспомнил, что в месяц он получает ровно вдвое меньше. Ну так в этом и заключается разница между магом второго разряда и магистром.

Ромуальд вытащил из кармана бархатный кошель и вывалил деньги прямо на стол, остальные сделали то же. Отсчитав нужную сумму, князь ссыпал ее обратно, а остатки вернул магу, который смотрел на золото с грустью. Он понимал, что денежки к нему скоро вернуться, но все равно было жалко с ними расставаться. Бедный Стефан никогда не держал в руках больших сумм.

— Ну что ж, — суммировал Дамиан, — Пусть магистр возвращается, мы готовы.

* * *

Этот день Лина решила посвятить хозяйству, то есть заняться рассадой, которая грозила перерасти. Накануне поработала допоздна, выполнила все заказы Торниля, теперь можно и расслабиться, покопаться немного в земле.

Конечно, Амондиран — не ее родная благодатная Афросилая, где оглоблю посади — телега вырастет, климат здесь гораздо более суровый. Но почва достаточно плодородная, чтобы дать хороший урожай овощей и пряных трав, только посадить их надо вовремя. То, что должно было расти прямо из семян, она давно уже посеяла и даже дождалась всходов, а вот до рассады все руки не доходили, хотя уже декаду назад Тина сказала, что заморозков больше не будет.

Она уже заканчивала сажать сельдерей, когда услышала, как по их улице застучали колеса. Не телега, навозом не пахнет.

Почти за полгода, проведенных в Ардене, Лина усвоила, что на Садовой улице народ живет специфичный и жизнь тут течет по — особому. После обеда сторонний наблюдатель мог бы подумать, что улица вымерла, и только ближе к вечеру на ней появятся прохожие, всадники и кареты: хозяева домов вернутся из своих лавок и контор. Если же экипаж гремит сейчас, это значит, что что-то случилось.

К себе она это отнести не могла: артефактор — не та профессия. Их не срывают ночью к срочному клиенту, да и днем ее заказчики терпят и ждут. Это, скорее всего, приехали за

Тинной. Ведьму — повитуху высшей категории регулярно пару раз в месяц срывали с места в самое неурочное время.

Поэтому, когда колеса остановились у ее калитки, она была уверена: сейчас ее спросят, как найти Валентину Скарель, и очень удивилась, услышав, что требуется магистр Кавериско.

Эх, в кои-то веки заказчик на дом прибыл, а она... Морда грязная, на голове жуткая тряпка, вместо приличного платья — рабочие штаны.

Прикинулась служанкой, — решила она, направляя незваных гостей в дом, — авось, они меня не разглядели. Уверившись, что заказчики поднялись на крыльцо, она быстренько зашла с черного хода, сорвала с головы платок, стянула штаны и рубаху, оставшись в нижнем белье, наскоро умылась и прикрыла наготу солидной магистерской мантией. Нанесла последний штрих: расчесала и свернула узлом на затылке волосы, а затем гордо поплыла туда, где ее ждали.

Двери в гостиную были застекленными, а Лина, когда въехала, добавила свой штрих: матовое со стороны гостиной, из коридора стекло было абсолютно прозрачным и давало возможность при необходимости проследить за гостями. Так что, еще не войдя, Лина уже получила кое — какое представление о тех, кто к ней пришел.

Маг и два переодетых важных господина. Маг так себе: еще молодой и довольно слабый, а вот господ... Нарядились в купцов средней руки, но за лигу видно, что это дворяне, да еще из самых знатных. Осанку, манеру держаться не скроешь и не подделаешь, если только ты не великий артист. Даже то, как они стоят: поворот головы, движение рук — все выдает знатное происхождение. Да и черты лица... У того, что повыше, очень благородная, хоть и не красивая внешность, а второй... Второй фантастически хорош собой. Его не портят даже нелепая накладная бороденка и дурацкие приклеенные усы.

Лина остановила сама себя. Стоп! Такие красавчики не для нее. Не тот размер и фасон. Он на ее простецкую мордашку и не взглянет, проверено не один раз. Вот Тина, она может ему понравиться, а ей самой тут нечего ловить. Да и вообще, о чем она думает! Это заказчики, надо настроиться на работу.

Она встряхнулась, поправила на себе мантию, пригладила волосы и толкнула дверь.

Войти получилось хорошо: уверенно и спокойно.

А дальше началось привычное. Как всегда, никто не желал верить, что магистр Кавериско — это не благообразный старик с седой бородой, а девушка. Маг, оказывается, учился там же, где и она: в Элидианском университете, и что-то слышал о Герарде. К счастью, забыл, как его звали, помнил только фамилию, поэтому и отозвался на объявление.

Лина уже с этим сталкивалась, поэтому старалась на глаза к клиентам не соваться, работать через мастера Торниля, что тому было крайне выгодно. Но, видно, господ за чем-то захотели видеть лично магистра Кавериско и Торнилю пришлось дать им ее адрес. А она тут в неглиже рассекает. Хоть бы предупредил, зараза.

Теперь надо убедить этих олухов, что магистр Кавериско — это она и есть.

Специально для таких случаев у нее в столе всегда лежал выданный в Валариэтане диплом, спрятанный в папку из тисненой кожи. Папка легко превращалась в рамку и большинство получивших вешали красивый документ на стену, чтобы клиентам пыль в нос пускать, но Лине он не казался удачным украшением интерьера. Пусть в столе полежит.

Поначалу переговоры взял на себя маг. Он и вопросы задавал, и диплом рассматривал, и спутников своих представлял. Тот дворянин, что повыше ростом, ему слегка помогал, не

больше. Когда парень назвал имя красавчика, Лина чуть со стула не упала. Правильно! Если убрать эту дурацкую бородку с усами, то портрет этого мужчины она видела чуть не каждый день везде и всюду. Амондиранцы гордились, что у них такой красивый князь и охотно вешали его изображения не только в присутственных местах, но и вообще где попало: в трактирах и лавках, гостиных и спальнях. Пожалуй, только у нее самой да у Тины достало соображения не украшать свой дом княжьем портретом.

А она-то хороша! Не узнала князя и стала подозревать посетителей из-за устроенного ими маскарада! Хотя... Были прецеденты. Вообще и к артефакторам, и к зельеварам часто обращаются те, кто хотел бы с их помощью совершить нечто непотребное. Подсмотреть, подслушать, проникнуть куда не следует или еще хуже: убить, лишить воли и разума... Обычно за это предлагают немалые деньги и надо иметь большую силу воли и духа, чтобы отказаться. Вот как раз такие посетители и скрывают свою внешность, прибегая к разным уловкам. А тут князь решил скрыть свой поход к мастеру...

Когда же Ромуальд, волнуясь, как море в ветреную погоду, изложил историю своей семейной жизни и рассказал про побег княгини, Лина все сразу поняла. Бедняжка, он хочет избежать позора.

Действительно, если от мужа жена бежит, все над ним смеются.

Только непонятно: что эту Азильду не устраивало? Да любая баба за такого красавчика держалась бы руками, ногами и зубами! Мало того, что хорош, как ясное солнышко, знаменит на весь мир своими талантами, так еще и князь! Нет, сбежала! Вот и пойми такую...

Зато услышать, что Ромуальд не стремится вернуть неверную, а хочет получить назад родовой артефакт, было как маслом по сердцу. Нет, Лина ни на что для себя не рассчитывала, просто, если бы прекрасный князь страдал по своей дуре, картина мира была бы слишком несправедливой и грустной.

Наконец дошли до дела. Его Светлость хотел найти Азильду, чтобы получить кольцо обратно и найти ему лучшее применение. Значит, поиск.

Но для начала артефакт следовало рассмотреть. Просто так, из интереса. Родовые артефакты правящих особ редко попадают в руки артефакторам, а ведь изучить искусство далеких предков хотелось бы каждому. Далеко не каждое изделие древних можно повторить в современных условиях. Не сказать, что раньше маги были более искусны, зато в древности не было таких ограничений, которые налагают нынешние законы. Как удачно, что в кармане у Лины завалялся проверочный артефакт для изготовления парных амулетов, им, хоть и вчерне, можно просмотреть функции и снять магический слепок княжеских брачных колец. Ну, или хотя бы одного.

А поиск... Для него есть неплохая артефактная карта княжества с ориентировкой по сторонам света. Надо молить богов, чтобы дура — княгиня не сбежала слишком далеко.

С поиском повезло. Место, где укрылась Азильда, оказалось у самого края карты, но все же не за ее пределами. Империя. Крепость Стомбир. Лина никогда не была в Империи и не планировала посещать эту неприветливую к магам страну, а про Стомбир и вовсе слышала отзывы как о жутком месте. Чем уж поманили бестолковую дамочку, что она туда отправилась по вольной воле, оставалось только гадать.

Слепок магических узлов княжеского перстня получился тоже на славу. Связь пары артефактов не была нарушена, так что удалось получить и слепок кольца Азильды. Предки, надо сказать, постарались, впихнули туда столько функций, сколько сейчас распределили бы

минимум по пяти разным амулетам. Правда, далеко не все было активно, но при желании...

Эх, сейчас бы засесть в мастерской и изучить все в мелких деталях... Связь колец Лина исследовала, когда затевала поиск, но тут решила взглянуть поподробнее на другие функции. Вдруг удастся сходу разглядеть что-то полезное и заработать больше денег? У князя казна не отощает, а ей, Эммелине Кавериско, надо на что-то жить.

За что стоит сказать спасибо Герарду: учил он ее на совесть и диагностический амулет под его руководством она сделала отменный, по сравнению со стандартным возможности у него расширены примерно раза в три. Иначе ей бы ни за что не удалось разглядеть что тут понаворочено. Да, древний артефакт — это древний артефакт, посмотреть есть на что... А ее пластиночка все привязанные заклинания делит на группы и показывает отдельно, как на схеме. Парные функции, одинаковые у обоих, и непарные.

Для начала глянем парные.

Вот, например, защита... От ядов, от прямого магического удара, от ментального воздействия... надо же, все работает и у князя, и у княгини. Ого, даже от злого умысла есть... Большая редкость. Только этот узел совсем истощился, вряд ли функция рабочая. А здорово: подходит к тебе человек, настроенный против тебя, и тут же кольцо нагревается и начинает покалывать палец.

Ну ладно, без этого жить можно.

Далее верность... А вот это уже интересно! Ни у князя, ни у княгини она не активна! С чем тогда мне тут красавчик полчаса лапшу на уши вешал? Но в неискренности его не заподозишь. Он абсолютно уверен, что все действует.

А вот и главные функции брачного артефакта: плодовитость семени у мужчины, способность к зачатию и защита плода у женщины.

Тут Лина чуть не подавилась.

Ну просто фантастика! Кто-то здорово покопался в настройках! Красавчика Ромуальда лишили радости отцовства, зато Азильде ничто не мешает зачать. И если за последние пять лет она ни от кого не понесла, значит, у нее все впереди.

Вопроса «сказать — не сказать» перед Линой не стояло. Пусть она сама не ангел и поступок Азильды не вызывал у нее безоговорочного осуждения, но настройки брачных артефактов портила не она. Кто и когда это сделал — другой вопрос. Но, если следы побега вели в Империю, то и кольца кто-то испортил в угоду именно ей. А если Амондиран из-за этого будет присоединен к этому агрессивному государству, где маги только что не на положении рабов, то придется бросить только что купленный домик, который Лине очень нравился, и опять бежать.

Нет уж. Надо защитить князя, этим она и себя защитит. А заодно и денежек срубит. Ромуальд Амондиранский — не жмот, об этом все говорят. Ему по силам заплатить столько, сколько требует Гильдия.

Тут Лина показала растерянному и заинтригованному Ромуальду значки на пластинке и пояснила, что именно предлагает. Лишить Азильду возможности гулять по мужикам и рожать от них детей, которых магия родового кольца признает за законных. А заодно цену назвала: пятьдесят золотых. Между прочим, за перенастройку древних артефактов, да еще и на расстоянии, могла запросить и втрое дороже, но у красавца на носу написано, что таких денег с собой у него нет, он может отказаться, а время не терпит.

По его реакции стало ясно, что и пятидесяти, то есть вместе с поиском шестидесяти золотых у князя в кармане не найдется. Лина бы и в долг поверила, но такие вещи в долг не

делают.

Может, спутники помогут?

Она оставила мужчин поразмыслить, а сама побежала к Тине. Маг — артефактор может управлять потоками внутри предмета, но вот работа на расстоянии — это дано только ведьмам. Раньше они обязательно принимали участие в создании парного артефакта. Затем маги придумали разные приспособления, чтобы работать без помощи ведьм. Если бы оба кольца были в наличии, Лина бы и сама справилась.

Но тут случай особый... Азильда боги знают где, дотянуться до нее, чтобы что-то изменить в настройках ее кольца, нужна ведьма. Пусть у Валентины другая магическая специальность, зато она сильная, умелая и с Линой работает не первый день. Вместе они справятся.

А после выплаты налога Острову Магов Лина с ней честно поделится.

* * *

Тина, видно, караулила у окошка, потому что стоило Лине выйти и сделать несколько шагов к дому подружки, как та выскочила и бросилась ей навстречу, да так быстро, что девушки чуть не столкнулись. Лина боялась, что ведьма по обыкновению будет громко ахать и охать, но ошиблась. Тина встретила ее тихим шепотом:

— Лин, это что, заказчики? Торниль прислал?

— Лина повелась и ответила тоже чуть слышно:

— Да, он дал им адрес.

— Красавчики. Просто прелесть. Один особенно, тот, который брюнет.

Брюнетом в представлении Валентины был любой мужчина с волосами темнее, чем у нее, а такой в компании был только один: князь Ромуальд. Уж точно что красавчик. И это Тина еще его синих глаз не видела.

— Да уж, мужчины как на подбор, — поспешила артефакторша согласиться с подругой, — И ты права: они ко мне по делу приехали. Поможешь?

— Прямо сейчас? — вдруг замялась ведьма, — Лин, понимаешь, я не одета, не причесана. Не могу я таким шикарным парням на глаза соваться.

По мнению Лины подруга выглядела великолепно. При такой красоте хоть в мешок нарядись — все равно хороша как ясный день. Но она знала, что переубедить Тину бесполезно. Если уперлась — больше времени потеряешь на уговоры, чем потратишь на дело. Придется подойти с другого бока.

— Тин, ты мне нужна в мастерской, а туда я никого не пущу. Зато на своих красавцев сможешь вволю налюбоваться. Зеркало работает. А о следующем визите я с ними договорюсь заранее, так что успеешь подготовиться.

— Ну хорошо, — тряхнула головой Валентина, — я пройду в мастерскую через черный ход и буду ждать там. Только пирожные возьму, угостишь своих посетителей. Пусть чай пьют, пока мы работаем.

Такой расклад Эммелину более чем устраивал. Она согласно кивнула и пошла назад к дому.

Если бы Дамиан выглянул в окно, то увидел бы, как стройная фигурка соседки сначала скользнула к собственному крыльцу, а затем, уже с корзинкой в руке, вернулась и обошла

дом Кавериско, чтобы зайти с черного хода. Но он ничего не знал о том, что находится в одном доме с предметом своих мечтаний, поэтому сидел тихо.

Магистр Кавериско вернулась чем-то очень довольная и спросила:

— Ну как, Ваша Светлость, что вы решили?

— Делайте то, что считаете нужным. Вот деньги.

Он брякнул на стол кошель, монеты зазвенели. Эммелина поблагодарила и убрала золото в карман. Стефан проводил его грустным взглядом, что не укрылось от внимания хозяйки дома. Она весело хихикнула, как совсем юная девчонка, и предложила, обращаясь ко всем:

— Прошу, посидите тут, подождите. Обряд займет некоторое время и проводить его я буду в мастерской. А чтобы было не скучно, выпейте чаю с пирожными.

Она принесла фыркающий кипятком чайник, заварку, булочки, мед, масло и пирожные в корзинке, той самой, в которой их доставила Тина. Жаль, что Дамиан об этом не знал, а то они доставили бы ему еще больше удовольствия.

Пока магистр ходила за чаем, князь с трудом свинтил с пальца родовое кольцо и положил его на подставленное Эммелиной блюдечко. Она, закончив сервировать чай, забрала его со словами:

Все займет около часа. Постарайтесь не скучать. Только очень прошу — не шумите и не ходите по дому. Если из-за этого собьются тонкие настройки магических потоков, то я не отвечаю за результат.

После чего она вышла и закрыла за собой дверь. Странно, но даже стука ее шагов не стало слышно. Стефан в обалдении смотрел ей вслед. Дамиан спросил:

— Стеф, как по — твоему, в ее последних словах был какой-то смысл или это очередная уловка, чтобы запудрить нам мозги?

Маг довольно хмыкнул:

— Знаешь, и то, и то. Тонкие настройки магических потоков — это, конечно, фигня полная. А вот ходить туда действительно не нужно. Работа требует предельной концентрации внимания, любой посторонний звук может отвлечь и тогда... Не хочу даже думать о том, чем это может закончиться. А пологом тишины она прикрыться не может, вот это действительно собьет тонкие настройки.

Ромуальд тем временем наливал себе чай и мазал маслом разрезанную пополам булочку. Он даже не прислушивался к разговору своего советника с магом, слишком волновался. А в таком состоянии у него всегда просыпался аппетит. Князь давно мог потерять свою красивую фигуру, если бы не то обстоятельство, что все съеденное сгорало в нем без остатка на огне сильных эмоций.

Вот и сейчас он вслед за булочкой отправил пирожное, принесенное Тиной. Оно, как ни странно, произвело на него впечатление настолько, что он решил привлечь внимание своих спутников:

— Дамиан, Стефан, что вы чай не пьете? Пирожные фантастически вкусные... Нежные, не приторные, так во рту и тают. Интересно, где она их берет? Неужели сама печет? У нас в замке я таких не ел.

Между тем в мастерской девушки занимались каждая своим делом. Эммелина изучала то, что ей предстояло совершить, а довольная Тина, активировав зеркало, любовалась поедающим ее пирожные Ромуальдом. Когда Лина работала, комментировать вслух запрещалось, что немало расстраивало ее подругу. Она наконец поняла, что за гости навестили дом артефакторши и очень хотела поделиться своими впечатлениями от князя и советника: оба прекрасные молодые люди. Ей понравились оба. Ромуальд, конечно, несравненный красавец, зато советник Дамиан отличается силой духа и интеллектом, который просто написан у него на лице.

Оставался еще маг, но его было плохо видно с того ракурса, в котором он отражался в зеркале. Одно ясно: парень молодой и скорее всего симпатичный. Так что мужчины, пришедшие к артефакторше, ее подруге понравились все вместе и каждый по отдельности. Если бы еще слышать, что они говорят... Но вредная Лина отключила звук.

Она вообще не любила, если ее отвлекали во время работы, так что и язык пришлось держать на привязи, хотя Тине очень хотелось обсудить посетителей прямо сейчас. Но Лина уже вся ушла в мир своего искусства.

Перстень князя произвел на нее впечатление и как артефакт, и как создание мастера — ювелира. Не массивный, он был свит из расплющенной проволоки трех драгоценных металлов: золота, платины и лунного серебра, причем каждая проволочка была сплошняком покрыта рунами, которые можно было рассмотреть только при большом увеличении и специальном освещении. Широкая часть, на которой размещалась вырезанная из гематита квадратная печать, была усилена заклинаниями на крови и тоже вся покрыта рунами, как снаружи, так и изнутри.

Если смотреть невооруженным взглядом, казалось, металл перстня покрывают муаровые разводы. На самом деле это были сильнейшие магические плетения, в том числе и защита собственно предмета.

Похоже, по этому перстню хоть кувалдой бей — ничего ему не будет. Если только драконьим огнем попробовать расплавить, тот съедает любую магию. Хотелось бы поглядеть, что представляет из себя женское кольцо.

Без артефакта — определителя Лине пришлось бы разбирать всю эту вязь рун, чтобы понять, где и что надо сделать, но пластинка позволяла сразу найти нужный узел.

Для начала Лина сделала то, на что была способна без помощи ведьмы: разблокировала для Ромуальда возможность отцовства. Гулять по бабам он может начинать уже сегодня, никаких неприятных побочных эффектов быть не должно.

Семя сразу не восстановит свои качества, но где-то через полгода князь — бедолага сможет уже думать о наследнике. Но это так, бонус, она за него даже денег не возьмет. Надо же потренироваться работать с этим артефактом.

Пока снимала блок, сумела разобраться, увидеть и понять, что все воздействия на брачные кольца можно разбить на две группы. Более старые относились ко времени, когда Ромуальд женился. Примерно тогда и ему, и его жене перекрыли способность иметь детей.

Но буквально недавно, месяц или два назад, все ограничения с Азильды были сняты, а Ромуальд так и остался обязанным ей верностью и наказанным бесплодием. Все это делалось отнюдь не дистанционно, работу ведьм Лина бы заметила.

Надо будет опросить князя и выяснить, как так получилось, что его брачный артефакт, который он по идее ни на минут не снимает с руки, был перенастроен. Да, и кто, собственно, мог это сделать? Подобных умельцев во всем мире не так много, Лина всех их

знала наперечёт.

Если это останется невыясненным, то может получиться так, что вся Лина работа превратится в мартышкин труд. Она поставит блок, а некий умелец там, на другом конце, снимет и получится у них бессмысленное перетягивание каната.

Но если артефактор работал разово и никакая ведьма ему не помогала, то блок, выставленный сегодня Линой, имеет шанс сработать как надо.

Магам — артефакторам подвластны только потоки внутри изделия, те их части, что накрепко привязаны к материальному носителю. Чтобы что-то изменить даже в парном артефакте, мастер должен по крайней мере взять его в руки. А вот ведьма может пройти по связи и наложить ограничения уже через эту эфемерную субстанцию. Тогда мастеру, чтобы снова что-то изменить, придется собрать оба кольца вместе. А если Азильда в Империи, а князь здесь, это будет несколько затруднительно.

Конечно, практически любой артефактор способен прервать всязь между кольцами, но только тогда правам Азильды будет грош цена. Да и отдачей мастера хлестнет так, что мало не покажется.

Так, наконец она разобралась, как и где выстроен блок, можно звать Тину.

— Дорогая моя, ты там еще не заскучала? Я готова, прошу. Два потока надо перекрыть, а силу с них пустить в два других.

Тина поднялась, подошла к подруге поближе, присмотрелась к тому, что она делает магическим зрением и встала наизготовку. Для нее это было привычным делом, почти половина ее дохода шла от сотрудничества с Линой.

— Давай. Первая пара пошла!

Со стороны это выглядело достаточно странно. Маленькая, кругленькая Лина сидела за столом и ковырялась в проекции лежащего на пластинке перстня блестящими инструментами, а высокая, тоненькая Тина изящно перебирала пальцами у нее над головой. При этом глаза ее были закрыты и выражение на лице говорило о том, что девушка сейчас не здесь.

Время от времени то одна, то другая командовали так, что со стороны можно было подумать: они тут рыбную ловлю затеяли:

— Перехватывай, перехватывай!

— Не отпускай, уйдет!

— Хватай второй!

— Вяжи крепче!

— Все, готово, отпускай первую и тащи вторую!

Наконец все закончилось. Тина тяжело плюхнулась в кресло и налила себе воды из стоявшего рядом на столике кувшина.

— Устала? — спросила подругу Лина.

— Конечно. Но, в сущности, могло быть гораздо хуже. Ты быстро справилась.

— У меня на кухне жаркое и целый котелок укрепляющего питья. Давай, ты пока поешь, восстановишь силы, а я отправлю заказчиков и присоединюсь.

Тина не стала спорить. Поднялась и обе вышли из мастерской. Только одна направилась на кухню, а другая в гостиную, где ее с нетерпением ждали.

— Ну вот, — сказала Лина, входя туда, где оставила своих посетителей, — Все готово. Мне кажется, получилось.

— Что именно? — вскочил со своего места Ромуальд.

Он уже извелся от ожидания и хотел как можно скорее услышать подтверждение, что Азильда больше не может угрожать ему рождением бастарда, которого придется признать за своего.

Лина спокойно вынула из кармана знакомую пластинку и коробочку, из которой достала перстень. Положила одно на другое, пробормотала сова заклинания... Платинка и перстень полыхнули снопом яркого света и погасли, после чего девушка пригласила князя:

— Прошу вас, Ваша Светлость, посмотрите. Теперь госпожа княгиня при попытке вам изменить будет испытывать серьезные неудобства, это раз, а два — даже если она сможет стерпеть кишечные колики и все же переспит к кем-нибудь, то не забеременеет.

Она ткнула пальчиком в две руны, которые сияли желтым.

Ромуальд ничего в этом не понимал, но его память художника отметила, что раньше картинка была другой. Некоторые руна поменяли яркость, а некоторые — и цвет. Значит, и на него пошло воздействие? В чем оно заключается?

Магистр сама ответила на не заданный вопрос.

— В качестве бонуса вы получаете самое главное: информацию и еще кое-что. Могу сказать: пять лет назад во время бракосочетания вас сделали бесплодным и лишили радости полноценной близости с другими женщинами кроме княгини Азильды. Все это я сняла. К сожалению, бесплодие, вызванное магией, не проходит сразу, но через полгода все будет в полном порядке, гарантирую.

Совершенно счастливое и слегка обалделое выражение лица князя обрадовало всех. Особенно советника. Его уже давно расстраивало и удивляло, что Ромуальд, хоть и с трудом терпел жену, но не пытался завести любовниц. Оказывается, это заклятие верности работало как часы.

Оно чем дальше, тем больше сказывалось на характере и настроении князя, он с каждым годом становился все более мрачным и нервным, даже его искусство переставало быть легким и солнечным, в нем все больше проявлялись ноты обреченности и тоски. Он даже стал изредка срывать и кричать на людей, а затем чувствовал вину и сутками не выходил из своих покоев, не желая никого видеть.

Это при том, что Ромуальд вообще был склонен легко воспринимать жизнь, добродушно и с интересом относиться ко всему, что вокруг него происходит, и любить всех мало — мальски красивых женщин.

Если Кавериско не соврала и все так, как она говорит, то уже за это ей огромное спасибо. И у князя, и у его советника просто камень с души упал. Дамиан низко поклонился той, что спасла его сюзерена, а сам Ромуальд выразил свой восторг тем, что подхватил магистра, расцеловал и закружил по комнате.

— Спасибо, спасибо, дорогая Эммелина! Не знаю, как тебя благодарить! Ты такое для меня сделала! Такое! Ты теперь мой друг на всю жизнь!

Девушка немного оторопела, она не ожидала от князя такой реакции. Вырываться не стала, но как только Ромуальд поставил ее на пол, сделала пару шагов назад, чтобы он не схватил ее снова.

— Я рада, Ваша Светлость, что смогла вам помочь. А теперь вам пора домой. Пойдемте, я провожу. Сейчас уже вечер, коляску будет найти нетрудно.

Так как причин оставаться дольше в доме артефакторши ни у кого из мужчин не было, они тронулись на выход. Князь надел перстень на палец и осторожно его поглаживал, любуясь. Можно подумать, что раньше не видел.

У пребывавшего все это время в страшном напряжении советника пошла реакция: он еле передвигал ноги.

Только Стефан был свеж, как огурчик на грядке. У него было к магистру множество вопросов, которые он не решился задать. Ничего, что отложено — не потеряно. Он уже строил планы, как в ближайший выходной посетит Садовую улицу.

Коляска нашлась почти сразу: один из соседей вернулся из города домой и грустный извозчик прикидывал, что обратно поедет без оплаты. Так что появление седоков воспринял как дар богов ему, бедному.

Когда экипаж уже покидал Садовую улицу, князь вдруг спросил Дамиана:

— Ну и как она тебе?

Тот был удивлен вопросом.

— Замечательно! Нам с ней повезло! Очень грамотный, толковый специалист самого высокого уровня, сразу видно.

— Нет, — досадливо махнул рукой Ромуальд, — Я не об этом. Как она тебе как женщина? По — твоему, она хороша собой?

Кто о чем, а Ромуальд всегда в своем репертуаре. Ну какая разница, хороша Эммелина Кавериско собой, или дурна? Им на ней не жениться. Жизнь магов и обычных людей идет, не пересекаясь. Мага можно нанять для работы, но не стоит связывать с ним личные чувства и надежды на будущее. Этому Дамиана учили в университете и он хорошо запомнил урок.

Или князь решил начать свой забег по бабам с маленькой артефакторши? В принципе, ничего особенного в этом нет. Магичка в любом случае не потащит Ромуальда к венцу, что хорошо, но есть одно «но».

Если красавец — князь начнет посещать Садовую улицу, рано или поздно он обязательно увидит там соседку магистра Кавериско. Про нее он не будет спрашивать, хороша ли, сходу ринется на приступ.

А с князем советнику не тягаться. Даже не потому, что тот выше него стоит на общественной лестнице, а просто Ромуальд для женщин — само совершенство. На его фоне любые достоинства Дамиана блекнут и исчезают. Нет, если бы девушка его любила, как Тесса, например, тогда самый красивый и талантливый соперник не страшен. Но тут другая ситуация.

Так, о чем Ромуальд спрашивал? Красива ли Кавериско?

Эммелина Дамиану была симпатична как специалист и человек, он был благодарен ей за то, как быстро и эффективно она разрешила проблему, но рассматривать ее как женщину? Увольте. Смотреть с этой точки зрения на работника, которому ты платишь — себя не уважать.

Но не отвечать на вопрос князя было невежливо. Пришлось выкручиваться.

— Не сказать, что она красива, но что-то привлекательное в ней есть несомненно. Простушка, но обаятельная, я бы так сформулировал.

Ромуальд вдруг презрительно хмыкнул, но тему развивать не стал.

Уже ближе к ночи в сторону имперской границы отправились несколько агентов княжеской тайной службы. Перед ними была поставлена задача: выкрасть кольцо и вернуть его в Амондиран. Если нет другого выхода, то вместе с княгиней.

Проводив гостей, Лина вернулась на кухню, и застала Тину, задумчиво помешивающую в кастрюльке с жарким. Опять красавица замечталась. Небошь, представляет в уме синие глаза и темные кудри князя и млеет.

Лину всегда удивляло, как в подруге уживаются два совершенно разных человека. Даже три. Или нет, все-таки два, потому что главное качество Тины — доброта, проявлялась в обоих случаях.

Но иногда было трудно поверить, что это одно и то же лицо. Вот перед вами супер профессионал, ведьма высшего разряда, на редкость искусно умеющая работать с потоками, уважаемая целительница, великолепная хозяйка и кулинарка. То, чем она занимается, она делает безупречно.

Но вот Тина закончила работу и на сцену выходит...романтичная дура с типичным ведьминским уклоном: она влюбляется во всех встречных — поперечных. Только чудом не все ее влюбленности доходят до постели. Правда, надолго Тины никогда не хватает. После мужа, которому она, к удивлению Лины все три года брака хранила верность, ни один хахаль не продержался у нее больше пяти декад.

На вопрос, почему она не изменяла мужу, Тина поначалу обиделась, а затем ответила, что во — первых, она его любила, а во — вторых не хотелось делать ему больно. Но с тех пор как Этьен лежит под камнем где-то в Драконьих горах, она, как истинная ведьма, себе ни в чем не отказывала.

Так вот. Первую ипостась Лина любила и уважала, а вторую терпела, да и то с трудом. Разговоры Тины о мужчинах были Лине скучны и неприятны. Особенно сейчас, когда, с мечтательным видом выставившая кастрюльку на стол ведьма начала делиться своими впечатлениями.

Столько ахов, охов, вздохов и превосходных степеней рациональный мозг Эммелины выносил еле — еле. Ситуация ухудшалась еще тем, что ведьма не определилась пока, в кого влюбится. В сущности, у нее не было никаких гарантий, что кто-то из мужчин вообще вернется, так что все ее переживания относились к области умозрительного, но девушка об этом даже не думала.

К удивлению Лины, склонялась подружка к суровому советнику, а не к прекрасному князю и отнюдь не потому, что считала его положение слишком для себя высоким. Тина такими вещами никогда не заморачивалась. Да хоть император, ей плевать.

Нет, советник ей понравился своей надежностью и силой. А вот Ромуальд слишком красив, просто чересчур. Такой тип обязательно должен быть самовлюбленным, разве нет? А зачем Тине тот, кто влюблен в себя?

Жалко, она мага плохо рассмотрела. Тот ведь тоже симпатичный? Или не очень? Уж маг-то точно в нее влюбится, тут не приходится гадать. Маг и ведьма — это же закон природы.

Лина одним ухом слушала ее разглагольствования, а сама думала о том, что забыла самое главное: не сказала ни князю, ни советнику о том, когда в настройки колец были внесены изменения, а также не посоветовала вспомнить, кто имел физическую возможность это сделать.

Естественно, это был маг, сильный и опытный, но он мог скрываться под личиной и

чужим именем. Здесь это просто: магов в Амондиране немного, сильных и вовсе нет. Не рассматривать же всерьез этого Стефана? Фамилия придворного мага ей почему-то не запомнилась, хорошо хоть имя зацепилось в памяти.

Тут в размышления Лины ворвался голос ее подруги:

— Ну скажи, как по — твоему, этот маг, он симпатичный?

Задумавшаяся артефакторша встряхнулась, как вылезшая из воды собака, и ответила:

— Маг? Да, пожалуй, он ничего. Славный такой. Добродушный, искренний. Глазки голубые, наивные.

— Лин, а он высокий? Я как-то не успела понять, какого они все роста.

Ну как можно было забыть?! Тинка всегда и прежде всего оценивала мужчин по росту. Чем выше, тем лучше. Ну, тут советник всех превзошел, следующим за ним по росту вышел маг, а Ромуальд оказался на последнем месте.

Так она и сообщила подруге, вызвав новый виток романтических бредней, где в качестве героев участвовали все трое.

Можно подумать, будь тот же советник или князь низенькими, было бы иначе.

Хотя что греха таить, все они не маленькие и то, что князь ниже своего подчиненного на пол — головы, не делает его рост маленьким. Просто Дамиан действительно высокий и какой-то соразмерный. Крупный, но не громоздкий. Маг же тощий и сутуловатый, а если распрямит спину, то не уступит советнику в росте. Но в целом оба, на вкус Лины, чересчур длинные.

Зато Ромуальд — самое оно. Высок умеренно, не надо подставлять скамеечку, чтобы с ним поцеловаться, плечи у него широкие, осанка просто идеальная, да и вообще внешне он — само совершенство.

Тьфу, о чем она только думает! Скоро станет как Тина на мужиков бросаться. Только ей до подруги далеко и результат будет не тот.

Она не красавица и не ведьма, при виде нее мужчины не падают, сраженные страстью. А самой сохнуть по красавцу — князю глупо, тупо и нелепо. И вообще, она в Амондиран не за амурами приехала, а ради заработка и безопасности.

Теперь вот думает, не просчиталась ли.

Заработки тут не ахти, все-таки богатых людей, способных оплатить услуги магистра, в княжестве немного. Но если князь хоть изредка будет прибегать к ее помощи, то лет за пять удастся не только окупить переезд и покупку дома, но и скопить кое-что для новой жизни. А там она будет свободна и сможет выбрать, куда податься. Только вот Тину бросать не хочется.

Остается надеяться, что подруге за это время сонная жизнь в княжестве надоест и она согласится перебраться в места повеселее.

Вообще забавно, что обе они очутились здесь, ведь Амондиран ни для кого не был родиной. До недавнего времени Лина вообще не подозревала о его существовании. Просто когда она искала места, где можно будет безопасно обосноваться после получения диплома магистра, то получила письмо от Тины, с которой до этого не виделась три года. Та писала, что наконец получила наследство после мужа: симпатичный дом и участок земли в Ардене, столице княжества Амондиран, и предлагала подруге поселиться вместе.

В другое время, при других обстоятельствах Лина съездила бы в гости, а затем вернулась в Элидиану или в родную Афросилаю и постаралась бы устроиться там. Но тут предложение обосноваться в забытом богами княжестве пришлось как нельзя кстати.

После блестящей защиты диссертации Эммелина подхватила загодя собранные вещи и короткими порталными переходами, путая возможную погоню, переместилась в Ардену. Тина встретила ее с ликованием: она никого здесь не знала и ужасно скучала. Пациенты не в счет, а с новоиспеченным магистром можно было и прежнее вспомнить, и о новом побеседовать. К тому же уроженка Афросилаи отлично разбиралась в садоводстве, а потомственная горожанка Валентина, получив в собственность целый сад, любила копаться в земле, но ничего в этом не смыслила.

Сначала Лина поселилась у подруги, а затем купила себе соседний дом, который очень кстати продавался.

Можно было этого и не делать, сэкономить денежки и жить вместе, но, во — первых, несолидно, во — вторых так площадь сада увеличивается вдвое, а в третьих чтобы сохранить дружбу нужно время от времени друг от друга отдыхать.

За годы, проведенные в одной комнате общежития, Лина усвоила: разумная дистанция и наличие собственной территории уменьшает количество ссор и делает мягче их течение. Что можно вообще не ссориться с подругой, она теоретически предполагала, но вот практически узнала только переехав в дом номер пятнадцать по Садовой улице.

За все время пребывания Лины в Амондиране они с Тиной ни разу не поругались. Стоило конфликту замаячить на горизонте, как разумная артефакторша мигом вспоминала, что у нее есть срочные дела и уходила к себе. А так как действительно серьезных противоречий между ними не было, то через небольшой промежуток времени никто не мог вспомнить, из-за чего сыр — бор разгорелся. В тех же обстоятельствах в университете они ссорились и потом по два дня друг на друга дулись. Вроде ничего особенного, со всеми бывает, но в эти дни у обеих все из рук валилось, а это ни для целителя, ни для артефактора неприемлемо.

Вообще все в университете удивлялись, почему подружились эти две девушки. Вроде и специальности у них разные, и дар: одна маг, а другая ведьма. Но больше всего ставило в тупик окружающих то, что простушка Эммелина не завидовала красавице Валентине. Совсем.

Ей это и в голову не приходило. Чему тут завидовать? Тому, что Тине с трудом даются теоретические дисциплины? Лина пока ей объяснит и повторит сорок раз, сама уже выучит все наизусть, а Тина с трудом доносит усвоенное до преподавателя. Правда, все практические предметы, особенно ведьминские, те, где интуиция важнее точного запоминания, у Тины шли лучше всех на потоке.

Но все равно, где тут предмет для зависти?

Может быть, это то, что под их дверью регулярно торчат парни, дожидаясь, когда Валентина соизволит выйти? Вот еще счастье. Ни проехать, ни пройти, ни позаниматься спокойно, ни отдохнуть так, как хочется.

Обе вздохнули свободно в тот день, когда Тине сделал предложение Этьен Скарель, первый ученик боевого факультета. К невесте такого парня никто клеиться не решался, а когда перед последним курсом они наконец поженились, стало совсем хорошо.

Вообще-то студентам запрещалось вступать в брак, но для ведьм делалось исключение: это был единственный способ уберечь их дар от разрушения. Заодно маги — мужья развивали свой потенциал, что тоже можно было считать плюсом.

Ректор дал им разрешение и Тина переехала к мужу, а к оставшейся в одиночестве Лине никого не подселили! Это ли не рай! Так что браку подруги Лина радовалась от души.

К тому же Этьен был отличным парнем и никогда не мешал им общаться. Наоборот, ему казалось, что серьезная и ответственная Лина положительно влияет на его немного рассеянную и легкомысленную супругу.

Жаль, что они были вместе так немного.

Два года назад Этьен Скарель погиб в организованной Валариэтаном научной экспедиции в Драконьи горы за артефактами древних рас. Он командовал отрядом охраны, но против сошедшей внезапно лавины ничего поделывать не смог.

По стечению обстоятельств в той же экспедиции сгинул и Линин муж, Герард Кавериско. Но если тело Этьена, как и остальных членов экспедиции, достали из-под завала и похоронили, то Кавериско исчез бесследно. И хотя Лина вытрясла из магов Валариэтана свидетельство о смерти мужа, но, зная его подлую натуру, сильно сомневалась, что Герарда больше нет в живых.

Об этом косвенно свидетельствовало и то, что нотариус, которому она поручила дело о наследстве, сумел добыть для нее только счет в афросилайском банке на весьма скромную сумму. А она знала точно: Кавериско очень богат. Но вдруг оказалось, что даже его роскошный дом в Афросилае ему не принадлежит, не говоря уже о чем-то другом. Только немного денег на счету, как в насмешку. В Элидиане, где он трудился последние годы, как и в банке Валариэтана, тоже ничего не нашлось.

Лина не очень расстраивалась: свобода дороже. Да и денег, доставшихся в наследство, с лихвой хватило на дом в Ардене, больше половины суммы осталось. Все же цены в княжестве чуть не на порядок ниже, чем в других, более популярных местах. В Афросилае за эти деньги можно было купить разве что сарай, да и то за чертой города, а в Элидиане с такой суммой вообще следовало забыть о недвижимости.

Конечно, у Лины были и свои деньги. Она стала подрабатывать чуть не сразу, как поступила в университет, а в последние годы совмещала написание магистерской диссертации с выполнением особо сложных и дорогих заказов. Даже после выплаты налогов Острову магов, оставались приличные суммы, а она всегда жила скромно и старалась не тратить лишнего. Да ей и некогда было бегать по лавкам, так что деньги копились на ее счету и при желании она могла прожить несколько лет не работая.

Что она и сделала, когда только приехала сюда. Обустроивала жилище, занималась садом, подгоняла свои наряды по местной моде... Но недавно поняла: если она не вернется к своей профессии сейчас, на ней можно будет ставить крест.

С мастером Торнилем она познакомилась случайно: они разговорились на рынке, стоя у лотка с обычными бытовыми амулетами. Когда Торниль понял, с кем имеет дело, тут же предложил ей работать на него. Лина обрадовалась и согласилась. Она очень любила свою профессию, но не горела желанием общаться с клиентами. Если Торниль за разумный процент готов взять это на себя, тем лучше.

Она даже не хотела позволять ему использовать в рекламе свое имя, но хитрец как-то ее уговорил. В основном упирая на то, что его объявления появятся только в местной газете, которую ни в Империи, ни в странах Девятки не читают.

Это немного успокоило Лину. Если не будет широкой огласки, то она не против. Она и уехала сюда, в Амондиран, быстро и тайно, потому что после оформления наследства после Герарда стала чувствовать, что за ней постоянно следят. При этом слежку засечь не удавалось. Здесь это чувство ее, к счастью, оставило, но сам факт заставлял задуматься.

Покойный муж был последним человеком на свете, с которым бы она хотела

встретиться. Эммелина с ужасом думала о возможности того, что Герард ее найдет. Если Кавериско жив, он может предъявить на нее свои права, срок брачного контракта не истек. И плевать, что он считается погибшим: контракт-то магический, магия учитывает факты, а не бумажки.

* * *

Дамиан очень надеялся, что через пару дней посетит Садовую улицу и найдет способ познакомиться с соседкой магистра Кавериско. Но увы! Он и так каждую весну был занят делами княжества по самое «не могу», а в этот раз к хозяйственным заботам добавились те, что создала Азильда.

Новости и сложности посыпались как из ведра. Стоило только князю и советнику вернуться домой от гостеприимной магички.

Первым тревожным известием стал отъезд из Арденны сына имперского посла маркиза Даригона. Оказалось, он отбыл накануне, никому ничего не сказав. Следом за ним в дорогу засобирался и сам маркиз.

Надо было быть полным тупицей, чтобы не связать это с исчезновением Азильды. Похоже, она сбежала именно с Даригоном — младшим, а папаша ехал прикрывать сыночка, благо потребность контроля за князем с исчезновением княгини отпала.

Видно, по мнению имперцев, судьба Ромуальда уже решена, но никто не хочет брать на себя ответственность за то, что вскоре должно произойти.

Сейчас, задним числом, Дамиана вообще удивило, как это их не насторожило еще пять лет назад, что император додумался образовать в Амондиране постоянное посольство.

Княжество, хоть и крупное, но не королевство: не по чину ему имперские послы, да еще и маркизы. Но случилось невероятное. Даригон прибыл сюда вскоре после свадьбы Ромуальда, вручил верительные грамоты, от имени императора купил здание и организовал здесь свое стационарное пребывание: привез семью, слуг, дорогую мебель и прочие ценные вещи...

А тут вдруг выяснилось, что жена маркиза уехала на родину еще три декады назад, сын отбыл накануне бегства Азильды, а папаша собрался в дорогу сегодня и уже покупателя на здание посольства нашел, какого-то богатого купца из империи. Очень подозрительно.

Очень хотелось задержать маркиза, но не получилось. Тот явился в замок, предъявил предписание императора, сказал положенную в таких случаях речь, полную извинений, и отбыл.

Одно радовало Дамиана: ему удалось пристроить в свиту посла своего агента: молоденького мальчишку, который заменил внезапно умершего конюха посла.

Службу тайных агентов Дамиан создал лично, отбирал и обучал людей сам и каждый год отбивался от попыток князя на ней сэкономить. Сделал он это после того, как понял: все три граничащих с Амондираном государства спят и видят, как присоединить к себе эти земли. До сих пор толку от агентов было немного, но вот наконец настал звездный час созданной Дамианом службы. Всем нашлась работа.

Агенты прибывали и уезжали, принося новости, среди которых не нашлось ни одной обнадеживающей. Положительным можно было условно считать только тот факт, что поиск Эммелины дал верный результат: Азильда действительно скрывалась в замке Стомбир.

Это оборонительное сооружение стояло совсем недалеко от границы Амондирана на территории империи и когда-то служило резиденцией князьям Стомбирским. В те времена рядом с ней кипел жизнью город того же названия, через него проходила одна из дорог, связывающая империю со странами Девятки. Но после того, как Стомбир отошел под руку императора, дорога была заброшена, город захирел и жители из него ушли в другие, более оживленные места. Осталась только крепость да несколько хозяйств, которые обеспечивали ее гарнизон питанием.

Это очень затрудняло работу агентов. Не то, что попасть внутрь — даже просто близко подобраться было проблематично. Все новые люди на виду, среди пастбищ и распаханых полей по весне не спрятаться, не скрыться.

На какие только ухищрения не шли люди Дамиана, но выяснили только одно: Азильда там, в крепости, на положении знатной и ценной пленницы. К ней никого не пускают, она тоже не имеет возможности связаться с внешним миром. Даже если она и пожалела о своем поступке, хлопать крыльями и кричать «караул» поздно: клетка захлопнулась, птичка поймана.

Теперь надо придумать, как проникнуть внутрь и добраться до Азильды. Кольцо надо вернуть во что бы то ни стало.

Отозвав самых грамотных агентов от Стомбира, Дамиан послал их искать любые древние документы, связанные с крепостью. Когда император захватывал очередное герцогство или княжество, он изымал все книги и бумаги и переправлял их в метрополию. На всякий случай. Основные документы поступали в недоступный для посетителей императорский архив, а книги шли в публичную библиотеку. Вот туда-то советник и отправил своих людей. Вдруг кто-нибудь наткнется на упоминание, как можно проникнуть в крепость, минуя главные ворота.

И вот уже третью декаду Дамиан зашивался среди бумаг: донесений, жалоб, счетов, описей и платежных документов.

Работать приходилось одному: Ромуальд с самого визита к магичке закрылся в мастерской и вылезал оттуда только к столу, да и то под давлением. Приходилось посылать к нему доверенного слугу, который стоял над душой у господина и уговаривал того на минуточку оторваться от творчества и пойти перекусить. Просто приносить поднос было бесполезно: Ромуальд в порыве вдохновения настолько забывал обо всем, что даже не ел без напоминания. Вынужденный выйти в столовую, он меланхолично жевал то, что подсовывал лакей, но душой был где-то в заоблачных высях. Обедавший за тем же столом Дамиан ни разу не смог отвлечь друга от размышлений и заставить его подписать хоть одну бумажку.

Такое бывало и раньше. Дамиан знал, что это пройдет и Ромуальд к нему вернется, как только закончит очередной шедевр. Но сейчас это было очень некстати.

Маг тоже вдруг пропал. Засел в своей башне и далеко не каждый раз выходил к обеду. Но если о князе Дамиан беспокоился, то Стефан его мало интересовал. И, как показало время, совершенно напрасно.

* * *

Вернувшись от магистра Кавериско, Стефан не мог найти себе места. Они так быстро ушли, что он не задал и десятой части вопросов, которые пришли ему на ум. Понятно, князь

и советник не маги, они об этом и не подумали, но он-то маг! Почему-то там, в гостях у Эммелины, он чувствовал себя скованным и не решался сказать лишнее слово, не то, что задать лишний вопрос, а сейчас жалел об этом.

Эммелина произвела на него огромное впечатление. Она ведь явно моложе его, Стефана, а уже магистр! И не за красивые глаза получила она это звание: он видел, чего стоит ее умение в деле. Артефакт для диагностики у нее такого уровня, о каком Стефан даже не слышал. У их преподавателя магистра Зюрванда был в десять раз слабее и хуже.

То, что она не архимаг, а всего лишь магистр, ни о чем не говорит. Среди артефакторов архимагов почти нет, ведь архимаг — это не просто звание: свидетельство силы мага. Тех, кто создает амулеты и ими пользуется, маги, обладающие мощным резервом, по большому счету презирают. Считают, что амулеты — это подпорки, костыли для того, у кого своей силы не хватает. Так что артефакторика — удел слабых. Зато умных, усердных и рукастых.

Стефану, кстати, на первом курсе предлагали заняться именно этим, но он по природной лени предпочел бытовую магию. Париться не надо и учиться не десять лет, а всего половину от этого срока. Зазубрил за пять лет пять десятков заклинаний и можешь до окончания века их с успехом применять. В столице большого королевства, конечно, этого недостаточно, но в глубинке можно прослыть мощным и искусным магом. Вон, Стефан с таким багажом даже в придворные попал!

В придворные? Стоп!

Сейчас он вдруг понял, насколько появление Эммелины в Амондиране странно. Не живут в этой дыре магистры! Нечего им тут делать! Стефан для арденского двора — предел мечтаний! Такая, как эта Кавериско, должна блистать на кафедре какого-нибудь высшего магического учебного заведения, если не иметь собственную лабораторию на Острове Магов! Тогда что она тут делает?

А еще муж...покойный... То, как она это произнесла, могло значить что угодно. Что муж вовсе не покойный, что она его убила лично, что его труп или он живой, но в стазисе, лежит в подполе того дома, где они чай распивали... Вариантов масса, не знаешь, что принять на рабочую версию. Но разобраться хотелось до того, что везде свербило.

Так что мысль посетить таинственного магистра Кавериско не с потолка упала. Стефан думал два дня, а на третий не выдержал. Осторожно прокрался вон из замка под отводом глаз, за стенами Ардены скинул его и смело отправился на Садовую улицу.

Картина немногим отличалась от того, что он увидел в прошлый раз. В то посещение он поначалу принял копошащееся во дворе создание за служанку, но теперь сообразил: и тогда, и теперь это была хозяйка дома. Только на этот Эммелина не копалась в огороде, а в тех же страшных коричневых штанах, уродливой кофте и нелепом платке развешивала на фасаде дома ящики с цветочной рассадой. Хорошая задумка: еще пара декад — и все тут будет в цветах.

Увидев гостя, она помахала рукой со стремянки и крикнула:

— Заходите в дом! Я сейчас!

Стефан не стал выпендриваться, а сделал, как сказано. Проходя на крыльцо, отметил: ящиков внизу еще много и все растения в них покрыты бутонами. Он ошибся: красота тут будет не через две декады, а буквально завтра — послезавтра.

Магичка тем временем спрыгнула со стремянки и бодро ускакала куда-то за дом. Стефан вошел в знакомую гостиную и приготовился ждать. Дамам нужно время, чтобы привести себя в порядок, это он знал. Так что уселся в кресло, взял со столика книгу и сунул

В нее нос.

Странно, но вместо легкого чтива, какого-нибудь любовного романа или истории про ледящее душу убийство, тут лежал серьезнейший труд знаменитого архимага ар Арвиля «Перемещение по вектору или построение частного портала». Из толстенького томика торчали закладки, а под книгой лежала целая стопка чистых листков. Вероятно, хозяйка делала записи во время чтения.

Стефан осторожно, чтобы не потерять ни одну из хозяйских закладок, перелистал книгу и убедился, что его знаний недостаточно для того, чтобы разобраться в ее содержании. Половину текста составляли формулы, а в теоретической магии или математике он был не силен. Так, основы, да и те подзабылись.

Он не успел посетовать на пробелы своего образования. Вошла хозяйка. Она успела умыться, причесаться и надеть не дурацкую мантию, а симпатичное платье в цветочек. Увидев, чем заинтересовался гость, усмехнулась и спросила:

— Вас интересует пространственная магия?

— Нет, — честно признался Стефан, — Я в ней ни уха, ни рыла. Но меня удивляет, что она интересует вас. Как-то очень далеко от вашей профессии.

— Почему? — удивилась Эммелина, — Порталы — по сути те же артефакты, только большие и привязанные к месту. А работы ар Арвиля дают выход на создание портативных амулетов переноса. Я уже сделала парочку. К сожалению, пока они не переносят в определенное место, только на заданное расстояние в заданном направлении.

Стефан глупо захлопал глазами. Успехи магистра ошеломляли. А еще ему было очень стыдно за свою лень и никчемность. Ведь не дурак и не вовсе бездарь, мог бы выбрать специальность получше и стараться. В конце концов мог после получения диплома заняться тем же зельеварением не по — дилетантски, а серьезно. Хотя бы высшую категорию получил, тогда сейчас бы был с этой девушкой почти на равных.

К счастью, Эммелина не спешила воспользоваться своим превосходством. Она вдруг замялась и смущенно произнесла:

— Это хорошо, что вы зашли. Я в прошлый раз забыла сказать... Спросить... В общем, кто-то же должен был перенастроить родовой артефакт князя, чтобы он вместо полезных свойств проявлял вредные?!

Стефан обрадовался протянутому спасательному кругу:

— Да, именно! Из-за этого я и пришел! Его Светлость и господин советник — не маги, они таким вопросом не задались, а я... Мне это пришло в голову потом, когда мы были уже в замке. И вот решил прийти спросить: что вы об этом думаете?

Кажется, магистр была довольна его визитом. По крайней мере улыбалась она Стефану так, как будто дорогого родственника встретила.

— Отлично! Раз вы пришли это обсудить, давайте обсудим спокойно, не торопясь. Вы обедали?

От неожиданности Стефан ляпнул:

— Нет еще. В замке обедают поздно.

Это не смутило девушку. Наоборот, она улыбнулась еще приветливее и предложила:

— Оставайтесь у меня на обед. Княжеских разносолов не обещаю, но что будет вкусно гарантирую. Заодно и поговорим. Я такая голодная: с утра с цветами вожусь, а работа на свежем воздухе нагоняет аппетит.

Стефан ни на секунду не пожалел, что принял предложение Эммелины. Обед оказался

действительно на редкость вкусным, хозяйка — милой, а разговор за столом — интересным и поучительным.

Первым долгом они выяснили, когда и где кто из них учился. Они оказались ровесниками. Стефан только чудом не встретился с магичкой в элидианском университете. Она те годы, во время которых он как раз корпел на своем факультете, провела на домашнем обучении и поступила сразу на пятый курс. Хотела на шестой, но пробелы в предметах, в которых ее учитель был не силен, не позволили. И, да, учил ее собственный муж.

А затем она поступила в магистратуру при университете, но научного руководителя нашла себе в Валариэтане. И это был уже не магистр Кавериско, а как раз ар Арвиль. Именно под его руководством она сделала первые амулеты перемещения.

Что она делает здесь, в Ардене? Живет. Ее муж не так давно погиб во время научной экспедиции, а она, защитив диссертацию, почувствовала усталость и решила, что в глубокой провинции сможет отдохнуть и прийти в себя. Но жить на что-то надо, вот она и берет заказы через Торниля. Это ее скорее развлекает, чем обременяет: заказы-то ерундовые.

Стефан чувствовал, что девушка не говорит ему всей правды, но уличать ее во лжи не собирался. Ведь с внешней стороны все, что она рассказывала, соответствовало действительности.

Вообще беседа текла так по — дружески, что уже через полчаса магистр Кавериско превратилась в Лину, а господин Гелфинд стал просто Стефом. Наконец, закончив трапезу, они перешли к тем вопросам, которые волновали обоих, а именно к обсуждению результатов изучения княжеского перстня и кольца его жены.

— Пойми, Стеф, — внушала ему магичка, — я сделала, что могла. Но если завтра тот, кто изменил настройки артефактов, снова возьмется за свое, я не дам гарантии, что все не вернется в исходное положение. Чтобы с этим бороться, надо знать, кто именно поработал над княжеским перстнем. Это была не ведьма, тут я уверена. А если это сделал маг, то он должен был держать кольца в руках. Если ты тогда не присутствовал, потому что еще не был полноправным придворным магом, то поспрашивай: может, кто другой знает?...

— Но это должен был быть артефактор высокого уровня, а у нас тут...

— Да, знаю, у вас тут до моего приезда много лет никакого не было. С другой стороны, кто-то же это сделал? Может, среди гостей на свадьбе... Маг скорее всего проник сюда под личиной или под чужим именем. Второе даже более вероятно. Ведь не всех же родственников своей жены князь знал в лицо?

Эта мысль не приходила Стефану в голову. Но если так, то налицо мощный, разветвленный заговор. Родственников Азильды до встречи на свадьбе Ромуальд в лицо не знал, но неужели Азильду не смутил чужой человек в роли ее дяди или кузена? Скорее все же маг был под личиной. Он так и сказал Лине. Та согласилась.

— Ну, тогда ищите того, кто имел доступ к артефактам. И пусть вспомнят, не было ли у кого из гостей странных перчаток на руках. Это тоже примета.

Как он мог забыть! Да уж, артефакты такого уровня чужому голыми руками трогать не рекомендуется. Только специальными инструментами или в перчатках из кожи каменной виверны. Драконья бы тоже сгодились, но где сейчас ее взять? Но есть еще вопрос:

— А если вспомнят про такого, что делать?

— Составить словесный портрет, а еще лучше обратиться к менталисту, пусть создаст мемо — образ. По нему можно будет опознать того мага, кто нам противостоит. Даже личина не может скрыть рост и некоторые особенности фигуры.

Ну да, если личину нужно носить долго, то стараются, чтобы она была максимально близка к тому, кто в ней будет ходить: пол, рост, комплекция, возраст, желательно еще цвет волос. Иначе никакой энергии не хватит на поддержание. Это только ведьмы себя в таких случаях не стесняют, но здесь, по мнению Лины, поработал именно маг.

— А как ты его собираешься опознавать?

Девушка удивилась вопросу:

— Ты же не думаешь, что такое мог сотворить кто угодно? А артефакторов подходящего уровня не так много и я всех знаю в лицо. По приметам соображу, кто есть кто, уж поверь.

Стефан задумался.

— А если портрет? Ты по портрету сможешь определить?

— Где ты возьмешь портрет? — удивилась Лина.

— Не важно. Скажи: сможешь?

— Ну конечно. По портрету даже лучше получится, я так думаю.

Маг довольно закивал, прикидывая, как заставить хоть кого-то во дворце вспомнить события пятилетней давности и как уговорить князя нарисовать портрет полузабытого гостя.

Сейчас самое время было подняться и откланяться. Обо всем важном поговорили, обед съеден... Но тут Лина быстро убрала со стола и выставила чайные чашки и вазочки со сладостями. Для сладкоежки Стефана это было непреодолимым соблазном. Вместо того, чтобы подняться со стула, он утвердился на нем покрепче и начал новый разговор:

Лина, а как так оказалось, что ты в столь юном возрасте была уже замужем?

Магичка смутилась. Вряд ли ей доставляло удовольствие говорить на эту тему. Стефан даже пожалел, что спросил, но тут раздался скрип ступенек, дверь отворилась и в гостиной появился новый персонаж, который произнес нежным как воркование горлинки голосом:

— Не заставляйте Лину об этом говорить, прошу вас. Ей это слишком тяжело. Но если вам интересно, могу рассказать я.

Маг обернулся и вскочил. В дверях стояла дивная красавица и держала перед собой блюдо с пирожками. Но самое главное было в том, что Стефан ее узнал! Да и как не узнать самую красивую ведьму собственного курса!

Вряд ли она его могла помнить, такие девушки не обращают внимание на парней с бытового, не их уровень. Но он-то не забыл! Даже имя в памяти всплыло: Валентина.

Если они с Линой подруги, это косвенно подтверждает ее рассказ. Где еще могли познакомиться эти две такие разные девушки, как не в университете?

Мысли всплывали в голове одна за другой, но не задерживались, потому что глаза не могли оторваться от созерцания восхитительной фигурки и бесподобного личика вошедшей ведьмы. Все, что в силах был сейчас делать Стефан — это любоваться.

Кажется, обе девушки поняли, что происходит с парнем. Переглянулись, и Лина обратилась к обоим:

— Тина, этот тот самый маг Стефан, помнишь, я тебе рассказывала? Стеф, познакомься, это Тина, моя соседка и лучшая подруга. Успокойтесь уже оба и давайте пить чай.

Прекрасная Валентина вошла в комнату и поставила блюдо на стол, а Лина спросила со смехом:

— Тин, неужели сама напекла?

— В качестве гонорара получила, — буркнула ведьма, — Я с утра роды принимала, так заплатили, чем смогли. Масло, яйца, кусок окорока и вот... пирожки. Вкусные. Никогда не думала, что стану за еду работать. — Да, — согласилась Лина. — Нас не к этому готовили.

Зато можешь порадоваться: не придется с заработка платить налог. Считай, что это было с твоей стороны благотворительностью.

Если она — ведьма высшей квалификации, а, похоже, так оно и есть, ей полагается платить как следует. Об этом Стефан знал, но в Амондиране народ небогатый и тратить золото на магические услуги не может и не желает. Да давно ли они сами по карманам набирали сумму, чтобы уплатить Лине положенный гонорар. И то она им скидку сделала, половину не посчитала. А через Торниля работает потому, что может выдавать свою великолепную штучную работу за массовую и не перечислять лишнего Острову Магов. Читал он про такую лазейку в тамошних законах.

Почему же эти замечательные женщины сидят в этой дыре, вместо того, чтобы процветать где-нибудь в столице, на шикарном курорте или в большом торговом городе, где деньги льются рекой и никто не станет экономить на магии?

Он осторожно спросил, хотя отлично знал ответ:

— А вы, Тина, тоже в Элидианском университете учились?

Отличный ход. Покойный мэтр всегда говорил: «Стефи, найди, что у тебя есть с собеседником общее и скажи ему об этом. Тогда он, сам того не желая, будет относиться к тебе как к своему». Тут это тоже сработало. Тина сходу перешла на «ты».

— Ой, ты в Элидиане учился? Здорово. Знаешь, в этой провинции те, кто из нашего университета, кажутся почти родственниками.

Дальше пошел общий треп: вспоминали профессоров, ректора, деканов, разные забавные случаи из университетской жизни... Очень скоро Стефан почувствовал себя как дома, стал шутить и подкалывать девушек, не забывая, впрочем, о том, зачем пришел.

Про княжеские дела поговорили, а теперь он хочет узнать о том, почему магистр Лина выбрала для жительства такое неподходящее место как Ардена. Он снова намекнул на это в разговоре и получил ответ. Только не от Лины, а от Тины. Та воспользовалась моментом, когда подруга вышла на кухню за новым чайником, и начала:

— Ой, Стеф, ты же ничего не знаешь! Представляешь, в каком положении наша Лина? Она то ли замужем, то ли нет!

— Нам с князем она представилась вдовой.

— Ну, это правильно. Официально так и есть. Вообще это ее замужество... Роман полнейший! В смысле, такое только в них и бывает. Представляешь, Лину папаша продал в жены магу! И не маши на меня руками, так и есть! — фыркнула она на вошедшую в комнату подругу, — Кем надо быть, чтобы своего единственного ребенка продать чуть не в рабство! Она сейчас будет говорить, что вообще-то ее папочка — лучший отец на свете и только непреодолимые обстоятельства... Но ты не верь. Нет таких обстоятельств чтобы дочку старому козлу продавать! И за что?! За списание долгов! А зачем долги делал? Видно, заранее планировал отдавать их таким неприглядным способом!

Севшая рядом за стол Лина молчала, но покраснелась и пыхтела не хуже чайника. Слова подруги ей были неприятны, но возражать магичка не стала. Просто недовольно молчала, а Тина распространялась дальше:

Линин папа был бедный ювелир. Ты слышал когда-нибудь про такое? Холодный огонь! Горячий лед! Бред! Так вот: живя в богатейшем городе мира Афросилайе и имея такую профессию, ее отец был бедняком. От него даже жена из-за этого сбежала. Видите ли, он не хотел быть просто ювелиром, а мечтал делать амулеты и заключил договор с этим — вот магом, Герардом Кавериско. Тот его разорил окончательно, а под конец и дочку забрал.

Тут душа Эммелины не выдержала и она заткнула подружку:

— Тина, раз такое дело... Дай, я сама расскажу. Избавь нас от твоих комментариев!

Красавица обиженно засопела, но примолкла. Рассказ продолжила Лина.

— Где-то так все и было. Наши предки были знаменитыми на всю Афросилаю ювелирами и артефакторами. Но уже у моего прадеда не было дара и он стал просто ювелиром. Мой отец желал возродить славу нашего дома: знания и навыки у нас так и передавались в семье из поколения в поколение, только силы больше не было. И тут я родилась, девочка с даром. Обычно девочек у нас родовому ремеслу не учат, но тут папа на это не посмотрел. Чуть не с четырех лет начал меня обучать ювелирному искусству.

Судя по выражению лица магички и тому, с какой нежностью она об этом говорила, воспоминания раннего детства были самыми дорогими ее сердцу.

— Поначалу я проволоочки в косичку свивала, а к семи годам уже могла сделать колечко — змейку или сережки — гвоздики. У детишек пальцы ловкие: папе стоило только показать и приглядывать, а я быстро училась.

Вдруг тон ее изменился.

— Когда мне было шесть, в наш город приехал Герард Кавериско. Он до этого лабораторией на Острове Магов руководил, а тут захотел уйти на покой и поселиться у моря. Папа услышал и стал за ним натурально охотиться. Все твердил, что если Кавериско возьмется меня обучать, это будет величайшая удача в его жизни. А он такой был: чего решил, того обязательно добьется. В общем, в результате папиных интриг Кавериско поселился в соседнем доме и подружился с папой.

На рассказе о бывшем муже в голосе Лины зазвучало холодное ожесточение.

— А через год они договорились и он начал меня учить. Надо сказать, учил на совесть, я ему за это благодарна. Но человек он был — оторви и брось. Подлый человечиска. За науку брал с отца такие деньги, что тот очень скоро разорился, да еще приговаривал, что все должны быть ему благодарны: в будущем на моем искусстве семья разбогатеет.

Говоря о Кавериско, девушка злобно сощурила глаза.

— Мама не выдержала бедности и ушла от отца. Сбежала с проезжим купцом. Так что мне с десяти лет пришлось и дом вести, и учиться сразу в человеческой школе обычным наукам, у отца ювелирному делу и у магистра Кавериско магии.

О матери Лина говорила без горечи: эту боль она давно пережила.

— Когда мне стало тринадцать, у папы уже не было денег, чтобы оплачивать уроки мага, и Кавериско стал учить меня в долг. Я к этому возрасту уже стала наливаясь, округлилась со всех сторон и выглядела почти взрослой девушкой. Это, видно, его и прельстило. Он заключил с отцом договор, что если я соглашусь стать его женой по достижении брачного возраста, то все долги, сколько их ни есть, будут списаны. Не знаю, на что рассчитывал папа. Когда мне стало шестнадцать, все раскрылось: Кавериско потребовал выполнить договор или выплатить деньги. Я тогда чуть в окошко не выбросилась. Магистра я уважала как учителя, но как человек, а особенно как мужчина он был мне неприятен до тошноты. И вообще я замуж не собиралась: мечтала поехать учиться в магический университет.

Она грустно вздохнула, затем ее тон снова стал суровым:

— Но Кавериско припер нас к стенке: выплатить долг папе было нечем. Так как мы с Герардом оба маги, то в храм Доброй Матери мы не пошли. Заключили так называемый брак магов: договор на двенадцать лет. Этот гад хотел бессрочный, но я уперлась.

По выражению ее лица было понятно: если упрется — с места не сдвинешь.

— В первую брачную ночь меня на него вытошнило. Могла бы сдержаться, наверное, но не стала: пусть знает, на что подписался. Помогло мне это мало, но хоть заявила протест. Я не собиралась делать вид и изображать счастливую семейную жизнь. Больше всего мечтала сбежать. Планы строила... Но одно понимала: пока мы в Афросилае, деваться мне некуда. Поймают, вернут накажут.

Кулачки Лины непроизвольно сжались, глаза метали молнии: это прошлое для нее было еще живо.

— А через два года Кавериско пригласили в Элидиану прочитать курс лекций. Он взял меня с собой и это была его ошибка, которой я поспешила воспользоваться. Может, ты, Стеф, не знаешь, но студенты магического университета на время учебы и на территории университета свободны ото всех обязательств, брачных в том числе. Есть еще другой закон: если любой человек придет и скажет, что хочет учиться и готов пройти полноценные испытания, ему должны предоставить такую возможность вне зависимости от того, есть сейчас прием или нету.

Про это правило Стефан слышал. Во время официального приема проверяли только наличие дара, а вот те, кто поступал среди года, должны были показать все свои знания и умения. Если они соответствовали начальному уровню, то человека зачисляли, но учиться он начинал только со следующего учебного года. А вот если он показывал высокий уровень, то шел учиться сразу на курс, подходящий ему по подготовке.

— В общем, пока Герард готовился к лекциям и вел переговоры об оплате, я добралась до ректора, изложила ему все и потребовала собрать комиссию. С Кавериско у них были не лучшие отношения, так что ректор мне помог. Устроил моему мужу прием во дворце, куда тот отправился без жены, а в это время в университете я прошла испытания и сразу была зачислена на пятый курс. Когда Герард вернулся от короля, то узнал, что я теперь живу в женском общежитии, а он ко мне даже подойти не имеет права.

Тут она подхихикнула, а затем ехидно сверкнула глазами.

— Лекций он читать не стал и вообще рассорился с руководством университета, но почему-то никто особо не расстроился. А меня поселили в одну комнату с Тиной и с тех пор мы дружим.

Вдруг девушка нахмурила лоб, губы ее горько искривились:

— Одно меня поначалу угнетало: невозможность выйти за периметр ограды. Даже на похороны отца не смогла поехать: он умер через два года после моего бегства.

Тут Лицо ее разгладилось и стало вновь спокойным.

— Потом я привыкла. Да и все мои соученики старались мне помочь, поддержать, сделать так, чтобы я особо не страдала. Вот, Тина в первых рядах. А после университета я сразу поступила в магистратуру, она тоже дает свободу от обязательств, при этом не ограничивает место пребывания. Так что я и в Валариэтан к научному руководителю ездила, и в город выходила. Кавериско несколько раз ко мне пытался подобраться, но у него ничего не вышло.

Лина тяжело вздохнула.

— После смерти отца ему стало нечем мне угрожать. Между тем наш контракт мою учебу и перерыв в отношениях не учитывал, так что время моего брака потихоньку истекало. Два года до учебы, пять — в университете, три в магистратуре... Сейчас осталось всего два года... На это время я решила скрыться.

Стефан перебил ее вопросом:

— Но он же умер? От кого ты прячешься?

Девушка резко вскинула голову и посмотрела на Стефана со странным выражением.

— Умер? Не уверена. Его тела так и не нашли. Боюсь, он инсценировал свою смерть в каких-то далеких от благородства землях. Конечно, я могла бы проверить это с помощью моего контракта, но... Пока я сумела прикрыться от магического поиска, но если начну манипуляции с контрактом, то выдам себя и он меня найдет.

* * *

Лина закончила свой рассказ и в комнате наступила неловкая тишина. Стефан чувствовал, что надо что-то сказать, но приличные к случаю слова не шли на ум. Да и не хотелось сейчас утешать Лину, ей не это было нужно.

К счастью, Тина вдруг вспомнила про пирожки и с места в карьер стала объяснять:

— Смотрите, эти кругленькие — с мясом, эти длинненькие — с капустой, квадратные — с яйцом и луком, а вот те треугольные — сладкие, с яблочной начинкой.

И хотя ее выступление было вроде как ни к селу ни к городу, но оно сняло напряжение момента. Больше про тяжелую Лину судьбу никто не заговаривал, зато установилась атмосфера доверительности и взаимопонимания. Стефану никогда еще ни с кем не было так легко и уютно, как с этими двумя девушками.

Странно, он всегда побаивался прекрасного пола и все свои отношения с женщинами совершенно сознательно сводил к товарно — денежным отношениям, а тут... Как будто старые друзья собрались. Иногда он даже забывал, что компания разнополая и позволял себе довольно рискованные высказывания, но никто его за них не упрекнул, наоборот, девицы его откровения воспринимали... ну, скажем, с пониманием.

Домой в свою башню придворного мага он вернулся в приподнятом настроении и тут вспомнил про задание, которое ему дала Лина: узнать, кто во время свадьбы имел доступ к брачным кольцам князей Амондиран.

Но было уже поздно предпринимать расследование и он отложил все на утро. Оно принесло разочарования. Первым делом Стефан сунулся к советнику. Сунул голову в кабинет и понял, что он некстати. Дамиан сидел за столом и внимательнейшим образом изучал лежащие перед ним бумаги. Слева и справа высились горы еще не изученных документов, а секретарь подкладывал новые листки в стопку непрочитанных и одновременно докладывал о тех, кто просит у советника аудиенции.

Было ясно, что сейчас отрывать Дамиана от дел и спрашивать о событиях пятилетней давности — только нарываться на грубость.

Стефан перебрался к покоям князя и узнал от личного слуги Ромуальда, что его господин заперся в мастерской и ни с кем не желает ни видаться, ни разговаривать. Сам слуга трудился при князе всего три года и ничего знать не знал.

Пришлось вернуться в башню, сесть и включить мозги. Обычно Стефан старался их зря не напрягать, но и дураком тоже не был, а вчерашний разговор с Линой его здорово вдохновил на размышления.

Так что он взял листок бумаги и стал записывать имена тех, кто мог ему что-то рассказать о княжеской свадьбе. Начальник стражи, мажордом, управляющий, главная

кухарка и старшая горничная — все эти люди занимали свои должности и тогда, они могли помнить всех гостей.

С кухаркой Стефана связывали очень теплые отношения. Эта выдающаяся со всех сторон дама жалела мага за худобу и считала своим долгом подкармливать. А у Стефана результатом полуголодного детства стал фантастический аппетит. При желании он мог и вообще ничего не есть несколько дней, но когда была такая возможность, жрал в три горла. Еда в него проваливалась как в пятое измерение, не делая мага ни на фунт толще, зато слопать он мог три обеда подряд, а сверху заполировать обильным ужином. Эта способность поглощать пищу в любых количествах просто завораживала кухарку и делала Стефана желанным гостем на княжеской кухне.

Добродушная Мина встретила его приветливо, наложила целую миску сладкой каши с фруктами и сливками и охотно ответила на вопросы. Да, свадьбу помнит. Может хоть сейчас все меню расписать. Гости? Какие гости? Разве они заходят на кухню? Она помнит только, что матушка княгини не ела орехов, посол Элидианы не переносил молочного, а один из гостей требовал на ночь кусок торта.

Так что от нее Стефан ничего не узнал, зато Мина дала ему полезный совет: обратиться к мажордому. У того должны были сохраниться списки гостей, потому что старик ничего никогда не выбрасывает.

Со старым Закариосом у Стефана отношения были натянутые, но ничего не поделаешь, пришлось идти на поклон. Для этого он даже решился на некоторые траты. Съездил в город и заказал то, что, по его мнению, могло доставить старику удовольствие.

Он уже давно заметил, что для мажордома самым важным в жизни было чувство собственной значимости. Стефан нашел писчебумажную лавочку, где за умеренную плату по его заказу изготовили записную книжку солидного формата в синем сафьяне и с золотым обрезом. По обложке сверху шла надпись золотом: «Закариос Фугуль, мажордом княжеского дома Амондиран».

Вернувшись в свою башню Стефан еще немного поколдовал над книжечкой. Старику стоило только взять ее в руки и открыть, чтобы никто другой никогда не смог в нее заглянуть против воли хозяина. Теперь записная книжка тянула не на уплаченные за нее десять серебряных гортов, а на пару — тройку полновесных золотых гитов.

С этим подношением Стефан подъехал к Закариосу и не прогадал. Тот подарку обрадовался и согласился в благодарность ответить на любые вопросы. Узнав, что речь идет о княжеской свадьбе и гостях, приосанился и пустился в длинные разглагольствования, так как по собственному мнению был на ней главным лицом. Под конец признался, что гостей в лицо помнит плохо, зато списки сохранились. Отдать он их не может, но разрешит переписать. Только делать это придется в его комнате, вынести оттуда такую ценность мажордом никак не может.

С оханьем и кряхтеньем полез он в самый нижний угол огромного буфета, занимающего добрую треть отведенной ему гостиной, извлек из нее толстенную папку, пошуршал и вытащил на свет целую пачку сколотых вместе густо исписанных листов бумаги.

Стефан порадовался, что взял с собой тетрадь. Список был не подробный, он был очень подробный. К имени каждого гостя прилагалось подробное описание: откуда приехал, в какую группу гостей входит, ранг, требования к поселению и еде, сопровождающие лица, покои, куда их определили на постой, приставленные лакеи и горничные... В общем, все, кроме внешности.

Два дня Стефан старательно переписывал творение Закариоса, а на третий не выдержал и побегал с тетрадкой на Садовую улицу. Он отлично понимал, что торопится, по собранным сведениям Лина ничего определить не в силах, но уж больно хотелось увидеть ее и Тину.

Дом номер пятнадцать оказался тих и пуст, зато из дома номер семнадцать ему помахала красавица — ведьма. В этот день подруги сидели у нее и в окно заметили обескураженного мага, бестолково топтавшегося на крыльце. Лина надеялась, что Стефан что-то узнал, а Тина желала продолжить знакомство с таким симпатичным мужчиной.

Магу предложили роскошный обед из трех блюд, а на десерт — вкуснейший торт и корзиночки с фруктами в желе. Выяснилось, что Лина потрясающе готовит мясные блюда, но терпеть не может сладкого, а Тина — непревзойденный кондитер и сладкое — ее страсть. Судя по их фигурам можно было думать с точностью до наоборот. Худошавая, изящная Валентина никак не сочеталась в сознании Стефана с кремом, тестом и сахаром, а между тем отправляла тортик кусок за куском в свой очаровательный ротик.

Пухленькая и аппетитная, как шкворчащий пончик Лина казалась воплощением сладкоежки. А вот поди ты! Она даже чай пила без сахара и не взяла ни кусочка торта. Стефан вспомнил вдруг, что магичка и в прошлый раз налегала на несладкие пирожки.

Девушки заметили, с каким интересом он их рассматривает и Лина хмыкнула:

— Удивляешься? Если я еще на сладкое начну налегать, то лопну! Да оно мне и не нравится. Кусок ветчины для меня лучше самого прекрасного пирожного. А в Тине все сгорает, как в печке, она же ведьма. Так что не пялься. Лучше скажи: ты узнал что-нибудь?

— Кое-что..., — уклончиво произнес маг, — Не знаю, поможет ли, но вот...

Он достал из кармана тетрадь и вручил Эммелине. Она открыла там, где была закладка, удивленно подняла брови и тут же погрузилась в чтение, заметив:

— Да, на такой улов я не рассчитывала. Ты молодец.

Пробежав страницу глазами, она поднялась и, не отрывая взгляда от бумаги, потопала в соседнюю комнату, откуда донесся ее крик:

— Тин, я возьму у тебя пару листочков?!

Очевидно, что ответ ей не требовался.

— Ну все, — резюмировала Валентина, — На сегодня для нашего общества она потеряна. Так что пока есть время, расскажи мне про то, как ты попал в придворные маги.

Нет ничего приятнее, чем говорить о себе. Как ни странно, это утверждение верно даже тогда, когда рассказывающему особо нечем похвастать. Чем было гордиться Стефану? Тем, что он стал придворным магом по наследству? Его взяли на эту должность просто потому, что его учитель умер, а в Амондиране никого больше в тот момент найти не смогли. Да и потом квалифицированные маги не жаловали княжество своими посещениями. В общем, со Стефом вышло по пословице: «На безрыбье и рак рыба».

Учился он ни шатко, ни валко, не потому, что был совсем уж бездарным, а просто из-за лени. Интересовался алхимией, но пошел на бытовую магию: там учиться на пять лет меньше и не надо надрываться. Хотел потом самостоятельно освоить эту область, но, как видно, для этого недостаточно почитать книжечки и время от времени что-нибудь взрывать.

Если сказать честно, ему неловко было рассказывать о себе девушке, которая в любом случае добилась в жизни большего, чем он сам. Пусть со стороны это могло кому-то казаться иначе, но сам Гелфинд твердо знал кто чего стоит.

Он занимает свое теплое место исключительно по доброте душевной князя, для которого преданность мага важнее его квалификации. Поэтому он и терпит на таком важном посту бытового мага второй категории. Но если завтра что-то изменится... Лететь ему голубем с этого места.

А Тина будет нужна всегда и всем. Про Лину и говорить нечего.

В общем, ничего такого, что хотелось бы рассказать красивой девушке, у Стефа за душой не было. Но Тина смотрела на него с такой теплотой, спрашивала так по — доброму, так искренне реагировала на каждое слово, что язык у мага развязался и он сам не зная как выложил девушке всю свою биографию.

Уже после, возвращаясь в свою башню, он вспоминал все, что говорил красавице и корил себя за несдержанность. Незачем было нюни распускать и открывать всю свою подноготную малознакомой девице, как бы она ни была хороша. Но что-то подсказывало: Тине можно рассказать все, она не обратит это во зло.

Насчет того, что никому не расскажет, он был не так уверен. Даже наоборот: он точно знал, что все тотчас же будет пересказано Лине.

Странно, но это не коробило и не пугало. В глазах Гелфинда эта девушка имела совершенно особый статус. От Лины ничего дальше не пойдет, а ей можно знать все.

Кстати, в этот день они почти до вечера просидели вдвоем с Тиной. Лина вышла под конец и сказала, тяжело вздохнув:

— Спасибо, конечно, но тут еще работать и работать. Я исключила тех, кто не может нас интересовать по определенным причинам. Вряд ли к артефактам рода были допущены слуги или кто-то из охраны. Знатных дам тоже можно исключить: среди артефакторов нужной нам квалификации женщин нет. Там я вложила список... Это те, чей облик меня интересует. Попробуй опросить слуг рангом ниже: горничных, лакеев... В общем, тех, кто им прислуживал. Конечно, за пять лет многие уже не работают, но многие наверняка остались. А у слуг обычно зоркий глаз и хорошая память.

— Они деньги любят..., — буркнул Стефан.

Лина весело рассмеялась.

— Ну, денег, как я понимаю, у тебя нет и ты не решаешься их попросить у князя. У меня такие расходы тоже не предусмотрены. Но... Горничных могут заинтересовать притирания для красоты, а лакеев — заговоренные от воров кошельки. Ну как, Тина, разорим для него наш подарочный фонд?

Ведьма тоже хихикнула:

— Пусть берет и помнит нашу доброту. А когда будет результат ты сама стрясеешь оплату расходов с князя или с советника. Думаю, они не станут жадничать и обсчитывать бедных девушек.

С этими словами она встала и вышла в соседнюю комнату, откуда вернулась с плоской корзиночкой. В ней стояли небольшие баночки, вероятно, те самые притирания, а еще лежали штук шесть разноцветных бархатных кошельков. Протянула все Стефану и пояснила:

Кремы в баночках помогают от прыщей, веснушек и разглаживают морщины. Действие временное, зато эффект молниеносный. Девчонки будут тебе по гроб жизни благодарны. А кошельки... сам зачаруешь, или Лину попросить?

Вот это было обидно. Простой наговор от воров даже такому разгильдю, как Стеф, было нетрудно сделать. Он пробурчал, что сам справится, поблагодарил, сложил все в карманы вместе со списком и отправился домой, предварительно уговорившись, что не

будет ждать, когда получит всю информацию, а пойдет на днях с тем, что сможет добыть.

После этого не было дня, чтобы он не закончил его в гостях у своих новых подружек. Они были ему неизменно рады, сажали за стол, угощали, принимали как родного... Одно огорчало: ни Лина, ни Тина не видели в Стефане Гелфинде мужчину. Ладно Эммелина: тяжелый опыт замужества делал ее невосприимчивой к любовным чарам. Но Валентина?! Она же ведьма! Ей по штату положено быть любвеобильной! А она смотрит на Стефа как на братишку. Обидно! Или это ему только так кажется?

Но несмотря на это, Стефан регулярно посещал девушек и приносил Лине все новые и новые описания. Она оказалась права: горничные и лакеи прекрасно помнили тех, кого обслуживали. Они описывали их в меру своих способностей, но довольно живо. Задавая наводящие вопросы, Стефан постепенно сумел записать словесные портреты почти всех, кто приезжал на свадьбу князя из других государств. К сожалению, ни в ком Лина не смогла узнать кого-то из артефакторов. Оставались два гостя, облика которых никто из слуг не смог вспомнить, и надежда, что у князя память окажется лучше.

Магичка была уверена, что один из этих таинственных гостей и есть искомый артефактор. Просто он надел амулет, препятствующий запоминанию внешности. Правда. Ее сбивало с толку то, что оба были весьма высокородными господами, при этом никак не связанными друг с другом и с империей. Один вроде бы приехал из Гремона, а другой — из родной страны Азильды: из Сальвинии.

Стефан понимал, что дальше своими силами они с девушками не разберутся. Пора подключать советника и князя. Со времени первого визита Ромуальда к артефакторше прошли две декады, так что пора бы князю выйти из своего затворничества в мастерской и принять наконец участие в собственной судьбе.

Вернувшийся от магичек Стефан не рискнул сунуться к Ромуальду, а для начала пошел искать Дамиана и столкнулся с ним в галерее, ведущей к башне. Советник разобрался с текущими делами и шел к магу сам.

В первую минуту оба опешили, затем Дамиан спросил:

— Ты кого-то ищешь?

— Тебя! — воскликнул обрадованный Стефан, — Который день хочу с тобой поговорить, но ты все время занят!

— Тогда пойдем к тебе, — решил советник, — В твою башню чужим хода нет, там и поговорим. Мне тоже надо с тобой посоветоваться. Прошлый твой совет оказался отличным, может и теперь...

Маг только что не запрыгал от нетерпения.

— Пойдем, пойдем, мне тоже много чего надо тебе рассказать и кое о чем спросить.

Расположившись в гостиной Стефана за круглым столом, они продолжили беседу за бутылкой отличного вина из погребов его светлости. Дамиан решил сначала задать свой вопрос:

— Как ты думаешь, кто перенастроил брачные кольца Амондиран, зачем и можно ли это сделать снова?

— Вот! — маг поднял вверх указательный палец, — Именно об этом я и хотел с тобой поговорить. Это то, чем мы с Линой занимались последние две декады!

Если бы Дамиан стоял, он бы рухнул на пол от неожиданности. Но так как он сидел, то только закашлялся, а затем осторожно спросил:

— Лина — это кто?

— Ну Лина, — сердясь на бестолковость начальства проговорил Стефан, — Эммелина! Магистр Кавериско!

— Ты с ней виделся после того?

— А как же! Мы теперь почти ежедневно встречаемся и все по тому же самому делу. С ней и с Тиной.

Дамиан понял только, что пока сидел, зарывшись в бумаги, что-то важное в жизни прошло мимо. Почему-то имя «Тина» его взволновало. Хотя Стефан ничего пока не сообщил об этом персонаже, Дамиан вдруг подумал о той прекрасной девушке, которую он видел на Садовой улице.

— Кто такая Тина? — спросил он и внутренне замер.

— О, Тина..., — мечтательно произнес Гелфинд, — Тина — это Лина соседка Валентина Скарель, ведьма — целительница. Она такая красивая... Азильда ей и в подметки не годится.

Все ясно, пока Дамиан штаны просиживал в замке, ушлый маг свел знакомство не только с магистром, но и ее красавицей — соседкой. А если она ведьма, то, верно, и в постель ее успел уложить, благо время было.

На душе у Дамиана заскребли кошки. Хотелось схватить нахального Стефана и пару раз стукнуть головой об стену. Но он сдержался. Спросил только:

— А что же ты мне ничего не сказал? Почему скрыл?

— Тебе, пожалуй, скажешь, — обиженным тоном ответил маг, — ты же у нас самый занятой. Я сто раз за это время пытался к тебе пробиться, но ты только рукой махал, мол, не сейчас!

Дамиан чуть было не сказал, что это неправда, но вспомнил, как дело было, и не стал продолжать упреки. Просто попросил рассказать то, зачем Стефан его искал.

Чем дальше маг излагал историю своего знакомства с Линой и поисков злокозненного мага — артефактора, тем больше Дамиан убеждался, что ему надо снова встретиться с госпожой Кавериско. Поразительно, но она помогала Стефану совершенно бесплатно и даже вложила в это дело не только умом и знаниями, но и подарками для слуг!

А если так... Значит, для нее это тоже важно! Не вполне понятно почему, но ведь это можно узнать.

Излишне упоминать то, что историю жизни Лины Стефан советнику пересказывать в подробностях не стал. Но пропавший без вести знаменитый артефактор как-то на диво хорошо вписывался в эту историю.

Стефан показал Дамиану список, в котором незаполненными остались только описания двух персонажей, и попросил припомнить: как выглядели эти двое? Пришлось напрячь память, но картина не вырисовывалась.

— Значит, Зигфрид фар Гонтмайер и Спирос Кентаврион? Были такие. Спирос родственник Азильды по отцу. Демоны, был же такой, а как выглядит не помню, хоть убей! Вроде высокий, полный господин, а может и нет... Или это наоборот, Зигфрид был... Он — родня Азильды по матери, она у нее родом из Гремона. Почему-то эти два персонажа у меня путаются и сливаются. Знаешь, давай князя спросим. Он у нас художник, должен лучше запоминать лица.

Стефан напомнил советнику, что князь уже битых две декады не вылезает из мастерской и совершенно никого не хочет ни видеть, ни слышать.

— Картину пишет, — прокомментировал Дамиан, — За такое время должен был уже

закончить, мне кажется. Дольше он только над большим батальным полотном работал, а сейчас у него и подрамника подходящего не было. Вряд ли он взялся за что-то грандиозное.

Стефан был с ним согласен, но ворваться ни с того, ни с сего в святая святых — мастерскую Ромуальда не решалась даже Азильда. Князь очень не любил, когда ему мешали творить. Не раз и не два он объяснял советнику, что в такие моменты лучше принять решение самому, пусть и неправильное, чем спугнуть музу своего господина!

Так что до обеда они просидели, изучая и обсуждая всю доступную информацию. В кои-то веки Стефан сумел показать себя с лучшей стороны и удивить Дамиана взвешенностью и продуманностью своих суждений. Еще бы! Все это неоднократно было пережевано в беседах с Эммелиной, а уж она соображала ничуть не хуже умного советника.

А к обеду из своей берлоги выполз наконец Ромуальд. Дамиан правильно рассчитал: по выражению лица, на котором гордость смешивалась с облегчением, становилось ясно: князь дописал-таки свое творение и готов представить его миру. А значит, вскоре он будет готов выслушать своих советника и мага.

Но опытный советник для начала дал князю возможность похвастаться и спросил:

— Ну как, получилось?

— Я не буду вам ничего говорить, — кокетливо произнес Ромуальд, — Идите и смотрите!

И он распахнул перед друзьями двери мастерской.

Картина стояла на треноге, повернутая лицом к окну, так что от входа увидеть ее было невозможно. Не большая, но и не маленькая, полтора на полтора локтя, — оценил Дамиан. Что же так вдохновило Ромуальда, что он двадцать дней без перерыва творил, забыв обо всех делах?!

— Я бы раньше закончил, — князь потупился и стал ковырять стыки между плитами пола носком башмака, — Но я не сразу сумел уловить, пришлось два раза переделывать... А впрочем, смотрите сами, что вышло.

Он потянул Дамиана за руку к окну, от которого, по мысли автора, картину и следовало рассматривать. Стефан потянулся за ними. Когда они дошли до нужной точки и развернулись, то дружно ахнули.

— Получилось нечто аллегорическое, — как бы оправдываясь, пояснил Ромуальд, — я назвал это «Лето».

На картине в траве залитая солнцем сидела Эммелина Кавериско. Это была она: ее простое, но симпатичное лицо, ее чудесная улыбка, но в то же время... Изображенная на картине женщина была невероятно притягательна, ее образ завораживал... Поза, освещение, антураж были придуманы, но Ромуальду удалось передать ту красоту, которая изначально была в этой женщине. Князь оказался прав, дав своему творению название «Лето». В ней были томность, знойность, щедрость и доброта именно этого времени года. Удивляло только, что этот портрет был написан по памяти, а не с натуры.

Первой мыслью советника было:

— Как же я ее не разглядел?! Она красавица!

А второй:

— Если пригласить Эммелину полюбоваться на собственный портрет, то можно будет с ней поговорить и договориться.

Убеждать в своей правоте князя не понадобилось, тот просто мечтал показать портрет модели. Так что раньше, чем Дамиан успел объяснить, зачем всем здесь нужна Лина, на

Садовую улицу был отправлен курьер с приглашением. Под шумок Дамиан вписал в текст приглашения и имя Валентины Скарель.

Пока курьер бегал туда — сюда с письмом и ответом, Дамиан все же вкратце сумел донести до сознания князя, как важно найти того, кто во время свадьбы подпортил настройки родовых артефактов и объяснить метод, которым Стефан вместе с Линой искали злоумышленника.

— Значит, Зигфрид фар Гонтмайер и Спирос Кентаврион? — дословно повторил князь слова своего советника, — Помню, были такие. И что никто из слуг не может их описать? Странно, — он поморщился и продолжил, — Хотя... Почему-то эти двое у меня сливаются. Да, точно! Я еще тогда удивлялся, что двое людей, ничем друг с другом не связанных, так похожи. Оба высокие, полные, важные... Пойдите!

Он схватил лист бумаги, угольный грифель и быстро стал рисовать. Дамиан со Стефаном замерли, боясь спугнуть вдохновение. Когда Ромуальд углубился в работу, Дамиан осторожно оттащил мага за рукав к окну показал на низкую банкетку, на которую оба и сели в ожидании.

Ждать пришлось около получаса. Наконец Ромуальд закончил рисунок и отбросил грифель.

— Где-то так, — с удовлетворением констатировал он, — Вот этот — Спирос, дядя Азильдино отца, а вон тот — Зигфрид, брат ее матери. Действительно, на редкость похожи, засранцы. Только костюмом и отличаются.

* * *

Получив приглашение в замок князя, девушки весь вечер думали над тем, как лучше туда явиться. Их удивило, что позвали обеих. Было бы понятно, если бы князь захотел снова посоветоваться с Линой, но Тину он в глаза не видел! Обе сошлись на том, что это интриги Стефана и стали ждать его, чтобы получить объяснения. Когда тот так и не появился, сомнение превратилось в убежденность.

В любом случае следовало надеть свои лучшие платья, покрасивее причесаться, но при этом не дать соседям и всем встречным — поперечным пици для злословия.

Утро выдалось холодным и ветреным, время от времени начинал накрапывать дождик, что благоприятствовало планам подруг. Пришлось надевать плащ с капюшоном, а под ним так удобно было спрятать дорогой хотейский шелк, ремольские паутинные кружева и собственную физиономию, обрамленную парадной прической. Естественно, что в таком виде не пойдешь пешком. Тина еще с раннего утра сбегала к заставе и договорилась с извозчиком.

Так что ровно в полдень к замку князей Амондиранский подкатила наемная карета с двумя незнакомками в темных плащах из ценной шерсти горных овец, не пропускающей воду. Смотревший на их прибытие из окна советник отметил, что в этих нарядах девушек можно спутать с родовитыми дамами. И, да, вторая точно была его незнакомкой и соседнего дома. Он везде узнал бы ее по грации движений.

Но следовало торопиться: мажордом уже встречает их у дверей и сейчас проводит в малую гостиную.

Он чуть не столкнулся с магом, который тоже торопился встретить Тину и Лину. Князь

собирался присоединиться к их компании чуть позже: сейчас Ромуальд гонял слуг, обустроивая в мастерской все для осмотра картины. Кажется, созданный им же самим образ Лины увлек его не на шутку.

Встреча с магичкой была полезной и познавательной, при этом она сама осталась для него загадкой. Чтобы понять человека, которого не удалось раскусить сразу, у Ромуальда существовал простой, но эффективный прием. Надо было отрешиться от всего внешнего и попытаться по памяти написать портрет того, кто привлек внимание. Обычно чутье Ромуальда вытаскивало на поверхность все то, что таилось во тьме и портретируемый предстал в истинном свете.

Жесткая, логичная, холодноватая и прижимистая Лина на картине показалась воплощением щедрости, доброты и... любви?

Чтобы представить модели ее портрет, он долго выбирал наилучший фон и освещение, велел поставить диванчик так, чтобы с него открывался наилучший вид на картину, а рядом приказал разместить столик с напитками и закусками.

Вот это он сделал с целью задержать девушек в мастерской для разговора. Неизвестная подруга Лины его не интересовала, зато саму артефакторшу ему было о чем спросить.

То, что вчера рассказал его маг и то, что поведал советник, пугало. Ромуальд не мог так блестяще анализировать факты как Дамиан и ничего не понимал в магии, но одно было ясно: против него строит козни некто сильный и могущественный. Причем строит их давно и можно сказать что эффективно. То, что у княжества до сих пор нет наследника, можно отнести на счет врага и записать в его успехи.

По почерку это более всего походило на действия империи. Так она присоединила не одно вольное княжество или независимое герцогство. Мелкое государство, оставшееся без законного повелителя, становилось легкой добычей императора. Обычно он забирал артефакты власти в особое хранилище, а в княжестве или герцогстве сажал своего наместника.

Иногда Ромуальд малодушно думал, что, может, оно было бы к лучшему. Бремя власти его тяготило, он не получал от своего статуса никакого удовольствия. Недаром он передал почти все свои функции советнику Дамиану Орану ле Сиртажелю. Тот отлично справлялся с управлением и почти не беспокоил своего господина, не пытался оторвать его от творчества.

Но иногда, вот как сейчас, Ромуальд не мог избежать ответственности, налагаемой его ролью. От него требовалось проявить решительность, думать и действовать и никто не был способен его заменить.

В такие минуты переход под власть императора казался князю даже привлекательным. Но он отлично знал, что законы империи значительно суровее законов княжества. Для его подданных это означало бы увеличение налогов и уменьшение прав и свобод. На это благородный Ромуальд пойти никак не мог.

Существовали еще Гремон и Сальвиния, которым прибавка в виде далеко не бедного княжества не помешала бы. В Девяти королевствах и законы были мягче, и ментальность ближе к той, что была привычна жителям Амондирана, но... Отказавшись от своей власти в пользу того же Гремона, он вверг бы его в войну. Империя никогда просто так не отказывалась от того куска, на который успела нацелиться.

Оставалось сохранять статус — кво и молить богов, чтобы до самой смерти ему не пришлось принимать решений, за которые потомки станут его проклинять.

Но сейчас стало мучительно ясно, что отсидеться в углу не получится. Если не отвечать

на активные действия врагов, как раз попадешь в узкий каменный ящик, который похоронят в семейном склепе, а княжество станут раздирать междоусобицы, после которых суровая лапа Империи сахаром покажется.

Так как первый шаг на пути противодействия врагу был сделан с помощью магии, то продолжать следовало тоже посоветовавшись со специалистом в этой области. Стефан не годился. Ромуальд прекрасно представлял себе его потенциал: верный, преданный, честный, но великолепным профессионалом Гелфинда не назвал бы даже полный профан. Недоучка.

А вот Эммелина Кавериско не зря называла себя магистром. Ее навыки произвели впечатление даже на скептического и далекого от магии Дамиана, а уж Ромуальд был просто потрясен.

Поначалу он не мог для себя решить, стоит ли доверять магичке, и именно для этого взялся за ее портрет. Поза и антураж пришли к нему не сразу. Поначалу он хотел изобразить Лину такой, какой она перед ними предстала, но работа не шла. Тогда он отрешился от всяческих мыслей и дал своей руке творить без прямого участия сознания. Результат поразил его самого. Той женщине, что возникла на полотне, хотелось доверять, хотелось отдать всего себя, нырнуть в ее объятия и спрятаться там от всех земных невзгод. Такую теплоту он не чувствовал даже в родной матери. Хотя, надо сказать, покойная княгиня была женщиной суровой и менее всего склонной прятать детей от жизни на своей груди.

Так что Ромуальд готовился к визиту которую в душе он уже назначил своей защитницей и спасительницей. А в это время в малой гостиной Дамиан знакомился с Тиной. Представлявший их друг другу Стефан внезапно почувствовал, как у него сжимается сердце. Прекрасная Валентина, которая давно уже заняла там место, смотрела на советника совсем не так, как на мага. Ее открытый и дружелюбный взгляд стал томным и влекущим. Она улыбалась так пленительно, что ошибиться было нельзя: Дамиан ей понравился и она решила его завоевать. А он, Стефан, был для нее лишь ступенькой на пути к этой цели.

Лина смотрела на встречу этих двоих и слегка посмеивалась. Ведьма была полна решимости очаровать понравившегося мужчину, но зря тратила заряды своих чар. Зачем осаждать крепость, ворота которой широко открыты? Разумный и трезвый советник сейчас был как упившийся крепкого вина. Он не видел вокруг ничего, кроме дивных глаз Тины и ее нежных губ, соображал с трудом и понимал только, что его пока не отвергают. Думать о чем-нибудь другом сейчас он был не в состоянии.

Хорошо, что многолетняя выучка не подвела. Если бы не привычки дворцовой жизни, он бы так и стоял столбом, не в силах оторвать взор от личика красавицы — ведьмы. Но к счастью язык сам произносил заученные раз и навсегда фразы про погоду, поездку, радость знакомства с такой прелестной особой и о том, что князь тоже будет счастлив увидеть у себя в гостях достойных дам. Он желает показать госпоже Эммелине и ее подруге нечто, и как только будет готов, то за ним явится слуга. А пока... Может быть дамы желают фруктов и вина?

Тина от угощения отказалась и села на диван, время от времени посылая стрелы своих лукавых взглядов прямо в сердце советника. Лина же решила брать быка за рога:

— Очень мило с вашей стороны так нас принимать, как будто мы высокие особы. Поверьте, я в восторге. Но...

Она обратилась к магу:

— Стефан, дорогой, надеюсь, ты поставил господина советника в известность о том, чем мы были заняты две декады напролет?

И снова повернулась к Дамиану:

— Я хотела осведомиться, нет ли новых сведений. Меня все это очень беспокоит. Раз уж я взялась помогать Его Светлости в этом деле, то негоже будет бросить все на полпути.

Советник с трудом оторвал взгляд от Тины и включил мозги. Сказать ей, что сведения есть? Но рисунок так и остался в мастерской князя. Вчера они решили его оттуда не выносить: в замке не так много безопасных мест и мастерская — одно из них. Туда даже горничные убирать ходят под личным присмотром Ромуальда.

Выручил маг:

— Лиана, кое-что удалось прояснить, но... Прошу тебя, не сейчас. Сначала ты должна увидаться с князем и полюбоваться на сюрприз.

Дамиана порадовала реакция Эммелины. Она не стала настаивать, сразу кивнула и замолчала. Любая из его знакомых дам на слова: «Прошу тебя, не сейчас» стала бы настырно выяснять, почему он счел это время неподходящим и настаивать на немедленном получении ответа. Тина. Кстати, даже не обратила внимание на их короткий разговор, а продолжала загадочно улыбаться, устремляя взор то в окно, то на советника.

Слуга от князя все не шел и Дамиан мучительно старался придумать, как заполнить неловкое молчание. Задал пару вопросов вежливости, на которые получил ожидаемые пустые ответы, затем спросил:

— Не скажете, почему вы сократили свои имена до «Лиана и Тина»?

Ведьма загадочно промолчала, а магичка фыркнула:

— Что прикажете с ними делать? Имена длинные, не сразу и выговоришь. А Тина и Лиана — коротко, удобно и в рифму. Нас так в Университете звали.

— Ну, — не сдавался советник, — Я бы сократил имя Эммелина до Эмма. Красиво звучит.

— Нет, — резко ответила девушка, — Только не Эмма. Меня так звала мать, которая меня бросила, отец, который меня продал, и муж, которого бросила я. Это имя мне неприятно.

— А меня всегда звали Тина, — подала голос ее подруга, — Мама специально подбирала мне имя, которое можно было так сократить. Когда мы с Эммелиной познакомились, я подумала, что имя Лиана ей подойдет и будет отлично рифмоваться с моим. Вот так и получилось.

Как раз после этих слов пришел слуга звать их в мастерскую князя.

Под эту цель в замке было переделано несколько комнат в той его одноэтажной части, которая многие годы простояла заброшенной. По приказу Ромуальда их соединили в одну, снеся некоторые перегородки, а некоторые превратив колоннаду с арками. Часть потолка застеклили, как будто собирались устроить оранжерею, и получилось идеальное для человека искусства помещение.

Кроме мастерской художника там было и место для занятия музыкой, и кабинет, и хранилище музыкальных инструментов, и часть, предназначенная для отдыха, и даже крошечная сцена и места для слушателей или зрителей. Правда, вся эта роскошь использовалась крайне редко: Ромуальд терпеть не мог, когда кто-нибудь врывается в эту святую святых. Азильда побывала там лишь однажды. Сразу после свадьбы князь загорелся идеей написать портрет своей красавицы — жены, но его талант сыграл с ним злую шутку.

Азильда предстала на полотне как живая, но все недостатки ее характера, о многих из которых Ромуальд тогда и не подозревал, просто бросались в глаза. Глупость, суетность,

мелочность и злобность не укрылись от внутреннего ока художника.

Возможно, сама молодая княгиня и не заметила бы этого, но рядом были ее мать и сестры, еще не уехавшие к себе в Сальвинию. Они живо разъяснили красотке, что муж ее не любит, иначе не нарисовал бы вместо Ази такую противную, глупую стерву. Азильда обиделась, а у Ромуальда открылись глаза на качества жены.

Больше он ее в мастерскую не пускал, а она и не стремилась.

Пожалуй, именно с этого момента брак этих двоих и потерпел крах. Все остальное стало просто естественным продолжением.

Сейчас же князь встречал здесь женщину, поразившую его не красотой, а именно что своими внутренними качествами, свидетельством чего должен был стать получившийся портрет. Он очень волновался. Наверное, лучше было бы, чтобы Эммелина пришла одна. Все-таки представление портрета модели для художника — момент интимный. Но Стефан с Дамианом зачем-то настояли на визите еще и этой подруги...

Для Ромуальда подруга героини всегда была неким туманным, невыразительным персонажем и видеть ее он не хотел, но сопротивляться своему советнику не был способен. Так что в его ожидании была некая толика раздражения. Вот наконец в галерее, ведущей к мастерской, раздались гулкие шаги и голоса, дверь распахнулась и...

Ромуальд потерял дар речи.

Перед ним в очаровательном темно — зеленом платье из хотейского шелка, как нельзя лучше оттенявшем ее достоинства, стояла очаровавшая его женщина, а рядом с ней... Нет, это невозможно! Рядом он увидел чудо, волшебное видение, совершенство, богиню! Синий шелк струился по стройному стану, подчеркивая идеальные формы, белое лицо, казалось, светило само собой, прелестные губы нежно и призывно улыбались, а темно — серые глаза сияли дружелюбием и добротой.

Появление такой красавицы сейчас, именно в этот момент, было как удар в солнечное сплетение. Ромуальд даже забыл на минуту как дышать.

Мужчины любезно пропустили дам вперед и послужили им отличным фоном, отчего удар получился еще более сильным.

К счастью, советник заметил, что с князем не все в порядке и взял дело в свои руки. Пара слов, несколько шагов и движений — и вот уже все вошло внутрь и совершился процесс представления красавицы. Затем Дамиан твердой походкой повел всех туда, где все было подготовлено к показу картины.

Она стояла на треноге, прикрытая полотном. Ее еще предстояло досушить и покрыть лаком, но Ромуальд не стал этого дожидаться и сейчас тихо этому радовался.

Когда обе гостьи, совершенно не понимая, зачем они тут, разместились на диванчике, князь быстро подошел и сорвал завесу с картины. Не ожидавшие этого девушки тихо ахнули, а Эммелина еще и прижала руки ко рту.

— О Боги! — раздался тихий голос Тины, — Это прекрасно! Как вы смогли уловить ее сущность, князь? Вы же видели ее всего один раз! Я всегда знала, что Лина именно такая, но вы сумели это показать!

Лина молча прижимала ладони к щекам, которые неотвратимо заливала краска смущения. Картина была почти признанием в любви. Но... Она была написана до того, как Ромуальд увидел Тину. А теперь... От Лины не укрылся тот ошарашенный взгляд, которым князь встретил ее подругу. Художник мимо такой красоты не пройдет, об этом нечего и думать.

Пожалуй, в этот момент Лина впервые в жизни позавидовала красоте подруги, но тут же отбросила от себя эти мысли. Ей в любом случае тут ничего не светило, да и зачем? Мужчины в ее жизни до сих пор играли только отрицательную роль. Ну, или были заказчиками. Пусть так все и продолжается. Ей, простой и не слишком красивой девушке, незачем мечтать о любви князя, да еще к тому же писаного красавца, наделенного таким потрясающим талантом!

Ей достаточно того, что он по памяти написал ее портрет, да еще такой! Лестный донельзя! Она на нем — просто воплощение летнего дня. Никто и никогда не делал ей большего комплимента и скорее всего уже не сделает!

Тина пребывала в смятении. Она заметила, как смотрел на нее князь. Это было невообразимо лестно, но... Она уже сделала выбор. Конечно, советник не так красив и возможно, не так талантлив... Зато у него есть другие достоинства. Он — надежный, это прямо на лице написано. Еще он — защитник. Ромуальда же самого нужно защищать. А главное — Дамиан высокого роста и широк в плечах.

Когда Тина увидела портрет Лины, она утвердилась в правильности своего выбора. Такой портрет мог написать только влюбленный, а вставать на пути любимой подруги она не собиралась. Ничего, что Ромуальд сейчас на нее глаза пялит. К Лине он явно неравнодушен и, если Тина не будет перед ним маячить, то он снова обратит внимание на подругу.

Мысли о разности их общественного положения Тине, как обычно, на ум не пришла. Для ведьмы семья и брак никогда не были жизненной ценностью, несмотря на то, что она все же побывала замужем. Сейчас она думала о чувствах, близости, даже о заботе и желании сделать другого счастливым, но официального оформления отношений ее мысли не касались.

Наблюдавший за всей сценой Дамиан увидел главное: его богиня пришлась по вкусу его господину. В отношении женщин он никогда не был слишком самоуверен. Постоянное соседство с красивым и талантливым другом, который одновременно являлся и его начальником, давно излечило Дамиана от слишком восторженного взгляда на самого себя. Выбор в данном случае был за Тиной, а сомневаться в том, кого она выберет, не приходилось.

Если бы он заранее знал, то встал бы на уши, но не допустил, чтобы в приглашение вписали имя Валентины Скарель. А теперь поздно. Он сам все прошляпил.

Судя по портрету, князь увлекся Линой. Если бы она пришла одна, то... ну, в общем, такие, как Эммелина Кавериско, из своих рук ничего не выпускают. Она сильная личность и смогла бы увлечь Ромуальда до такой степени, что он перестал бы замечать других женщин. Но для этого должно было пройти время. А теперь поздно. Он уже видел Тину и она ему очень понравилась.

То, что Тина могла предпочесть не князя, советнику в голову не приходило. После первых охов и вздохов Лина нашла в себе силы поблагодарить князя. За что, она и сама не знала, но чувствовала благодарность и должна была ее выразить. Похвалила мастерство и талант автора, на что он, явно кокетничая, переадресовал все восторги модели. Чудо скрыто в ней, он лишь перенес его на полотно. При этом Ромуальд бросал горящие взоры в сторону мило улыбающейся Валентины.

Терпеть это было невозможно и Дамиан решительно перевел стрелки. Напомнил, что как раз вчера князь вспомнил и зарисовал тех гостей, внешность которых полностью выпала

из памяти слуг.

Лина была рада сменить тему и живо заинтересовалась:

— Ой, покажите, покажите!

Гордый своими успехами Ромуальд достал рисунок и положил его Лине прямо на колени. Она глянула, вздрогнула всем телом и подняла на него совершенно очумелые широко распахнутые глаза.

— Но как?..., — прошептала она, — Не может быть! Он же один, а не двое!..

— Ты кого-то узнала? — интерес Ромуальда был неподдельным, — Я нарисовал двух родственников моей беглой жены: Зигфрида фар Гонтмайера и Спироса Кентавриона. Один из Гремона, другой из Сальвинии. А по — твоему это кто?

Круглое личико Лины вытянулось.

— Вам не кажется, что это один и тот же человек, только в разных одеждах? Изменений в лице легко было достичь минимальным гримом: брови погуще, бородака, другая прическа, и все.

— Но я их видел вместе одновременно! — почему-то возмутился Ромуальд.

— Я ничего не хочу сказать, Ваша Светлость. Но картинка говорит сама за себя.

Князь задумался.

— А знаешь... Я ведь тоже их не помнил. Вообще-то это странно, у меня, как у художника, память на лица профессиональная. А эти двое... Как будто их лица в моей голове мокрой губкой смыли. Но вот рука... Она не забыла. Я подумал об этих людях и она сама нарисовала!

Дамиан нагнулся над рисунком. Он уже видел его вчера, но сегодня захотелось рассмотреть подробнее. Действительно, почти одно лицо. Малоприятное, надо сказать. Одутловатое, обрюзгшее, со свисающими брылями, маленькие глазки — буравчики под тяжелыми надбровными дугами, мясистый нос, на кончике загибающийся к губе... Противный тип. Разницы всего ничего: у одного густые, кустистые брови — у другого обычные, у одного есть на подбородке волосатая бородавка — у другого вместо нее жидкая и короткая борода.

Он задал вопрос в корень:

— Лина, вам этот тип кого-то напоминает?

Она тяжело вздохнула:

— Очень. Вылитый мой покойный муж магистр Герард Кавериско. Вашу память и память всех в замке явно подчистили, чтобы никто ничего не понял и не вспомнил ненароком. Только ваша внутренняя память художника не подвела, потому что связана с рукой, а не с глазами. Так что кто-то из этих двоих — мой супруг.

— И кто из них больше на него похож? — быстро спросил Ромуальд.

Магичка не замаялась с ответом.

— Оба. И никто. Если это Герард, то под личиной. Но общий склад лица, фигура, выражение и еще некоторые черты позволяют утверждать: под одним из этих ваших гостей скрывался именно он. А это очень плохо.

— Почему?

— Потому что он гораздо опытнее меня. Ему я могу и проиграть. Одна надежда — его наняли для разового заказа. Но... Если он сейчас в Империи, его могут нанять снова! И потом — я его боюсь!

Это было видно невооруженным глазом: Эммелину била крупная дрожь. Тина

вскинулась и обняла подругу за плечи, желая подбодрить. Дамиан тоже решил внести свою лепту.

— Успокойтесь, Лина, — сказал он веско, — Это все прошлое. Никто не собирается сталкивать вас с вашим мужем лоб в лоб. С вашей помощью ситуация прояснилась и нам нужна консультация: что может предпринять Азильда и те, кто за нею стоят и какие контрмеры доступны нам.

— Да — да, — встрял Ромуальд, — Лина, дорогая, посоветуй, как нам сделать так, чтобы Азильда потеряла все права и я смог бы все-таки жениться. Ничего не делай, просто придумай. Ты же очень умная.

Бедная магичка вздохнула и грустно произнесла:

— Я думаю над этим уже две декады. Все время с тех пор, как вы ко мне пришли. Даже не хочу, а думается. И вот что я скажу: выхода нет. Надо идти к этой вашей Азильде и забирать у нее кольцо. Если, конечно, Ваша Светлость не готова расстаться со своим статусом князя и отдаться под крепкую руку императора.

Дамиан подозревал, что так оно и есть, но все же надеялся на другой ответ. Услышав слова Лины, он поверил им окончательно и бесповоротно. Вставал вопрос: как добраться до Азильды и уговорить ее отдать кольцо. Он не раз слышал, что его единственный способ забрать родовой артефакт — чтобы княгиня сняла его по доброй воле. Еще она должна произнести ритуальную фразу, которая магически зафиксирует ее отказ от всех прав фактически будет означать развод.

Но как этого добиться? Как хотя бы добраться до Азильды? Ни одному из его людей пока не удалось проникнуть в Стомбир.

Ромуальду слова Лины не понравились:

— Ты думаешь, у меня нет другого выхода? Уверена? А если ты заблокируешь Азильде все функции кольца?

Лина пожала плечами:

— Могу, в принципе. Только тогда придется рвать его связь с вашим полностью. В результате вы лишитесь родового артефакта, потому что ваш перстень имеет смысл и ценность только в паре. А он, насколько я знаю, кроме функции внутрисемейной связи, несет еще и сакральный смысл как символ княжеской власти.

— Но можно же сделать новую пару?!

У артефакторши от удивления глаза на лоб полезли:

— Вы так думаете? Простите, князь, удивлена вашей наивностью. Все артефакты власти создавали великие маги древности. В них вложена сила, замешанная на крови первых властителей, которой хватило на века! Сейчас мы, возможно, не менее искусны, но такими силами не владеем и не управляем, а магия крови запрещена. Те королевства, герцогства и княжества, артефакты которых по каким-либо причинам лишились вложенной в них изначально силы, потеряли свою независимость.

Князь бы возмущен.

— То есть, ты хочешь сказать, что у меня нет выхода? Я должен отречься и бросить свою страну как кость мерзким имперским шакалам?

Лина не успела ответить, что ничего такого она не говорила. Влез молчавший всю дорогу Стефан. Он долго наблюдал и думал, понимая, что в этом раскладе ему если что и достанется, то это будут жалкие огрызки, да и то потом. Зато разговор об артефактах и Азильде давал ему возможность показать себя с лучшей стороны.

— Нет, Ваша Светлость, вы Лину не так поняли. Она сказала, что выход лежит не в магических действиях, а совсем в другой стороне. Агентам Дамиана пора уже добраться до Азильды. Правда, как они станут ее уговаривать, я представить себе не могу.

На слове «уговаривать» глаза Лины хищно блеснули:

— Ей можно, например, сказать, что кольцо блокирует ее способность к близости с мужчиной и возможность забеременеть. Это так и есть, думаю, она в этом уже убедилась. А вот если она кольцо снимет... Думаю, внушить ей что-нибудь не так уж сложно. Насколько я слышала, госпожа княгиня умом не отличается. Только информацию надо подавать ей под соусом заботы о ее благополучии и счастье. По другому она ее не съест.

Дамиан саркастически хмыкнул:

— До нее еще надо добраться... Сдается мне, в Стомбуре Азильда на положении почетной пленницы. Вряд ли к ней допустят постороннего. Ни торговцев, ни артистов, ни целителей к ней до сих пор не пустили, — он на минуту задумался, — Правда, до сих пор это были мужчины. Возможно, женщине это удалось бы. Женщин в империи ни в медный гост не ставят и опасности от них не ожидают.

* * *

После этих простых слов в комнате вдруг повисла тишина, а затем ее разорвал крик Тины:

— Нет! И даже не мечтайте! Ни за что!

Дамиан испуганно отшатнулся:

— О чем вы, Валентина? Я еще ничего не сказал!

Глаза девушки хищно блеснули.

— Зато подумали! Я по глазам вижу: подумали и придумали! Так вот: забудьте! Я ни за что не позволю, чтобы Лина подверглась такой опасности!

Она вскочила и заставила подняться сидевшую молча подругу, затем заговорила уже спокойнее, обращаясь к князю:

— Ваша Светлость, все было замечательно, картина ваша — просто потрясающая, вы — гениальный художник! Спасибо вам за все, а теперь мы пойдем, правда. У нас с Линой на сегодня еще много дел.

И она потащила артефакторшу к выходу. Та криво усмехалась, но молча шла за красавицей — ведьмой.

Мужчины же просто остолбенели. Никто не ожидал ничего подобного, поэтому никто не успел сразу прореагировать. Дамиан понимал, что девушек нужно во что бы то ни стало остановить и объяснить им, что никто их обижать или использовать не собирается.

Хотя... Тина права: когда он говорил, то глядел на Лину и понимал, что лучше нее с Азильдой никто не справится. Вот только план составить не успел, эмоциональная ведьма поняла его лучше, чем он сам и предупредила все, что он мог бы сказать по этому поводу.

Теперь она считает его гадом. А жаль. Даже если ему не судьба быть с ней вместе, то все равно не хотелось выглядеть в ее глазах подлецом, который всех только использует и во всем ищет выгоду.

Надо их остановить и попробовать объясниться.

Дамиан сделал пару шагов к дверям и своими длинными ногами почти обогнал девушек,

как вдруг Ромуальд сорвался с места, побежал за удаляющейся парочкой и схватил Лину за руку.

Возможно, он предпочел бы руку Тины, но та шла впереди и обе руки у нее были заняты: одной она тащила на буксире подругу, а другой прижимала к груди обшитую стеклянсом сумочку.

А вот Лина рука свободно висела вдоль тела, так что сами боги велели за нее хвататься.

Пойманная князем артефакторша остановилась. Тина дернула ее пару раз, но заметила, что происходит, и тоже встала как вкопанная. Только выглядела она сердито и позу выбрала вызывающую.

Дамиана удивило поведение целительницы. Казалось, ей безразлично, что они с князем находятся на разных ступенях социальной лестницы и обижать того, кто стоит настолько выше тебя, не следует? Или девушка не осознает, что при желании имеющейся у Ромуальда власти хватит, чтобы принудить ее к чему угодно, и она не сможет оказать сопротивления?

Но князь не торопился гневаться. На его красивом лице возникло хорошо знакомое Дамиану выражение: «Ну как вы можете про меня плохо думать? Я же такой лапочка!» Синие глаза, устремленные на Тину, были полны детской обиды и недоумения.

Ведьма смутилась и опустила глаза, а Ромуальд еще и спросил:

— Валентина, разве я сделал тебе или ей что-то плохое, что ты так спешишь меня покинуть? Ладно, мой советник придумал что-то, что угрожает твоей подруге. Но я-то в чем виноват?

Тина надулась и не стала отвечать, вместо нее заговорила Лина:

— Ваша Светлость, простите, никто и в мыслях не имел вас задеть. Просто моя подруга... ммм... слишком эмоциональная особа. Ей показалось, что мне что-то угрожает, а она привыкла меня защищать. Как и я ее.

— Я не сержусь на твою подругу, Лина, — ответил Ромуальд, на лице которого засветилась его коронная улыбка: нежная и немного виноватая. Она была адресована всем, но так, что каждая девушка приняла ее на свой счет.

Мало кто мог сопротивляться, когда князь так смотрел и улыбался, Тина не стала исключением. Она спросила, потупившись:

— Так что же вы от нас хотите?

Улыбка Ромуальда стала широкой и торжествующей.

— Оставайтесь! Посидите с нами, выпейте вина, закусите фруктами и мы немного поболтаем. Здесь обычно очень скучно, а ваш визит — радость для меня.

Девушки не стали упрямиться и, держась за руки, вернулись на диванчик.

Дамиан благодарил богов, которые создали князя таким, что ему невозможно противиться. Кого угодно уговорит на что угодно, лишь бы ему самому этого захотелось.

После выхода Тины о делах с кольцом княгини разговор больше не заходил. Сначала Ромуальд рассказывал о своих произведениях, даже показал четыре картины, сыграл пару отрывков на разных музыкальных инструментах и спел несколько песен.

Лина взялась ему подпевать. Еще бы, песни то все известные! У нее оказался низкий, красивый, мощный голос, богатый обертонами, и пела она с удовольствием, полностью отдаваясь музыке. Глядя на нее поющую, Дамиан подумал, что князь, как всегда попал в точку с портретом. Сейчас она именно такая и была.

У самого Ромуальда голосок был красивого тембра, но довольно слабый. Очень быстро

Лина под него подстроилась и теперь их голоса сливались, красиво оттеняя друг друга. Когда они закончили, князь спросил:

— Где ты училась петь, Лина?

Она пожала плечами.

— Нигде. Я с детства люблю музыку и привыкла петь за работой. Даже заклинания стараюсь напевать на какой-нибудь знакомый мотив, так проще выдержать ритм да и запомнить легче.

Мужчины вспомнили, как она колдовала в их присутствии и не стали продолжать тему. Вместо этого Ромуальд обратился к Тине:

— Валентина, насколько я понял, вы — моя подданная. Лина — она просто приезжая, а вы отсюда родом?

Девушка покачала головой.

— Я тоже не местная. Мне дом в Ардене достался по наследству от мужа, а ему в свою очередь от бабушки. Вот она была здешней уроженкой, только вышла замуж за парня из Лиатина, а потом они вместе переехали в Элидиану, потому что у парня нашли приличный магический дар. Там их родился их сын, вырос, женился и его жена родила Этьена, у которого дар был еще больше.

Тина глубоко вздохнула, вспомнив мужа, и продолжала:

— Здесь остался дом ее родителей, куда старушка уехала после смерти мужа. Его она завещала внуку, я унаследовала уже за ним. А так как больше нигде в мире у меня собственности нет, то приехала жить сюда. Но родилась я в Элидиане. Моя мама была ведьмой, бежавшей туда из Кортала.

Дамиан хмыкнул:

— Я смотрю, все куда-то откуда-то бежали, никто на месте не сидел.

На это откликнулась Лина:

— Все маги и ведьмы бежали и бегут в Элидиану, потому что там для них законодательство наиболее благоприятное. Да и магическое образование там одно из лучших. Одного не учитывают: при такой их концентрации слишком велика конкуренция.

— Мне кажется, — возразил Дамиан, — Не с вашей квалификацией жаловаться на конкуренцию. Маги — артефакторы такого уровня везде на вес золота.

Девушка поспешила с ним согласиться:

— Не буду спорить, моя специальность действительно востребованная. Но возьмите Тину. В Элидиане даже в самом крохотном городишке живет три — четыре ведьмы — целительницы и все достойного уровня. Зачем там пятая? У нее не будет дохода, да и остальные не обрадуются конкурентке. А здесь... Да она на весь Амондиран одна такая!

Тут соглашаться пришлось уже Дамиану и он покорно закивал, но думал совсем не об этом. Все, что было сказано за этот день сложилось с тем, о чем он размышлял раньше и в голове у советника начал вырисовываться ПЛАН...

Права была Тина, ой, права! Коварные думы Дамиана были именно о том, что послать к Азильде надо женщину, а женщин среди его агентов как раз и не было. Вернее, были две тетки на возрасте, но толку от них... Только следить да подслушивать и годятся.

А Лина и Тина... Во — первых, близкие к Азильде по возрасту, что немаловажно. Совсем девчонок или старух она и слушать не станет. Во — вторых, та же Лина при желании уговорит кого угодно. Просить не станет, а железными аргументами загонит в угол, запугает до заикания и у глупой княгини просто не останется выхода. При этом сделает все мягко,

так, что та и не поймет, что на нее давят и заставляют.

Сам советник никогда ни в чем не мог убедить княгиню Азильду. Она чувствовала, что не нравится этому мужчине и поэтому любое его мнение или предложение встречала в штыки. Зато своих «придворных дам», этих двух дур, слушала всегда с большим интересом, какую бы глупость они не несли. Сейчас она их лишена, волею советника эти две болтушки так и застряли в Нидоре. Вряд ли в Стомбуре к Азильде приставили милую женщину, внушающую доверие.

Лиана же располагает к себе с первого взгляда, особенно когда не демонстрирует свои магические умения, а просто разговаривает.

О Тине он и думать не хотел, но думалось. Главной проблемой до сих пор было внедрить своих людей в крепость. Мужчинам не удалось и близко подобраться. Ни один предлог не сработал.

А Тина!.. Она же ведьма! А если ведьма захочет кому-нибудь что-нибудь внушить, она это сделает. Ее никакие стены не удержат! Наоборот, ее еще будут любезно приглашать, а она станет упираться и согласится только тогда, когда сможет вертеть тамошним гарнизоном как захочет.

О том, как его любезная красавица будет оттуда выбираться, он старательно не думал. Главное, что вертелось у него в голове: если послать туда этих двух девиц, дело будет в шляпе.

Попутно он убеждал себя, что им ничего не грозит. Их не знает там никто, да и здесь они пока что были не на виду. Приехали обе недавно, если уедут, никто не удивится. Отправились погостить к родственникам.

Да, точно! Так и нужно сделать! Отсюда они поедут в Гремон, а уже оттуда направят свои стопы в сторону Империи, так никто не свяжет их с Амондираном. Можно и бумаги выправить: вроде одна из них получила наследство на другом конце империи, вот и едут его получать.

Дамиан обсасывал в уме детали и совсем отстранился от беседы, которая тем временем подошла к концу.

Все пришли к выводу, что, хотя девушки и не могут в строгом смысле этого слова считаться подданными амондиранского князя, но как местные домовладелицы и полезные для княжества жители безусловно находятся под его прямым покровительством.

Эта формулировка примирила всех.

Князь еще раз выслушал комплименты своему таланту, предложил Валентине написать ее портрет, а Эммелине — спеть цикл его новых песен в придворном театре, чем очень удивил артефакторшу. До сих пор она полагала, что ее пение годится только для домашнего употребления.

Обсуждение этой темы заняло какое-то время, но как раз после нее гости встали и начали раскланиваться: им пора домой.

Князь хотел бы их еще задержать, но понимал, что это уже неприлично. Он был хорошо воспитан. Дамиан же смотрел и думал: как сказать им то, что пришло ему в голову? Делать это здесь и сейчас было неуместно и он отложил разговор. В конце концов, завтра съездит и обсудит все с Линой без свидетелей. Несмотря на недавнее происшествие, по которому могло показаться, что Тина верховодит, он точно знал: все решения принимает пухленькая магичка.

Они уже шли к выходу, провожая дам до кареты, как непосредственная ведьма вдруг

выдала:

— Ой, как у вас тут пустынно! Я себе княжеский двор совсем иначе представляла!

Ромуальд захихикал: он лично приказал как советнику, так и мажордому обеспечить, чтобы никто лишний не увидел их сегодняшних гостей. Дамиан же пояснил:

— Вы совсем не знаете, что такое княжеский двор. Во — первых, он не королевский и людей тут немного. Гвардия, офицеры — они на своих местах и несут службу. Стража — тем более. Бездельных придворных князь не держит, все чем-то заняты. А что слуг не видно... Мы с вами идем теми частями замка, где по сути никто не живет. Вы вошли не через главный вход и там же выйдете. Все сделано, чтобы сохранить вашу приватность.

Лина подняла на него слегка удивленный взгляд:

— Это забота?

— Да, — твердо ответил советник, — Забота о вашей репутации. Тех, кто входит в главный вход видит все Ардена. Видит и обсуждает. А так как княгини нет в городе и все это знают...

— Понятно, — усмехнулась Лина, — А куда, кстати, делись придворные дамы княгини Азильды? Они сбежали вместе с нею?

Дамиан скорчил рожу, обозначающую, что ему не хочется отвечать, но все же сказал:

— Хороший вопрос. Нет, она бросила их в Нидоре. Это город у нас такой. Мой агент убедил их, что княгиня осталась в храме и молит богиню о даровании потомства, а они пока прохлаждаются в лучшей Ниданской гостинице за казенный счет. С Азильдой бежала только ее камеристка.

Он не стал добавлять, что труп этой девицы его агент нашел в канаве на полдороге между Арденной и Стомбиром. Девицу, по всей видимости, задушили и выкинули из экипажа.

За интересным разговором они покинули здание, прошли через небольшой парк и добрались до того места, где девушек ждала закрытая наемная карета.

Сюда Ромуальд не последовал, он остался в замке. Маг, как водится, держался на заднем плане, так что сажал красавиц в карету Дамиан. Когда садившаяся второй Лина подбирала юбки, он взглянул ей в глаза и со всей убедительностью произнес:

— Я обязательно посетю вас завтра. Нам нужно поговорить.

Магичка ничего не ответила, дверца захлопнулась и карета уехала.

* * *

По дороге домой Лина установила полог тишины и набросилась на подругу:

— Тина, что за цирк ты устроила? Зачем стала орать на господина советника? В чем вообще дело? Мы же не дома, в конце концов! Я еле сумела замять скандал!

Ведьма тут же надулась.

— О тебе заботилась, между прочим! Этот Дамиан! Он мне так понравился, так понравился поначалу, а оказалось... Он коварный тип! Хитрый и бездушный!

— Тин, у тебя все, кто сначала думает, а потом говорит, хитрые и бездушные. Как ты за Этьена-то выйти решилась? Хотя...

Лина вспомнила покойного мужа подруги. В чем другом, а в хитрости его обвинить было нельзя. Он по большей части молчал, но не потому что был себе на уме, а потому что

был прост как правда. Если бы заговорил, то ничего бы не изменилось.

А вот советник действительно хитрый тип. Умный, властный... Многое можно про него сказать. Но почему-то Лине казалось, что подлости в нем нет. Она в своей недолгой жизни не раз и не два имела дело с подлецами и хорошо их себе представляла. Умела видеть гнилое нутро за самыми красивыми декорациями. В Дамиане она ничего подобного не чувствовала.

Ясно, что он думает о том, как их использовать в этой ситуации. То, что в запальчивости крикнула Тина, просто лежало на поверхности, а Лина своим замечанием относительно того, как следует убеждать княгиню, просто кинула дров в топку воображения советника.

Конечно, дело это очень опасное как само по себе, так и тем, что там может находиться Герард. Но... В этом Лина сомневалась. Артефактор — не боевой маг. Это их берут на работу и платят поденно. Артефактора нанимают на однократное действие и берет он за это хорошие деньги. Такие, что задерживать его у себя желания не возникает.

Даже если Кавериско подался на службу к императору, тот вряд ли станет задерживать такого мага в Стомбуре. Чтобы магистр оправдывал свое жалованье, он должен быть постоянно занят работой. А такое возможно при дворе, а не в заштатной крепости.

Нет, вероятность встречи с Кавериско невелика.

Но страшно все равно. Если хоть десятая часть того, что говорят об империи, правда, то ни ей, ни Тине делать там нечего.

Пусть Ромуальд милый и его жалко, но себя гораздо жалче.

С другой стороны... Лина казалась всем и в том числе себе самой тихой, скромной, домашней девушкой. Но жила в ней авантюристка. Иначе вряд ли она сумела бы сбежать от ненавистного мужа, да еще два раза. Смогла все бросить и поперлась в эту дыру, чтобы начать все с нуля. Значит, есть в ней дух и жажда приключений.

Было и еще одно соображение: ей очень нравились и князь, и его советник. Они были очень разные, отличались друг от друга больше. Чем они с Тинкой, но оба были хороши. Ромуальд восхищал своими талантами и умением тонко чувствовать, а Дамиан...

Лина никогда не страдала от излишней скромности в оценке своих способностей и знала, что очень и очень неглупа. Так вот: с Дамианом ей было не тягаться. При таком князе тащить на себе целое княжество во всех аспектах... Для этого нужен мощный и очень продуктивный ум, а в ней это вызывало уважение, граничащее с преклонением.

Ее собственный мыслительный аппарат был, возможно, устройством более тонким, но гораздо менее эффективным, ведь ему приходилось решать только мелкие локальные задачи.

Маг тоже был симпатичен: хоть и не профессионал высшего класса, но и не дурак. Если его немного подучить, человеком будет.

Так что если этим троим надо, она готова съездить в империю и попытаться уговорить Азильду отдать кольцо. Конечно, если ее будут прикрывать. Тине она сказала:

— Скажи мне все-таки, что ты так вскинулась?

— Лин, ну неужели не ясно: они решили отправить тебя добывать кольцо этой дуры Азильды.

— Еще не решили, а ты уже заорала.

— А что, ждать, когда с ножом к горлу пристанут и вынудят поехать в эту самую империю? Велят дракону в задницу залезть?

— Ну почему сразу к дракону? — пожала плечами Лина, — Тебе что, не жалко бедного князя? Его же извести хотят, ты что, не поняла?

Тина в очередной раз надулась:

— Все я поняла и мне его жалко. Ромочка такая душечка! Я даже представить себе не могла, что он такой милый. Ты ему, кстати, очень нравишься, недаром он такой портрет написал.

Лиана рассмеялась:

— Думаешь, ты ему меньше нравишься? Милая моя, он же художник. Напишет твой и тут уж я скажу, что он в тебя влюблен.

— Ну и нет! — стала горячиться Тина, — Он не только художник, а еще и музыкант. Ты его еще и пением приворожила. Эх, будь у меня такой голос, я бы за короля замуж вышла.

— Да ты и без голоса можешь...

— Нет, без него трудно. Вот смотри: что бы ты ни сказала, всем кажется, что это разумно и правильно.

Потому что так оно и есть, — подумала про себя Лиана.

— Это просто твой тембр голоса на мозги действует не хуже ментальных заклинаний. Если же ты еще и петь начинаешь, то у людей вообще крышу сносит. Любая ведьма за твой голос все бы отдала, потому что это сила. Я уверена: князь тебя послушал и окончательно влюбился. Ну ничего, мне и советника хватит. Хоть и гад, а симпатичный.

Лиана рассмеялась. В этом вся Валентина: выбрала себе мужчину и теперь будет его добиваться. Но о любимой подруге тоже надо позаботиться, и ей кого-нибудь сосватать. Каждый раз забывает, что Лиана может отлично общаться с парнем, даже дружить, но постель для нее — закрытая тема.

Да ладно Тина... Плохо то, что мужчинам этого не объяснишь. В университете у Лианы, несмотря на простоватую внешность, было немало поклонников, и всех их приходилось отшивать. Обычно шла в ход байка о ее ужасном брачном контракте, где прописана абсолютная верность.

Что такое магический контракт ребята знали уже на первом курсе и больше не приставали. На самом деле ничего такого в Линином контракте не было. Просто Кавериско умудрился внушить ей такое отвращение к плотской стороне отношений, что до сих пор перебить его не удалось никому. Да Лиана особо об этом не заботилась. Это удел Тины, она без любви жить не может, пусть объект для нее и не очень важен. А Лина судьба — стать лучшей в своем деле. Она всегда искала не любви, а уважения.

Конечно, ей льстило внимание Ромуальда, его восхищение и что-то еще, чему она не могла найти имени. Чувство Лианы к нему было нежным и теплым, как к большому и милому ребенку. Да, точно, в ее отношении к князю проскальзывало что-то материнское. А вот советнику она была благодарна за то, что он видел в ней равную себе. Не просто держался как с равной, но и на самом деле так относился. В этом Лиана не ошибалась.

Если она справится там, где отступили агенты княжеской разведки, это поднимет ее в глазах как князя, так и его советника на недостижимую высоту. И вот с этой позиции она согласна дальше с ними разговаривать.

* * *

Через декаду после посещения княжеского замка, Лиана и Тина вышли из местного портала в одном из городов Гремона, откуда шла дорога на перевал и далее в империю. С

собой у них было по саквояжу, в каждый из которых при желании можно было запихнуть пару быков, и по маленькой дамской сумочке, имевшей те же полезные качества. За такие изделия Лина брала от пятидесяти до трехсот золотых, но подруге сделала бесплатно.

— Так, — сказала магичка, глядя на извлеченную из кармана бумажку, — нам на улицу Синего Ветра, в гостиницу госпожи Альмы.

— И что, дальше мы поедем в карете? А где ее возьмем?

— Тина, я тебе сто раз объяснила: наши новые вещи и карета как раз и ждут нас у этой самой Альмы.

— А почему дальше нельзя порталами? В карете же долго?!

Тина обладала одной малоприятной чертой. Если ей что-то не нравилось, она могла просто известить всех, по сто раз повторяя одни и те же вопросы. А это путешествие ей не понравилось задолго до того, как началось. Она не захотела бросить подругу, но желала показать свое недовольство происходящим.

Уже много раз все было переговорено, каждый шаг обсудили многократно и между собой, и с Дамианом, и со Стефаном, и все равно Тина упорно переспрашивала то, что и так прекрасно знала.

Заткнуть ее можно было одним способом: наорать. Тогда бы она обиделась и замолчала надолго. Но терпеть напряженное молчание тоже удовольствие ниже среднего, поэтому магичка долго и упорно сохраняла кротость и спокойствие.

Но тут наконец не выдержала и рявкнула:

— Заткнись! Сколько раз можно переспрашивать одно и то же?! Тебе больше делать нечего?

Тина надулась и замолчала, что дало ее подруге передышку и возможность выяснить у служителя порталного зала, где находится улица Синего Ветра. Оказалось, это совсем недалеко, два квартала на север. Через двадцать минут они уже заселялись в номер, где их ждали сундуки с платьями.

План Дамиана был на первый взгляд прост. Девушки должны были изображать знатную даму с компаньонкой. У дамы в империи умер родственник и оставил наследство: деньги и дом. Она едет его получить.

По мысли Дамиана, даму должна была играть Лина, но она наотрез отказалась.

— Ну какая из меня дворянка? Вот Тина у нас... Неизвестно, кто был ее отцом, но уж не меньше чем граф. Посмотрите на ее внешность, на осанку: порода сквозит из всех щелей. А если она еще не будет пользоваться своими ведьминскими способностями, все сразу поверят, что видят перед собой гремонскую дворянку не из последних.

Дамиан вынужден был согласиться. Хотя... Когда он рассказал о своей идее Ромуальду, тот устроил истерику и вопил: «Я тебе запрещаю впутывать девушек!» Но под гнетом разумных доводов одумался и согласился, только умолял, чтобы хоть Тину никто не трогал.

Лина была готова поехать и одна, только тогда пришлось бы менять всю легенду: она и впрямь не тянула на знатную даму. Но Тина этому воспротивилась. Сказала: если ты едешь, я еду тоже. В случае чего прикрою твою задницу. Кто что кому будет прикрывать — еще вопрос, — подумала Лина и согласилась.

Дамиан тщательно все подготовил. Предлог был хорош. Въехать в империю мог каждый, кто докажет, что у него там важное дело. Наследство, без сомнения, из таких, так что их не должны были развернуть на границе.

Конечно, богатая дама скорее воспользовалась бы телепортом, а не тащилась через всю

страну в карете... Но в Стомбире порталной связи не было. Поэтому Тина должна была изображать даму среднего достатка, которой порталы не по карману. А дорога из Гремона в сердце империи как раз проходила через Стомбир.

Если около этого населенного пункта у кареты отвалится колесо и сломается ось, то дамы застрянут там на пару дней. Вот их-то им должно хватить, чтобы добиться встречи с Азильдой и забрать у нее кольцо. Что будет с княгиней дальше, ни Ромуальда, ни советника не интересовало.

От города, где девушек ждала карета, до места назначения предстояло ехать больше декады. Как раз это время Дамиан отвел на то, чтобы они ознакомились с обстановкой. В гостинице госпожи Альмы их ждали не только сундуки с платьями, но и подробные инструкции, документы, а также карты местности, справочники, своды законов и все, что, по мнению советника, им стоило знать.

Лина вкратце ознакомилась с тем, что ей предстояло освоить, и поняла: если бы Дамиан дал ей эти бумаги раньше, еще в Амондиране, то фиг бы он ее уговорил поехать! Но сообщать об этом обиженной Тине она не стала. Все равно поздно что-то менять.

* * *

Первым предметом, который был извлечен из оставленных для них сундуков, стал конверт с документами. Его сцапала Тина и, пока Лина изучала карту и написанные твердым почерком Дамиана инструкции, сунула нос туда.

— Гертруда ар Дотцель и Амалия Шрайбер! — громко возгласила она, изучив паспорта и подорожные, — Фу, ну и имена они нам подобрали.

Кажется, она перестала дуться на Лину и собиралась привлечь ее к критике советника.

— Да нормальные гремонские имена, — буркнула Лина, не отрываясь от чтения очередного листа инструкции.

— Ага, нормальные. У тебя-то ничего: Амалия, а мне досталось... Гертруда! Жуть! Громыхает, как пустая кастрюля!

Лина обреченно вздохнула.

— Боги, какая разница! Это же ненадолго. Ты лучше привыкай пока время есть. Сокращенное от Гертруды будет Труди, а от Амалии — Мали. И попробуй изобразить гремонский акцент.

Тина тут же забыла про имена и заинтересовалась:

— Это как?

— Примерно как у ар Арвиля, — произнесла Лина, тщательно стараясь копировать произношение своего научного руководителя. Получалось похоже, — Помнишь?

Тина замотала головой.

— Да ну, я не повторяю. Я и слышала его всего несколько раз. Это ты у нас... с музыкальным слухом и памятью.

— Ну так копируй меня.

— Копия с копии? Фу! Нас так сразу раскроют.

Лина тяжело вздохнула. Она знала подругу: будет упираться и вредничать до конца, пока можно. Раньше, чем они пересекут границу империи, толку от нее не дожидаться. Зато потом будет стараться изо всех сил.

Но все же с акцентом приходилось что-то решать именно сейчас: без тренировки такое необразишь. Ей в голову пришло, что Тина выросла на юге, в окрестностях шикарного курорта Байи близ границы с Гремоне. Там произносят слова нараспев и точно так же говорят в Южном Гремоне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хорошо, ты можешь говорить так, как говорят простолюдины в Байях? Тянуть гласные?

Тина задумалась и выдала следующую фразу так, как будто с детства не покидала свою малую родину:

— Да легко! Почему бы мне не вспомнить детство золотое? Мамочка столько сил положила, чтобы научить меня разговаривать культурно, но забыть этот говор я просто не в силах.

— То, что надо! — воскликнула Лина.

Действительно, Тина не допустила просторечия, но заговорила чуть нараспев, мягко протягивая гласные, точно, как аристократы, родившиеся на юге.

Валентина тем временем вытащила из конверта копию завещания и письмо от имперского нотариуса со всеми положенными печатями.

— Ого, смотри, как подготовились! Можно подумать, это все настоящее. Мне, оказывается, дорогим двоюродным дедушкой Витольсом в память моей мамочки, которая была его любимой племянницей, завещан дом в городе Итсен. Ну-ка, глянь по карте, где это.

Лина карты любила с детства и хорошо умела их читать, поэтому нашла искомое почти сразу.

— В герцогстве Кирвалис. Это почти у Медных гор, через всю империю надо ехать.

Она через плечо заглянула в бумаги на коленях Тины.

— А есть подтверждение твоего родства с этим... завещателем?

— Сколько угодно. Генеалогическое древо фар Титцелей... Представляешь, эта Гертруда — урожденная фар Титцель. Ар Дотцель — имя ее покойного мужа. Не могли, что ли, не в рифму фамилии подобрать? Вот брачный контракт, метрика мужа и его свидетельство о смерти. Еще метрики Гертруды и ее мамочки... Гляди, она действительно с юга. Из Верины. Да, ты не дослушала про наследство. Кроме дома еще две тысячи золотых импералов. Это на гиты... Почти пять тысяч!

Тина никогда не имела особого достатка, хотя и не бедствовала, поэтому прозвучавшая сумма произвела на нее впечатление. Лина поспешила успокоить подругу:

— Что ты так возбудилась? Мы все равно туда не поедим, да и на самом деле никакое наследство нас там не ждет.

Ведьма сердито топнула ногой.

— Не нас, а меня! Не мешай мне чувствовать себя на пороге богатства! Я всю жизнь мечтала, что найдутся богатые родственники: отец или дядюшка, и оставят мне по завещанию пару — тройку тысяч... И вот как будто все сбылось!

Она прижала руки к сердцу и закатила глаза. Лину это страшно бесило, но она твердым голосом продолжала уговаривать подругу:

— Тин, успокойся. Если мы удачно съездим, то получим не меньше. Ромуальд обещал по три тысячи золотых, освобождение от налогов и какие-то не то уголья, не то промыслы... В общем, что-то, приносящее стабильный доход.

Ведьма так быстро повернулась к Лине, что все бумаги с ее колен попадали на пол.

— А ты уверена, что мы удачно съездим, а не сгинем где-то в застенках этой проклятой империи? Вспомни: ты маг, а я ведьма! Да еще мы с тобой собираемся сорвать имперцам секретную операцию прямо на их территории! Или ты будешь меня уверять, что те ужасы, которые у нас рассказывают про отношение имперцев к людям с даром — ложь?!

Лиана пожала плечами.

— Ложь — не ложь... Преувеличение. У нас есть том тамошних законов, по дороге почитаем. Дамиан сделал закладки. А насчет дара ты зря боишься. Тебя, если не колдуешь, вообще вычислить невозможно, а у меня есть отличный амулет, маскирующий мои способности. Если ты насчет того, что дома привыкла делать магией... Пользуйся пока амулетами, у меня с собой целая сумка. Амулеты в империи не запрещены.

Тина снова надулась, подняла с пола документы и положила на стол, показывая, что ее это больше не интересует. Лиана же оставила инструкции советника и перебрала все, что вывалилось из конверта.

Завещание ее не интересовало, равно как и документы, подтверждающие личность и права Гертруды ар Дотцель. Но вот остальное надо было изучить. Паспорта, подорожная с визами на «госпожу ар Дотцель, урожденную фар Титцель, вдову, с сопровождающими лицами»... Ага, и лица перечислены: компаньонка, кучер, слуга и шесть наемных охранников. Тут же лежал паспорт Амалии и договор о найме в качестве компаньонки на ее имя. Договор бессрочный и начался два года назад, примерно когда дама осталась вдовой, хорошо.

Далее шел контракт с Гильдией наемников на охрану в пути. По нему Гертруде предоставлялись шесть опытных бойцов, которые жизнью отвечали за ее безопасность. Имена были перечислены внизу, списком, первым шел старший: Роберт Данцер.

Слуга и кучер тоже не остались без бумаг. Дамиан проявил предусмотрительность: по этим документам оба служили госпоже ар Дотцель более года каждый. Подозрений вызвать не должно. А что дама поехала в такую даль не одна — это же естественно! Этого требуют безопасность и приличия.

Амалия тоже оказалась вдовой. Дамиан действительно все продумал. Выдавать себя за девиц было бы глупо: девушки без дара выходят замуж рано, а они, хоть и молодо выглядят, но все же видно, что не вчера школу закончили. А так две молодые вдовицы путешествуют вместе, утешая друг друга.

* * *

Лиана и Тина почти до вечера перебирали оставленные для них в гостинице госпожи Альмы вещи и бумаги. Они ждали агентов Дамиана под видом слуги, кучера и наемников, чтобы тронуться в путь.

Лиана предполагала, что и госпожа Альма работает на советника, но в поведении хозяйки гостиницы ничто на это не указывало. Все говорило о том, что хозяйка принимает их за обычных путешественниц, из тех, что едут в империю по делам.

Когда магичка спустилась из номера вниз, чтобы заказать еду, из разговора с госпожой Альмой она выяснила: гостиница им предоставляет типичную услугу для путешествующих в империю: ночлег и аренду достойной кареты.

Сюда путешественники прибывают пассажирским порталом, их вещи — грузовым, а

сопровождающие слуги и охрана едут своим ходом. Порталы на территории Девяти королевств стоят недешево, но разумно, а вот в империю таким образом перемещаться хватит денег только у самых богатых, из тех, что на золоте едят и в золотой горшок по нужде ходят.

Правда, карета тоже удовольствие не дешевое, но большую часть денег им вернут на обратном пути — это залог. И хорошо бы сейчас расплатиться. Хозяйка назвала сумму, от которой у девушки глаза на лоб полезли, но она сдержалась. Вместо того, чтобы заорать: «Сколько?!», Лина только брови подняла, предложила госпоже Альме зайти за деньгами тогда, когда им принесут обед из ближайшего трактира, и поднялась обратно в номер.

— Тина, ты там наши деньги не видела? Те, которые Дамиан дал на расходы.

Та протянула мешочек с монетами и несколько чеков на предъявителя из весьма уважаемого гремонского банка, имевшего отделения в империи.

— Вот. Дамиан, скотина, не обманул. Денег полно. А что?

— Спрячь. Оставь только то, что мы должны будем заплатить этой Альме. Восемь гитов за ночлег, еду и дополнительные услуги и пятьдесят шесть за карету, всего шестьдесят четыре.

— Сколько?! — завопила Тина, — Да за что?! За эти деньги я две кареты куплю! Самых модных!

С одной стороны Лина была полностью согласна с подругой, а с другой... Если Дамиану не жалко, то какое ее дело?

— Уймись, а? Вспомни, что ты урожденная фар Титцель, аристократка, а они денег не считают. Поедем назад — Альма сорок золотых нам вернет. Это вроде как залог.

Лина очень боялась, что Тине придется подписываться под очередным договором, но обошлось. Альма взяла деньги и просто дала им расписку, по которой при возвращении кареты можно было получить назад оговоренную сумму.

После чего Лина спросила бумаги и чернил и засадила Тину учиться подписываться под руку несуществующей Гертруды. Вдруг понадобится? К счастью, умельцы Дамиана и тут не оплошали: все подписи и почерк были тщательно скопированы с собственного почерка Тины. Оставалось только научиться вместо В. Скарель писать Г. арДотцель. Последние буквы и финальный хвостик, обнимавший всю подпись, и там, и там были одинаковыми.

Лина тем временем изучала гардероб обеих дам. Наряды для Тины лежали в большом, окованном медными полосами сундук и представляли собой гардероб состоятельной вдовы, которая уже закончила носить траур.

Сундук поменьше явно принадлежал компаньонке. Наряды в нем тоже соответствовали роли.

Для полноты образа было маловато нижнего белья, но его девушки догадались взять с собой, так что Лина переложила панталончики, корсеты, рубашки и нижние юбки из саквояжей в сундуки. Если на границе будут проверять, все должно быть достоверно.

Затем она занялась их собственным багажом. Если имперцы заметят сумки — артефакты, будет беда. Значит, им надо придать вид обычных.

С этим она провозилась до вечера, но достигла своей цели. Изящные брелоки, прицепленные к замочкам, выглядели как модный аксессуар, а заодно прикрывали истинную суть предметов.

Да и внутри все изменилось. Раньше, чтобы что-то достать из сумки или саквояжа, нужно было сунуть туда руку и представить себе искомое, иначе сумка казалась пустой.

Сейчас любому показалось бы, что там лежат наборы самых обычных вещей, из тех, которые путешественники берут с собой и предпочитают иметь под рукой. Основное содержимое могли достать только хозяйки.

За этими хлопотами прошел день. Никто не появился. Девушки поужинали и легли спать весьма недовольные этим обстоятельством.

Люди Дамиана появились с самого раннего утра, когда Лина и Тина предпочитали сладко спать. Пришлось подниматься и разбираться.

Во дворе гостиницы возле каретного сарая их ждали. Шестеро наемников держали в поводу лошадей, а впереди стояли два высоченных нескладных, явно деревенских парня: белобрысый и темненький. Одеты они были чисто и так, что сразу было понятно: блондин — конюх, а шатен — просто слуга.

Тина поступила просто. Велела компаньонке заняться погрузкой, а сама развернулась и отправилась завтракать.

Лина живенько вспомнила имена слуг, которые видела в бумагах. Конюх, кажется, Дитер, а слуга — Клаус. Им она велела заняться каретой: погрузить багаж и запрячь лошадей. Затем подошла к наемникам.

— Кто из вас Роберт Данцер?

— Ну я, — сделал шаг вперед статный, видный, но уже не первой молодости мужчина.

— Отлично. Я — компаньонка госпожи Гертруды Амалия Шрайбер. Хочу спросить: ваш отряд уже позавтракал или стоит велеть подать вам еду, пока госпожа собирается? Как только она будет готова, мы выезжаем.

Вот так. Проявила заботу. Надо же создавать хорошие отношения с теми, в чьем обществе придется путешествовать.

Данцеру, кажется, понравились поведение и слова Лины. Он улыбнулся, отчего его суровое лицо стало симпатичным, и ответил:

— Очень приятно, Амалия. Завтрак мы уже получили там, где ночевали. Но от чашечки горячего чая с булкой никто не откажется.

— Пойду попрошу, чтобы вам принесли. Заодно... Помогите нашим слугам с багажом. Его не так много, всего два сундука, но в одиночку с ними не справиться никому.

Она не стала приказывать, понимая, что ребята нанялись охранниками, а не носильщиками. Такая помощь зависит только от их доброй воли.

Роберт махнул рукой двум самым молодым парням:

— Эй, ребята, идите за госпожой Амалией и тащите сюда сундуки. Раньше погрузимся — раньше поедем.

Лина удовлетворенно тряхнула головой: все правильно сделала. Среди этих людей есть агенты Дамиана, но сейчас не время выяснять, кто именно. Вот когда будет первый привал где-нибудь на природе, тогда и выяснится, кто есть кто.

* * *

Часа не прошло, а девушки, удобно устроившись на мягких сиденьях, уже катили вон из города. Кучер погонял лошадей, слуга спал на запятках рядом с сундуками, а наемники разделились и группами по трое ехали впереди и позади кареты. Сзади бойкой группой бежали заводные лошади: госпожа Гертруда не торопилась, путешествовала с максимально

возможным комфортом и не желала зависеть от обстоятельств.

Тина и Лина быстро оценили, какой удобный экипаж им достался. До сих пор они пользовались обычными наемными каретами, где трясло так, что все внутренности переворачивались и обед просился наружу. Эта же с первого взгляда не производила потрясающего впечатления, но, похоже. Стоила своих денег: неизбежная тряска почти не ощущалась.

Сначала Лина хотела продолжить изучение наставлений и инструкций, но быстро поняла, что просто не в состоянии этим сейчас заниматься. Тина вообще не стала валять дурака, а мигом улеглась на предназначенное ей сиденье, сунула саквояж под голову, накрылась пледом и заснула как младенец.

Магичка посмотрела на нее, легла на другое сиденье и тоже задремала. Проснулись они, когда карета остановилась. Лина первая вскочила, отдернула занавеску и выглянула в окошко. Солнце давно уже перевалило через зенит, так что проспали они не то пять, не то шесть часов. Карета стояла на поляне в лесу. Кучер Дитер распрягал лошадей — собирался вести их на водопой. Слуга Клаус доставал корзины со снедью. Наемники разделились. Один ладил костер, другой пошел за водой с котелками, еще двое занимались лошадьми, а их начальник с помощником изучали припасы. Дам никто будить не торопился.

Все верно: пока еды нет, их беспокоить не станут.

Вот Клаус показал Роберту какие-то мешочки и свертки, обменялся парой слов и тоже пошел за кусты, где, по — видимому, протекала речка. Вернулся он довольно скоро, таща в руках здоровое полено.

Лина удивилась: Клаус за несколько минут пребывания за кустами странно изменился. Он был все таким же высоким и темноволосым, но... иным. Осанка, движения принадлежали другому человеку. Присмотревшись, Лина чуть не упала: в слуге она узнала другого.

Ее замешательство не укрылось от подруги, которая тем временем расчесывала волосы, пытаясь в полевых условиях создать приличествующую аристократке прическу. Тина мельком глянула в окно, а затем спросила:

— И что тебя не устроило?

— Ты погляди на этого слугу. Не узнаешь?

Тина осторожно, под прикрытием занавески, посмотрела туда, куда указывала подруга, затем разочарованно протянула.

— Почему не узнаю? Это Стефан. Только он для чего-то перекрасил волосы. Зря: блондином ему было лучше. И не говори мне, что ты не ждала чего-нибудь в этом роде. Кстати, у него хороший амулет, прикрывающий магическую сущность. Ничего не заметно. Ты делала?

— Я, — призналась Лина, — Дамиан купил у меня пять штук перед самым нашим отъездом.

— По три золотых?

— Обижаешь, по четыре.

Тем временем Клаус, он же Стефан занялся подготовкой под чутким руководством наемников. Кажется, его опыт зельевара тут пришелся в самый раз: скоро от котелков, висящих над костром, потянуло очень вкусным запахом.

Это послужило знаком для всех. Наемники привели лошадей, стреножили и пустили пасться тут же на лужайке. Вместе с ними вернулся и Дитер. Его девушки опознали сразу

радостно пожали друг другу руки: перед ними был Дамиан собственной персоной, только вот с соломенной шевелюрой деревенского дурачка.

Больше всего Лину обрадовало то, что теперь не надо изучать инструкции: Пусть Дамиан для начала все расскажет устно. А вот если она чего не поймет, тогда и станет читать.

Они ждали, когда он к ним подойдет, но советник так и не двинулся с места. За дамами пришел Стефан. Открыл дверцу, сунул голову и начал с того, что попросил:

— Дорогие, в целях конспирации зовите меня Клаусом и обращайтесь как со слугой. Наемники, конечно, наши люди, но мало ли что.

Тина радостно закивала:

— Береженных боги берегут.

— Ну, раз вы все поняли, вылезайте, дамы. Обед подан.

Он подставил руку и девушки одна за другой спустились на землю.

Наемники не только приготовили обед, они еще и соорудили для дам нечто вроде стульев: толстые чурбаки поставили на попа, покрыли тканью и положили сверху неизвестно откуда взявшиеся подушечки.

Сами они ели из жестяных мисок и пили из таких же кружек, «Гертруде» «Клаус» подал все на фарфоре с серебряным прибором для пикника, как полагается, «Амалия» обошлась обычной фаянсовой миской и ложкой из тех, что подают в трактирах.

Если бы кто-то глядел на эту компанию со стороны, то ни за что бы не догадался, что тут есть какой то подвох. Все выглядело достоверно: путешествующая дама, ее компаньонка, а заодно и камеристка, слуги, охрана...

«Кучер Дитер» устроился поближе к лошадям и, вытянув длинные ноги, с аппетитом поглощал простецкую пищу. Неудивительно: Стефан приготовил из крупы, обрезков солонины и горсточки овощей настоящую вкуснятину, а бодрящий чай оказался просто выше всех похвал.

После сытного обеда отдохнули еще часок. Дамы вернулись в карету, кучер занялся лошадьми, а слуга складывал и убирал вещи, попутно объясняя Тине и Лине что происходит.

Складывая пожитки в корзины и закрепляя их, он шептал:

— Поняли, девочки: мы решили не бросать вас одних. Мало ли что! Это Дамианова идея. Пусть все думают, что мы слуги, на них и не смотрит никто. А если что, поддержим, поможем, все для вас сделаем. А Дамиан еще и подскажет, не зря он столько лет в университете учился и потом работал на такой ответственной должности.

«Девочки» слушали молча, что ничуть не смущало Стефана. Он ворковал:

— Вы же не думали, что мы вот так вас и бросим? Но нужно было соблюдать конспирацию. Для вас нашли все самое настоящее: историю про Гертруду, наследство в Империи, слуг и наемников. Только вот Роберт со своими людьми давно работает на Дамиана, а со слугами мы только что поменялись, как вы видели. В городе, через который идет весь транзит в империю, этого делать не стоило. Вот и устроили обмен на первом привале. А так в случае чего госпожа Альма подтвердит, что Клаус и Дитер были самые что ни на есть настоящие.

Тина фыркнула:

— И как это вы слуг подобрали? По какому принципу? Высокие — это я поняла. А почему в таком порядке? Почему не ты — кучер, а Дамиан — слуга? Вот и волосы вам красить пришлось... Прямо в противоположный цвет каждому.

— Почему? — услышали они шепот тихо подошедшего Дамиана, — Да потому что этого болвана к лошадям нельзя подпускать на пушечный выстрел. Он и верхом-то еле — еле, а управлять парой — это тебе не крыс по подвалам гонять.

Затем сделал шаг назад, поклонился и громко проговорил:

— Госпожа, не беспокойтесь. Сейчас вторую запрягу и можно ехать!

Дамиан пошел за второй лошастью, а обиженный Стефан полез на свое место рядом с сундуками и корзинами. Он только придумал героическое объяснение, которое выставило бы его в хорошем свете перед девушками, а тут этот гад пришел и все испортил.

Девушки же, пряча смешки, устроились внутри кареты. Каждая вновь разлеглась на своем месте. Хозяйке полагалось сиденье, расположенное по ходу. Оно было шире, да и укачивало на нем меньше, если ехать сидя, а не лежать.

Зато место компаньонки приходилось как раз под окошечком, соединявшим внутренность кареты с козлами кучера. Лина очень надеялась пообщаться с Дамианом в пути.

* * *

Дальше они ехали, пока не стало совсем смеркаться. Остановились не в деревне на постоялом дворе, а на поляне в лесу. Данцер сказал, что это мера предосторожности. В чем именно она заключалась, ни Лина, ни Тина не поняли, но поверили бывалому наемнику на слово.

Он обещал им, что это только сегодня, а уже завтра они смогут принять ванну и спать на мягких перинах. Дорога до перевала обычно занимала пять дней, а уже на шестой к вечеру они должны были оказаться в городке, через который проходила граница с империей. С этой стороны гор было достаточно безопасно: разбойников в Гремоне в основном давно повывели. Встречались шайки воров, действовавшие как раз на постоянных дворах, да одиночки, нападавшие на тех, кто рискнул выехать без охраны. Шестеро до зубов вооруженных наемников гарантировали безопасное путешествие.

В Империи было примерно то же самое, но не везде. Если бы девушки действительно планировали пересечь эту державу поперек, то должны были проехать пару таких мест, где не действовали ни власть, ни закон. Этим они и собирались обосновать необходимость вооруженного сопровождения. На самом деле на дороге от границы до Стомбира было спокойно. Тут даже бандитов — одиночек извели и только мелкие воришки нарушали спокойствие путешественников.

Так что до самого места назначения особых опасностей не предвиделось, если не считать момента пересечения границы и встречи с имперской стражей. Несмотря на то, что документы у девушек и их сопровождающих были в порядке, оставалась вероятность, что их завернут прямо на границе. Мало ли какие новые инструкции получили тамошние служащие. Да и Стомбире их непременно попытаются пощупать на предмет чего-нибудь нелегального. Имперская стража изображала строгость и неподкупность, но взятки любила и вымогала их всеми доступными методами. Об этом знали не только граждане империи, но и люди из Девяти королевств.

Кроме того, магам и ведьмам поездка в империю грозила потерей свободы. Не той, когда тебя в тюрьму сажают, а другой, когда ты становишься заложником собственного

незнания. С недавних пор по указу Сильвестра V появление мага или ведьмы на территории Империи приравнивалось к просьбе зачислить его или ее на службу императору. Пожизненно.

Этого Лина раньше не знала и как раз выяснила из оставленных Дамианом инструкций. Полученная информация и заставила ее пожалеть, что она дала себя и Тину вовлечь в это дело.

Оставалось выяснить, чем еще чревато их предприятие.

Сейчас, удобно устроившись на лежанке, она открыла окошко, соединявшее ее с кучером и потребовала, чтобы советник прочитал им лекцию о законах и нравах империи пока еще не поздно. Выводы она сделает сама.

Дамиан не зря в университете штаны просиживал. Его готовили в частности работе с империей и имперцами и он неплохо знал все, что к этому относится. В теории, разумеется, но другие не знали и этого. Те же Тина и Лина до сих пор всю информацию об империи черпали из слухов, которым не хватало достоверности.

Итак, Дамиан начал свой рассказ.

Империю составляли четырнадцать герцогств, тридцать восемь графств и двенадцать княжеств, пять из которых были присоединены совсем недавно.

Империя возникла, когда первый император Иллирий объединил под своей рукой семь королевств, которые, войдя в империю, стали называться герцогствами. Было еще множество мелких княжеств, получившие статус графств. Земли, которые были присоединены позже, входили в состав империи на тех же основаниях и с теми же правами. Их бывшие властители становились имперской знатью. Все герцоги и графы, таким образом, несли в своей крови силу магии.

Это императору было совершенно не нужно.

Первый император Иллирий, сам будучи очень слабеньким магом, боялся силы своих новых подданных. Маги — существа, по большому счету, неуправляемые, поэтому он провел огромную работу, чтобы обезопасить себя и свою власть.

Магия в принципе не запрещалась, упаси боги! Иллирий пошел по другому пути.

Для начала разделил всех магов по происхождению, а затем в зависимости от одного применил разные меры.

Знати внушалось, что пользоваться магией — это фи! Работа, она для слуг. Все больше знатных господ отказывались от применения магии в своей жизни. Подражание императору очень характерно для абсолютной монархии, как в хорошем, так и в дурном. Очень скоро для графа или герцога, впрочем, как и для простого дворянина колдовать стало дурным тоном. Сейчас же дворяне почти забыли, что их предки были магами.

На этом месте Лина перебила рассказчика.

Она не могла понять: дар просыпается рано, дитя еще мелкое, и удержать его от магии почти невозможно. А кроме того, переполненный резерв создает очень неприятные ощущения. Именно поэтому обычно каждый маг в быту пользуется заклинаниями даже когда в них нет острой необходимости. Как же живут все эти знатные господа? Сливают силу? Но куда?

Ответ оказался простым и ошеломляющим. Каждого владеющего силой дворянина с детства воспитывали на запрете на магию. Вбивали в сознание и подсознание точно так же, как запрет делать в штанишки.

А еще на ребенка надевали родовой амулет, который тот носил не снимая. Эта

ювелирная безделушка просто откачивала излишки силы, не трогая сам резерв. Не накапливала ее, а бессмысленно рассеивала в окружающем пространстве.

Тут Лина задумалась.

Вот бредятина! Сила, за обладание которой маги готовы были отдать все, что угодно, бесцельно расплылась. Ее практичный ум просто не мог этого постичь. Если бы это была не знать, а простые невежественные люди, их можно было заставить носить накопители и раз месяц, например, сдавать и получать новые, собирая силу для разных государственных нужд. Но с высшими сановниками и аристократами такой номер не пройдет.

С другой стороны... Если бы имперские дворяне регулярно сливали силу в накопители, то и так чрезмерно сильная империя стала бы реальной угрозой всему континенту.

Отбросив бесплодные фантазии Лина пожелала узнать, какие меры применил император к магам, не имеющим дворянских корней.

С ними дело обстояло еще хуже.

Иллирий не доверял своим подданным — магам и считал, что за этими пройдохами нужен глаз да глаз. Для чего велел их всех переписать, определить на государственную службу и поставить в узкие рамки закона. То есть посадить на жалованье, дать разряды, ограничить где только можно и следить, как бы они чего не нарушили. Вольностей, принятых в Девяти королевствах, он у себя не терпел.

* * *

Тут рассказ прервала Тина, которая, казалось, его не слушала, а была полностью поглощена подпиливанием своих и без того идеальных ногтей.

— Я правильно поняла, что дворянам в Империи не запрещалось и не запрещается заниматься магией, просто они сами не хотят?

— Да, — подтвердил Дамиан, — У них это занятие считается недостойным. Но в принципе в своем доме каждый из них волен магичить, как ему хочется.

— Странно, — протянула Тина, — Странно и глупо. Ладно, рассказывай дальше.

— Советник с удовольствием последовал указанию девушки: его давно никто не слушал с таким интересом.

Для начала напомнил, что всех магов и ведьм приняли на государственную службу и ограничили, как смогли. Чуть ли не к каждому магу приставили надзирателя.

Результатом стало то, что маги из империи побежали бегом. Этот вольнолюбивый народ не захотел брать под козырек, когда тупым чиновникам взбретет в голову что-то у них требовать. Еще меньше нравилось магам ограничивающее законодательство. Ну, запрет на некоторые виды магии — это куда ни шло, понять можно. Они и в своем сообществе их ввели. Но запрет на оказание магических услуг населению напрямую? Это уже полный бред и беспредел. А Иллирий и до этого додумался.

Теперь, чтобы купить услуги мага или амулет, человек должен был записаться у чиновника, получить разрешение, внести деньги в кассу и ждать своей очереди. На все был установлен государственный тариф, большая часть которого отходила в казну. Маг за свою работу получал крохи, и при этом тоже должен был стоять в очереди за разрешением на подработку.

Но вообще-то он сидел на жалованье, за которое должен был делать все, что взбретет в

голову начальству, и не имел права отказаться выполнять распоряжения или просить надбавки. В результате маги любой квалификации стали зарабатывать примерно как сапожники средней руки и значительно меньше, чем надзирающие за ними чиновники.

Маги ломанулись прочь из империи.

Их, конечно ловили, но поймать сильного мага может только еще более сильный, да и то не наверняка. Подключать к этому войска было просто идиотизмом, но наследник Иллирия на это пошел. Когда при попытках схватить очередного беглеца стали гибнуть лучшие воины империи, охоту на магов прикрыли как не оправдавшую себя.

Только к тому времени исчезли в полном составе все имевшиеся на территории империи магические учебные заведения.

А ведь имперская магическая школа когда-то не уступала Валариэтанской, о чем свидетельствовала имевшаяся на территории Империи порталная сеть. Ведь стационарные порталы изобрел маг, живший как раз в нынешней имперской столице. Он же уговорил правителей всех соседних стран на создание целой системы порталов. Только спустя столетия это достижение смогли воспроизвести маги стран Девятки. А магические библиотеки! И все это рухнуло в одночасье.

Все сколько-нибудь сильные маги перебрались в более лояльные к ним Королевства и забрали с собой все, что смогли: книги, артефакты, учеников. Даже ведьмы не захотели остаться, кроме некоторых, заключивших выгодные браки с богатыми и именитыми гражданами империи. Но такие ведьмы свою сущность скрывали.

Остались только те, для кого государственная служба была единственным в жизни способом прожить не нищенствуя: слабые маги — бытовики, знахари и знахарки, ведуны и так далее.

Лина раньше слышала об этом краем уха, но не представляла, что ситуация была столь катастрофической. Возникал вопрос: а как же простые люди?

— А что простые люди? — пожал плечами Дамиан, — Думаешь, они так уж любят магов?

Поначалу населению это показалось замечательным: магов традиционно боялись, а их отсутствие сочли благом. Простые люди почувствовали, что государство их защищает. Тем более что в имперской лавке можно было купить простейший амулет по твердой цене.

Они были убеждены, что кроме знахарей им никакие волшебники не нужны.

— А император?

— Император? — усмехнулся советник, — Как ты понимаешь, ему было плевать на людей, лишь бы ничто не угрожало его власти. Но тут и власть, и народ слились в общем экстазе. Всех все устраивало.

Это продолжалось довольно долго: несколько столетий. Ровно до того момента, как начали отказывать старинные артефакты, созданные в доимперские времена. Рвались охранные плетения — и вот уже раздолье ворами, истощались заговоры на урожай — поля не приносили ожидаемого, незаговоренные оружие и инструмент тупились и ржавели...

Поначалу это были единичные случаи, происходившие с частными людьми, на них никто особо не обращал внимание. Ну, обокрали купца, у крестьянина случился неурожай, что в этом такого?

Когда это стало касаться учреждений империи, мобилизовали местных магов и заставили их, кроме других обязанностей, еще и поддерживать старинные артефакты в рабочем состоянии, как будто у них имелась для этого достаточная квалификация.

Если бы это могло помочь!

Неприятности начали нарастать как снежный ком. В царствование прадеда нынешнего императора с отказами имевшихся в империи магических систем своими силами уже не справлялись.

Венцом этого процесса стало обрушение государственной порталной сети.

Если мелкие поломки слабые маги могли худо — бедно исправить, то порталная сеть была им не по зубам. Слишком сложные заклинания, специальные расчеты, которые, если ты этому не обучался специально, не провести, да и силы порталы требуют немерено. Сеть была запитана от магических источников, но настройки со временем сбились и энергия утекла, а специалистов, умеющих работать с источниками, в империи не осталось.

Император Сильвестр III не рискнул менять законодательство. Выписал магов из Валариэтана на сдельную работу. Заплатил... О том, сколько пришлось отдать за восстановление порталной сети, никто не знал, но говорили, что богатейшая казна империи опустела наполовину.

Приезжие маги осмотрели то, что осталось от покрывавшей всю страну сети почтовых, пассажирских и грузовых порталов, посчитали и выдали результат: почтовую сеть они восстановят в объеме двух третей от изначальной, она меньше всего пострадала, пассажирских порталов будет примерно на три четверти меньше, останутся только площадки в крупных городах, а грузовая сеть восстановлению не подлежит. Ее надо строить заново, это работа не на один год, а лет на десять, да и магов нужно на два порядка больше, в сущности, как это и было при первичной постройке. Как теперь грузы возить? По старинке, лошадьми да волами. Долго? Ничем помочь не можем, законодательство ваше, а не наше.

Сильвестр чуть на стену не полез от злости, но выбора у него не было. Пришлось довольствоваться возможным.

Пока маги работали, за каждым из них ходило по два охранника. Ничего удивительного в том, что они удалились сразу, как закончили работу и получили мзду.

Когда все приглашенные отбыли назад в Валариэтан, император созвал совет и выразил мнение, что магов в страну надо вернуть, а для этого что-то придумать. Силком не получится. Вырастить в своем коллективе? В империи продолжают рождаться одаренные дети? Это, конечно, хорошо. А учить их кто будет? От силы, она если необученная, никакой пользы нет, кроме вреда.

Что делать? Менять законы? Да ни за что!

Так Сильвестр III ни на что не решился.

Следующий ход сделал его сын Казимир II. Он издал закон, по которому одаренных детей собирали по всей империи и отправляли учиться в магические учебные заведения Девяти королевств за счет имперской казны. Как раз к тому времени относится массовая закупка специальных амулетов, показывающих силу мага.

С их помощью выявляли одаренных детей. Естественно, матери не спешили сдать свое чадо государству, поэтому специальные чиновники ходили и проверяли всех на наличие дара. В результате кандидаты на обучение магии были набраны и отправлены в магические школы.

Большинство из них так и не вернулись, но некоторые все-таки рискнули и были приняты на службу императором Казимиром. Он их обласкал и самым сильным и успешным даровал дворянство и по клочку земли.

Этим действием он полностью изменил статус магов. Теперь они были дворянами.

Это был прорыв. Дворяне, в отличие от просто магов, имели право на магию. Они могли не поступать на госслужбу, ограничения на магическую деятельность на них распространялось не полностью. На своих землях дворянин был волен делать что угодно: хоть учить, хоть лечить, хоть колдовать.

От службы короне никто в результате не отказался (им этого просто не позволили), но пользоваться правами дворянства они теперь могли и пользовались в собственных своих домах и усадьбах.

Ассортимент, правда, был ограничен: многие виды магии были строго — настрого запрещены. Чтобы не попасть в тюрьму или на плаху маги старались законы не нарушать, зная крутой нрав здешнего монарха. Зато цены на услуги выставляли такие, что в Девяти королевствах их коллеги могли лишь скрипеть зубами от зависти. Правда, налоги на эти доходы тоже полагались немаленькие, так что вся выгода в результате оседала в казне.

После этого в империю потянулась тоненькая струйка магов из бывших ее граждан. Их все равно не хватало, но это было, по мнению императора, только начало.

Продолжил дело своего отца Казимира Сильвестр IV. Он издал закон, по которому каждый маг, пересекший границу и оказавшийся на территории империи, считается попросившимся в подданство. Выехать обратно без разрешения императора он не имеет права, а император такого разрешения никогда не даст. С ним заключается пожизненный договор на оказание империи магических услуг.

Если маг будет признан полезным, ему может быть даровано дворянство со всеми вытекающими, но это не обязательно.

Придумывая этот бред, исходили из того, что маги — существа мобильные. Многие из них ездят по делам в империю. Не один император делал заказы магам Девяти королевств, его сановники, а также богатые купцы тоже обращались к ним за помощью. Покупали уникальные амулеты, заказывали восстановление или установку охранных плетений...

Сильвестр решил сыграть на том, что маги редко изучают законы, прежде чем куда-то поехать. Им хватает знания того, есть в этой стране запрет на магию или нету.

Кстати, таким образом ему удалось отловить несколько магистров и они даже какое-то время на него работали. Но затем ему пригрозили из Валариэтана, что если маги не вернуться домой, порталная сеть опять обрушится, но в этот раз никто ее восстанавливать не будет.

Магистров пришлось отпустить. Зато магов уровнем ниже никто защищать не стал, они так и застряли в империи.

С тех пор закон не отменен. Каждого приехавшего проверяют на магический дар и силу магии. Для этого у пограничных отрядов есть специальные амулеты, такими же снабжены приемные всех общественных зданий. На всякий случай: вдруг туда зайдет какой-нибудь неучтенный маг или одаренный.

— То есть, — резюмировала Лина, — без амулетов, скрывающих дар, нам лучше никуда не соваться.

— Точно! — обрадовался ее понятливости Дамиан, — Особенно тебе.

— А на использование амулетов ограничений нет? — спросила Тина.

— На бытовые и охранные нет, а боевые запрещены.

Этого следовало ожидать. Но маги и бытовые амулеты умели использовать для боя, а уж охранные... Только чиновники могли думать, что чистилку или зажигалку нельзя использовать как оружие.

— Кроме того, — добавил советник, — хочу сказать, что очень сложные,

многофункциональные амулеты не запрещены, но вызывают подозрения.

Лиана сразу все поняла.

— Надо такие замаскировать. Будет чем в дороге заняться. Пусть я все их попрятала, но вдруг придется вынуть и воспользоваться... Только вот рабочего стола у меня нет, придется трудиться по ночам на постоянных дворах.

Вместо того, чтобы сказать что-то утешительное, Дамиан заметил:

— И не забудь: вам обоим обязательно надо запомнить то, что я вам написал для вашей же безопасности. И не откладывайте. Все должно быть закончено к тому моменту, как мы подъедем к границе. Как вы понимаете, все мои инструкции и памятные записки придется уничтожить заранее.

Тина недовольно процедила:

— Можешь все уничтожить прямо сейчас. Теперь ты у нас будешь вместо шаргалки. Ты же должен помнить собственную писанину.

В ответ на ее слова окошко кучера захлопнулось, раздался крик: «Эгей!» и кони побежали резвей, грозя растрясти карету и ее обитательниц.

Вечером, как и было обещано, путешественницы остановились на ночлег на постоялом дворе. Им даже отвели сразу две комнаты, правда, смежные. Все-таки компаньонка знатной дамы часто подразумевала под собой камеристку, а служанка должна быть всегда в распоряжении госпожи.

Оставшись с Лианой наедине, Тина начала шипеть, как брызнувшая на раскаленный камень вода:

— Ты поняла, во что мы вляпались? Ладно я, ведьминский дар никаким амулетом не засечешь, а ты? Ты можешь гарантировать, что твой амулет окажется эффективным против тех, что развешаны по всей империи?

— Обижает, подруга, — покачала головой Лиана, — Я все-таки магистр. Для того, чтобы успешно противодействовать моим изделиям, их артефактор должен быть выше меня уровнем. Не думаю, что массовку для империи изготавливали магистры, на это никакой казны бы не хватило. Но если ты хочешь сказать, что зря мы во все это ввязались, скажу: да. Я в кои-то веки сплупила. Пошла на поводу собственных эмоций. Хотя... На тот момент я не была готова бросить свой новый дом и бежать из Амондирана. А значит, вынуждена была помогать Ромуальду.

Ромуальда Тина не была готова в чем-либо обвинять, слишком милым и беззащитным он казался. А вот советник... Как она в нем разочаровалась! Холодный, бездушный тип!

Она пыталась скрыть от себя самой, что именно такие ей всегда нравились. Ей казалось, что за этой суровостью, даже сухостью скрывается огненный темперамент и море сильных чувств. Но раз за разом она сталкивалась с действительностью и та не оправдывала надежд Тины. Суровый, спокойный Этьен был нежно — заботлив и очень хорош в постели, но рвать страсти в ключья отказывался наотрез, да и выбить из него признание в любви Тина смогла лишь однажды, а хотелось слышать эти слова каждый день. Но этот парень вообще был молчуном. А потом он погиб раньше, чем Тина успела в нем разочароваться.

Ее последующие возлюбленные в этом смысле напоминали Этьена. То есть они были суровые, честные, надежные парни, из которых бедная ведьмочка стремилась высечь огонь неземной любви. Лиана в этих случаях говорила, что бревно горит не так, как ветки: дает жар, а не пламя. А каменное бревно не горит вовсе и предлагала сменить образ идеала. Но подруга ее не слушала.

А Дамиан... Он казался квинтэссенцией всех тех качеств, которые неудержимо влекли ведьму, но он же был воплощением того, что повергало ее в депрессию. Его ум и целеустремленность делали его бесконечно привлекательным, и в то же время ясно было, что свою цель он ставит выше любовной страсти и изменить это — значит разрушить его жизнь и личность. Будь Тина помоложе, это ее не остановило бы, но сейчас она уже способна была понять, что даже если советник будет сгорать от страсти, он все равно будет поступать по — своему и упрямо идти к своей цели, невзирая ни на что.

Лине Дамиан скорее нравился. Вернее, нравилось с ним работать. Он четко ставил задачу, продумывал свои действия и руководствовался доводами разума, а этого ей в людях больше всего не хватало.

Но если говорить о мужчинах... Они ей были неприятны. Все. Но если бы... Если.. Ромуальд имел все шансы изменить отношение Лины к сильному полу. Вот только он остался в своем княжестве.

* * *

Дамиан в качестве кучера устроился на сеновале в конюшне. Мог бы и в карете, но у него не помещались ноги. Стефан тоже хотел на сеновал, но его послали сторожить ценное хозяйское добро. В результате, чтобы поместиться на одном из сидений, ему пришлось сложиться в несколько раз. Поэтому спал он плохо, проснулся рано и выглянул во двор.

Было раннее утро. Солнце уже встало, но еще не показалось из-за леса. День обещал быть теплым, а пока всюду лежал густой туман. И в этом тумане Стефан увидел нечто, показавшееся ему странным. Один из наемников вышел из здания и прошел к конюшне, но не вошел внутрь, а завернул за угол и остановился недалеко от ворот. Маг опознал парня по темной щегольской бородке и стрижке под горшок. Кажется, его звали Гюнтер.

Если бы он пошел в конюшню, Стефан бы решил, что у человека бессонница и он хочет проведать собственного коня. Но тут явно было что-то другое. Наемник стоял и ждал, прислушиваясь. Вот что-то тихо зашуршало за воротами и он направился к ним.

Ворота тонули в густом тумане и Стефан не мог разглядеть, что там происходит, но вот что-то скрипнуло, брякнуло, наступила тишина, снова брякнуло, скрипнуло, а затем наемник возник из тумана и устремился в обратный путь. Он не торопился, шел осторожно и не по прямой, поэтому внезапно оказался совсем рядом с каретой.

Тут Стефан увидел такое, что сразу потерял половину своей осторожности, прыгнул вперед и схватил так называемого Гюнтера за руку.

Тот уже выхватил кинжал, чтобы отбиться, но узнал мага, и вернул оружие в ножны.

Стефан на всякий случай накинул на свою добычу ловчую сеть и молча потащил его в конюшню: находку надо было показать Дамиану.

* * *

Дамиан между тем сладко спал и ему снились сны. Поначалу шли разные бессвязные картины с участием неизвестных ему лиц, а под конец вдруг приснилась Тина. Она вошла в конюшню в чем-то полупрозрачном, совершенно не скрывающем прелесть ее фигуры,

подошла к советнику, протянула к нему руки и позвала:

— Дамиан... Дамиан... Проснись...

Внезапно за спиной прекрасной девы возник силуэт мужчины, которого Советник сразу узнал. Точеный нос, черные локоны, синие глаза — князь Ромуальд собственной персоной. Он обнял Тину и начал нежно целовать ее стройную шейку, спускаясь все ниже и ниже, а она все тянула к советнику руки, все звала:

— Дамиан, Дамиан, проснись...

И вдруг Дамиан понял, что это уже не сон, зовут его на самом деле. И не только зовут — трясут за плечо. Он открыл глаза и не смог сразу понять, где явь, где сон. На него с чужого бородатого лица смотрели синие очи Ромуальда. Затем в поле зрения возник Стефан и закричал шепотом:

— Смотри, кого я поймал! Ты мог себе такое представить?!

Еще не пришедший в себя советник сел: вдруг до него дошло все и сразу.

— Ваша Светлость, демоны тебя дери! Ромуальд! Что ты тут делаешь?!

Действительно, в кожаной куртке Гюнтера перед ним стоял князь. Он хорошо замаскировался: заполучил где-то бронзовый загар наемника, остриг под горшок свои роскошные локоны и обзавелся бородкой. Тот, кто не видел Гюнтера вблизи, вполне мог спутать. Но удивляло не это.

Как?! Как он тут очутился, если несколько дней назад Дамиан оставил его в собственном замке?

Сам он добирался сначала порталами, а затем скакал как бешеный, чтобы успеть на место встречи, и то едва не опоздал. А этот... Стоит тут свеженький, как только что сорванная роза... Откуда?!

Ромуальд, кажется, рассчитывал на другую встречу. Он привычно тряхнул локонами, что при его нынешней прическе выглядело довольно нелепо, и спросил обиженно:

— Ты не рад меня видеть?

— Ромуальд..., — застонал советник, — Мы о чем договаривались? Какой был план? Ты понимаешь, что сломал нам всю игру?

— И вовсе я не сломал, — надулся князь, — я все продумал. Никто ни за что не догадается, куда я отправился. Все думают, что к родным Азильды в Сальвинию. Вроде как она после богомолья решила их навестить, а я поехал налаживать с ней отношения.

Очень хотелось наорать на бестолкового, но приходилось сдерживаться. Все же князь тут Ромуальд, а не он, Дамиан. Но указать ему на ошибки необходимо.

— Кого ты имеешь в виду, говоря «все»? Соседи и знакомые? А об имперцах ты не подумал? В Ардене наверняка остался их агент, и не один. Им должно быть известно истинное положение вещей. Твое исчезновение заставит их действовать. Тебя будут искать, как ты не понимаешь!

— Ну вот еще! — презрительно фыркнул Ромуальд, — Кому я нужен? О том, что меня нет и некоторое время не будет, знает наш мажордом, а он — человек проверенный. И то я ему соврал про Сальвинию. Для всех остальных я снова ушел в творчество. По — моему, к этому все уже привыкли и не удивляются. К тому же гостей в обозримом будущем не ожидается, ближайший праздник, на котором я обязан появиться — через шесть декад.

Дамиан тяжело вздохнул, понимая, что должен смириться с положением вещей, ведь отправить князя обратно у него нет никакой возможности. А кстати, как он сюда-то попал?

На прямой вопрос Ромуальд с гордостью ответил:

— Так примерно так же, как и ты. Порталами, а потом пешком. С Гюнтером я заранее сговорился. Когда ты с Робертом договаривался, я выбрал того парня, который больше всех похож на меня сложением и обработал его.

Вот уж обработал так обработал! Ромуальд никаким боком магом не был, но его синие глазки и умильная улыбка действовали на людей почище самой крутой ментальной магии. С ним хотелось соглашаться, ему хотелось помогать... Причем с мужчинами его обаяние срабатывало ненамного слабее, чем с женщинами. Вот и Гюнтер повелся. Но все же что-то князь не договаривает. Как это порталами, а потом пешком? Они ехали сюда целый день, гнали лошадей, а он пешочком притопал и даже не запыхался?

— Ромуальд, а портал был куда?

Правильная стратегия сработала. Князь не ждал этого вопроса именно сейчас и ответил не задумываясь:

— В Дерезин.

Город, в котором девушки сели в карету, назывался Гардин. А Дерезин был городком, куда порталная сеть дотянулась совсем недавно, год или полтора назад. И расположен он был отсюда недалеко, в пятнадцати лигах от постоянного двора. Только вот незадача: дороги в эту деревню от Дерезина не было. Кроме непроходимого леса эти два населенных пункта разделял здоровенный не то овраг, не то каньон, в котором когда-то дерезинцы добывали отделочный камень. Залежи кончились, а вода и ветры быстро превратили разработку в непреодолимое препятствие с речкой на дне.

Дамиан достаточно хорошо знал географию и владел этой информацией, поэтому спросил недоверчиво:

— Дерезин? А оттуда как?

Ромуальд понял, что попался, и признался:

— Оттуда порталом.

Советник схватился за голову:

— Каким таким порталом? Откуда там портал сюда? Ромуальд, хватит морочить мне голову, скажи уже правду!

Князь поджал губу и надменно произнес:

— Я и не думал тебе врать. Сказал чистую правду. Вот почему так: врешь — тебе верят как святому, а если скажешь правду — не поверят ни за что, еще и обвинят во лжи.

— А портал откуда? — ласково, как врач с пациентом заговорил советник.

Тут Ромуальд потупился и прошептал еле слышно:

— Я его спёр. У Лины.

Хорошо, что Дамиан так и не встал, продолжал сидеть, иначе бы он так и грохнулся.

— Повтори, пожалуйста, что ты спёр у Лины?

Он прекрасно помнил, как артефакторша показывала им свою уникальную разработку. Кристаллов было два. Значит, князь похитил один. Или оба? В любом случае это ставило все их предприятие под угрозу: частными порталами Лина собиралась уйти из Стомбира.

— Портал. Частный. Амулет, — Ромуальд зачастил, пока советник не успел обрести дар речи, — Ну, ты помнишь, она нам показывала: такой длинный острый кристалл на веревочке. Он переносит любого на заданное расстояние в выбранном направлении. Лина говорила, что есть основное требование: чтобы между тобой и местом назначения не было непреодолимых препятствий вроде гор и скал. Я проверил по карте и понял, что тут можно это применить. Амулет перебрасывает на расстояние двенадцать лиг. Направление я засек

по карте. А три лиги прошел пешком по лесу.

Дамиан наконец отошел от шока, отдышался и тихо зарычал:

— Ромуальд, ты понимаешь, что сделал? Ты УКРАЛ! Не у собственной экономки варенье из буфета, а у чужого человека очень дорогую и нужную вещь! Ты не маленький мальчик, а князь и должен отвечать за свои поступки! Пойдем!

Он вскочил на ноги, схватил Ромуальда за рукав и потащил за собой. Тот кротко шел, но попутно лепетал:

— А что такого? Мне очень нужно было... Я заплачу сколько это стоит...

Хорошо, что утро было настолько раннее, что даже слуги еще не вставали. Только в курятнике слышались крики: «Цып — цып — цып!», но никто во плоти им по дороге не попался. Советник тащил князя волоком, а сзади скакал совершенно потерявший ориентацию маг. Так они прошествовали по всему двору, вошли в дом и поднялись на второй этаж.

Дамиан довелок Ромуальда до комнаты Лины и постучался. Заспанная девушка открыла не сразу: искала тапки, надевала халат, ползла до двери... Все это время князь пытался слянуть: объясняться с Линой не входило в его планы. Но Дамиан держал крепко, а когда магичка открыла дверь, бежать было уже поздно.

* * *

Полусонная артефакторша с трудом разлепила глаза и с удивлением уставилась на Ромуальда. Она легко приняла появление советника и мага, их присутствие наполняло ее уверенностью. Но князь... Лина была слишком разумна, чтобы радоваться еще и ему. Как бы он ей не нравился, она прекрасно понимала: Ромуальд — творческая, неконтролируемая натура, а значит ходячая проблема. Особенно в их условиях.

Но если он уже появился, отправить его обратно не получится. Это ей было ясно сразу, стоило увидеть умильную мордашку с синими глазками. Неприятность пришла и фиг ее прогонишь.

Не зная, что сказать, она сделала шаг назад ипустила мужчин в свою комнату. Затем вернулась на кровать и спрятала ноги под одеяло, чтобы не замерзли.

Дамиан дождался, пока Лина набросит на комнату полог тишины, и начал с вопроса:

— Лина, ты это видела?

— Ты имеешь в виду Его Светлость?

Ромуальд стал петушиться:

— Хватит уже звать меня светлостью. Я здесь не князь, а наемник Гюнтер. Вот так меня и называй. И ты тоже, — обратился он к Дамиану.

— Тонкое замечание, — согласилась Лина и спросила у советника, — Где ты взял этого... наемника Гюнтера?

Дамиан рассказал все, чему был свидетелем, время от времени призывая на помощь Стефана, а затем изложил и то, что сообщил ему Ромуальд.

У девушки вытянулось лицо:

— Как? Ромуальд, как ты мог? У меня было всего два таких портала и я их берегла на крайний случай. Теперь, если мы попадем в трудную ситуацию и надо будет срочно бежать... Это теперь сможет сделать только одна из нас.

Лина заглянула князю в глаза и спросила тихо:

— Кем бы ты пожертвовал?

Нежная душа Ромуальда не выдержала: он зарыдал как ребенок.

Дамиан и Стефан застыли в шоке: они никогда не видели, чтобы князь плакал и не представляли себе, что делать. Магу вообще хотелось убежать, чтобы не видеть этого безобразия. Советник растерялся. Сказать Ромуальду что-то вроде «Мужчины не плачут», как делал отец Дамиана в глубоком детстве? Вряд ли это поможет.

Только Эммелина отреагировала разумно. Дав мужчине пару минут пореветь спокойно, она подошла к сидящему Ромуальду, прижала его лицо к своей груди, чему способствовала разница в росте, погладила князя по обстриженным волосам и заговорила ласково, как с трехлетним малышом:

— Ну что такое... Ну, не плачь... Все хорошо. Видишь — я не сержусь. Успокойся, успокойся уже...

В последней фразе так и слышалось: «Успокойся, мой маленький». Но артефакторша, к счастью, не стала произносить этого слова, иначе не уняла бы княжеский рёв еще как минимум час. А тут Ромуальд обхватил обеими руками широкие бедра девушки, прижался теснее к полной груди, орошая ее слезами, и что-то тихо забормотал.

Дамиан с трудом расслышал, что это вариации известной песни: «Прости, я больше так не буду». Но, как человек творческий, Ромуальд добавил туда много жалких слов, как будто они могли что-то изменить.

Лина некоторое время гладила князя по голове, а когда он успокоился и затих, попросила Стефана отвести его туда, где по идее должен был ночевать наемник Гюнтер.

Ромуальд с трудом отцепился от пышных прелестей артефакторши, уходя, все оборачивался, чтобы на нее посмотреть, но наконец последовал за Стефаном, который осторожно тащил его за руку.

Дамиан тоже хотел уйти, но Лина обратилась к нему:

— Прошу тебя, задержись. Нам есть что обсудить.

Советнику очень не хотелось отвечать за глупости, совершенные Ромуальдом, но выхода он не видел. Лина была в своем праве. Даже если она сейчас откажется от экспедиции, он не будет ее уговаривать. Наверное пришла пора Ромуальду перестать быть князем: у него это плохо получается.

К его удивлению, Лина только тяжело вздохнула, но не стала никого обвинять. Сказала:

— Ты должен понимать, что отправить Ромуальда обратно не получится.

Советник молча изобразил полное согласие со словами девушки. Он и сам так думал. Лина продолжала:

— Конечно, это сродни катастрофе. Надо продумать, как уменьшить вред от его присутствия. Ромуальд должен все время быть под присмотром, чтобы еще чего-нибудь не начудил. Боюсь, что эта задача целиком и полностью ложится на тебя. Ты единственный, кого он уважает и побаивается, а значит, пока он у тебя на глазах, можно не беспокоиться за его поведение.

Дамиан с сомнением пожал плечами:

— Думаешь, он будет меня слушаться?

— Думаю, ты сможешь держать его в рамках. Он не должен выходить из роли наемника. Трудная задача. Я так понимаю, с оружием он особо не дружит?

Вопрос был риторический, но у Дамиана имелся ответ:

— Тут ты не права. Его, как любого дворянина, а тем более князя, учили держать в руках и меч, и шпагу. Правда, у Ромуальда получается не бой, а балет, но просто так он себя убить не даст. А вот стрелок он отменный.

— Стрелок?!

На лице Лины можно было прочесть облегчение.

— Я все думала, как сделать так, чтобы он все время был возле тебя. Но если он и вправду стрелок... Посади его рядом с собой на козлы. С арбалетом в руках и запасом болтов в корзинке. Это будет оправдано: стрелков часто так сажают. Вот и будет он под присмотром, а в случае чего — в большей безопасности, чем верхом среди других наемников.

Насчет безопасности Дамиан бы поспорил, но в остальном девушка была абсолютно права. Поэтому он наклонился вперед, взял Лину за руку, поцеловал ловкие пальчики и поблагодарил:

— Спасибо. Спасибо что так все приняла. Спасибо, что не отказываешься ехать дальше. Ты чудесная девушка, Лина. Добрая и благородная. Я бы на твоём месте все прекратил, пусть этот воришка выкручивается сам как может. А ты... Он же уничтожил вашу с Тиной страховку!

Магичка хитро улыбнулась.

— Ну, не всю страховку... Это на двенадцать лиг у меня было всего два амулета. Я не стала говорить... Есть еще на лигу, на две и на три... Это не двенадцать, но тоже может помочь в крайнем случае.

Она вдруг схватила советника за руки и сжала их:

— Только пусть Ромуальд ничего об этом не знает.

В этот момент дверь между комнатами девушек распахнулась и на пороге возникла Тина во всей красе, то есть в утреннем халате, надетом прямо на рубашку.

Дамиан не мог отвести глаз. Насколько Лина в своем байковом светло — зеленом халатике в мелкий белый цветочек выглядела уютной и домашней, настолько Тина в лиловом парчовом одеянии, отделанном по вороту, манжету и подолу ворохом бледно — сиреневых рюшей, была величественная и роскошна.

Советник вспомнил, что все наряды девушкам князь подбирал лично, и еще раз восхитился его безупречным вкусом и чувством стиля. Даже только что встав с кровати, обе девушки являли собой продуманные образы знатной дворянки и ее скромной компаньонки.

Тина вошла, окинула взором открывшуюся ей картину и, игнорируя присутствие советника, обратилась к подруге:

— Что здесь делает этот мужчина? Вообще, что тут происходит? Уже час не могу спокойно спать!

Дамиан удивился: они находились под пологом тишины и не могли шуметь. Тут он вспомнил, что Тина ведьма и чувствует колебания магии точно так, как другие люди слышат звуки. Похоже, их появление в комнате Лины не стало для ведьмы секретом. Просто она не хотела появляться на людях, не приведя себя в порядок.

Магичка же спокойно ответила:

— Дорогая, у нас тут легкий дурдом. Еще одна замена, причем внезапная: вместо наемника Гюнтера под тем же именем теперь будет князь Ромуальд.

У Тины загорелись глаза:

— Правда? Вот здорово! Лин, я же говорила: он в тебя влюблен! Вот видишь, я была

права!

Ни Лина, ни Дамиан не видели связи между влюбленностью князя, скорее всего выдуманной, и его появлением в отряде. Скорее это было детское желание приключений, которого ни тот, ни другая не могли одобрить. Но Тину ситуация приводила в восторг.

— Это так романтично! Он бросил все и отправился охранять свою любимую!

Тут впервые Дамиан подумал, что, похоже, Тина не так уж ему и нравится. Он бы предпочел, чтобы девушка обошлась без этих глупых восторгов, особенно по поводу, который у него ничего, кроме беспокойства, не вызывает.

Тина же заинтересовалась:

— Но я не вижу здесь нашего Ромочку! Куда вы его задевали?

Час от часу не легче! Теперь еще и Ромуальд у нее стал Ромочкой! Если князь услышит... Нет, не разгневается, но у Дамиана не останется ни малейшего шанса. Эти два романтика прямиком отправятся в постель и вся проведенная работа, все планы пойдут псу под хвост.

Пока Дамиан переживал, Лина ответила подруге:

— Успокойся. Увидишь еще своего Ромочку. Теперь он с нами едет. Кстати, не вздумай его вслух так называть. Сейчас он Гюнтер, а вообще-то Ромуальд и князь. Не забыла?

— Фу, какая ты нудная, — надулась Тина, — За тобой возлюбленный из такой дали прискакал, а ты все зудишь, как муха. Радоваться должна!

Советник ожидал, что Лина снова осадит подругу и объяснит ей, что радоваться тут нечему и князь ей пока не возлюбленный, но магичка не стала этого делать. Сказала спокойно и устало:

— Ликовать потом будем, на обратном пути, если все пройдет нормально. А пока... У нас еще два часа до пробуждения и я хотела бы их провести как положено: вкушая сон. Так что предлагаю всем очистить помещение и идти досыпать.

Суровая, но справедливая.

Дамиан встал, вежливо поклонился и вышел. Краем глаза увидел, как Тина картинно обернулась вокруг своей оси и, задрвав нос повыше, удалилась в свою спальню.

Дамиан вернулся на сеновал, растянулся на собственном плаще и попытался задремать, но сон не шел. Как-то все запуталось, а он не терпел такого состояния ума. Все должно быть по полочкам, тогда можно спокойно спать. А тут...

Выходит, Тина убеждена, что Ромуальд влюблен в ее подругу. Обычно в этих случаях девицы друг другу завидуют и стараются сказать или сделать гадость. Но ведьма Лину поддерживает в меру своей способности понимать ситуацию. Она не претендует на князя, а вполне искренне хочет, чтобы он был счастлив с магичкой. Кстати, она права. Своим далеким от разума чутьем девушка чувствует, что Ромуальду подходит именно такая, как Лина. Спокойная, разумная, которая будет о нем заботиться и держать его в руках. Плохо только, что даже если князь действительно полюбит магичку, то жениться на ней не сможет. Все-таки слишком разное у них положение в обществе. Если бы хоть Лина была пусть бедной, но дворянкой... И это бы не помогло. У нее на лице простое происхождение написано крупными буквами.

Вот Тину легко можно принять за графиню и даже за герцогиню. Внешность породистая, держать себя она умеет. Да и рядом с Ромуальдом смотрелась бы отлично: пара — просто загляденье. Зато характер у ведьмы... Милый, добрый, очаровательный, но еще более легкомысленный, чем у князя. Если эти романтики соединятся, княжество можно

будет выкидывать в помойку.

Сейчас он понимал, что в паре «Тина — Лина» девушки играют те же роли, что и в их мужском тандеме «Ромуальд — Дамиан». Один рассудок — другой эмоции, причем практически в чистом виде.

Возможно, все правильно? Если так смотреть, то можно перемешать пары? Ромуальда будет уравнивать Лина, а его, Дамиана, Тина! И будет всем счастье.

Пока он так раздумывал, вернулся Стефан. Не полез в карету, а пришел к другу и начальнику доложить.

— Поручение выполнил. Князя я уложил и усыпил часа на два, пусть пока никуда не лезет. Роберту все сказал, он теперь за голову хватается. Что делать будем? Лина же откажется ехать дальше.

— Уже не отказалась, — успокоил его Дамиан.

Не похоже было, что маг этому обрадовался. Он недовольно засопел и полез прочь с сеновала: до подъема оставалось гораздо меньше двух часов.

* * *

Следующие дни прошли на удивление спокойно, хотя путешествовать стало труднее. Дорога покинула довольно ровное предгорье и довела их до настоящих гор. Там она перестала быть прямой, а запетляла серпантинном, с каждым витком поднимаясь все выше и выше. Лошадям все труднее было тянуть карету, да и без того скорость пришлось уменьшить, чтобы на повороте не свалиться невзначай в пропасть.

Лес поредел, но не исчез. Здесь его составляли величественные ели и кедры. Но попадались густые заросли кустов и можжевельника. В таком месте можно было ждать нападения разбойников. К счастью, карета с охраной представляла менее привлекательную цель, нежели купеческий обоз или одинокий торговец. Вооруженных противников тут больше, чем добычи.

Пару раз кто-то из наемников замечал в зарослях человека с оружием, но ни разу никто не попытался напасть.

Постоялые дворы перестали попадаться чаще, чем раз за дневной перегон, а ближе к перевалу и вовсе исчезли. Зато на обочинах дороги с давних пор были устроены удобные места для стоянок. Обычно они представляли собой природное укрытие, к которому трудно подойти иначе, чем по дороге. Это гарантировало относительную безопасность. Там можно было поставить шатры, найти воду и хворост для костра, чем путешественники пользовались.

Тина и Лина продолжали играть роли знатной дамы и компаньонки, хотя зрители были все свои и особо стараться смысла не имело. Но советник велел им не расслабляться и считать все это репетицией. Он надеялся, что девушки привыкнут и будут вести себя естественно когда придет время.

Ромуальд, как и предлагала Лина, ехал с Дамианом на козлах.

Роберт, когда узнал, что парень из его отряда поменялся с князем, готов был того убить. Но понял, что выхода нет, и только выпросил себе право гонять нового наемника по полной программе. Каждый день для Ромуальда теперь начинался с разминки и тренировочного боя, прибавлявшего ему синяков и шишек в большей степени, нежели уменья. Зато его

способности стрелка Роберт оценил и полностью согласился с планом Лины. Князю вручили два заряженных арбалета, целую корзину болтов и велели смотреть в оба. Если что заметить — стрелять.

Тот поначалу очень ответственно отнесся к новой роли и даже подстрелил бродившую по горам дикую свинью, которая подозрительно шуршала в кустах. „Наемника Гюнтера“ похвалили, свинью зажарили и съели, после чего Ромуальду стало скучно.

Новая роль надоела, а играть ее предстояло еще долго.

К счастью, он не ехал один — одинешенек верхом, а сидел на козлах, откуда слинять было сложно. Да и Дамиан все время рассказывал массу всего интересного. Он делал это для девушек, но не затыкать же уши?

А Дамиан торопился рассказать все, что успел узнать про порядки в империи и крепость Стомбир. Ему удалось где-то раскопать план этого укрепления, не подробный, без тайных ходов, но вполне достаточный для их целей. Можно было прикинуть как расположение покоев Азильды, так и возможные пути отхода. Всё сходилось на том, что внутрь так не попасть, их должны впустить, а вот уйти можно будет попробовать без разрешения.

Кроме рассказов, Дамиан занимался с девушками тем, что заставлял их заучивать наизусть ответы на вопросы, которые им могут задать. За Лину он не беспокоился, она запоминала сразу, зато с Тиной пришлось помучиться. Поначалу было трудно приучить ее хотя бы отзываться на имя Гертруда. Но потом дело пошло на лад, а все сведения об этой мифической личности запомнила не только она, но и князь.

Оказалось, некто Витольс, родом из Южного Гремона, в далеком Итсене действительно существовал и даже на самом деле недавно умер, оставив большое состояние многочисленным, но не близким родственникам. Нотариус, якобы пославший бумаги наследнице, тоже являлся реальным лицом. По заверениям агентов Дамиана эти сведения могли проверить, если не на границе, то уж в Стомбире точно. Тут комар носу не подточит: и письмо, и копия сделаны на высшем уровне. А вот содержание завещания, имена наследников и их место жительства нотариусы имеют право объявить только после вступления в права наследования, так что запрос на эту тему ничего не даст.

Бумаги самой Гертруды тоже были настоящие. Почти целиком. Подчистили и подрисовали только генеалогическое древо, а также подпись дамы в паспорте и подорожной. Настоящая же госпожа ар Дотцель отдыхала сейчас в Байях на деньги князя и под чужим именем. Она поехала туда с любовником, поэтому ее все устраивало.

С бумагами Амалии мудрили меньше: никто не будет выяснять судьбу вдовы школьного учителя из маленького захолустного городка.

Слуги вообще никого не интересовали, а наемников проверяли только на один предмет: не совершил ли данный тип преступление на территории Империи. Но так как отряд Роберта Данцера раньше никогда в империи не был, то тут бояться было нечего.

Дамиана беспокоило лишь то, что к изменению внешности Ромуальд мог отнестись несерьезно. Но красавчик — князь на самом деле остриг волосы под горшок, бородку же не нарисовал, а вырастил с помощью специального зелья и теперь каждый день перед завтраком ровнял ее с помощью маникюрных ножниц, выпрошенных у Лины, то есть „Амалии“.

На последней остановке перед перевалом Дамиан отобрал у девушек все бумаги, которые могли их выдать, и торжественно сжег. Горели инструкции, карты, планы, выписки

из книг... Тина смотрела на огонь с грустью, а Лина с усмешкой.

* * *

На другой день карета с охраной преодолела перевал, отделяющий Гремон от империи, и сразу после полудня подъехала к пограничной заставе имперцев.

Людей, кроме пограничной охраны и таможенного чиновника, было мало: пара охотников спускалась с гор, торговец с сыновьями возвращались из империи на родину, продав товар.

Дорогая карета, да еще и с наемниками в качестве охраны, вызвала бурный интерес.

Вся стража, даже те, кто в этот момент были не на дежурстве, высыпали на улицу, чтобы посмотреть на прибывших. А когда из кареты вышли дамы, пограничники были потрясены.

Женщины вообще редко путешествовали через перевал даже в торговых обозах, а уж без сопровождения родственников — мужчин и вовсе никогда. А тут две молодые красотки и ни мужа, ни отца, ни брата... Просто скандал! Но зато как интересно!

Стражники во главе с таможенным инспектором окружили девушек, жадно разглядывая их лица и фигуры. Но просто так делать это было неприлично и главный попросил предъявить документы и предоставить карету для досмотра.

Тут обе показали, как хорошо они усвоили свой урок. И Тина, и Лина держались просто идеально, полностью в соответствии со своей легендой. Каждая взглядом дала понять, что с ней никому ничего не светит, но по — разному. Тина, то есть Гертруда держалась как королева, случайно забредшая в трущобы: милостиво, но брезгливо и надменно, а Амалия смотрела на мужчин так, что вместо того, чтобы приставать к хорошенькой дамочке, хотелось отойти от нее подальше. Тяжелый, оценивающий взгляд не сулил им ничего хорошего.

Их проводили в будочку, служившую конторой, предложили присесть, под суровым взором начальника один из солдат даже протер стулья своим рукавом. „Гертруда“ с достоинством опустилась на подставленную мебель, „Амалия“ устроилась без посторонней помощи.

Далее чиновнику выдавали один документ за другим, он их осматривал, делал заметки в каком-то реестре и возвращал госпоже ар Дотцель. По ходу дела задавал вопросы, к счастью, не спросил ничего, на что ответ не был выучен заранее.

„Слуга Клаус“, который принес их саквояжи (сумочки у обеих красавиц висели на плече), стоял у входной двери, как бы ожидая, когда хозяйка отдаст ему какое-нибудь приказание, и внимательно слушал, готовый в любую минуту прийти на помощь. Не понадобилось. Обе девушки проявили не только знание, но и актерские способности.

Казалось все, что они говорят, не выучено наизусть, а рождается прямо тут, на глазах у чиновника. Паузы, взгляды, даже дыхание — девушки были сама искренность. Получаса не прошло, как пограничник вернул им все бумаги, выдал разрешение следовать дальше и отправился проверять слуг и наемников.

Настала очередь таможенного чиновника. Карету к этому моменту он уже осмотрел, не нашел там ничего предосудительного или подлежащего выплате пошлины и пришел к дамам недовольный.

Стефан, который так и остался стоять в углу у двери, смог полюбоваться на работу Лины.

Чиновник для начала поводит вокруг девушек большой блямбой на шнурке. Сделана она была из низкокачественного серебра, в которое были вставлены несколько полудрагоценных камней. Амулет для определения магических способностей. Но... То, что Стефан видел в родном университете, выглядело не так.

Если амулет должен был как-то прореагировать в случае обнаружения дара, то цель была достигнута: ни один камешек не блеснул и не поменял цвет. Бедный маг успокоенно вздохнул: значит, и его не разоблачат.

Чиновник удовлетворенно вздохнул и предложил показать сумочки и саквояжи. То, что девушки оттуда достали, заставило хихикнуть. В сумочках нашлись разные баночки и скляночки с притираниями, пудрой, помадой и прочей ерундой, пилочки, кисточки и другие ухищрения красоты, а также кошельки с деньгами, платочки и мелкие бытовые амулеты. Ничего предосудительного.

Чиновник проверил все амулеты той же блямбой. Камешки на ней загорались разными цветами, от синего до желтого. Вероятно, это была дозволенная гамма, потому что таможенник их отодвинул и разрешил дамам вернуть вещи в сумочки.

Из саквояжей возник ворох кружевного нижнего белья, что смутило „служу Клауса“. Но чиновник остался равнодушен. Кроме белья, полотенец, умывальных принадлежностей там нашлись любовные романы в большом количестве. „Амалия“ пояснила, что дорога длинная, надо хоть чем-то себя развлекать. Словно в подтверждение из саквояжа были извлечены колоды карт, кости и пластины для игры в „акет“, а кроме них опять кошельки с деньгами и бытовые амулеты.

Ничего запрещенного.

Последним номером таможенник проверил сами саквояжи и сумочки: от них шла магия. Камешки на амулете ярко светили синим и оранжевым. У служаки блеснули глаза:

— Что это? Что это за чары?

— Какие? — с недоумением протянула „Гертруда“.

— Вот эти? — мужчина с торжеством ткнул пальцем в амулет.

„Гертруда“ с недоумением пожала плечами и фыркнула. „Амалия“ с сомнением забормотала:

— Я, конечно, не знаю точно... Но мне кажется... Кажется, я догадалась. Это те амулеты от воров, которые нам установили в столице! Конечно!

И заговорила уже громким голосом:

— Видите ли, уважаемый господин, госпожа Гертруда боялась, что нас могут обокрасть в дороге, поэтому перед отъездом я пошла к специалисту и он установил на сумки амулеты от кражи. Если вор сунет туда руку, его парализует на четыре минуты, а если попытается срезать сумочку, то шибанет молнией. Несильно, но вряд ли он снова полезет.

И она показала на брелоки, висящие на ручках и прицепленные к замочкам.

— Опасные заклинания? — радостно потер руки таможенник.

Амалия отвечала четко, как на экзамене.

— Неприятные, но не смертельные и не приводящие к длительному расстройству здоровья. Опасные только для воров. Маг мне сказал, что такие в империи разрешены.

Это было действительно так. Если бы дамы об этом не знали, он слупил бы с них хорошенькую сумму за разрешение на проезд, но те, кто знали свои права, часто требовали

показать соответствующий закон... Таможенник махнул рукой, подписал разрешение, взяв всего лишь положенную проездную пошлину. Заодно подмахнул документы „Клауса“, даже не пытаясь осмотреть ни слугу, ни его поклажу.

Ловкая компаньонка живо собрала сумки и все вместе двинулись на выход. К этому времени пограничники и второй таможенник уже успели проверить наемников. К счастью, за весь отряд отвечал и расписывался командир, так что Ромуальд ни с кем и ни с чем не столкнулся. Максимум, что ему пришлось сделать: слезть с козел и встать в общий строй.

На кучера вообще никто не обратил внимания. Все документы и разрешения были вручены госпоже Гертруде ар Дотцель, она вместе с компаньонкой села в карету и все тронулась в путь.

— Пронесло, — прошептала Тина, когда они отъехали от пограничного поста на почтительное расстояние.

— Мы хорошо подготовились, — возразила Лина, — Этот зануда в кишки нам был готов влезть. Но ты хорошо держалась и он не решился докапываться до такой важной дамы.

* * *

После перевала дорога весело пошла вниз вдоль горного хребта. Ближе к заходу солнца отряд добрался до деревни, где располагался важный перекресток. Налево отходила широкая, благоустроенная дорога на один из самых крупных городов империи. Ею обычно пользовались торговцы, едущие на тамошнюю ярмарку. Все равно глубже не территорию империи им для торговли заходить воспрещалось.

Но госпоже Гертруде было нужно на другой конец государства, поэтому она избрала путь на юг до Стомбира. Оттуда шла дорога через всю империю.

Это девушкам пришлось объяснять через четыре дня на въезде в тот самый Стомбир.

Он появился перед их взорами сразу после полудня, но въезжали они туда уже в сумерках. За это время успели отлично рассмотреть и крепость, стоящую на скале, и утопающий в садах городок вокруг. Городок, кстати, тоже был окружен стеной. Невысокой, неширокой, но каменной, похожей на те, которыми крестьяне окружают свои поля, и растущей каждый год, потому что при вспашке из земли регулярно вылезают все новые и новые камни.

За проезд в каменную арку городских ворот с них взяли пошлину лишь немного меньше той, которую они заплатили при въезде в империю, и обязали, прежде чем они двинутся дальше, явиться в городскую управу для проверки.

„Амалия“ спросила, как добраться до лучшей в городе гостиницы. Ей ответили, что лучшая и единственная гостиница находится прямо на главной площади и рукой показали направление.

Кучер дернул поводья, карета бойко двинулась вперед и проехала уже пол — улицы, но в какой-то момент колесо попало в выбоину и застряло, лошади же продолжали тянуть... Послышался жуткий треск...

Через мгновение ящик, в котором сидели дамы, полетел в одну сторону, рама, на которой он крепился — в другую, а колеса раскатились по всей улице. Возница с трудом остановил лошадей, которые обрадовались избавлению от тяжелого груза и прибавили ходу. Из домов высыпали жители.

Когда стало ясно, что ни дамы, ни их слуга не пострадали („Клаус“ отделался порезом на щеке и разодранным рукавом сюртука), их торжественно препроводили в гостиницу. Наемники сторожили карету и вещи, пока за ними не пришли гостиничные слуги, а кучер, устроив своих лошадей в конюшне, побежал искать каретного мастера.

Когда „Гертруда“ и „Амалия“ спустились на ужин, „Дитер“ пришел доложить, что карету взяли чинить, но из-за нее придется задержаться на пять, а то и семь дней: слишком серьезная поломка.

Госпожа ар Дотцель во всеуслышание обвинила в поломке беднягу Дитера и пообещала уменьшить ему жалованье. Затем зашипела что-то на тему:

— Придется столько времени потерять в этой дыре.

Амалия же пыталась ее успокоить, уверяя, что даже здесь может найтись приличное общество, которое скрасит госпоже дни ожидания.

При этом она незаметно для хозяйки махнула кучеру рукой: мол, убирайся, пока она совсем не разозлилась.

В этот час в „ресторане при гостинице“, то бишь в трактире при постоялом дворе было много народу. Это заведение считалось самым приличным в Стомбире, поэтому сцену, разыгранную Дамианом и девушками, видели многие, и среди них офицеры, служившие в крепости.

* * *

Тина и Лина обратили внимание, что присутствующие в зале трактира пялили на них глаза, но, несмотря на то, что девушки сидели за столиком одни, никто не попытался к ним подойти и познакомиться. В этом было что-то странное. Обычно мужчины в таких случаях не чинились, наоборот, вели себя нагло.

Но тут все, от офицеров до неких непроясненных персонажей, только что глаза себе не сломали, тарашась на заезжих красоток, но никто и шагу не сделал, чтобы к ним подойти.

Где-то на середине ужина к „Гертруде и Амалии“ присоединился начальник отряда наемников. Его проводили завистливыми взглядами, но и тут ничего в поведении присутствующих не изменилось.

А Роберт пришел, чтобы сообщить: плата за постой в гостинице слишком высока. Она годится для знатной дамы, но наемники шиковать не собираются. Сегодня они здесь перекантуются, а завтра переберутся в домик на окраине, который им готова сдать бедная вдова. Это недалеко от того выезда из города, что около крепости. Там рядом за стеной имеется обширный выгон, где можно пасти и проезжать коней. В принципе, пока дамы находятся в Стомбире, охрана им не требуется, но он будет посылать парней дежурить в гостиницу.

„Гертруда“ сначала нахмурилась, но когда компаньонка пошептала ей на ухо, согласилась с таким решением. Она только указала, что ее личные слуги останутся при ней.

Их разговор могли слышать все, кто был в зале. В нем не было ничего тайного или подозрительного. Однако на самом деле это был один из пунктов плана, раздел „пути отхода“. Дамиан подозревал, что бежать придется второпях, бросив карету. Но бежать без охраны и лошадей — дело не просто глупое, а невозможное.

Расположение наемников в домике на отлете позволяло им незаметно смыться и

дождаться главных действующих лиц где-нибудь в лесу.

Тина, как водится, этот пункт плана прослушала и теперь Лине пришлось ей пояснить, что так и задумано.

— Сегодня вас Гюнтер охраняет, госпожа, — сказал Роберт Данцер.

Тина милостиво кивнула, а Лина обреченно вздохнула. Только этого не хватало.

С тех пор, как Ромуальд к ним присоединился, он вел себя образцово: беспрекословно слушался предводителя отряда, регулярно тренировался, не открывал рот без команды и не пытался своим поведением сорвать всю операцию. Но так могло казаться со стороны.

На самом деле он метался. То ему казалось, что Лина — верх совершенства и только с ней он может быть счастлив, то прелести Тины затмевали в его душе образ маленькой артефакторши.

Дать волю своим чувствам он не мог, слишком много народу кругом и нет ни малейшей возможности для уединения. Но вздохнуть и бросать на девушек разнообразные по своему значению взгляды у него отлично получалось.

Ни один мужчина даже не заметил бы этих маневров, но с детства привычные именно к этому языку девицы быстро засекли, что происходит что-то неладное. Если бы они соперничали за внимание князя, то каждая бы думала про себя, что одолела соперницу, но в том-то и дело, что ничего подобного не было. Так что когда каждая стала ловить на себе то томные и нежные, то страстные взоры. Они поделились впечатлениями и пришли к выводу:

— Паршивец, обеих клеит! — без обиняков высказалась Валентина.

— Творческая натура, — подтвердила Эммелина.

Надо сказать, Лина с самого начала нечто такое подозревала, а Тина просто обиделась за подругу. Она-то думала, что наконец нашелся идеальный любовник, который сможет изменить отношение Лины к мужчинам и поэтому охотно поддалась собственным измышлениям о том, что князь, как натура тонкая, оценил несравненные достоинства магички и влюбился.

Теперь же ей стало ясно, что это не так. Прекрасный князь был влюблен во всех мало — мальски красивых женщин и не собирался менять свои привычки. Валентина подумала о том, что затащить хоть одну вожденную красавицу в постель у него теперь нет ни малейшего шанса, и договорилась с Линой, что обе они будут держаться от Ромуальда подальше.

Это произошло еще до того, как отряд преодолел перевал. С тех пор девушки как сговорились: везде ходили только вместе и не давали Ромуальду возможности поговорить с одной без свидетелей. Так что все взгляды, вздохи и страдания только взглядами и вздохами и оставались, не получая никакого материального выражения.

Во время остановок на природе или ночлега в придорожных постоялых дворах он неизменно находился среди наемников. Дамиан и Стефан, изображавшие личных слуг, могли в любой момент подойти хоть к одной, хоть к другой и поговорить, а с его стороны это выглядело подозрительно. Он было попытался, но советник пригрозил, что все сейчас же возвращаются в Амондиран и дальше он может поступать как знает. Князь не первый год был знаком с Дамианом, чтобы думать, что это пустая угроза. У того никогда слово с делом не расходились.

Так что до самого Стомбира он маялся и томился сразу по двум причинам. Во — первых, он был отлучен от предмета своей страсти, а во — вторых, он так и не смог выбрать, в кого именно влюблен.

Конечно, девушки были очень друг на друга непохожие и чувства вызывали различные. На Тину хотелось смотреть и смотреть, ловить каждое движение ее изящного, грациозного тела, каждую мимолетную улыбку. Ромуальд представлял ее себе в разных видах и мечтал, что когда-нибудь сможет увидеть это не только в воображении. Его глаз художника уже представлял себе будущий портрет. Это будет этюд „белое на белом“ — прекрасное обнаженное тело на смятых простынях. Прекрасные темные волосы Тины и ее глаза цвета грозового неба будут так волшебным выделяться на этом фоне!

Лина... От ее пахло теплом и уютом, вкусной едой и свежестырированным бельем. Она казалась мирной гаванью, в которой можно укрыться от всех бед мира. Ромуальд не забыл, как плакал на ленивой мягкой и одновременно упругой груди и как она его утешала. Казалось, только она его понимает. Но в то же время он не воспринимал Лину как заменитель маменьки. Он хотел ее как женщину.

Кажется, ее манипуляции с родовыми артефактами Амондиранских князей и в самом деле были успешными. После свадьбы Ромуальд довольно скоро потерял интерес к женщинам кроме чисто художественного. В принципе так и должно было быть: магия брачных колец гарантировала верность супругов. Но в данном случае ему даже собственная жена была не слишком нужна. Ей, к слову, тоже.

Азильда старалась отвести мужа от спальни, а он не протестовал. Зачем? Ее портрет он уже написал, а она, видите ли, обиделась. Ромуальд иногда изменял Азильде, но редко и вроде как по обязанности: должен же мужчина спать с женщинами, это полезно для здоровья. Жгучего желания, как в юности, больше не было. Ромуальд объяснял это тем, что стареет. Но какая, к демонам, старость в тридцать лет?!

А после того, как Лина занялась его кольцом и что-то в нем подправила, к нему вернулась любвеобильность молодости в самом своем практическом выражении. Привлекательных женщин хотелось хватать и тащить в постель. И объекты как назло все время маячили перед глазами. Только вот ситуация складывалась так, что ни с одной он не мог остаться наедине и предаться страсти, не опасаясь, что через пару минут их тет — а-тет не будет грубо прерван. О возможности отказа он даже не думал: кто же откажет, нет, не князю, а красивому и талантливому мужчине?

И вот наконец ему улыбнулось счастье. В Стомбирской гостинице девушек разместили в роскошном номере с двумя выходами: из гостиной и из комнаты компаньонки. Дамиан и Стефан, все время торчавшие рядом с „хозяйкой“, отправились в мансарду, где были комнатухи для слуг, наемников расселили по двое в пристройке во дворе, а ему Роберт организовал пост в коридоре, как раз между двумя дверями, ведущими к вожаделенным красавицам. Он должен сторожить их всю ночь до утра. От кого? Гостиница здесь приличная, вряд ли кто-то осмелится покуситься на постоялиц.

Сейчас, пожалуй впервые за все путешествие, Ромуальду представилась возможность хотя бы поговорить, попытаться объяснить хоть с одной из девушек. С какой? С какой получится. Он решил положиться на судьбу.

Поначалу ему не везло. Дамиан и Стефан все время ходили туда — сюда: под видом получения указаний на завтра от хозяйки они сверяли планы и договаривались об условных сигналах.

Затем Роберт решил проверить, как „Гюнтер“ справляется с охраной объекта и пару раз внезапно нагрянул на этаж. К счастью, Ромуальд не успел придумать план обольщения, поэтому стойко оставался на своем посту.

После полуночи все стихло. Даже из трактира больше не доносились голоса. В пристройке, в которой разместили наемников, погас свет. Погас он и в комнатах девушек.

Ромуальд уже хотел бросить монету, чтобы решить, в какую дверь постучать, но судьба уже решила за него. Когда он наконец нашел в кармане серебряный горт, из-под двери комнаты компаньонки заструился слабый свет, раздался шорох и на пороге появилась Лина в своем уютном байковом халатике и пушистых тапочках. В руке у нее был трехрожковый подсвечник с единственной свечой.

Она вышла, увидела Ромуальда и обрадовалась:

— О, Гюнтер! Я совсем забыла что ты тут. Отлично! Можешь сходить вниз и попросить графин с водой? Я тебя тут подожду и заодно покараулю.

Она совершенно сбила его с толку. Князь начал с того, что взял из рук магички подсвечник и кротко потопал вниз. К счастью, ему у самой лестнице попала служанка, которая как раз убиралась в помещении трактира сразу после закрытия. Она поначалу не могла взять в толк, что нужно этому красивому парню. Ей казалось что вода — только предлог и она пыталась задержать молодого наемника, недвусмысленно подставляя ему свой обширный бюст. Но он все же сумел убедить ее принести с кухни графин и ушел, забрав его, на что деваха смертельно обиделась.

Когда князь с графином прибежал на второй этаж, Лина сидела на его месте в обнимку с арбалетом и клевала носом.

Ромуальд поставил графин на столик, подхватил девушку на руки, удивляясь, что она столько весит, и потащил в комнату. Лина проснулась и стала тихо ойкать, убеждая мужчину поставить ее на пол. Она тяжелая, он надорвется. Князь готов был ее уверять, что она легкая как пушинка, но тут вдруг почувствовал, что еще мгновение — и он уронит свою ношу. Пришлось опустить ножки девушки на пол, но прекратить ее обнимать было выше сил.

Он зарылся лицом в пушистые растрепавшиеся волосы магички, руками прижал ее к себе потесней и замурлыкал прямо в ухо:

— Лина, Лина, чудо мое, прелесть, сладкая моя девочка...

В ответ услышал:

— Гюнтер, заberi из коридора графин с водой и подними с пола арбалет, я его уронила. И не стой столбом: войди в комнату и закрой дверь.

Ее спокойный голос подействовал на князя как приказ сержанта на новобранца. То, что она назвала его Гюнтером, прочистило мозги. Он четко выполнил инструкции: забрал из коридора воду и оружие, вошел в комнату Лины и запер за собой дверь.

Девушка смотрела на него нежно и немного снисходительно. Ну вот такой ей бестолковый кавалер попался. Готов ради минутного порыва все дело загубить, а оно не ее, а его напрямую касается. Надо бы его отчитать, пристрожить и выставить, но... Нравится он ей.

Только бедняжечка еще не знает, для чего она позвала его в свою комнату. Не для интима, отнюдь. Она должна ему объяснить, что он выбрал не тот объект. Как бы он ни был хорош и пригож, но ничего у них не получится.

За годы учебы в университете у Лины регулярно появлялись поклонники. Все знали, что она замужем, но также было широко известно, что с мужем своим она не живет.

Никто не вникал в подробности, народу хватало банального объяснения: юная девица без любви выданная замуж за старика по умолчанию рвется на свободу. И никто не хотел понимать: Лине никто не нужен, ей неприятен любой физический контакт с мужчиной. А

уж разобраться, почему так, и вовсе желающих не находилось.

К ней подкатывали по — разному: дарили букеты и конфеты, вешали на уши лапшу, попросту пытались завалить на ковер... Она никому не уступила. Особо рьяные вдобавок получили кто что: ослиные уши, бородавки на нос, импотенцию на пару декад...

В результате по университету полз слух, что Линин брачный договор включает в себя безусловную верность. Это было не так, но артефакторшу устраивала легенда.

Сейчас ей предстояло вправить мозги князю. Но пока она раздумывала, как это лучше сделать, Ромуальд уже пришел в себя и овладел ситуацией.

Лина будто со стороны вдруг увидела, как он обнимает ее, целует, увлекает к кровати, попутно стаскивая халатик и тапочки. А самое главное то, что она отвечает на его ласки, целует в ответ, ерошит и без того растрепанные волосы, прижимается к мужчине всем телом и не испытывает в связи с этим никаких неприятных ощущений.

Кажется, у нее появился шанс избавиться от своего дурацкого комплекса и наконец-то наставить Кавериско рога. Надо только не вмешиваться со своими непрошеными мыслями, отключить рассудок, тело все сделает само.

Только когда Ромуальд, успевший стащить с нее все вплоть до сорочки, на минуточку отвлекся, расстегивая собственные штаны, сознание вновь заговорило громким голосом.

Оно напомнило, что они приехали в империю не для того, чтобы лечить тараканов у Лины в голове, у них совсем другая задача. Если сейчас она себя отпустит, позволит себе насладиться близостью самого прекрасного мужчины в мире, то завтра не только она, все об этом пожалеют. Потому что это будет нечто настолько яркое и изумительное, что не сможет не отразиться на ней. А уж как — только боги ведают. Может на фиг снести всю защиту и маскировку, например. А в конторе Стомбирской стражи ее обязательно будут проверять амулетом на магический дар, это к гадалке не ходи.

Но хуже всего то, что их с Ромуальдом близость не удастся скрыть. Не потому, что кто-то увидит, как он выходит из ее комнаты. Просто все будет написано у них на лицах крупными буквами.

Разнежившаяся было Лина быстро села на кровати, натянула на себя простыню и трагическим шепотом крикнула прямо в ухо князю:

— Ромуальд, нет! Нельзя! Это невозможно!

Он удивился и обиделся:

— Лина, почему? Ты же хочешь меня не меньше, чем я тебя. Думаешь, я не заметил? Что тебя останавливает? Неужели ты хранишь верность этому, как его, Герарду Кавериско?

Можно было высказать Ромуальду свои истинные резоны, но пришлось бы полночи объясняться с неизвестным результатом. Настрой она мужчине сбила, но не хотелось полностью отворачивать его от себя. Так что Лина воспользовалась тем слухом, который уже ходил о ней, и сообщила князю:

— Я не могу. Мой брачный контракт действительно подразумевает верность мужу.

— И ты совсем..? — Ромуальд не знал, как пристойно сформулировать свой вопрос.

— Под угрозой смертельной и мучительной болезни.

— Это ужасно.

Он поднялся, застегнул штаны, натянул рубашку, собрал остальные вещи и поплелся к выходу из комнаты. Лина напомнила:

— Сначала приведи себя в порядок, потом выходи. Арбалет не забудь. И... прости меня. Ты действительно очень мне нравишься. Настолько, что поначалу я обо всем забыла.

Князь сверкнул синими очами, отвернулся, застегивая колет наемника, произнес глухо:
— Не надо извиняться, я все понял. Ты меня прости.

И вышел в коридор.

Лина без сил рухнула на постель и заплакала тихонько, как детстве. Отец и мать всегда ругали ее за слезы, поэтому она приловчилась плакать так, чтобы никто — никто не услышал. Через полчаса она встала, налила в плошку немного воды, заморозила ее магией и приложила к лицу. Утром она должна выглядеть свежей, как роза на кусте.

* * *

Утром Тина пожелала получить завтрак в комнату, но неожиданно хозяин гостиницы этому воспротивился и предложил ей и всем сопровождающим спуститься в общий зал. Там их уже ждали трое: высокий как жердь офицер императорских пограничных войск, толстенький таможенник и унылый писарь.

Казалось, они собрались произвести все необходимые формальности прямо тут, на месте, но не тут-то было. Все эти официальные лица пришли, чтобы пригласить госпожу ар Дотцель в контору императорской службы надзора за иностранцами.

„Гертруда“ надулась:

— Пока не позавтракаю, никуда не пойду.

Длинный офицер попытался ей пригрозить, но благородная дама не обратила на это ни малейшего внимания, а велела служанке подавать еду.

Писарь уже достал свои принадлежности чтобы составить рапорт о том, что дама отказывается повиноваться властям, но ситуацию спас Роберт Данцер. Наемник предложил начать процедуру с его отряда, тем более что они все уже поели. А госпожа позавтракает, возьмет из номера документы и придет вместе с компаньонкой и слугами.

Так и сделали. Перепуганные излишней храбростью приезжей дамы трактирные служанки подавали завтрак с невиданной скоростью. Тина и Лина тоже не стали мешкать. Тина, правда, попыталась тянуть время, но получила от подруги тычок в бок и заторопилась. Не прошло и получаса, как обе женщины, сопровождаемые „Дитером“ и „Клаусом“, уже стояли на пороге имперской канцелярии города Стомбира.

Она располагалась в трех шагах от гостиницы на той же площади в высоком для Стомбира четырехэтажном здании мрачного серого цвета. У дверей их встретил знакомый унылый писарь и проводил внутрь. Ждать почти не пришлось: когда они входили в здание, то увидели, как из какого-то кабинета строем выходят наемники. Данцер заметил девушек и, стоило писарю отвернуться на мгновение, лукаво им подмигнул. Похоже, их документы оказались в полном порядке, имперские чиновники не нашли, к чему придраться.

Мрачный Ромуальд шел в середине колонны и, казалось, ни на что не обращал внимание. Лина в душе похвалила себя за твердость. В таком расположении духа этот эмоциональный тип был наиболее безопасен: он молчал и не вступал в разговоры. Если бы можно было уже сегодня вечером объяснить ему, что она соврала насчет верности Кавериско! Но нет, лучше промолчать и перетерпеть до того счастливого момента, когда они покинут этот проклятый богами городок.

Унылый писарь велел слугам ждать в коридоре под надзором двух стражников, а девушек завел в комнату, откуда ранее вышли наемники. Это был просторный кабинет, в

котором за огромным столом сидел чиновник очень маленького роста. Длинный офицер стоял у стены, толстенький таможенник примостился рядом с ним на стуле, а писарь занял место за высокой конторкой. Видно было, что каждый отлично знает свой маневр.

Никто даже не встал, чтобы поприветствовать дам. Маленький чиновник небрежным жестом указал им на стоящие перед его столом простые деревянные стулья с прямыми спинками: мол, садитесь.

Заняв предложенное ей место, Лина оглядела чиновничий стол и чуть не расхохоталась. Прямо перед ней лежал распознающий магию амулет. Нет, не так: амулетище! Она имела возможность его внимательно рассмотреть. Здоровенная дура размером с хорошее полено, покрытая серебряными пластинам с чеканкой и украшенная огромными полудрагоценными камнями, играющими роль индикаторов.

Адуляр размером куриное яйцо посередине должен был показывать присутствие носителей магического дара, остальные — наличие амулетов разного типа.

Мелкие камушки светились, отзываясь на Тинины и Линины побрякушки, адуляр никак не реагировал на присутствие мага.

Лина вспомнила разговоры о том, что имперцы закупили мощные амулеты. Ой, дураки! Они даже не поняли, как провели их маги Девяти Королевств! Те поступили просто: понимая, что для непросвещенного ума размер прямо пропорционален силе, сделали им вот такие дрыны.

Слов нет, штука мощная. Носителя магии учует как минимум за двадцать шагов. Только заклинание тут стоит самое примитивное, проще даже, чем в том амулете, которым ее проверяли на границе. Даже обычный амулет, скрывающий магию, более низкого уровня, чем те, которые сделала она, надежно прикроет своего владельца.

С амулетами еще смешней. Распознавание идет по самому верхнему слою. То есть, если в амулете не одно, а несколько заклинаний, то этот индикатор увидит самое последнее из наложенных. Если поверх смертельного заклятия наложить ерунду, вроде отпугивания комаров и мух, эта штучка не поймет, что перед ней опасное оружие.

Она правильно сделала, когда во всех своих поделках вытянула наверх самые безобидные плетения. Пусть проверяют, не жалко.

Тина между тем развлекалась, отвечая на вопросы чиновника. Она хорошо освоилась с ролью богатой вдовы ар Дотцель и наслаждалась возможностью изводить глупых мужчин, мнящих себя королями вселенной.

Природное отсутствие у Тины чинопочитания играло ей на руку.

Она по одной подавала бумаги, причем правильной последовательности не придерживалась. В результате, когда она поочередно сунула чиновнику свой паспорт, договор о найме компаньонки и генеалогическое древо фар Титцелей, беспрестанно щебеча что-то очень светское, у бедняги голова пошла кругом.

Но при этом его удалось убедить, что перед ним действительно знатная и очень влиятельная в своем королевстве дама. Другие так себя не ведут.

Лина налюбовалась на амулет — детектор и включилась в процесс предъявления документов. Она улыбнулась чиновнику и слегка развела руками: мол, такая у меня хозяйка, что тут поделаешь.

Затем она осторожно забрала из рук „Гертруды“ конверт с документами и выложила их на стол перед обалдевшим человечком, давая к каждому краткие пояснения.

Госпожа ар Дотцель заметила, что чиновник переключился на ее компаньонку и

замолчала. Развернулась на стуле и стала строить глазки стоящему у стены офицеру. Когда же он, Сраженный красотой и прелестью дамы, начал бросать на нее пылкие взгляды, фыркнула и отвернулась.

Этого времени хватило на то, чтобы чиновник просмотрел все документы и убедился в их подлинности. Затем он начал задавать вопросы то одной женщине, то другой, пытаясь поймать их на расхождениях. Напрасно. Такой сыгранный дуэт было еще поискать. Девушки не только хорошо выучили все ответы, они еще отлично взаимодействовали, придерживаясь каждая своей роли. Через некоторое время в кабинет вошел еще один персонаж и присоединился к допросу. Это был вальяжный, полный господин в дорогом наряде из бархата цвета красного вина. Он задал вопрос:

— Если верно, что вы не намереваетесь задерживаться в Стомбире, а едете в Кирвалис, то почему вы не поехали от границы прямо? Так ваша дорога была бы короче.

— Ничего не короче, — буркнула компаньонка, — То же самое. Тогда бы нам пришлось от... запаматовала, как называется этот город, до столицы спускаться по реке на барке, а госпожа не переносит качки и боится плыть.

— Это правда? — обратился он к „Гертруде“.

— Я? Боюсь? — возмутилась она, — Я ничего не боюсь, просто эти барки, они такие опасные! И куда я тогда дену мою карету? Вряд ли ее можно будет закатить на эту вашу барку. Нет, я привыкла передвигаться с комфортом и не желаю ни на минуту от него отказываться, даже ради скорости.

Легкое разногласие между дамами для мужчин явилось подтверждением их искренности. После этого вопроса их уже ни в чем не подозревали, задали несколько формальных вопросов и отпустили с миром.

Но далеко уйти девушкам не удалось. Длинный офицер и господин в бархатном костюме догнали их в коридоре и поспешили представиться. Имена у них оказались длинными с сложносоставными, как приличествовало дворянам империи. Тина ничего не запомнила, Лина ухватила только, что Длинного звали Септимий, а бархатного — Маммилий.

Казалось, печать стомбирской управы по делам иностранцев на паспортах совершила чудо. Теперь мужчины их не избегали, наоборот, стремились завести знакомство. Выяснилось, что господин в винном бархате являлся местным градоначальником. Он пообещал дать званый вечер в честь прекрасных гремонок и пригласил их к себе на ужин.

„Гертруда“ подняла на него взгляд, полный сомнений, и спросила:

— Надеюсь, у вас, мой господин, есть семья? Жена, дочери?

Он слегка опешил от такого вопроса и поспешил пояснить:

— Я вдовец, дорогая госпожа ар Дотцель. Моя жена умерла несколько лет назад, а дочерей у нас с ней не было, только сыновья.

— Ну тогда не знаю... Мать? Сестра? Тетка? Свояченица? Я не могу прийти в дом, где нет женщин кроме прислуги, — и пояснила, — Мы с Амалией путешествуем без мужского сопровождения. Под этим словом я разумею мужчин, равных мне по положению. Их в моей семье просто не осталось. Поэтому посещение дома, где нет равных мне по положению женщин, губительно скажется на моей безупречной репутации.

Кажется, до градоначальника дошло. Он залепетал:

— Простите, если мое предложение показалось вам оскорбительным. Я не имел такого намерения. Но у меня в доме действительно нет дам, равных вам хоть в чем-нибудь.

Выходит, я не могу пригласить вас разделить мой ужин?

— Только в трактире, — пожала плечами „Гертруда“, — Там всем не зазорно находиться.

По лицу мужчины было видно, что трактир — явное не то. Ему хотелось чего-то большого и чистого, то бишь залучить красавиц в собственный дом. Но за неимением гербовой пишут на простой. Он вынужден был согласиться на ужин в местном трактире.

— Хорошо, дорогая госпожа Гертруда. Тогда сегодня вечером в трактире при вашей гостинице я вас буду ждать.

— Надеюсь, что увижу там и господина Септимия, — улыбнулась „Гертруда“, которой компаньонка на ухо подсказала трудное имя.

Офицер поклонился и заверил, что не преминет воспользоваться приглашением.

Пока они кокетничали с местным начальством, их слуг проверили и отпустили. Дамиан еще раз поблагодарил Премудрого, который надоумил его назваться кучером, а Стефа сделать лакеем. Ни того, ни другого местные власти ни в чем не подозревали, это было ниже их достоинства.

На обратном пути Лина спросила подругу:

— Почему ты отказалась идти на ужин к градоначальнику?

— А зачем? — пожала плечами Тина, — Азильды там точно не будет, ее, как я поняла, не выпускают из крепости.

— И что? — не поняла артефакторша.

Глаза ведьмы сверкнули нехорошим огнем.

— А то, что других знатных дам в этом городе днем с огнем, ночью с зонтиком. Или ты забыла, что в Стомбир отправляют служить тех, у кого нет семьи? Кажется, нам что-то такое читали.

Лина вытаращила на подругу глаза. Она знала, что Тина иногда умудряется на чистой интуиции придумать нечто фантастически простое и эффективное. Кажется, это был как раз такой случай.

— Слушай, гениально! — прошептала магичка, — Ты собираешься их распалить, чтобы они забыли об осторожности, наплевали на все инструкции и подставили нам Азильду в качестве хозяйки дома, я правильно поняла?

* * *

Стоило им добраться до гостиницы, как стало ясно: местные только и ждали, пока приезжие чаровницы получат разрешение от официальных властей. До этого волшебного действия на них можно было только глазеть, а вот теперь...

Все, кто вчера не сводил глаз с Тины и Лины, сейчас столпились у входа, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение, назвать имя и удостоиться улыбки.

Тина смотрела на это с презрением. Подойдя к толпе молодых и не очень мужчин, разряженных кто во что горазд, она сморщила носик и довольно громко произнесла:

— Сбежались. Можно подумать, дорогая, вчера мы были приезжими из страны прокаженных, а сегодня главный местный доктор удостоверил, что мы здоровы и не заразны.

На большинство Тинины слова не произвели ни малейшего впечатления. Люди явно не отнесли ее высказывания к себе. Но человека три покраснели и предпочли ретироваться.

Тина проводила их доброжелательным взглядом: у кого-то еще осталось чувство собственного достоинства.

Лина усмехнулась: она никогда не обольщалась, наоборот, была готова видеть в людях любые пороки. Боязнь же собственного начальства и трепет перед возможными неприятностями были едва ли не самыми простительными в ее глазах. Если здешним жителям нужно официальное подтверждение, что с приехавшими дамами можно общаться безбоязненно, так тому и быть. Никаких личных отношений она здесь заводить не собирается, а для всего остального и такой народ сгодится.

Просто еще одно подтверждение, что в империи чужаков, даже самых милых и безобидных, как они с Тиной, боятся и недолюбливают.

Чтобы войти наконец в гостиницу и попасть в собственный номер, пришлось вытерпеть процедуру знакомства. Лекция, зачитанная им Дамианом по дороге, не соврала: в городе было немало одиноких офицеров и чиновников и все они пожелали познакомиться с одинокими привлекательными дамами.

К слову сказать, в толпу жаждущих общения с девушками, не затесался ни один торговец или человек свободной профессии. То ли таковых тут не имелось, что было бы странно, то ли у них с семьями и женским обществом все обстояло благополучно.

Толпа страждущих мужчин втянулась за Линой и Тиной в помещение трактира, где дамы выразили выпить чего-нибудь прохладительного (после допроса в горле пересохло), а господу заспорили, что лучше подойдет: лимонад, охлажденное белое вино или морс из лесных ягод. В результате на столе, за который уселись девушки, появились кувшины, графины и бутылки, все запотевшие, со льда. Ни один напиток не был оплачен существом слабого пола.

Тина выбрала напиток, популярный как на ее настоящей, так и на фиктивной родине: смесь сухого белого вина, воды и сладкого смородинового сиропа. Лина предпочла обычный лимонад со льдом.

Угощавшие их офицеры пытались по выбору напитка определить, кому дамы отдают предпочтение. Глупая затея! Ни Тина, ни даже внимательная Лина не смогли бы сказать, кто что им заказал.

Утолив жажду, они мило улыбнулись всем, пообещали, что вечером непременно спустятся на ужин и удалились. В гостиной Тина рухнула на диванчик, Лина плюхнулась в кресло и обе с облегчением выдохнули: утреннее представление далось им непросто.

В дверь постучали условным стуком и Тина простонала: „Войдите!“ Если бы там был чужой, она бы постаралась собраться и отправить назойливого посетителя восвояси. Но за дверью маялся всего лишь Стефан в образе лакея Клауса. Он притащил снизу все заказанные напитки, но по большому счету это было только предлогом. На самом деле он хотел обменяться с девушками добытыми данными.

Не надо было обладать тонким слухом, чтобы понять: за „Клаусом“ по лестнице поднялись заинтересованные во внимании прелестных дам мужчины. Они были уверены, что красотки станут их обсуждать и хотели узнать свои шансы. Их топот дал понять девушкам, что надо соблюдать сугубую осторожность.

Лина достала из сумочки и активировала усовершенствованный полог тишины. Это была ее личная разработка еще студенческих времен. Полог не пропускал звуки только до определенного предела. Под его защитой можно было безопасно шептать, но уже обычная речь была слышна. Зато энергии он брал так мало, что засечь его работу не смог бы даже

мощный амулет из местной конторы.

Ей казалось, что для шпионской работы такой амулет — самое то. Под его защитой можно громким голосом вести светскую беседу для отвода глаз и одновременно сообщать важные сведения. Главное не перепутать одно с другим.

Когда-то Эммелинину работу раскритиковали и студенты, и преподаватели, но вот же пригодилась!

Лина тихим голосом пояснила, как нужно пользоваться этим пологом и первая показала пример. Произнесла громко:

— Клаус, зачем ты все это притащил? Думаешь, мы лошади и все выпьем?

А затем тихо добавила:

— Тина пытается развести этих вояк на организацию приема в нашу честь. Туда обязательно должны будут пригласить Азильду.

Стефан дураком не был, сразу втянулся в игру. Сказал в полный голос:

— А что? Господа все оплатили. Если вы с госпожой не допьете, то мы с Дитером на что?

Затем добавил шепотом:

— Мы пока стояли ждали вас, вызнали. Главный здесь не градоначальник со смешным именем, а комендант крепости полковник Семпроний Север. Очень суровый господин. Как он решит, так и будет. Так что обольщать придется его.

Лина побренчала кувшинами и бутылками, сгружая на столик лимонад и воду со льдом. Тина потянулась было за вином, но встретила суровый взгляд подруги и убрала руку. Вместо этого внесла свою лепту в разговор:

— Клаус, пришли сюда Дитера. Я хочу узнать, что там с моей каретой, как и где устроились наши наемники и в каком состоянии лошади.

И зашептала:

— Сообщи ему про полог, пусть знает заранее.

Стефан вышел, унося напитки. Судя по звуку, мужчины не ушли, а расступились и дали ему пройти наверх, в мансарду, а сами остались подслушивать под дверь. Будь Стефан в своем облике, он бы их живо разогнал, но слуга не может ругаться с офицером, а тем более с несколькими сразу.

А удалить их отсюда надо. Этак спокойно не поговоришь, а полог нельзя держать постоянно. Чтобы их отогнать надо было придумать ход. Лина подмигнула подруге и завела:

— Госпожа, как вам здешние кавалеры? По — моему, они милы и любезны.

— Мали, ты дурочка, — покровительственным тоном ответила Гертруда, — Они так милы, потому что им тут скучно. А еще потому что мы с тобой — единственные приличные женщины на весь город.

— Неужели? — продолжила спектакль Лина.

Тина ответила вопросом на вопрос.

— Ты видела на улице хоть одну? Нет? Я тоже. Все эти офицеры — либо холостяки, либо вдовцы. Ты на их руки смотрела? На кольца?

— О, госпожа! — в восхищении воскликнула „Мали“, — Вы такая наблюдательная! Но как же они без женщин?

„Гертруда“ презрительно хмыкнула:

— Ну, я полагаю, в этой дыре имеется бордель. Не скотоложеством же они занимаются. И не делай такие большие глаза, Мали, ты же не девочка, замужем была.

После этой реплики шаги на лестнице убедили девушек, что мужчины сочли за благо ретироваться, боясь услышать что-либо еще более нелицеприятное в свой адрес.

Лина высунула нос в коридор и убедилась, что все чисто.

— Уффф, справились, — выдохнула она, возвращаясь в кресло.

Тина пребывала в некотором замешательстве.

— Справились-то мы справились... А как теперь с ними общаться будем? Они же обиделись, наверное.

— Ты даешь: сама устроила ситуацию теперь меня спрашиваешь, как ее разгрузить. Да так и будем: как будто ничего не произошло. Кто их гнал под дверь подслушивать?

Дверь как будто услышала, что о ней говорят, и отворилась. За ней стоял „Дитер“ и устало улыбался.

Тина замахала рукой:

— Заходи, заходи скорее и рассказывай. Как все устроилось?

Советник сообщил, что все вышло как нельзя лучше. Домик подходящий нашелся сразу, да и не удивительно: в городке полно пустых домов. Раньше через Стомбир проходила дорога от Амондирана к центру империи, место было оживленное, но уже лет десять ею почти не пользуются, вот все и захирело.

Домик сдает вдова — старушка. Сама она там не живет, но приглядывает за собственностью, чтобы, как сейчас, при случае на ней заработать.

Лошадей за пару серебрушек пустили на общий выгон. Не туда, где пасутся кони офицеров стомбирского гарнизона, а подальше к лесу.

— Нам того и надо, — заметила Лина.

Тина решила поинтересоваться:

— А карета? Как ты умудрился ее так основательно сломать? Это было просто потрясающе! Все в хлам, а мы целы! Я готова была аплодировать.

Дамиан лукаво улыбнулся

— Да уж так вышло... На последней остановке крепеж кое — где заменил на гнилой и смотрел в оба. Как увидел подходящую выбоину, направил в нее колесо. Ну, еще сделал еще кое-что, применил одну штучку, чтоб уж наверняка. А пока все суетились, вынул и спрятал в карман.

— Это не магия? — заволновалась Лина.

— Даже близко ничего нет. Простое приспособление. Главное было попасть колесом в выбоину, а тут я легко справился.

Вздых облегчения был ему ответом.

Советник не врал, когда хвастался, что разбирается в каретах и лошадях и сумеет устроить крушение лучшим образом. Как-то доводилось ему допрашивать одного преступника, который промышлял ограблениями пассажиров наемных карет. Он устраивал крушения, а его сообщники грабили. Взяли их с поличным, но кучера — бандита посадили отдельно и Дамиан сам его допрашивал. Парень страшно гордился собой и с удовольствием поведал важному господину тайны своего ремесла.

До этого советнику негде было применить полученные знания, а тут выдался такой случай.

Приспособление, которое использовал Дамиан, было изъято им из арсенала этого грабителя. Оно надевалось на колесо и при попадании в узкую выбоину заклинивало его там намертво. Но для этого возница должен был хорошо знать свое искусство.

Так что Дамиан мог гордиться: поломку кареты он привел в лучшем виде. Никто не усомнился что все по — настоящему. Да и место выбрал отличное: не пришлось оттуда далеко тащиться, гостиница в двух шагах.

По лицам девушек было видно, что они оценили его таланты и достижения. Лина смотрела на него с одобрением, Тина — восторженно. Эх, жаль, что он сейчас не может этим воспользоваться. Но если все пройдет успешно...

Тина сказала, что желает отдохнуть и обед девицам принесли в номер. После него красавицы отправились на прогулку. „Гертруда“ в роскошном лиловом платье, „Амалия“ в скромном палевом и обе под зонтиками. Целью их было посмотреть, где обосновались наемники и разведать пути отхода.

Вслух они проговорились, что желают осмотреть городок и проведать лошадок на лугу. „Амалия“ даже несла для этой цели корзинку с кусками круто посоленного хлеба и вялыми прошлогодними яблочками, которые приобрела на гостиничной кухне.

Со стороны это выглядело мило и невинно. Дам тут же вызвались сопровождать трое офицеров, которые тут обедали. Судя по всему они не поднимались наверх и не подслушивали под дверь, иначе бы знали мнение „Гертруды“ о местном гарнизоне и царящих в нем нравах.

Отказаться — значило навлечь на себя подозрения, так что девушки не стали гнать от себя кавалеров.

Прогулка вышла долгой и насыщенной. Лина все больше молча улыбалась, зато Тина в роли Гертруды была неподражаема.

Она заставила офицеров провести для нее полноценную экскурсию. Крутила головой, все рассматривала и задавала очень много вопросов. Большая их часть носила такой светски — идиотский характер, что мужчины расслабились и уже не замечали, что рассказывают приезжим много лишнего, о чем стоило бы промолчать.

Тина вела себя так, как будто большую часть сказанного пропускает мимо ушей и спрашивает исключительно ради поддержания разговора. На самом деле так оно и было: запоминать должна была Лина. Этот прием, когда задача добычи информации делится на двоих, они отработали еще в университете. Так обрабатывали заезжих лекторов, вытягивая из них то, что те хотели утаить.

По дороге на выгон гуляющие прошли мимо домика, в котором обосновались наемники. У дверей стоял один из них, высокий, плотный Эрих. Увидев нанимательницу, он поклонился и вошел в дом, а Лина отметила, что парни контролируют ситуацию. Она отлично запомнила путь сюда от гостиницы.

Ворота, ведущие на выгон, примыкали к скале, на которой стояла крепость. Чтобы отсюда увидеть верхние зубцы ее стены, надо было запрокинуть голову.

Зато с места, где паслись лошади „Гертруды“, открывался отличный вид: мощная древняя скала, на ней серые зубчатые стены, две приземистые башни по углам, а надо всем возвышается высоченная центральная башня — донжон. Возможно, в крепости были и другие строения, но отсюда их было не разглядеть.

Пока кони ели припасенное для них угощение, девушки восхищались величественной красотой Стомбира, а заодно беспокоились: не слишком ли близко к лесу пасутся их кони? А вдруг оттуда выйдут звери, медведи, например? Или волки?

Один из офицеров со смехом отмел эти опасения.

— Ну что вы, госпожа Гертруда, какие волки? Мы тут регулярно охотимся и я могу

сказать, что таких опасных тварей в десяти лигах от Стомбира давно не осталось.

Затем в разговор вступила „Амалия“ и спросила невзначай:

— Скажите, а почему наши документы проверяли аж два раза: на границе и здесь? В Гремоне так не делают.

— О, — охотно пояснил самый младший в этой компании, — Наша страна заботится о безопасности и поэтому на границе проверяют несколько раз. Если бы от перевала вы двинулись по другой дороге, то через двадцать миль попали бы в город Дайрен и там было бы то же самое. Крепость в Дайрене, конечно, не такая величественная, как здесь, но зато там более оживленно. А когда вы доберетесь до конечной цели своего путешествия, там вас снова ждет проверка.

Ничего себе система, — подумала Лина, — как сквозь мелкое сито пропускают. И, кажется, здесь каждая собака уже в курсе, куда мы едем и зачем. Зато теперь понятно, чего от них ждать. Ничего хорошего: тотальный контроль всех сторон жизни. Так что нельзя расслабляться ни на минуту. Правильно я Ромуальда вчера выгнала.

Она все еще не могла опомниться после вчерашнего и страшно жалела, что оттолкнула князя. Подтверждение правильности выбранного курса было совсем не лишним.

* * *

С прогулки, а вернее с рекогносцировки, они вернулись тогда, когда солнце уже садилось за далекие горы. Наступало время ужина, который девушки обещали разделить со здешней элитой.

Судя по тому движению, которое можно было заметить в окнах трактира, их уже ждали. Лина и Тина вошли в гостиницу через боковой вход и поднялись в номер, чтобы привести себя в порядок после прогулки. На этот раз Лиловое надела Лина, а Тина выбрала туалет серо — стального цвета, но и там, и там отделка была из черных кружев: скромная окантовка у Лины и роскошные широкие воланы у Тины. Ни декольте, ни открытых рук, все более чем сдержанно и пристойно. Обе решили подчеркнуть этими признаками, что они вдовы.

Когда примерно через час они спустились в зал трактира, там яблоку негде было упасть. Все столы были заняты: офицеры из крепости и гражданские чиновники из городской управы сидели вперемешку. Стоило девушкам появиться на лестнице, как раздались приветственные клики, как будто это забытое богами и людьми место посетили высокие особы. „Гертруда“ и „Амалия“ не осрамились. Прошли с высоко поднятыми головами и любезными улыбками, обращенными ко всем и ни к кому конкретно.

За не самым большим, но удобно расположенном у окна столиком их ждал градоначальник. Кроме него за столиком сидели еще трое мужчин: маленький чиновник, который вел допрос, и два незнакомых офицера. Судя по их черным мундирам с золотыми галунами, они представляли здесь высшую власть. Давешнего офицера Септимия нигде не было видно.

Градоначальник поднялся, приглашая дам присоединиться к нему, и представил тех, кто удостоился чести разделить трапезу с приезжими дамами.

Имя чиновника обе пропустили мимо ушей, потому что первым же представленным им офицером оказался всесильный полковник Семпроний Север, комендант крепости Стомбир.

Он был среднего роста, худой, жилистый мужчина лет под пятьдесят с на редкость непримечательной внешностью. Такого встретишь второй раз на улице и не узнаешь. Второй назвался полковником Юнием Максимусом, начальником гарнизона крепости. Он был высок, статен и мог бы считаться красавцем — мужчиной, если бы не чрезмерно длинный нос и близко посаженные глазки.

После церемонии представления все уселись за стол.

Напрочь лишенная чиновничества Тина, выслушав звания офицеров, оживилась:

— Целых два полковника в одной крепости?! Как интересно! А почему так? В чем между вами разница?

Север только хмыкнул: он терпеть не мог глупых красивых кукол, а „Гертруду“ он принял именно за такую. Максимус же, очарованный непосредственностью красавицы, принялся объяснять:

— Полковник Семпроний — комендант, он здесь постоянный житель. На нем крепость и все ее хозяйство. А я человек временный, командую гарнизоном, который в наших крепостях меняется каждые полгода.

„Гертруда“ искренне удивилась:

— То есть вы все время кочуете? А как же семья, жена, дети? — И тут же, поняв, что сморозила что-то бестактное, засмушалась, — Ой, извините, мне сегодня сказали, что у офицеров крепости нет семей.

Градоначальник и Юний Максимус наперебой стали уверять „Гертруду“, что все нормально, и попутно осыпать ее комплиментами, а затем взялись угощать местными деликатесами. Чиновник, что вел допрос, кажется, попал в эту компанию просто по рангу, поэтому он увлеченно уписывал за обе щеки угощение и в разговор на вступал, а вот Семпроний Север вяло ковырял вилкой в тарелке и уделял внимание только одному объекту: бюсту „Амалии“, мерно вздымающемуся в такт дыханию под лиловым шелком строго напротив него.

Лина, отметив про себя, что обольщать местного хозяина придется ей, улучила момент, когда на них никто не смотрел, наклонилась вперед и тихонько сказала:

— Простите мою госпожу, она иногда говорит не подумав, но она очень добрая и хорошая, и действительно не хотела никого обидеть.

Тусклые, как стертые монеты, серые глаза коменданта вдруг блеснули неподдельным интересом.

— Не стоит извиняться, никто не обижен.

— Но я же вижу... Вам было неприятно.

— Мне не понравилось другое. Ваша госпожа всегда ведет себя так бесцеремонно?

Лина склонила головку набок и стрельнула глазами из-под ресниц:

— Знаете, она настолько родовита, богата и красива, что не считает нужным ни в чем себя стеснять. Хочет сказать — говорит, хочет спросить — спрашивает. Но в этом никогда нет злого умысла, поэтому ей всегда все прощают. А вам она не понравилась?

Север убедился, что „Гертруда“ прочно оккупирована другими мужчинами и не обращает на него ни малейшего внимания, после чего сказал, обращаясь к „Амалии“, а вернее к ее бюсту:

— Она очень красива, но мне нравятся другие женщины. Такие как вы — милые и умные.

Он хотел сказать: пышные, с большой грудью, — отметила про себя Лина.

Еще она поняла, что госпожа Азильда вряд ли вызывает у этого типа восторг. Тина в роли дурочки наверняка привлекательнее княгини, которая к тому же еще и стерва, и то он от нее нос воротит.

Тут комендант перевел разговор на другую тему.

— А почему ваша госпожа отказалась прийти на вечер в дом господина Маммилия?

Услышав первую фразу, Лина замерла: кажется клюнуло. Сейчас главное было не спугнуть Севера и вынудить его пойти до конца: пригласить их в крепость и познакомиться с Азильдой.

Если этот карась сорвется с крючка, она себе в жизни не простит.

— Вы знаете, госпожа большое значение придает приличиям, а в эту поездку отправилась без должного сопровождения очень от этого страдает. Мне-то все равно: дворянство моего отца было ненаследственное, а муж и вовсе дворянином не был, а она из очень хорошей семьи.

Семпроний скептически глянул на щебечущую о каких-то глупостях Тину:

— И почему же такая богатая дама отправилась через половину континента без подходящего сопровождающего?

Лина стрельнула глазами туда — сюда, наклонилась еще ниже и заговорила еще тише:

— Она после смерти мужа поругалась с его семьей. Так что никто из ар Дотцелей не захотел тратить свое время на эту поездку, тем более что им ничего не завещали и вообще это не их родственник. А фар Титцели... Их почти не осталось. По крайней мере мужчин подходящего возраста среди родных госпожи не нашлось.

Лина выдала именно эту легенду еще и потому, что заметила: маленький чиновник к ней прислушивался. А так как он видел генеалогическое древо „„Гертруды“, то сейчас выдался случай подтвердить свою правдивость.

Видя, что ее собеседник не торопится ее перебивать, она закончила свою речь:

— После ссоры с родными покойного мужа госпожа несколько стеснена в средствах. А пять тысяч золотых гитов или, сколько там? две тысячи империалов на дороге не валяются. Тем более еще домик...

По лицам мужчин было видно, что они в уме переводят империалы в монеты Девяти Королевств. Счет сошелся, а значит Лина с Тиной прошли очередную проверку.

После этого Семпроний тоже наклонился вперед поближе к „Амалии“ и произнес чуть слышно:

— Я хотел бы пригласить вас в свой дом. Вы ведь не такая важная особа, как ваша госпожа, для вас приличия не должны играть очень уж существенную роль...

Лина гордо выпрямилась и с видом оскорбленной невинности отчеканила:

— Вы хотите меня унижить? Да, я не дворянка, ни никогда не позволю себе недостойного поведения, которое могло бы бросить тень на мою репутацию и на репутацию моей хозяйки!

Это она произнесла достаточно громко, чтобы ее услышали все сидящие за столом. Тина тут же обратила внимание, задал вопрос, что так возмутило ее компаньонку, мужчины встряли и пошла дискуссия: как сделать так, чтобы прелестные дамы могли посетить кого-нибудь из здесь присутствующих, не уронив своего достоинства и не навредив репутации.

Выход нашел маленький чиновник. Он напомнил, что в крепости сейчас гостит знатная дама, которая вполне может сыграть роль хозяйки дома. А что ей из крепости нельзя

выходить, так это не проблема! Можно устроить званый вечер прямо там. Ведь в донжоне есть чудесная пиршественная зала. А дамам интересно будет осмотреть такую знаменитую крепость как Стомбир.

Семпроний Север посомневался для порядка, но быстро сдался. Видно, решил, что Азильде будет полезно развеяться, а он получит доступ к желанному женскому телу. Вряд ли, находясь в крепости, прелестная Амалия станет ему противиться, а то и в каземат угодить недолго. Шутка, ха — ха.

* * *

Далее речь зашла об организационных вопросах. Как ни стремились мужчины поскорей залучить прекрасных дам к себе, но все равно нужно было время на подготовку. Если бы девушки согласились прийти домой к градоначальнику, это можно было провернуть хоть завтра, но визит в крепость следовало заранее утрясти во всех деталях. Особо охраняемый объект, как-никак.

Мысль о том, что подготовка необходима достаточно длительная, внушила всем сидящим за столом Тина, отпустив так, между прочим, пару реплик. На самом деле подготовиться не мешало самим авантюристам.

Лина легко представляла себе ситуацию, когда они не смогут выбраться из Стомбира. Закончиться для них это могло плачевно. Вечное рабство у императора было бы наиболее удачным выходом.

Но даже если им повезет удачно завершить свою миссию и выйти наружу, кто поручится, что их не схватят сразу, как заметят исчезновение Азильдиного кольца? Выполнив задание, они должны были бесследно исчезнуть из городка. Не только девушки, все до единого.

И тут вставал вопрос об их спутниках. Как предупредить советника и наемников, что пора бежать? Смыться и бросить здесь князя было много опаснее для Амондирана, чем оставить Азильде ее колечко. Это не говоря уже о том, что для триумфального возвращения им понадобятся и лошади, и мужчины для охраны.

С другой стороны, сбежав слишком рано, наемники вызовут подозрение и тогда уже самим нанимательницам выход перекроют.

У нее от такого обилия задач голова пошла кругом. Одна надежда была на то, что Дамиан что-нибудь придумает.

Комендант, градоначальник и начальник гарнизона наконец приняли решение: прием в честь прекрасных гостей состоится через два дня на третий в донжоне Стомбирской крепости. Госпожа Гертруда с компаньонкой придут к обеду, познакомятся с дамой, которая будет выполнять функцию хозяйки дома, пообедают, отдохнут, послушают музыку, потанцуют, затем останутся на ужин. Насчет дальнейшего никто загадывать не стал. Лине было совершенно ясно, что так просто отпустить их никто не намерен, Тина, впрочем, тоже не питала иллюзий, хотя изображала, что принимает все слова мужчин за чистую монету.

Надо сказать, что имя Азильды и ее титул тоже не прозвучали, хотя и Тина, и Лина неоднократно пытались навести разговор на личность таинственной хозяйки. Их только заверяли, что дама знатная, так что пребыванием в ее обществе они себя не уронят.

Договорились также, что два дня до приема дамы не будут их лишать своего общества и

позволят присоединиться к ним за вечерней трапезой. Отказаться не было никакой возможности, так что пришлось согласиться.

Это хорошо, что только ужин, — подумала Лина. В обществе пожиравшего ее глазами коменданта ей кусок в горло не лез, несмотря на то, что повар расстарался: все на столе было восхитительно вкусным.

Надо сказать, остальные офицеры и чиновники, сидевшие в зале трактира, сильно погрустнели, когда поняли, что приезжие дамы уже оккупированы их начальством. Строгая иерархия, царившая в империи, не давал им и тени надежды.

Если до этого вечера молодые лейтенанты могли отговориться незнанием, если бы начальство их упрекнуло за неподобающие ухаживания, то больше такой возможности не было. Теперь даже провожать прелестниц на прогулки было бы неосторожно: высшая власть заявила на них свои права.

* * *

Лина этого не знала, потому на следующий день была приятно удивлена. За завтраком офицеры продолжали пожирать их глазами, но близко не подходили и своего общества не навязывали. Штатские чиновники, впрочем, поступали так же.

Тина вообще ничего не понимала: красавчики кланялись ей издали, молча виновато улыбались, но не решались даже подойти ручку поцеловать.

Она сделала большие глаза и ткнула подругу в бок локтем:

— Что с этими чудиками случилось, не пойму.

— А что тут понимать: напугали их господа полковники. Они тут правят бал и никто не решится перейти им дорогу.

— А — аааа, — разочарованно протянула Тина, — Значит, никто не пойдет нас провожать, когда мы соберемся на прогулку?

Разочарование ее было наигранным: именно во время прогулки они должны были пересечься со своими. Надо было обсудить и подправить придуманный Линой план. Она полночи не спала, ворочалась, то вставала, то снова ложилась, пока в мозгу не сложилась картина их будущих действий. Теперь свои идеи нужно было донести до всех исполнителей. А где это сделать безопасно как не на свежем воздухе?

Предлог выбрали тот же самый: проведать и угостить лошадей. Лина с детства знала: регулярно повторяющиеся поступки, даже самые странные, уже на третий день перестают вызывать интерес и удивление. А тут вполне логичные действия: дамы любят животных, дамы ходят их кормить.

Корзину с хлебом и яблоками на этот раз тащил „Клаус“. Плелся нога за ногу локтях в пяти за прогуливающимися красотками и думал про себя: демоны, как же мы все влипли.

Дамиан в это время уже давно находился на выгоне с конями и думал примерно о том же самом. Когда ехали сюда, то главной заботой было попасть внутрь крепости. Он и не думал, как выбираться. Вернее, думал, но отодвигал эти мысли на задворки. А сейчас перед ним во весь рост встало понимание того, что попасть внутрь не штука, главное — потом выбраться наружу.

Стомбир, как любое учреждение империи, функционировал по принципу: вход — медный гаст, но вот выход — полновесный золотой гит.

Вчера перед сном девушки вызвали его со Стефаном, якобы дать указания на завтра, и изложили все, о чем договорились с комендантом и его приятелями. Линин артефакт работал безупречно: Тина довольно громко и многословно расспрашивала, как продвигаются дела с починкой кареты, не сомневаясь, что подслушивающих на лестнице достаточно. Лина же тихим голосом пересказывала все новости.

— Не волнуйтесь за нас, — шептала она советнику, — мы выберемся. У меня в сумочке есть порталы. Главное: вы должны нас ждать там, у леса. Все, в полном составе. Так что, как только мы окажемся в крепости, потихоньку, не привлекая внимания, уходите и уводите коней. От главной башни до края выгона примерно лига, максимум полторы. У меня найдется парочка одинаковых амулетов на две с половиной лиги. Так что отойдите по линии от башни по прямой на это расстояние, спрячьтесь в лесу и ждите. Как только дело будет сделано, мы появимся. Все к этому моменту должно быть готово: бежать придется быстро.

Шепот Лины звучал в ушах Дамиана гораздо громче разглагольствований Тины. План был хорош, но... Ему было нестерпимо страшно. А если что-то пойдет не так и девушек схватят? Если у них отберут сумочки? Если их раскроют в конце концов?

Он попросил время на обдумывание до завтра, пообещав, что во время прогулки они смогут обменяться мнениями и выработать наиболее приемлемую тактику. Говорить слово „безопасную“ Дамиан не хотел. Не было в их предприятии ничего безопасного.

Он тоже ворочался всю ночь и теперь жаждал узнать, что девчонки придумали. То, что предстояло делать ему с наемниками, князем и магом, не вызывало сомнений. В лесу они просидят хоть сутки, хоть двое: опасных зверей поблизости нет. Путь домой тоже был ясен. А вот что собираются делать в крепости Лина с Тиной? Как они думают добыть кольцо и выбраться без потерь?

* * *

К тому времени, как две нарядные дамы добрались до выгона, он весь извелся. А они пришли не одни. Главарь наемников Роберт Данцер шел рядом, Стефан под видом Клауса телепался в трех шагах сзади, а на почтительном расстоянии следовала группа поклонников. К счастью, близко никто из них подойти не осмелился, остановились, не пройдя и трех четвертей расстояния от ворот до лошадей. Дамиан с облегчением вздохнул: помешать разговору они не могли, подслушать тоже. Ветер дул в нужную сторону и уносил слова куда-то за кромку леса.

Тина моментально создала убедительную мизансцену. Она разговаривает с начальником своей охраны и смотрит на то, как ее компаньонка угощает лошадей хлебушком. За толстушкой Амалией ходит кучер и присматривает, чтобы лошадь случайно не зашибла девушку. Слуга сидит на травке и ждет, когда хозяйка решит вернуться в гостиницу. Идиллия.

Данцер довольно громко расспрашивал нанимательницу всем ли она довольна и когда собирается ехать дальше. Делал вид, что задержка его не радует, он торопится съездить и вернуться, чтобы не упустить новый заказ. Ожидавшие в отдалении офицеры вряд ли могли слышать их разговор, но на всякий случай... А заодно Данцер выяснил кое-что важное. Например, что Тина — отличная наездница, а Лина — так себе. Костюмы для верховой езды есть у обеих и у обеих они рассчитаны на мужское седло. Это облегчало задачу наемника: не

придется брать девиц к себе на седла и перегружать лошадей.

Лина между тем брала куски хлеба из корзины, которую протягивал ей Дамиан, совала их прямо в мягкие, теплые лошадиные губы и тихо говорила:

— Общаемся только здесь, в гостинице никаких лишних разговоров: у меня амулет разрядился. Вы, главное, не подведите, ждите где уговорились. А у меня не один план, несколько. Не знаю, как придется действовать, посмотрим по ситуации. Но в покое к Азильде мы напросимся. Носик попудрить, привести себя в порядок, как-то так. Главное, чтобы нас хоть на время оставили с ней наедине. А уж там... Уболтаем.

В это Дамиан свято верил: уболтают кого угодно. Для порядка спросил:

— Как думаешь, вас выпустят?

— А кто его знает, — пожалала плечами Лина, — может и выпустят. Конечно, это был бы лучший вариант, но план от этого не меняется. Как только окажемся вне крепости, перенесемся к вам в лес. Тогда у нас будет фора. Вряд ли они в этот момент будут смотреть на свой знаменитый индикатор.

— А если нет?

— Уйдем прямо из крепости. Главное — подняться повыше. Через природную скалу портал не пробивает, а через рукотворную стену — легко.

Об этих особенностях Лининых частных порталов советник слышал впервые и они ему не нравились.

— То есть, — проговорил Дамиан с дрожью в голосе, — Если вас засунут в каземат, вам оттуда не выбраться?

— Не надо думать о плохом, — отмахнулась Лина, — Азильду в каземат не запихнули, почему нас должны? Вы о саквояжах наших позаботьтесь. С ними нам бежать будет не с руки, а оказаться в лесу без ничего не хочется. Тем более что карету придется в любом случае бросить, а я в подпространство столько всего полезного напихала... Одежду для верховой езды в том числе.

Она удачно отвлекла внимание советника от неприятных мыслей. Он задумался о том, как незаметно вынести саквояжи из города и забыл о переживаниях.

Тем более что бодрый настрой Лины ему нравился. Она придумывала планы и их осуществляла. Все пошло наперекосяк? Она тут же готова подкорректировать свои задумки и перестроиться. Такая не станет хлопать крыльями и кричать, как глупая курица: „Все пропало!“ Она не сдастся и выкрутится.

Тина... Поначалу он думал, что нежная, трепетная Тина растеряется в трудном положении, но пока она действовала просто отлично. Актрисой девушка была гениальной. Он бы безоговорочно поверил в Гертруду, если бы не знал, кто она на самом деле. Дамиан не понимал, что это: рассудок или интуиция, но красавица в любой ситуации точно попадала в тон и даже ее безумные импровизации играли на руку их авантюре. То, как она удумала проникнуть в крепость, даже умнице Лине не пришло в голову.

Но... Если им поначалу придется бежать внезапно и независимо друг от друга, то нужна связь, чтобы не потеряться. Эта мысль показалась Дамиану ценной и он решил сказать об этом Лине. Она в задумчивости потербила носик и кивнула:

— Обеспечу. Но пользоваться только в крайнем случае, когда нас уже расшифруют.

— Понял.

Лина продолжала:

— Да, у тебя или Роберта была подробная карта здешних мест. Очень нужна.

— Мы ее спалили на последнем привале перед перевалом.

Девушка хихикнула и махнула рукой.

— Не бери в голову. Кажется, я знаю, где ее найти. И еще... Следи хорошенько за Ромуальдом. С этого умника станется в самый неподходящий момент побежать нас спасать. Мы-то с Тиной отобьемся, здешним против магии выставить нечего, а он... Дурацкая жертва. В лучшем случае обуза.

Возразить было нечего: с Лилиной оценкой князя советник был на сто процентов согласен.

* * *

Скормив все угощение коням, девушки удалились. Их сопровождающие потянулись прочь с выгона и Дамиан остался один. Он устроился на краю луга под деревом, вытянул длинные ноги и прикрыл лицо шляпой. Со стороны можно было подумать, что лентяй спит, но на самом деле он с невероятной скоростью перебирал в уме все возможные варианты развития событий и искал всевозможные выходы.

Удивительно, но в каждом случае самым проблемным оказывался князь Ромуальд. В умозрительных картинах, которые рисовало Дамиану воображение, Ромуальд каждый раз оказывался помехой, То он не вовремя куда-то бежал, то наоборот, сидел и плакал, когда надо было двигаться как можно быстрее, то выбалтывал все секреты, то, пытаясь спасти девиц, подставлял их по полной программе, то подставлялся сам и его ловили...

Дамиан с трудом прогонял из сознания эти картины, но они упорно возвращались. Надо сказать, предпосылки были. В первую же ночь под утро Ромуальд пришел к другу и рассказал ему, как объяснился с Лилиной. Готов был плакать, жаловаться и рвать на себе волосы.

Советник долго его уговаривал забыть неприятный инцидент, выбросить все из головы и отложить любые романы до того момента, когда история с Азильдой и ее кольцом закончится. Ромуальд же дивился жестокосердию своего друга:

— Дамиан, как же ты не понимаешь?! Она и так несчастная! А мы ее втравили в такую ужасную историю! Это подло!

С трудом удалось объяснить князю, что надо было думать раньше, теперь обратного пути нет. Прекратить все сейчас значит сдать и Лину, и Тину имперцам. Если он хочет помочь бедной девушке, надо сделать все, чтобы она вышла из этой истории невредимой. А потом, когда они вернутся, наградить как положено.

Когда Дамиан наконец решил, что справился с эмоциональным кризисом у князя, тот вдруг выдал:

— А Тина... Если Лина не может, у нее магический контракт, то может быть с Тиной у меня что-то получится. Она красивая, мне очень нравится и я ей, кажется, не противен.

Ну вот! Лыко — мочало, начинай сначала. И еще битый час, украденный у сна, Дамиан объяснял Ромуальду, почему делать этого категорически нельзя. Князь вроде согласился со всеми доводами, но как-то неуверенно.

Пришлось поговорить с Данцером: за этим остолопом нужен глаз да глаз. В результате теперь наемники не оставляли Ромуальда одного, что того просто бесило. Неровен час сбежит и начнет действовать самостоятельно, приключенец несчастный. А это гибель для

всех.

Дамиан почувствовал, что что-то изменилось в природе. То ли ветер поднялся, то ли тучка на солнце набежала... Он поднял шляпу, глянул вдаль и грязно выругался. Недаром воображение подсовывало ему картины с Ромуальдом: вот он идет к нему через луг. Один, без провожатого.

Подошел, сел рядом, помолчал, а затем не выдержал:

— Что вы все от меня скрываете?

— Ничего, — удивился Дамиан, — Ты знаешь то же, что и я.

— Они ходят к тебе советоваться, а меня игнорируют. Обе. Я понимал бы, если бы Лина... После той ночи ей тяжело меня видеть. Но Тина тоже нос воротит.

А вот это уже интересно. Если бы они не сталкивались, вряд ли князь так сказал бы.

— Когда это она от тебя нос воротила?

— Только что! Они шли мимо с прогулки, я подошел, чтобы поздороваться, а она... Посмотрела на меня как на дождевого червя и прошла мимо.

Только этого не хватало! Дамиану хотелось стукнуть друга по башке посильнее и заорать на него погромче, но он сделал несколько глубоких вдохов, после чего смог спокойно выговорить:

— Что я могу в такой ситуации? Только похвалить нашу Тину. Она молодец, не выходит из роли. Ты сейчас кто?

— Кто? — не понял Ромуальд.

— Наемник. Пустое место для знатной дамы. Она и поступает соответственно, а ты мешаешь ей. Можешь уже временно забыть кто ты есть на самом деле?! Для тебя же стараемся!

Князь еще немного посидел рядом с Дамианом, попыхтел обиженно, затем все же решил вернуться в дом, где квартировали наемники и пообещал, что постарается держаться и действовать в соответствии с планом. Когда он уходил, советник смотрел ему вслед и думал, что Лина права: они с Ромуальдом еще хлебнут.

* * *

На следующий день дамы снова прогулялись до своих лошадей. На этот раз они надели костюмы для верховой езды и позволили себе сделать по кружочку вокруг выгона. „Дитер“ еще с утра притащил седла и упряжь, так что трудностей не возникло. Заодно Дамиан убедился, что Тина — отличная наездница, а Лина — так себе. В седле держится, и ладно.

На этот раз поговорить толком не вышло. Под предлогом, что им интересно посмотреть на наездниц, офицеры подошли слишком близко, да и ветер дул в невыгодную сторону.

Когда „Дитер“ помогал артефакторше сойти с лошади, та сунула ему в руку две побрякушки: серебряный кулон на длинной цепочке и простой камень на веревочке. Прошептала:

— Камень нагреется и рассыплется в пыль как только я активирую порталы. Это знак для вас, держи при себе. Серебряная цацка — переговорное устройство и маячок. Отдашь Стефу, он должен знать, как таким пользоваться.

Он молча сунул обе штучки в карман. Ничего похожего Лина на таможне не предьявляла.

Ночь перед приемом прошла в волнениях. Тина с Линой обсуждали варианты своих действий до тех пор, пока небо не начало светлеть. Дамиан со Стефаном тоже спали плохо: придумав очередной ужас, который может произойти, каждый по очереди вскакивал, а товарищ его успокаивал, сочиняя способ обезвредить очередной кошмар. Затем они менялись ролями. Под утро так устали, что заснули без задних ног.

Наемники тоже нервничали: всех заводил Ромуальд. Он настолько достал свое новое начальство, что часа в два ночи Роберт лично отвесил ему плюху и велел заткнуться. Пусть не дергает ребят перед ответственной операцией.

Но переживал и комендант. По сути дела он решил нарушить запрет и впустить в Стомбир посторонних. Но это полбеда. Он взял на себя смелость вывести к гостям ту, которую поклялся хранить как зеницу ока. Хотя девушки не внушали ему опасений, это было грубое нарушение инструкции.

Азильда содержалась в крепости в качестве почетной пленницы уже не первую декаду. Ее привез красавчик Валер Даригон — младший. Вслух назвал своей возлюбленной, которую он увез от жестокого тирана — мужа, а Северу передал пакет от своего отца, хитроумного герцога Даригона. Значение этого дипломата и шпиона в империи было велико: он выполнял личные пожелания императора. Не вдаваясь в то, какую интригу он ведет, Даригон требовал, чтобы Азильда содержалась в Стомбире на положении почетной пленницы. Никаких прогулок за стенами, ограниченный одной отобранной камеристкой контингент слуг, ограниченный круг общения... Входить к ней беспрепятственно мог только герцогский сынок. Ему вменялось в обязанность осеменить красотку: она должна была понести и родить, до этого выход из Стомбира ей был запрещен.

Но вскоре выяснилось, что с осеменением произошла осечка. Сразу дама не забеременела, а потом началось что-то странное. При попытке Даригона — младшего лечь с ней в постель, у красавицы начинались жуткие болезненные спазмы, такие, что она криком кричала.

Местных знахарь ничего не мог понять, сказал одно: болезнь не естественная, а магически наведенная, он с ней справиться не может. Прибывший вслед за сыном герцог быстро сообразил, что всему виной кольцо княгини. Он прекрасно помнил, как сам лично руководил операцией по изменению его функций, и знал, что такое возможно. Нечто подобное ему в свое время предлагал Кавериско, только по отношению к амондиранскому князю. Тогда Даригон счел это чрезмерным и жестоким, а сейчас уже сомневался.

Одно было ясно: нужен тот, кто сумеет с этим справиться, а значит нужен тот самый Кавериско. Но вот беда: он находится в столице, а везти туда Азильду — сильно рисковать успехом операции. Надо было съездить и привезти мага в Стомбир. пусть решает вопрос на месте.

Поначалу герцог хотел оставить здесь сына, а затем рассудил, что это излишне. Все равно мальчик не сможет с ней спать, тогда зачем его мучить? Даригоны отбыли в столицу вместе, оставив княгиню на попечение коменданта.

Когда до Азильды дошло, что ее коварно бросили, да еще и в плену, она билась и рыдала дня три. Затем поуспокоилась и придумала себе забаву: стала доводить своих тюремщиков до белого каления. Хуже всех пришлось приставленной к ней камеристке, но и Семпронию

тоже доставалось.

Даригон велел даму сильно не тиранить, выполнять все ее прихоти, если они не нарушают ее затворничество. Азильду стоит побереечь: ей еще вынашивать и рожать очень важного для имперской внешней политики ребенка.

Поместили ее в донжоне, на верхних этажах. Сбежать оттуда могла лишь птица, а следить удобно: наверх вела одна — единственная лестница. Башня много лет пустовала. Комендант жил в своем доме, гарнизон располагался в казарме, Нижний этаж донжона время от времени использовался для проведения торжеств, но случалось это не чаще двух раз в год.

И вот сегодня Семпроний Север решил нарушить все, что можно. Пригласил гостей и собирався выставить Азильду в качестве хозяйки дома. Предупредил заранее, почти сразу, как договорился обо всем с градоначальником и пригласил дам.

Беглая княгиня просто расцвела. К ней придут и она сможет поговорить с женщинами! С нормальными, свободными, знатными женщинами, а не с этой унылой уродиной Волтурнией, которую ей навязали вместо ее собственной камеристки!

Женщины с воли! Азильда, хоть и не могла похвастаться умом, давно, еще со времени бегства любовника, поняла: ее использовали в каких-то играх. Она поддалась и теперь пленница.

Вообще заточение неплохо вправило мозги гордой княгине. Она понимала, что пожаловаться на ее положение ей не дадут, зануда Волтурния будет таскаться за ней хвостом и не позволит сказать лишнего слова. Но может быть удастся передать весточку на волю? Правда, она пока не придумала кому.

Одна надежда была на возлюбленного. Жестокий отец разлучил их, увез Валера — младшего, но если он узнает, как здесь жестоко обращаются с его милой... Он вернется и спасет свою Ази!

Эта скотина Семпроний обмолвился, что из Стомбира дамы поедут в столицу, а именно туда отец увез Валера! Так что с ними надо постараться договориться. Внизу, в пиршественной зале, в присутствии мужчин ничего провернуть не удастся. Но дамам надо будет где-то привести себя в порядок, да и естественные потребности никто не отменял. Значит, они поднимутся к ней, а там уж... Только бы удалось хоть на пару минут сплавить куда-нибудь Волтурнию.

* * *

После бессонной ночи Лина и Тина проспали почти до полудня. К счастью, торжественный обед в крепости был назначен на три часа и они успели одеться и привести себя в порядок.

Комендант постарался и обставил их появление как можно более торжественно. Им не пришлось идти пешком, он прислал за ними собственную карету. Конечно, она была много хуже той, на которой девушки проделали свой путь, но зато лучшей в городе. Никто бы не рискнул соревноваться с комендантом крепости в таких делах, даже градоначальник.

Карета прогромыхала по подвесному мосту и въехала во внутренний двор, замощенный булыжником. Семпроний Север лично открыл дверцы кареты и помог красавицам выйти из нее.

По этикету ему, как хозяину, полагалось подать руку Гертруде и вести ее в пиршественную залу первой. Но комендант замялся. Тогда градоначальник сделал шаг вперед и томная красавица поплыла по ступенькам рядом с ним, комендант же предложил руку скромной компаньонке.

Вся сцена была разыграна как по нотам: каждый мужчина без лишних слов обозначил, на какую женщину претендует.

Градоначальник со смешным для жителей Девяти Королевств именем Маммилий заметил, что Север положил глаз на толстушку Амалию, и радовался тому, что не придется соперничать в этом вопросе. Он был без ума от Гертруды, а перейти дорогу Семпронию Северу было равноценно самоубийству.

Зато сейчас он ликовал. Все складывалось как нельзя лучше.

Служба в Стомбире хорошо оплачивалась, но даже высокопоставленные чиновник и офицеры подвергались серьезным лишениям. Одним из них было отсутствие приличного дамского общества.

Так что появление Гертруды с компаньонкой, пусть на короткое время, но несказанно украсило жизнь в городке.

Заключенную в донжоне пленницу Маммилий видел, восхищался ее красотой, но понимал, что она для него как картина на стене: любоваться можно, трогать ни — ни. А тут живые, настоящие женщины, да еще не шлюхи, а благородные дамы.

То, что Семпроний Север увлекся компаньонкой, Маммилий посчитал за подарок судьбы. В случае чего он сможет даже задержать красавиц здесь на декаду — другую, его власти на это хватит.

То, что комендант пренебрег долгом и пустил дам в крепость, градоначальнику тоже нравилось. Статской власти в империи позволено было значительно меньше, чем военной. Если бы Маммилий попытался их удержать в своем доме, добиваясь близости, он могли бы жаловаться и ему бы не поздоровилось. А с Севера взятки гладки: жалобу на него от женщин даже не примут.

Так что он вел свою даму под руку и смотрел на нее, как военачальник на готовую к сдаче крепость. Семпроний Север тоже сверлил взглядом Амалию. Та с любопытством крутила головой, оглядывая неприступные стены Стомбира, и совершенно не желала уделять внимание своему кавалеру.

Азильда ждала гостей в пиршественной зале. Она надела свое лучшее платье, которое не очень подходило к случаю. С сожалением, Валер не позаботился о ее гардеробе. Она бежала с небольшим сундучком и саквояжем, в которые не вошла и десятая часть ее нарядов. Даригон обещал все возместить, но не торопился этого делать. Да и где в этой дыре можно пошить что-то приличное?

Приходилось довольствоваться тем, что есть.

Поэтому появление красивой темноволосой дамы в модном туалете задело ее за живое. Сейчас ей уже не так хотелось общаться с приезжими. Когда же в зал вошла вторая, Азильда скривилась. Брюнетка хоть выглядела как дворянка. А эта толстушка — натуральная плебейка. О чем с такой можно говорить?

Семпроний на правах пригласившего представил дам друг другу.

Девушки во все глаза смотрели на виновницу своих приключений. Красива, слов нет. Высокая, стройная, с тонкой талией и роскошной грудью, белокурыми локонами, собранными в высокую прическу, и огромными синими глазами с совершенно коровьим

выражением. Сейчас она явно играла бедную страдальницу, но и Лине, и Тине был знаком этот тип. Кроткое выражение в любой момент могло смениться склочным. Пока что она мило улыбалась „Гертруде“ и не достаивала вниманием „Амалию“.

Лина между делом отметила, что комендант назвал княгиню Амондиранскую графиней Азильдой Регианор из Сальвинии. Законспирировали, но хоть имя оставили.

* * *

Прекрасная Азильда недолго стояла молча. Вспомнила, что надо играть роль хозяйки дома и милостиво пригласила пришедших в гости располагаться. Отвела в нишу с окном и усадила в поставленные для дам кресла. Все как в лучших домах. До обеда им подадут легкий аперитив.

Хорошо, что обе девушки учились в Элидиане, где такое было принято, и знали это слово. Там оно означало бокал легкого вина перед обедом. Здесь тоже подали вино, но окрашенное сиропом в разные цвета. Тина принюхалась и слегка кивнула: напитки безобидные. После чего поблагодарила хозяйку за гостеприимство.

Дальше Азильде, как самой знатной, следовало начать разговор, но она никак не могла решиться. Какие общие темы могут быть у нее с этими простушками? Если только не использовать их как средство освобождения.

Она начала издалека.

— Вы путешествуете?

— Да, Ваше сиятельство, путешествуем, — ответила Тина.

Как всегда она взяла на себя труд вести беседу, чтобы Лина могла слушать и запоминать, а изредка и вмешаться, направляя ее течение в нужную сторону.

— Это поездка для удовольствия?

Тина пожала плечами.

— О каком удовольствии вы говорите, графиня?! Если бы я искала удовольствий, то поехала бы в Элидиану, в центр моды, роскоши и наслаждений. В империю можно отправиться только по делу.

— Вот как? И какое же дело вас сюда привело?

— Получение наследства. Двоюродный брат моего отца оставил мне деньги и дом, но в такой дыре, что я даже названия запомнить не смогла. Вы понимаете, последняя воля есть последняя воля, вот и пришлось ехать в такую даль. Да еще карета сломалась и мы здесь застряли... Спасибо, ваш родственник взял на себя труд нас развлекать.

— Какой родственник? — не поняла Азильда.

Тина удивленно подняла брови.

— Разве господин комендант вам не родня? Хотя да, вы совершенно не похожи... А почему тогда вы живете с ним в крепости?

Лина старательно сохраняла на лице любезную улыбку, а в душе восхищалась подругой. Как она ловко навела разговор на положение Азильды! Чуть ли не впрямую ткнула пальцем в больное место. Бывшая княгиня не может не понимать, что ее положение здесь более чем двусмысленное.

Было видно, что Азильда не знает, как ответить. Ей и хотелось сказать правду и попросить о помощи, и в то же время было страшно. Комендант и начальник гарнизона

стояли неподалеку. Могли услышать, и это стало бы для княгини сущей катастрофой. Коменданту наплевать и на ее красоту, и на титул, запрет вместо башни в каземате, не посмотрит, что она княгиня, а он никто.

Мысль о каземате помогла принять решение. Красавица взяла себя в руки и, проигнорировав вопрос гостыи, сказала, поднимаясь:

— Кажется, сейчас подадут обед. Думаю, вам понравится. Несмотря на то, что Стомбир не столичный город, у господина коменданта отличный повар.

Тина и Лина тоже встали. Маленькая артефакторша потирала руки: все идет как надо. Если дамочка не расколосась сейчас, она это сделает между обедом и ужином. Нужно только попроситься в ее покои.

За столом их разделили. Каждая дама получила по два соседа: одного важного, а другого не очень. „Гертруда“ сидела рядом с градоначальником, „Амалия“ — с комендантом.

Начальник гарнизона получил в соседки Азильду и скрежетал зубами. Она, конечно, была несказанно хороша, но вот ухаживать за ней строго воспрещалось. И это полковник еще не знал, что близость с этой красавицей невозможна в принципе. Он, как человек временный, не был допущен к тайнам особой узницы.

Азильда не солгала: обед был действительно великолепен. Подобные блюда девушкам доводилось есть не часто, только когда их приглашали в самые дорогие рестораны Элидианы. С Линой такое случалось всего пару раз, и то водили ее туда не поклонники, а заказчики. С ними приходилось держать ухо востро, так что насладиться блюдами не получалось. Тина попадала в такие заведения чаще и с кавалерами, поэтому она лучше разбиралась в тонкостях изысканной кухни.

О ней она и вела неспешную беседу с соседом по столу. Самая безобидная тема. Заодно демонстрировала всем прекрасный аппетит. Сидевшая напротив Азильда страдальчески морщилась: она никогда не позволяла себе наедаться, уныло ковыряла вилкой в тарелке, и все. По ее мнению это было аристократично. А тут эта... даже не знаешь как назвать, наслаждается. Ее компаньонка и того хуже. Просто нельзя таких сажать за стол! Накладывает на тарелку кусочки повкуснее и так заразительно лопает! И все смотрят на них с восторгом и умилением!

Тут ее раздражение обратилось против собственных тюремщиков. Ее, Азильду, урожденную графиню и настоящую княгиню они оценить не способны. Им простушек подавай! Чернь! Убогая чернь! Плебеи!

Она даже забыла, что внимание именно этих мужчин было бы для нее по меньшей мере нежелательно. Ни красотой, ни обхождением, ни происхождением никто из них похвастаться не мог, богатством тоже. В лучшем случае она получила бы послабление режима заточения, но и то вряд ли.

Лина сидела рядом с комендантом и наворачивала вкусности. Когда еще удастся так поесть?! Если они сегодня сбегут, на что она надеялась, то потом долго придется питаться всухомятку. А тут тебе все самое — самое что ни на есть... Сыры, окорока, колбасы, паштеты, рулеты, фаршированные перепелки, заливное пяти сортов, корзиночки из теста с умопомрачительными начинками, салаты... А впереди еще горячее.

Сидевший рядом Семпроний подкладывал ей на тарелку то, до чего она сама не дотягивалась и комментировал:

— Этих перепелок вчера поймали в лесу солдаты. Такая форель водится в речке за четыре лиги от Стомбира. Телят наш поставщик отпаивает молоком, поэтому они такие

нежные. Провесные окорока я заказываю в одном хозяйстве под столицей, здесь таких не купишь.

Девушка ахала и охала, а он любовался ее грудью и время от времени поглаживал Амалию по округлому бедру. Так, чтобы обозначить свои намерения. Appetit гостя его только радовал. Говорят ведь, что он показывает другой аппетит, постельный. Судя по тому, как вдохновенно она убирала в себя вкусоности, там тоже промашки не будет.

Но Семпроний не торопился. Это только мальчишки хватают и тащат девчонок по углам как можно скорее. Он дождется вечера. Все должно произойти как положено: в спальне на кровати. Азильда поднимется к себе, Маммилий уведет красотку Гертруду, а он как-нибудь уговорит Амалию посетить его скромное жилище. На слове „скромное“ он даже хихикнул про себя. Это был последнее, что можно сказать о его доме. Здесь, в глуши, он устраивался со всем возможным комфортом и той роскошью, которую позволяли доходы, а они у коменданта были немаленькие.

Его радовало не только то, что Амалия хорошо ела, но и то, что она пила вино. Девушку в подпитии так легко уговорить на что угодно.

Гертруда, кстати, тоже вина не чуралась.

Откуда ему знать, что перед выходом обе выпили специальное зелье, еще дома сваренное Тиной. Оно нейтрализовало алкоголь в крови и в течение суток напиток им было не суждено, сколько ни выпей.

Когда-то Тинин педагог по зельеварению разработала эту пропись для секретных служб Элидианы, но все ее ученицы тоже умели варить „декокт трезвости“. Все ведьмы отлично понимали, что значит тайна, и свято хранили ее ото всех, но не поделиться рецептом со своими... Это было попросту невозможно!

Когда, по мнению Лины, пора было подавать горячее, обед вдруг закончился. Не то, чтобы она не наелась, наелась, да еще как, но просто удивилась. Комендант объяснил, смущаясь, что в империи принято горячее и сладкое есть вечером. Сейчас дамы смогут отдохнуть, а где-то через час — другой придут музыканты и начнется веселье.

Он сурово зыркнул на Азильду и она томным голосом предложила Гертруде и Амалии подняться в ее покои. Она живет в этой башне и будет рада оказать гостеприимство, тем более что у нее есть все, что может понадобиться благородным дамам.

Даже напрашиваться не пришлось! С одной стороны Лина ликовала, а с другой... Слишком легко все получается. Слишком просто. Интуиция подсказывала, что впереди серьезные неприятности, нельзя расслабляться ни на минуту.

Когда Гертруда и Амалия вслед за Азильдой стали подниматься по винтовой лестнице, проходившей сквозь толщу стены донжона, наверх, Семпроний Север довольно потер руки. Попались, птички! Можно даже не караулить, не позориться. Теперь даже если захотят сбежать, то не получится. Выбраться из башни сумели бы только настоящие птицы, те, что летают.

К нему подошел не менее довольный градоначальник. Он тоже побаивался, что прекрасные дамы решат уклониться от высокой чести стать на короткое время возлюбленными здешнего начальства, и сбегут. Но Семпроний придумал просто великолепно: засунуть их в ту же башню, что и противную Азильду. Маммилий любил стройных блондинок, но именно эта успела здесь всем в печенки вьестся, причем настолько, что он уже не замечал ни изящной фигуры, ни точеного лица, ни синих глаз, ни роскошных кудрей. А ведь он видел ее не так уж часто. Северу она и вовсе должна видаться

злой старой ведьмой.

Тут ему пришла в голову новая мысль. Если Азильда покажет прекрасным гостям свое истинное лицо, то на ее фоне они сами могут показаться девушкам просто красавцами. И он с жаром начал благодарить коменданта, восхваляя его за то, как замечательно устроен прием.

* * *

Башня оказалась очень и очень высокой. Пиршественный зал располагался в самом низу, а покои, предоставленные в распоряжение беглой княгини занимали два верхних этажа. Между ними располагались еще как минимум три, о чем Лина судила по встретившимся им по дороге запертым дверям. Ее не слишком интересовало что там находится: скорее всего там просто пустые, заброшенные помещения, которыми вряд ли удастся воспользоваться.

Лестница вилась кругами и наконец закончилась открытой дверью. Только Тина и Лина вздохнули с облегчением и приготовились обрабатывать Азильду, как увидели совершенно новое лицо: долговязую, мосластую, корявую женщину в платье, переднике и чепце служанки. На вид тетке было около пятидесяти, Интеллект не обезобразил ее лица, главным выражением которого была непреклонность.

А вот и первое серьезное препятствие: приставленная к княгине тюремщица. Конечно, номинально она значится горничной или чем-то в этом роде, но ни ее костюм, ни низкий поклон, который она изобразила при виде Азильды с гостями, никого не ввели в заблуждение. Тина при виде служанки досадливо дернула плечиком, а Лина недовольно засопела. Поговорить без свидетелей сейчас не удастся. Хотя...

Если отсутствие признаков ума на лице прислуги указывает на истинное положение вещей, то можно попробовать подъехать к Азильде при помощи иносказаний и метафор... Лина поглядела на княгиню и поняла: у той ума разве чуточку больше. Но должны же были знатную девицу хоть чему-то обучать? Мифологии, например, или современной литературе?

Нет, не выйдет. Придется как-то убирать эту помеху. Магию использовать нельзя, разве что самую капельку... Может же эта тётя упасть с лестницы, например?!

Тина разглядывала Азильдины апартаменты. Неплохо для узницы. Обстановка дворцу впору. Не королевскому, но покои амондиранского князя обставлены немногим лучше.

Сейчас они находились в гостиной, совмещенной с будуаром. Мебель здесь стояла немодная, но дорогая и качественная. Каменные стены были прикрыты симпатичными гобеленами с пасторальными сценами, похожим гобеленом были обиты стулья, кресла и кушетки, стоявшие по стенам. Герцог Даригон позаботился о ценной пленнице.

Тина поблагодарила Азильду за предоставленную той возможность отдохнуть и привести себя в порядок, затем ткнула пальчиком в служанку:

— Будь добра, проводи меня туда, где я смогу освежиться.

Та волком посмотрела на свою подопечную, но княгиня сморщила носик и величественно произнесла:

— Проводи гостью, Волтурния.

Взгляд тюремщицы метался между двумя женщинами. От герцога она получила указание никогда не оставлять Азильду ни с кем наедине, а от коменданта — угождать его

гостьям и не выдать того обстоятельства, что графиня Регианор — пленница.

Наконец здравый смысл возобладал. Решив, что вторая женщина — такая же, как она сама, служанка, только привилегированная, и опасности представлять не может, Волтурния повела Тину наверх. Ванная и прочие удобства располагались на одном этаже со спальней под самой крышей.

Тина спросила, не трудно ли таскать сюда воду по такой узкой и крутой лестнице и услышала в ответ:

— В подвале стоит насос. Господин Семпроний велит солдатам и они сколько надо накачают. Лет восемь назад, когда господин Семпроний только на должность заступил, он вызвал мастеров из Лиатина, они сделали.

Ага, здесь не магия, а достижения лиатинских инженеров. А тетка гордится своим начальником. Вон как имя его произносит, с придыханием. Небось еще влюблена... Вот смеху-то будет, если ему об этом сказать. Мужчинам льстит внимание красавиц, а если они узнают, что в них влюблена уродина, это кажется им унижительным, хотя разницы никакой.

Лина между тем поспешила воспользоваться случаем и обратилась к Азильде:

— Это ваша служанка? Не могу поверить! У такой красивой, благородной госпожи и камеристка должна быть, вы уж извините, высшего сорта.

— Спросите своего коменданта! — злобно зашипела княгиня, — Я ее не нанимала! Здесь вообще нет моих слуг!

— Ах! — Лина распахнула глаза пошире и приложила кулачок ко рту, — Так вы тут не хозяйка?! Как же так?! Ведь я вижу, что вы гораздо более знатная дама, чем моя госпожа.

Кажется, Лина задела нужную струну. Азильда еще сильнее выпрямилась, гордо задрала подбородок повыше и произнесла с должной долей скорби:

— Увы, дитя мое, я здесь всего лишь пленница. А Волтурния — моя тюремщица. Вы все правильно поняли.

Лина всплеснула руками.

— Ужасно! Ужасно! Я слышала разные ужасы про империю, но не думала, что знатных красавиц тут могут запирать в башню. Но почему? И не можем ли мы с госпожой Гертрудой быть вам полезны?

Но тут на лестнице послышалась тяжелая поступь Волтурнии и Азильда приложила палец к губам, призывая добрую девушку к молчанию. Теперь она не казалась ей толстой, противной плебейкой, а наоборот, симпатичной и умной особой. Тем более что она сразу поняла знаки, которые ей делала княгиня, замолчала, улыбнулась как сообщница и сделала вид, что изучает изображения на гобеленах.

Когда Гертруда, приведя себя в порядок, спустилась, Амалия попросила разрешения подняться. Ей не нужен провожатый, туалетную комнату она как-нибудь и сама найдет. Волтурнии это понравилось. Она осталась караулить свою пленницу, устроившись на табуретке за дверью, а дамы принялись обсуждать последние моды.

Тема оказалась животрепещущей. Азильда сразу заметила, что приезжая из Гремона одета не совсем так, как одевалась до последнего времени она сама. Вместо длинного и жесткого корсета — короткий и мягкий, юбка расширяется не от талии, а над коленом, а кроме того полно других отличий. Поговорили и выяснилось: это последние элидианские модели, в Гремоне появились совсем недавно. Так как дамы именно Элидианы слыли законодательницами мод, Азильде стало ясно, что она в своем Амондиране безнадежно отстала. Это ее расстроило, но так как ее здешний гардероб был на редкость беден, появился

шанс улучшить свое положение. Валер, когда уезжал, обещал вернуться не только с артефактором, но привезти ткани и столичную портниху. Так что имело смысл взять блокнот, чтобы зарисовать и записать модные веяния.

Ей невдомек было, что всю эту новую моду придумал ее собственный муж в порыве вдохновения.

За этим делом они и не заметили, что Амалия задержалась наверху. Но на это обратила внимание Волтурния. Что чужая девица может столько времени делать в спальне Ее Сиятельства? Обворовать решила? Она тяжело поднялась с табуретки и рысью помчалась наверх.

В спальне никого не было. Перепугавшаяся Волтурния уже хотела кричать караул, но тут заметила открытую дверь на крышу. Беглая девица нашлась там. Стояла у парапета, любовалась окрестностями и пудрила носик.

Увидев служанку, хлопнула пудреницу и залепетала:

— Ой, извините. Вы меня, наверное, потеряли? А я случайно нашла это место и не могла уйти. Тут такая красота!

Старая перечница смягчилась. Девчонка оказалась всего лишь романтической особой. Азильда тоже любила тут стоять, глядя в горизонт. Никакого вреда в этом нет, но драгоценности графини все же надо проверить. Вслух она буркнула:

— Нечего тут стоять, простудитесь.

„Амалия“, чтобы не возбуждать подозрений, кротко пошла вниз. Добравшись до обсуждавших длину нижних юбок дам, быстро встроилась в разговор и весело сообщила:

— А я на крышу башни залезла. Вы не сердитесь? Там так красиво! Так далеко видно!

Ее слова пришлись кстати. Так как основные темы фасонов были в целом Азильде ясны, бывшая княгиня пожелала показать новой приятельнице то хорошее, что имелось в ее здешнем существовании. Она благосклонно улыбнулась Амалии.

— О да, вид с крыши просто потрясающий. Давайте все сходим и полюбуемся. Только... Волтурния, — обратилась она к своей тюремщице, — Подай дамам теплые шали, там ветер.

Крыша башни была открыта всем ветрам и хорошо прогрета солнцем. По краю шел зубчатый парапет, вдоль него вокруг башни была устроена дорожка, а остальная крыша имела вид кривой и довольно плоской воронки: способ собрать дождевую воду.

Насчет шалей Азильда погорячилась. Сейчас, хотя лето еще не вступило в свои права, белым днем под ясным солнышком было тепло, если не жарко, и от шалей не было почти никакого проку. Ветер налетал порывами, все равно не угадать, когда это произойдет..

Дамы обошли всю башню по периметру. Азильда взяла на себя роль экскурсовода, показывала и рассказывала. Гертруда ахала и охала от восторга, а ее компаньонка время от времени задавала вопросы и делала замечания.

— О, вот по этой дороге мы сюда приехали. Я сразу узнала. А вон та дорога куда ведет? Нет, не та широкая, та, как я поняла, в столицу, а другая, узкая. В сторону гор? А что там? Еще один город?

Азильда любезно объяснила, что это дорога в Сальвинию и Амондиран, и показала еще несколько приметных объектов, как близких, так и тех которые еле — еле вырисовывались на горизонте.

Назойливая девица вела себя пристойно: стояла за Азильдиным плечом, не высовывалась, только теребила в руках простенькую деревянную пудреницу.

Откуда княгине было знать, что это не совсем пудреница, а компас и угломер.

Любопытная Лина под видом экскурсии снимала план местности с привязкой к той крыше, на которой они стояли, решая, куда открывать порталы, когда придет время бежать.

* * *

Если девушки отправились в гости после полудня, то мужчины стали готовиться к побегу задолго до него. Еще накануне закупили на местном рынке еду, а с рассветом начали потихоньку осуществлять Линин план: перетаскивать все свои вещи в лесок за выгоном. Ходили с таким видом, будто гуляли, носили понемногу, чтобы не привлекать внимание. Дамские сумочки Тина с Линой унесли с собой, а их саквояжи Дамиан со Стефаном запахнули в мешки и в таком виде вытащили из гостиницы.

Сундуки пришлось оставить. Без кареты их невозможно было перемещать, да и платья в лесу вряд ли могли понадобиться. Ромуальд, который все эти элегантные наряды спроектировал лично, очень обижался. Выходит, вся его работа псу под хвост. Пришлось утешать тем, что выкройки дома остались. При желании он создаст девушкам новый гардероб, еще лучше прежнего.

Но в остальном князь вел себя на твердое „хорошо“. Не куксился, не ленился, наравне с другими наемниками таскал поклажу. А носить приходилось далеко.

К счастью, местные офицеры в этот день им под ногами не мешались. В предвкушении того, что вожделенные красавицы поедут в гости к коменданту, уставшие от однообразной жизни парни расположились в зале трактира и там дожидались этого сакраментального момента. Ведь они смогут присутствовать на завтраке, а затем проводить дам до кареты.

В том, кому это будет позволено, заключалась целая политика.

Поэтому советнику и его людям не пришлось слишком уж беспокоиться о скрытности.

Дамиан отмерил около двух с половиной лиг от стены крепости и устроил поблизости от этого места временный лагерь. Там все время кто-то находился. Один приносил очередной мешок, сумку или одеяло, складывал в общую кучу, садился и ждал следующего, а тот, кто пришел сюда раньше, возвращался в город. Так наемники создавали у горожан впечатление, что никто из них никуда не ушел, просто прогуливался до лошадей и обратно. А что с одеялом... Может, он на нем поваляться решил.

Когда карета с Линой и Тиной исчезла в воротах крепости, Дамиан дал команду уводить лошадей в лес тем же способом: по одной. Данцер находился в лесном лагере и рулил процессом оттуда, а сам советник расположился на привычном месте под деревом у края выгона. Он должен был оставаться на лугу и уходить последним. Все организованно выполнили приказ. Кроме, естественно, Ромуальда. Тот с раздувающимися от гнева ноздрями уселся рядом с Дамианом и сказал, что никуда не пойдет, пока девочки не будут в безопасности.

В безопасности?! Дамиан готов был зарычать и броситься на своего сюзерена. Это ж надо быть таким безмозглым! Сейчас опасность для девушек исходила прежде всего от личности князя. Если он с той же непосредственностью будет тут и дальше болтаться, то его схватят, когда отправятся в погоню за девчонками. Придется его выручать и тут скорее всего погибнут все. Возможно, девушек пощадят, но тогда их участь будет такова, что они позавидуют мертвым.

Была бы воля советника, он бы отправил Ромуальда в лес первым еще утром и велел бы

ему отъехать настолько, насколько возможно, и сидеть там, ждать, когда все завершится. Сейчас его следовало прогнать под надзор Роберта Данцера. Наемник не испытывал ни малейшего трепета перед фигурой князя Амондиранского и без малейших колебаний выдавал ему затрешины для вправления мозгов. Дамиан же не мог так обходиться с собственным князем и другом и сейчас очень об этом сожалел.

Пришлось ему вставать, брать Ромуальда за руку и тащить в лес под предлогом проверки всеобщей готовности. Тот упирался, говоря, что девушки могут вот — вот появиться и они их пропустят. Про порталы Дамиан никому ничего не сказал, так что князь находился в заблуждении: он думал, что девицы побегут из крепости на своих двоих.

Выручил Стефан. Вынырнул откуда-то из-под ёлки и пообещал, что сам лично будет караулить. Если что, поддержит магически. Боевые заклинания у него выходят плохо, зато бытовые — хорошо, а если их применить с умом, они подействуют не хуже боевых. Так что он поможет девушкам чем сможет. Спугает погоне ноги, отвлечет...

Идея Ромуальду понравилась и он дал себя увести под предлогом, что он-то магией не владеет и будет только мешаться.

Время шло, а девушки не подавали признаков жизни. Сигнальный камень так и висел на веревке мертвым грузом, а артефакт связи молчал. Уже прошел обед, близился ужин... Дамиан точно знал, что сбежать им надо было не позднее заката. Весной солнце заходит поздно, но это ничего не значит. Чем раньше они появятся, тем больше шансов успешно смыться у них у всех.

— Дамиан, а если они не смогут добыть кольцо..., — прошептал у самого его уха Ромуальд.

— То что? — недовольно откликнулся советник.

— Давай наплюем? — у князя сейчас был знакомый взгляд раненого олененка, — Ну, не буду я князем... Не так мне это и нужно. Главное, чтобы девушки не пострадали.

— А с княжеством что? Отдадим его этим... имперцам? — сурово спросил Дамиан.

— Нет, — потупился князь, — им я Амондиран не отдам. Лучше заключим договор с Гремонам. Войдем в него как провинция. Ты будешь наместником, кольцо для этого не нужно, а я стану наконец свободным художником. Смогу жениться на ком захочу.

Ага, интересно, на Тине или на Лине он собрался жениться? Тина красивее, но для свободного художника типа Ромуальда нужна нянька, которая сопли утрёт, накормит и сделает все, чтобы он был счастлив. Не так давно Дамиан думал, что Лина идеально подошла бы на такую роль, но с недавних пор стал сильно в этом сомневаться.

Вообще-то идея была хорошая, Дамиан и сам об этом не раз думал. Только сейчас не время было об этом рассуждать.

— Знаешь, давай подождем, пока они явятся. Если боги будут благосклонны и девушки добудут кольцо княгини — один вариант, если нет — другой. Тогда и будем планы на будущее строить.

Тут из-за деревьев показался силуэт. Мужчины вскочили и прямо им в руки влетел совершенно невменяемый Стефан. Увидев, что попал к тому, к кому бежал, он перевел дух и с трудом выговорил:

— Беда! Беда! Девочки попались!

— Как? Что? — затеребили его сразу двое, — Откуда ты знаешь? Что вообще случилось. Стефан отдышался и продолжил:

— Я на всякий случай повесил у крепостных ворот прослушку. Места не занимает,

незаметная, а солдаты обычно знают, что происходит внутри, из их разговоров многое можно понять. Так вот. Недавно подъехала карета, судя по звуку с хорошим сопровождением. Оружие у солдат так и брякало. Из кареты кто-то вылез и крикнул часовым: „Открывай ворота!“

— И они открыли?

— Ты не дослушал. Не открыли, а спросили как доложить. Он и сказал: доложи, мол, что прибыл маркиз Валер Даригон с магистром Кавериско! Я как услышал, сразу побежал сюда. Только... Я долго бежал.

Он не успел договорить. Сигнальный камень на груди Дамиана сильно нагрелся и вдруг рассыпался в мелкую пыль.

* * *

Посиделки с Азильдой длились почти два часа. Поначалу разговору очень мешало присутствие Волтурнии, которая молча сверлила всех взглядами и явно старательно запоминала кто что сказал. Поэтому девушки осторожничали. Говорили о всяких дамских мелочах: о длине оборок на рукавах, о модных в этом сезоне цветах, о фасоне шляпок...

Пару раз удалось избавиться от назойливой сторожихи. То Гертруда, то Амалия вдруг начинали изнывать от жажды и Азильда посылала свою служанку вниз за лимонной водой со льдом для страждущей гостьи.

Волтурния оказалась достаточно бестолковой. Вместо того, чтобы принести сразу большой кувшин, таскала воду стаканами. На то, чтобы спуститься, а затем снова подняться по лестнице, уходило время, которое девочки не теряли даром.

„Амалия“ живо изложила своей госпоже ситуацию с заточением Азильды и завершила ее возгласом:

— Ах, неужели мы ничем не сможем помочь несчастной графине?!

После этих слов Тина проявила настоящую заинтересованность и забросала беглую княгиню вопросами. Той пришлось врать.

Делала это Азильда вдохновенно, но неумело, вся ее ложь была шита белыми нитками. Концы с концами не сходились. Еще бы! Ведь ее целью было вызвать к себе сочувствие и добиться, чтобы случайные знакомые помогли, а ее настоящая история была не слишком привлекательной. Так что правдоподобие в ее задачи не входило.

Свою историю княгиня слепила из нескольких прочитанных ею романов. Там фигурировал жестокий муж, который издевался над красавицей — женой, коварный злодей, который похитил ее ради наследства ее родителей, и юный благородный герой, которого держат в неведении относительно ее местонахождения и состояния. Вот его-то Азильда и попросила найти в столице и передать записку.

Лина, слушая этот бред, про себя хихикала. Особенно ее веселило описание злобного мужа: старый, уродливый карлик. Послушал бы Ромуальд как о нем отзывается супруга!

Тина уже готова была выразить несчастной Азильде полную поддержку и пообещать все, чего бы та ни пожелала, но ту Волтурния приперлась обратно с очередным стаканом воды, чем жутко разозлила княгиню.

Из-за этой старой калоши весь план летит к демонам! Она сердито трянула белокурой головой и рывкнула на служанку:

— Теперь я пить хочу! Что ты все таскаешься со стаканами туда — сюда? Пойди и принеси уже целый кувшин!

Тётка буркнула что-то недовольное себе под нос, но не решилась противоречить. Комендант велел ей выполнять все капризы дам, если в них не будет ничего вредного, а вреда в питье воды она не видела. Так что, развернувшись, Волтурния вновь почесала вниз по ступенькам, оставив дверь на лестницу открытой. Примерно через минуту откуда-то снизу раздался грохот и крик. Нетрудно было догадаться, что тюремщица наконец добегалась: навернулась на крутых ступеньках и свалилась с лестницы.

Лина с Тиной переглянулись и ведьма чуть заметно кивнула, подтверждая правильность догадки своей подруги. Это она отправила тётеньку в полет с помощью простого проклятия. Такое работало только у ведьм, но зато как работало! Оно не требовало ни капли силы, но сбывалось в ста процентах случаев. Главное было правильно сформулировать, задав рамки, иначе проклятие легко могло обратиться против проклинаящей.

Это было чуть ли не первое, чему молодых ведьмочек учили их наставницы. Корректной формулировкой в данном конкретном случае могло быть нечто вроде: „Чтоб тебе по этой лестнице три дня ногами не ходить!“ Легкая травма конечности была обеспечена.

Внизу забегали, зашумели, затем в покои княгини поднялся помощник коменданта, офицер средних лет с длинным лошадиным лицом и сообщил:

Госпожа, ваша служанка подвернула лодыжку. Дня три работать не сможет. Мы подумаем, кем ее заменить, а пока постарайтесь обойтись без нее. Надеюсь, дамы вам помогут.

Азильда бросила взгляд на своих новых знакомых и те дружно закивали: да, да, поможем, а как же. Тогда она томно произнесла:

— Пусть нам принесут кувшин лимонной воды со льдом и сообщат, когда можно будет спуститься и послушать музыку.

Мужчина потопал вниз, а коварная княгиня сверкнула синими глазами. Неожиданно ей все стало нравиться. Жизнь перестала демонстрировать ей свой зад и повернулась более симпатичной стороной.

Она не связала падение своей служанки с гостями, но обрадовалась ему как девочка подарку на день рождения. Пусть без мерзкой Волтурнии нельзя будет ни нормально раздеться, ни одеться, зато никто не помешает уговорить Гертруду и Амалию доставить в столицу письмо для Валера. Сейчас она сделает из этих двух дамочек своих верных агентов и пошлет их к любимому! То, что этот самый любимый бросил ее тут, она выбросила из головы. Он должен вернуться и спасти свою Ази!

Одно огорчало: романов в покоях было сколько хочешь, а вот писчей бумаги, пера и чернил ей не давали. Боялись, наверное, что она начнет рассылать письма с просьбой о спасении. Поняв ее затруднения, Амалия вынула из сумочки блокнот и свинцовый карандашик.

— Может, вы напишете прямо в блокноте? Так никто ничего не заподозрит и злодей, который вас сюда заточил, останется с носом.

Это предложение так понравилось Азильде, что она чуть не запрыгала на месте. Как ей повезло с этими гремонками! Такие понятливые и услужливые оказались! Она села за столик и начала писать, а Амалия встала рядом, готовая в любую минуту прикрыть ее действия, если сюда вдруг нагрянут. Заодно спросила как бы между прочим:

— А вы все еще носите венчальное кольцо? Ну, с тех пор как сбежали от мужа.

— А что? — заволновалась Азильда.

— В общем, это не мое дело, — стала мямлить Амалия, — Да и не уверена я. Но вы ведь очень знатная госпожа. Знатная и богатая. А такие приносят клятву богине на древних артефактах семьи и носят родовые кольца, а не те, что куплены в лавочке ближайшего ювелира.

— И что? — вскинулась Азильда, — Что в этом дурного?

Она как раз выводила слова „мой бесценный Валер, любовь моя“, а тут ее отвлекают странными разговорами.

— Ничего, — ответила Амалия, — Только... С вами не происходило ничего неприятного? Ухудшения здоровья, например? Болей не было?

Азильда непроизвольно схватилась за живот: даже воспоминание о страшных резях пугало. Хотелось сделать что-то, чтобы этого больше не повторилось.

— Как ты узнала?

— Я предположила. И мне страшно за вас. Вы такая красивая, молодая, добрая, я не хочу, чтобы вы умерли.

Такого поворота разговора Азильда не ожидала, но начало разговора показалось многообещающим, тем более что она уже испытала страдания по вине своего кольца и боялась повторения. А еще Азильда страдала мнительностью и когда Амалия упомянула ухудшение здоровья, то тут же себе вообразила, что она и впрямь чувствует себя гораздо хуже, чем раньше.

Но откуда эта особа может знать про такие вещи? Спросила и услышала в ответ:

— Видите ли, моя сестра служит жрицей в храме Доброй Матери, а я часто ее навещаю. Одна наша с ней общая знакомая вот так сбежала от знатного мужа, который ее избивал, и укрылась в храме. Но кольца не сняла и от брака не отказалась, надеясь отсудить у него содержание. Как ее ни уговаривали произнести формулу развода, чтобы снять кольцо и освободиться, она ни в какую. А меньше чем через полгода бедняжка умерла в страшных мучениях. Ее убило кольцо за то, что бросила мужа. Так вот, сестра мне рассказывала, что подобные чары обычно наложены на семейные артефакты в особо знатных родах, причем на женские кольца. Мужчины себя подстраховали. Если женщина бежит от супруга, она должна расторгнуть брак, чтобы он мог заключить новый. Если она этого не сделает, то для рода лучше, чтобы она умерла. Кроме того, побег жены считается позором, а смерть — нет.

— Мне никто об этом не говорил, — обиженно протянула Азильда.

— Так об этом вам могла сказать только жрица богини. А вы, я уверена, с ней не советовались.

Красавица задумалась и даже письмо писать бросила. Действительно, ничего подобного ей никто не сказал, но... Шепотки, намёки, недомолвки в разговорах Валера с отцом и герцога Даригона с ней... Нет, Валера она ни в чем подозревать не хотела, но вот его папаша вполне мог ее использовать или даже злоумышлять против нежелательной женщины. Он явно был не в восторге от связи своего сына и всячески ей это демонстрировал. С кольцом расстаться просил повременить именно для того, чтобы, как он сказал, выбить из бывшего мужа полученное тем приданое. Амондиран, мол, не обеднеет, а у нее должны быть свои деньги, потому что Валеру он ее содержать не позволит. И ведь она поверила! А оно вон как.

Все эти мысли отражались на ее кукольном личике, как будто кто-то писал их у красавицы на лбу. Лина, замерев, чтобы себя не выдать преждевременной радостью, следила за настроением Азильды. Главное, чтобы дурочка не заподозрила истинной цели „Амалии“.

Если поверила, полдела сделано. Останется уговорить ее произнести формулу развода и забрать кольцо, когда она его снимет.

И ведь все почти получилось! Азильда уже приоткрыла ротик, чтобы спросить, что ей делать дальше, но тут на лестнице снова послышался топот сапог.

Амалия сделала знак молчать, забрала блокнот и карандашик и спрятала их в сумочку. Ничего. Что отложено, не потеряно. Перед ужином они вновь сюда поднимутся, и тогда все произойдет...

* * *

На этот раз кресла в пиршественной зале стояли полукругом. Стол отодвинули к стене, а у камина расположились солдаты с музыкальными инструментами в руках. Между ними и креслами для слушателей было достаточно места для танцев, если бы дамам вдруг вздумалось развлечь себя этим способом.

Кресел было восемь — для трех дам и пятерых мужчин. Естественно, самые главные в Стомбире фигуры расселись так, чтобы быть рядом с избранной красавицей. Только начальнику гарнизона пришлось довольствоваться соседством с Азильдой.

Зато сейчас он был в центре внимания: это его солдаты давали концерт.

Впереди стоял худенький, изящный мальчик с асимметричным, но приятным лицом и прижимал к груди скрипку. Справа от него располагались струнные, слева — духовые, а на заднем плане маячил ударник с барабанами и литаврой. Оркестр гарнизона, хоть и был невелик, но выглядел профессионально.

Как только все расселись, юноша с скрипкой сделал оркестру знак смычком и тут же полились звуки прекрасной музыки.

Музыканты поражали слаженностью своей игры. Видно, другого развлечения в крепости не было и они упражнениями довели свое исполнительское мастерство до совершенства.

Если бы здесь был Ромуальд, у него был бы повод гордиться собой: оркестр исполнял увертюру к одной из его опер. В этом не было ничего удивительного: музыкальное творчество амондиранского князя было популярно не только в Девяти Королевствах.

Лина слушала и одновременно пыталась следить за всеми, кто находился в зале, особенно за Азильдой. Получалось плохо. Для того, чтобы княгиня попала в поле зрения, надо было выдвинуться вперед и повернуться всем корпусом. Это не представлялось возможным, а следить было надо: после того, что она рассказала княгине, та могла учудить все, что угодно.

Да и сосед действовал на нервы. Комендант положил ей руку на колено и с каждой минутой старался переместить ее все выше. Она осторожно отодвигала комендантскую руку на начальную позицию, но тот не желал оставить свои поползновения. А треснуть его хорошенько, чтобы отстал, не представлялось возможным. Лина злилась: так скоро при всех начнет хватать за грудь!

Тут ей пришла в голову удачная мысль. Дождавшись, когда музыканты на минутку умолкнут, она встала, подошла к дирижеру со скрипкой и выразила желание спеть. Навскидку предложила несколько романсов и песен, которые должны были быть известны оркестрантам.

Тощий юноша для начала скривился. Он не верил, что случайная девица может достойно петь, но отказать гостье своего начальства не мог. Наверное, хочет произвести впечатление на мужчин. Боги с ней, пусть споет пару песен. Если будет уж очень противно, они всегда смогут играть погромче и заглушить бездарную певицу.

Но стоило первым звукам песни раздаться под сводами зала, как музыкант переменял свое мнение. Свое детство он провел в оркестровой яме имперского столичного оперного театра, где его отец был первой скрипкой, и наслушался всяческих примадонн. Эта пухленькая, как сладкий пончик, дамочка, была достойна того, чтобы петь перед императором, а не перед этими солдафонами, которые в музыке понимают меньше, чем навозный жук в бриллиантах.

Он должен обязательно узнать, как ее зовут и где ее найти. Через полтора года его служба в армии закончится, он вернется в столичную оперу и тогда...

Девушка пела песню за песней, романс за романсом и не торопилась вернуться на свое место. Да никто этого и не желал, все наслаждались пением.

Даже Семпроний Север, который поначалу жутко разозлился на наглую девчонку, так беззастенчиво вырвавшуюся из его рук, сейчас сидел в кресле и таял, слушая пение Амалии. Низкий, грудной, задушевный голос обещал ему наслаждение и он всем сердцем был готов в это верить.

А сама Лина как бы раздвоилась. Одна часть пела — разливалась, а другая зорко следила за обстановкой. К счастью пение для нее всегда было тем, что она делала бессознательно. Откуда-то из глубин памяти на язык выскакивали правильные слова и звуки, а оркестр помогал следить за темпом и тональностью. Никаких сознательных усилий. Следить за Азильдой, по крайней мере, ей это не мешало.

А бывшая княгиня оказалась очень интересным объектом. То, что рассказала ей „Амалия“, заронило в душу женщины сомнения. Она не сидела спокойно, как было во время обеда, а зыркала глазами туда и сюда, крутила головой, вздыхала, то опускала глаза в пол, то поднимала к потолку... Вдобавок руки благородной дамы не лежали, как положено, на коленях или подлокотниках, а жили своей жизнью, то есть все время теребили кольцо на пальце. У такой, как Азильда, это выдавало небывалую работу мысли на заданную тему. Она пыталась переварить полученные знания и принять верное решение.

Когда Лина завела длиннейшую балладу про любовь и разлуку, княгиня вдруг решилась. Она взялась одной рукой за другую, губы беззвучно что-то прошептали, и вдруг Лина увидела, что кольца на пальце больше нет. Азильда решилась произнести формулу развода и снять кольцо.

Внимательность Лины была вознаграждена. Магичка успела заметить, куда отправился злосчастный артефакт. Во второй потайной кармашек справа. Можно было гордиться: мужчина с этой задачей не справился бы.

Для того, чтобы такое разглядеть, надо было хорошо знать устройство дамских туалетов. Платье, подобное тому, что носила благородная дама, на первый взгляд не имело карманов и спрятать даже такой ничтожный по размеру предмет как кольцо было негде. Но на самом деле в швах у того места, где корсаж переходил в юбку, были сделаны маленькие, незаметные кармашки. Устья таких кармашков были закамуфлированы тесьмой, оборками или, как у Азильды, кружевами. Сунуть в них руку не получалось, максимум два пальца. Но вот спрятать шпильки, булавки, флакон с солями, снотворным или ядом, кольцо или любовную записку это не мешало.

У Лины отлегло от сердца. Как хорошо! Дурочка все сделала сама, осталось забрать артефакт. Это можно будет сделать после концерта, когда они снова поднимутся на башню чтобы отдохнуть перед ужином.

* * *

Концерт удался на славу. „Амалия“ спела семь или восемь песен, отдохнула, дав оркестру поиграть без нее, а затем поднялась и исполнила еще пяток. На этот раз комендант уже не возражал. Пока Лина сидела рядом с ним между своими выступлениями, он ей чуть ухо не откусил, нашептывая комплименты. А когда она пела, сидел и гордился собой. Напрасно говорят, что у него нет вкуса. Он выбрал лучшую из дам: самую страстную и талантливую. От такой и император бы не отказался.

Известно было, что Сильвестр V всем светским красавицам предпочитал примадонн столичной оперы, причем голос его волновал больше, чем внешность. Выходит, у Семпрония Севера вкус самый утонченный: как у императора.

Наконец Амалия прекратила пение. Сказала, что устала, ей нужно отдохнуть, да и в горле пересохло. Они сейчас поднимутся в покои госпожи Азильды, а тут пока сервируют ужин. Пусть только им дадут с собой лимонной воды со льдом, да побольше.

Этот план всех устроил и комендант даже кликнул парней, чтобы начать приводить его в жизнь. Одного послал за питьем для дам на кухню, а остальные быстро убрали кресла и вытащили на середину стол. Девушки с Азильдой стояли недалеко от двери, ведущей в башню, ожидая, когда принесут воду.

Вот тут-то все и произошло.

Где-то во дворе послышался шум, крики, топот, а затем в пиршественную залу влетел солдат, один из тех, что охраняли вход в крепость. Он вытянулся в струнку и доложил:

-

Господин начальник гарнизона! У ворот карета с отрядом солдат императорской гвардии! Прибыл господин маркиз Даригон в сопровождении...

Нахмурился, пытаюсь вспомнить имя, и вдруг расцвел:

— Этого, господина Герарда Каверско, вот! Мага императорского!

Услышав имя своего мужа, Лина потеряла дар речи. Ноги стали ватными, в голове нехорошо зашумело. Она никого и ничего не боялась в этой жизни, кроме того, кто считался ее мужем. И тут первым, что она почувствовала, был сковывающий страх.

Азильда же, наоборот, обрадовалась как дитя. Валер! Ее Валер! Он приехал, даже письмо писать не пришлось! Какое счастье! Она была готова бежать ему навстречу, только пока не понимала куда. Ну ничего, пара минут — и он будет здесь. Любимый! Дорогой!

Как ни странно, трезвую, холодную голову в этой ситуации сохранила только Тина. Она сразу поняла: надо делать ноги пока все поражены известием и на них никто не смотрит. Лучше всего для этого подняться на башню и отрезать себя от возможных преследователей. Запереть двери, обрушить лестницу... Все равно они собирались уходить порталами, так что какой смысл жалеть императорскую собственность?

Для начала она пнула Лину, чем привела ее в чувство, а затем схватила Азильду за руку как можно крепче и потянула к закрытой двери, за которой скрывалась ведущая на башню лестница. Только бы успеть загнать ее туда и запереть за собой дверь...

Лина спохватилась, уцепилась за другую руку своей жертвы и тоже потащила ее в башню.

Все бы вышло, все бы получилось, если бы не потерянное в первые мгновения время, да не Азильда. Она вдруг стала вырываться и орать:

— Валер, Валер, любимый! Да пустите же меня к нему!

Этим она привлекла к себе и девушкам внимание мужчин. Мизансцена была столь выразительной, что не понять, что происходит, мог только полный идиот. Семпроний Север идиотом не был. Любовные бредни разом вылетели у него из головы: надо было спасти свою карьеру, если не жизнь! Он бросился к девушкам, стараясь отрезать их от входа в башню.

Скрывать магию и прикидываться обычными женщинами было поздно, на кону стояли жизнь и свобода. Лина залепила в коменданта молнией и он рухнул на пол как подкошенный, а заодно та же молния сбила запал у остальных. Торопившиеся на помощь к своему начальнику солдаты остановились и стали совещаться, что теперь делать.

Начальника гарнизона приложила сырой магией Тина и он теперь сидел весть ободранный, взъерошенный и потерявший ориентацию. Зато градоначальник разумно выбежал во двор встречать приехавших и ничего плохого с ним не случилось.

Септимий, офицер, который первым встретил девушек в Стомбуре, увидел, что все начальство выпало в осадок и в данный момент не способно ни сказать, ни сделать ничего толкового, взял командование на себя. Разделил находящихся в зале солдат и младших офицеров на три отряда и погнал их на магичек.

Вернее, передовой отряд, который шел без прикрытия, должен был отвлечь на себя внимание, а два других по стеночке подкрасться и схватить девушек. Парень хорошо помнил наставления по борьбе с магами: если бы их удалось скрутить и обездвигнуть, они были бы лишены возможности применить свою силу.

Ему невольно помогала Азильда: она кричала и вырывалась, торопясь на встречу к любовнику и тем самым сильно тормозила лину и Тину. Да тут еще дверь на лестницу оказалась запертой. Маленькой артефакторше пришлось отпустить рвущуюся из рук Азильду и заняться замком. Тина злобно фыркнула и спеленала княгиню заклинанием, но рот не заткнула, так что беглая дамочка продолжала звать Валера.

Для Лины не было особых трудностей в том, чтобы открыть практически любой замок, но время, время! Оно утекало не тонкой струйкой, а широким потоком. Магичка нервничала и поэтому действовала медленнее, чем могла.

Когда раздался щелчок, указывающий, что дверь наконец сдалась, в пиршественную залу ввалились новые персонажи. Впереди несся маркиз Даригон. Он услышал вопли Азильды и поспешил, как она легкомысленно думала, ей на помощь. На самом деле он желал убедиться, что с ней все более — менее в порядке и для дела осеменения она все еще годится.

За ним появился высокий, плотный, осанистый мужчина преклонных лет с благообразным, но удивительно неприятным лицом. В первое мгновение на его физиономии царил скучливое выражение, но стоило ему увидеть Лину, как он засверкал глазами и весело воскликнул:

— Боги! Эмма! Моя беглая женушка! Наконец-то!

Маг рванулся к Лине со скоростью, которую можно было ожидать от молодого и почти схватил ее за руку, но тут все, кто был в зале, кроме нескольких солдат, стоявших прямо под

стенной и девушек, повалились на пол как кегли. Это Лина заклинанием резко дернула ковер у них под ногами.

Дверь в башню гулко хлопнула, закрываясь за Тиной, Линой и Азильдой. Затем на мгновение ее окутало зеленое сияние, по замку и скрепляющим дубовые плахи металлическим частям пробежали синие молнии и раздался грохот ударов с той стороны.

— Полчаса продержится, — буркнула Лина, — Бежим наверх.

Азильда хотела вырваться и бежать в другом направлении, но, к ее удивлению, ноги отказывались слушать хозяйку. Они несли ее ровно туда, куда сказала коварная Амалия: вверх по лестнице. При этом княгиня так и не получила власти над собственными руками. Очень хотелось закричать, заплакать, но и это не получалось. Суровая ведьма взяла полную власть над телом несчастной.

До покоев Азильды они добрались в рекордные сроки. Там Тина и Лина первым делом связали совершенно деморализованную княгиню веревкой, которую запасливая артефакторша достала из сумочки, и примотали к стулу шнуром от занавесей.

Только после этого Лина позволила себе сесть и всплакнуть.

— Ну что ты, — перепугалась за нее Тина, — Ничего же не случилось! Он там, а ты здесь. Кстати, дай мне порошок Карса, у тебя должен быть.

— Хочешь лестницу разрушить? — сквозь слезы уточнила магичка и вытащила из маленькой, изящной сумочки здоровую банку с чем-то вроде крашеного в синий цвет песка.

Тина выхватила банку из рук подруги и поспешила на выход.

— Ага. Превращу ее в мелкую щебенку и все ветерком сгоню вниз. Даже если они сумеют открыть дверь, то нескоро сюда прокопаются. А ты успокойся и подумай, что будем делать дальше.

— Хотелось бы знать, что там наши противники...

— А, молодец, что напомнила.

Тина, прежде чем исчезнуть в дверном проеме, щелкнула пальцами и в тишине башни раздался голоса.

Перепуганная, потерявшаяся Азильда все же разобрала, что говорят те, кто остался там, в пиршественном зале. Вот Септимий, мерзкий тип, сообщает, что пока дверь открыть не удалось, сейчас он вызовет подмогу и ее просто выломают.

Лина тем временем пришла в себя, вытерла слезы, осмотрела Азильду и извлекла из потайного кармашка знаменитое кольцо Амондиранских княгинь. Осмотрела его со всех сторон, удовлетворенно кивнула и засунула куда-то в недра своей, судя по всему, бездонной сумочки.

До Азильды наконец дошло, что ее провели. Хотелось орать, ругаться, высказать наглой и коварной плебейке все, что она о ней думает, но ведьма не вернула ей голос. Хотя сейчас тело уже повиновалось Азильде, только толку от этого было мало: связали ее на совесть.

Так как делать больше было нечего, бывшая княгиня стала прислушиваться к происходящему внизу, благо подслушивающее заклинание, оставленное „Гертрудой“, работало.

Чаще других можно было слышать тенор Валера и надтреснутый баритон Кавериско. Они сейчас руководили попытками пробиться в башню. Азильда сильно надеялась, что одна из их попыток увенчается успехом.

Это не укрылось от Лины.

— Что, думаешь, сейчас прибегут и тебя спасут? Надейся, глупая. Очень ты им нужна.

Прислушайся лучше, что они про тебя говорят, а там подумай, с кем тебе выгоднее сотрудничать.

Она не надеялась переубедить глупую доверчивую телку, но сказать-то надо? Пусть научится включать мозги хоть иногда.

Азильда не желала слушать свою похитительницу. Она ловила каждое слово, сказанное ее любимым Валером, но напрасно. Пока о ней никто внизу разговоров не затевал. В основном слышался голос магистра Кавериско. Валер его переспрашивал, уточнял, возмущался, но имя Азильды не называл, ограничиваясь разговорами о какой-то Эмме. Кавериско пытался ему объяснить, что его жена Эмма — опытный маг, магистр и борьба с ней может быть весьма опасной. Но зато если удастся ее поймать и заставить подписать договор с империей, то одно только это может покрыть все убытки от провала плана по присоединению Амондирана.

Азильда догадалась, что одна из двух коварных особ, ее связавших эта Эмма и есть, но кто именно пока оставалось неясно.

Наконец Тина, разрушившая-таки лестницу и преградившая путь солдатам, вернулась и заявила:

— Часа три они сюда не пробьются, а за большее не поручусь. Ты уже придумала, что делать?

Устроившаяся на диванчике Лина махнула ей рукой.

— Отдохни хоть чуть — чуть. Идея у меня в целом есть, но надо продумать мелочи. Главное — отвлечь Кавериско и я, кажется, придумала как.

Тем временем внизу пришел в себя комендант и маркз Даригон на него напустился:

— Это возмутительно! Так-то вы выполняете свой долг, полковник Север?! Или это звание вам не по уму? Как вы могли впустить в крепость подданных чужой державы?

Семпроний забормотал что-то о том, что они производили впечатление безобидных женщин...

На него наехал Кавериско:

— Безобидных?! Женщин?! Две сильные магички из враждебной страны в вашей крепости, а вы еще смее оправдываться?! Да для такого каторга будет милостью! Герцог Даригон доверил вам ценную пленницу, а вы все прохлопали!

Несчастный, раздавленный полковник Север, судя по всему, упал в ноги маркизу, потому что раздался его крик:

— Не погубите! Все для вас сделаю! Костьми лягу, но пленницу верну!

Снова заговорил магистр:

— Ели это еще имеет смысл. Я хорошо знаю Эмму. Если она успела поговорить с вашей пленницей, то не факт, что та все еще является княгиней Амондиранской. Эмма и умника уговорит, а ваша Азильда, насколько я знаю, умом никогда не блистала.

— А — ааа! — завопил вдруг Валер, переходя со своего довольно приятного тенора на срывающийся фальцет, — Мало того, что я столько времени угрохал на эту дуру, которая в постели бревно — бревном! Так теперь еще она и не княгиня вовсе! Что я скажу отцу?!

Эти слова ударили Азильду наотмашь. Как?! Ее идеальный возлюбленный, который ее боготворил, пылинки сдувал, оказывается, считает ее бревном? Не счастьем, богиней, красавицей, своим сокровищем, а бревном?! Этого она не вынесла и разрыдалась. Утешать ее никто не стал.

Тем временем внизу Кавериско уговаривал молодого Даригона:

— Ну, успокойтесь, Валер. Ничего непоправимого не произошло. Даже если мы в ближайшее время до них не доберемся, им из башни не выбраться. А я подумаю, как туда можно попасть минуя лестницу. К утру, думаю, все они будут у нас в руках. Если даже княгиня сняла кольцо, есть способ надеть его обратно и даже снова привязать к кольцу мужа.

В этот момент Лина встала и подняла руку, привлекая внимание:

— Кажется, я придумала.

Тина тут же отключила подслушку и все внимание обратила на подругу. Та ничего говорить не стала, просто высыпала на столик кучу амулетов из своей сумочке. Покопалась в ней и вытащила длинный узкий кристалл винно — красного цвета, похожий на сосульку. Затем достала из кармана пудреницу, открыла ее и покрутилась вокруг своей оси, определяясь по сторонам света. Кивнула убежденно, как будто ей все стало ясно, взяла мелок и нарисовал на полу нечто, более всего напоминающее розу ветров. После чего велела подруге:

— Посторожи, я сейчас.

И убежала наверх в спальню.

Оттуда Лина вернулась нагруженная шалями, плащами и ботинками. Велела ведьме помочь и стала отвязывать Азильду от стула. Та попыталась вырваться и снова выяснилось, что двигаться самостоятельно она не может.

Девицы отвязали бывшую княгиню, сняли с нее путы, но вместо них завернули в плащ и несколько шалей. Тина смотрела на свою сообщницу удивленно, но объяснений не требовала, полностью доверяя лининому разуму. Когда по мнению магички Азильду приготовили для того, что она с ней собиралась сделать, Лина велела:

— Сейчас я положу кристалл на пол, а ты подведи ее к нему и пусть топнет ножкой.

— Ты уверена? — удивилась ведьма.

— На все сто!

Кристалл покоился теперь на розе ветров и указывал в сторону гор, за которыми скрывался Амондиран. Азильда поняла, что последние минуты ее жизни сочтены и попыталась вырваться, но магические путы держали крепко. Она, подгоняемая коварной Гертрудой, досеменила до нарисованной на полу картинке и, повинувшись приказу ведьмы, изо всех сил шаркнула пяткой по кристаллу. Свет для нее померк.

— Куда ты ее отправила? — спросила Тина.

— Куда подальше. На дорогу в Амондиран за двенадцать лиг отсюда. Самый дальний амулет на балду истратила.

— Зачем?

— А вот увидишь что теперь будет! Только для этого стоит перебраться на крышу.

* * *

На крыше Лина сразу побежала к той части парапета, откуда была видна дорога на Амондиран. Плюхнулась прямо на настил и высунула наружу свой любопытный носик. Тина пристроилась рядом. Она все еще не могла понять задумки подруги, поэтому спросила:

— Ну и что все это значит? Что ты затеяла?

Лина в задумчивости дернула себя за свисавшую на плечо прядь волос.

— Понимаешь, я подумала... Если Кавериско останется в крепости, нам нельзя будет воспользоваться порталами. Он их наверняка засечет. Маг он не самый сильный, но его амулетам и боги позавидуют. Особенно всяким там индикаторам.

— И что из этого? — никак не могла сообразить Тина.

— Ты представляешь, сколько энергии вбухано в портал на двенадцать лиг? При ее высвобождении все Герардовы амулеты должны были временно сойти с ума. А он скорее всего подумал, что это мы ушли. Направление и дальность, думаю, засек. Так что сидим ждем, когда мой муженек организует погоню и удалится от Стомбира.

— На сколько? Долго нам ждать?

У Лины, кажется, на все был готов ответ.

— Пусть хотя бы отъедет так, чтобы его не было отсюда видно. А мы пока подготовимся. Карауль, я схожу за плащами и нашими сумочками.

Пока магичка ходила по Азильдиным покоем, разыскивая нужные вещи, во дворе крепости началось столпотворение. Забегали люди, заржали кони... Так как уже смеркалось, появилось множество факелов. Тина высунулась подальше, чтобы лучше видеть происходящее, и заметила в толпе спокойно стоящего высокого мужчину, который всем руководил. Подключив магическое зрение, она без труда опознала Кавериско: кроме него магов тут не было.

Он организовывал отряд в погоню и раздавал всем защитные амулеты. Видно, Лина правильно рассудила: Кавериско почувствовал портал и засек его направление, но рассудил, что замок покинула его жена. Ее надо скорее догнать, а Азильда и до утра подождет.

Это подтвердила и Лина, когда вернулась. По ее словам, долбить дверь прекратили, внизу полная тишина. Заодно она велела Тине спрятать голову и больше не высовываться. Снизу их увидеть невозможно, если они сами себя не выдадут.

Затем она достала из сумочки несколько таких же, похожих на сосульку кристаллов, только не красных. Среди них были синие, желтые, зеленые, фиолетовые... Она отобрала два желтеньких, как одуванчики, остальные спрятала.

— Эти — на две с половиной лиги. Как раз на этом расстоянии нас будут ждать наши. Сейчас научу пользоваться.

— А их Кавериско не засечет? — с сомнением спросила Тина.

Лина пожалала плечами.

— На фоне того, что было? Вряд ли. Герард никогда не работал с сильными потоками, его амулеты на такое не рассчитаны. Азильдин портал должен был сбить с толку всю его аппаратуру примерно на полчаса — час. За это время мы уйдем.

— Но он может и так почувствовать выброс силы!

— Ты опять забываешь про фон. Во сколько раз два с половиной меньше двенадцати? А при строительстве частных порталов расход энергии не прямо пропорционален расстоянию, а растет по экспоненте. Поняла?

Лина знала, что умные слова действуют на подругу как зелье очарования и применила любимый прием. Тина тут же со всем согласилась и выразила готовность учиться пользоваться частным порталом.

Артефакторша выдала ей толстую кожаную перчатку.

— Мы сейчас высоко на башне, а необходимая нам точка выхода — в лесу, далеко внизу. Берешь кристалл в руку и направляешь острием туда, куда хочешь переместиться. Когда будешь, готова, раздавишь, и дело в шляпе. Перчатка нужна чтобы не пораниться — там

тонкое стекло. Я еще днем взяла ориентиры, их и в сумерках отлично видно. Видишь два очень высоких дерева? Направляй прямо между ними. И не бойся: в землю не закопаешься. Для этого портала помехой может служить только почва и природные камни, деревья и рукотворные предметы ему не мешают.

Тина выслушала инструкцию с пояснениями и в ужасе вытаращила глаза:

— А как же ты Азильду отправила? Она же рухнет с высоты этой башни и костей не соберет!

Лина отмахнулась:

— Ничего с ней не сделается. Я же ее за двенадцать лиг отправила, а там дорога сильно идет вверх, даже на карте отмечено. В лучшем случае упадет с расстояния пары локтей. Если даже что-то сломает, ничего, лекарь в Стомбуре имеется, вылечит.

Тина смотрела на подругу с явным неодобрением.

— Ты зверь, Линка! Я бы не смогла так...

Под ее взглядом Лина досадливо передернулась и сказала жестко:

— Знаешь, может мне ее и жалко, но себя и тебя я люблю гораздо больше, это раз, и наших парней тоже подставлять из-за жалости к Азильде желания нет ни малейшего, это два.

Она готова была привести и третий резон, но как раз в этот момент отряд во главе с Кавериско и Даригонем выехал из ворот. Они не скрывались, ехали с шумом, многие держали в руках факелы. Лина подняла руку:

— Тин, приготовься. Надень перчатку, найди ориентир и направь туда амулет. Темнеет и скоро ты ничего уже не разглядишь.

Валентина не стала спорить и сделала так, как велела подруга. Спросила только:

— А как ты собираешься искать там парней?

— Они сами нас найдут. У меня есть амулет связи со Стефаном, сообщу ему, что мы уже в лесу.

Услышав про Стефана, ведьма улыбнулась. От этого мага она не ждала никакой гадости, а значит была рада его видеть. Но на всякий случай уточнила:

— А если не найдут?

— Ну ты как маленькая! Бросишь свою фирменную поисковую сеть, в первый раз, что ли?

* * *

Темнота и пустота кончились как-то слишком быстро. Азильда завопила и рухнула вниз на что-то колкое и пружинящее. К счастью, высота, с которой она упала, была небольшой, да и попала княгиня не на камни, а в кусты.

Плащ и шали, в которые ее завернули коварные девицы, очень мешали. Азильда долго билась и вертелась, пока смогла высвободить сначала руки, потом ноги и выдралась из кустов на твердую землю.

Ей не пришло в голову, что за свое спасение она должна быть благодарна в том числе и забросившей ее сюда магичке. Если бы не плащ и шали, она бы сейчас была вся изранена после борьбы с кустом. А вот свойства этого растения следовало отнести к ее личной везучести. Упала она с высоты на шиповник или краснотал, боярышник или нечто подобное,

и многочисленных травм было не избежать. Но Азильде как по заказу достались замечательные с точки зрения падения на них кусты: густые, мелколиственные, не колючие, состоящие из множества тонких и хрупких веточек. Прямо диван с пружинами.

Она своим весом их помяла и поломала, но практически ничего себе не повредила. Только платье выглядело уже не нарядным: его будто собаки драли. Шаль тоже пострадала и висела лохмотьями. Зато плащ проявил себя лучшим образом: на нем эта история никак не отразилась.

Азильда завернулась в него, чувствуя, как становится холоднее. Хотела было отбросить рваную шаль, но сообразила, что на нее сейчас никто не смотрит, а шерстяная тряпка не даст ей замерзнуть.

Утеплившись как попало, бывшая княгиня огляделась. В спускающихся сумерках ей ничего не удалось разобрать. Кусты, камни, полянка, окружающие ее сосны... Дальше ничего видно не было. Никаких следов дороги.

Азильде стало очень страшно. Ей и до этого было сильно не по себе, но тогда это перекрывалось злостью и обидой. А сейчас она наконец напрямую задумалась о своем положении. Слова „лес“ и „ночь“ вызывали у нее бессознательный ужас даже при чтении романов. А тут она оказалась в лесу, наступала ночь и все страхи оживали в душе.

Разбойники, упыри, волкодлаки, просто волки и медведи... Караул! Они на нее нападут и к утру даже косточек не останется!

Тут в кусте, из которого она вылезла., что-то захрустело.

Перепуганная Азильда бросилась бежать куда глаза глядят. Страх гнал ее и придавал ей силы и ловкости. Сейчас ей даже туфли на каблуках не мешали. Она неслась через темнеющий на глазах лес, чудом не налетая на деревья, огибая крупные камни и перепрыгивая через мелкие.

Долго так продолжаться не могло. В какой-то момент Азильда зацепилась каблуком за корень сосны и спланировала рыбкой на гладкий, покрытый сосновыми иголками откос, по которому съехала на дно оврага или расселины.

К ее счастью, за многие годы подстилка из иголок стала такой толстой и мягкой, что она не сильно ударилась. Только с переда ее платья раз и навсегда исчезли все украшения, их будто корова языком слизала. А вот шелковая тафта оказалась на редкость крепкой и не порвалась.

Полежав на дне оврага и не дождавшись ни помощи, ни поддержки, ни даже сочувствия, Азильда встала и попробовала оглядеться. Кроме темноты ей ничего не удалось увидеть. Зато, прислушавшись, она услышала журчание воды по камням. Пара шагов вперед и она чуть не свалилась в ручей.

У нее не было ничего, чтобы набрать воды и напиться: ни фляжки, ни кружки. Пришлось встать на колени и пить из горсти. Затем она умылась, немного отползла от ручья, села прямо на землю, покрытую сосновыми иголками, отбросила в сторону мешавшиеся шишки и задумалась.

Дело это для Азильды было новым и непривычным. Будь она сейчас дома, пошла бы намылила голову всем попавшимся под руку служанкам. В крепости постаралась бы сорвать злость на Волтурнии, коменданте или его помощнике. Но здесь, в лесу, некого было сделать виноватым и наказать, после чего все должно было бы исправиться.

Впервые в жизни Азильда могла рассчитывать только на себя.

В темноте, не зная дороги, со сломанным каблуком она не решилась никуда двигаться.

Просто села, завернулась в плащ получше и разрыдалась, проклиная подлость Валера, коварство Гертруды с Амалией и собственную глупость. Сейчас это было самое безопасное.

Поплакав от души, она свернулась калачиком и попыталась задремать, сильно надеясь, что ни одно злобное животное не придет сюда, чтобы ею полакомиться.

Как ни странно, решение было правильное. В окрестностях бродили дикие звери, но облитой дорогими духами княгиней они бы побрезговали. Ее запах отгонял всех лесных обитателей и Азильда могла спать, не опасаясь нападения. Но сон ее продлился недолго.

Сколько времени прошло, она не знала. Разбудили ее крики, раздававшиеся в лесу. В вышине заметались призрачные тени. Сначала она не поняла, что происходит, а затем до нее дошло: ее ищут люди из Стомбира. У них факелы, отсюда и игра теней.

Она даже узнала голос Валера.

Забыв на радостях, как он о ней отзывался, Азильда вскочила и закричала:

— Валер! Валер! Я здесь! Я здесь!

Но голос ее после всех перенесенных трудностей был слаб и звучал жалко. Вряд ли его могли слышать за пределами оврага.

К счастью, на краю расселины вдруг показался всадник с факелом. Он спешился и наклонился, вглядываясь в темноту. Азильда стала махать руками и кричать:

— Я здесь! Вот она я!

На этот раз ее услышали. Мужчина распрямылся, посигналил факелом и сообщил кому-то невидимому:

— Я нашел! Тут женщина!

Ответил ему тягучий баритон, в котором Азильда признала голос мага:

— Одна?

— Кажется да.

— Так спустись и приведи ее сюда. Только смотри в оба: если это ваша Азильда, тащи смело, если нет — зови меня. С магичкой или ведьмой тебе не справиться.

Высокая фигура мага появилась на краю расселины рядом с нашедшим княгиню солдатом и отняла у него факел:

— Спускайся, я тебе посвечу.

Женщина поднялась навстречу своему спасителю и позволила ему обхватить себя покрепче, прежде чем упасть в спасительный обморок.

Азильда пришла в себя уже на руках маркиза Даригона. Тот расположился на толстом бревне, подстелив под себя плащ, и, придерживая бесчувственное тело своей любовницы, ждал, когда она придет в себя настолько, что можно будет ее обо всем расспросить. Рядом сидел маг, он первый заметил, что прекрасная дама вернулась в сознание, и указал на это маркизу:

— Посмотрите, кажется, ваша возлюбленная уже доступна для беседы.

Валер, еще не зная, что Азильда осведомлена о том, что он о ней говорит в ее отсутствие, нежно поцеловал красавицу и проворковал:

— Дорогая, как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке?

Ей очень хотелось закричать, что с ней все просто ужасно, а он гад и подлец. Сейчас, когда она чувствовала себя в относительной безопасности, хотелось вопить, требовать к себе должного отношения, найти наконец виновника всех ее страданий и сделать так, чтобы тому жизнь сахаром не казалась.

Но проснувшись во время скитаний по лесу разумность подсказывала, что делать это

преждевременно. Пусть сначала до цивилизации доведут, а там... И она томно простонала:

— У меня нет сил...

Валек залепетал что-то успокаивающее, но его прервал Кавериско:

— Прекраснейшая, мы сейчас тронемся в путь и примерно через час будем в Стомбире.

Там вы отдохнете. Но скажите мне: где две девушки, которые были в башне вместе с вами?

— Девушки? — надула губы Азильда, — Вы имеете в виду тех двух особ, которые выдавали себя за приличных дам, а оказались коварными магическими интриганками? Поймайте их!

Маг никак не отреагировал на этот выпад, его голос оставался все таким же спокойным:

— Мы их обязательно поймаем, если вы скажете, куда они побежали. Я же правильно понял: они сбежали и оставили вас одну в лесу?

— Ничего вы не поняли! — взвилась бывшая княгиня, — Они забросили меня в лес, а сами остались в башне! В тепле и безопасности! А меня в лес! На съедение диким зверям!

Кавериско не стал ее дослушивать. Вскочил и закричал:

— Подъем! Быстро по коням! Мы как можно скорее возвращаемся в Стомбир!

Валер, не слушая воплей своей любовницы, позвал двух солдат и велел им доставить Азильду в крепость, при этом не торопиться, чтобы не растрясти уставшую женщину, а сам вскочил на коня и был таков.

Весь сопровождавший его отряд буквально растаял в ночной темноте.

Азильда осталась на полянке с двумя парнями. Они не торопились выполнять приказ. Один из них нырнул в кусты, а другой сказал:

— Госпожа, куда торопиться? Ночи сейчас короткие, скоро светать начнет, тогда и поедем. А пока... Не волнуйтесь, отдохайте, а к завтраку мы вас в крепость доставим. Вон Маркус сейчас костер разожжет, согреетесь. У меня коржики есть и фляжка с вином.

Тут появился второй и выяснилось, что он ходил за хворостом. Факел быстро превратился в костер, солдаты подстелили Азильде оставленный Валером плащ и устроили ее поудобнее. Сначала ей хотелось их пошпынить, злоба искала выход, но оказалось, что сил на это просто нет. Она задремала у костра и последней злорадной мыслью к ней пришло понимание, что она так и не рассказала ни магу, ни любовнику, что больше не является законной женой Амондиранского князя.

* * *

Первой раздавила свой амулет Тина. Она пришла в себя в темноте среди высоких деревьев. Не стала даже подниматься на ноги: тут же поползла в сторону, боясь, как бы Лина не приземлилась ей на голову. Тут впереди раздался шум и треск: артефакторша немного промахнулась и сейчас вылезала из кустов черемухи. Что это она, Тина догадалась по слабому запаху, шедшему от земли. Черемуха отцвела, но под ней догнивали лепестки, все еще источавшие когда-то сильный, а теперь чуть слышный аромат, и чуткий нос ведьмы — целительницы не мог его не учуять.

Она тут же громко произнесла:

— Лина, я здесь. Двигай сюда. Тут нет кустов.

Вспыхнул огонек, осветивший полянку, и Тина увидела сердитую подругу. Лина, как обычно, злилась на себя. Вон, Валентина вышла в удобном месте, а ее в кусты занесло.

Значит неправильно держала кристалл или в последний момент дернула рукой.

Тина же заинтересовалась горящим в руке подружки огоньком:

— Лин, ты что, колдуешь?

Та дернула рукой и огонек исчез.

— Какое колдую. Это лиатинское изобретение, зажигалка называется. Входит в экипировку современного наемника. Ни грана магии. Я у Роберта позаимствовала, у него таких полно. Ты права, лучше нам в этом лесу магию не использовать. Вот сейчас найдем своих, и все.

Тина вспомнила про поисковую сеть и тут же ее раскинула. Для магов это заклинание было довольно трудоемким и требовало много энергии, ведьмы делали его легко и непринужденно. Увидев скопление довольно крупных огней жизни слева от себя, Тина схватила подругу за руку и показала:

— Нам туда. Это близко, локтей пятьсот, не больше.

В уме Лина похвалила себя за то, что неплохо все рассчитала, вытянула из сумочки амулет связи и активировала его.

Раздался взволнованный голос Стефана:

— Ну где вы там? Камень разрушился уже полчаса назад и мы тут ждем — ждем...

Лина быстро сообразила:

— Стойте где стоите, и приготовьтесь: мы сейчас будем удирать. Попробуйте сообразить, куда нам двигаться: на дороге в Амондиран сейчас находятся наши преследователи. Да, Стеф, магией старайся не пользоваться: у них есть маг получше тебя.

Сказав так и напугав бедного Стефана до полусмерти, она сунула амулет в карман и дернула Тину за руку:

— Пошли. Ты ведешь, я за тобой: ведь только ты видишь, куда нам надо.

Пятьсот локтей они преодолели по темному лесу на удивление быстро: Тина чуяла дорогу как обычная деревенская ведьма, всю жизнь прожившая в таком месте. Да и ночи в конце весны были светлыми, даже в лесу под деревьями можно было рассмотреть куда ставить ногу. Лина шла за подругой след в след, держась сзади за подол плаща. Когда запахло лошадьми и стали слышны тихие разговоры, ее просто затопило ликование: они справились! Первая половина дела сделана! Кольцо у нее, а она вместе со всеми!

Теперь надо только не попасться имперцам с Кавериско и вернуться в Амондиран.

Стоило девушкам выйти из-за кустов на полянку, где стояли уже оседланные лошади и толпились люди, они тут же попали в крепкие объятия членов отряда. Всем хотелось поздравить героинь и каждый стремился сделать это первым. Конечно, Ромуальду и Дамиану наемники уступили, а вот уже Стефан прорывался к своим подружкам чуть ли не с боями.

Безобразие пресекла Лина, скомандовавшая:

— Хватит лизаться! По коням!

Все тут же оказались в седлах, включая и Тину, к которой подвел коня Ромуальд лично. А вот сама Лина поняла, что погорячилась. Скомандовала-то она лихо, а вот как теперь на лошадь залезть — вопрос.

К счастью, Дамиан помнил о том, что артефакторша — слабый наездник. Он подвел девушке коня и просто закинул ее в седло. Спросил:

— Удержишься?

Она поёрзала, уселась поудобнее и кивнула утвердительно:

— Не упаду. Куда едем?

— На юг. Я сообразил, что погоня за нами пройдет по амондиранской дороге и решил, что на нее мы выйдем уже в горах на границе с Сальвинией. Думаю, там они нас ждать не будут

Говоря это, он взлетел в седло, готовясь тронуться в путь. Лина подумала, что они так и не предупредили свой отряд о новой опасности: Герарде Кавериско. Она не знала как начать, но тут Дамиан сказал:

— Поехали. Ты права, здесь оставаться нельзя. Заберемся в леса подальше, там все и обсудим.

И тронул повод.

Уже через минуту на полянке никого не осталось.

Первый час ехали по нехоженому лесу, к счастью, негустому. Затем появилась дорожка, которую можно было проследить не только на земле, но и по кронам деревьев: просвет над ней был шире. Она огибала непролазную чащобу с валунами и поваленными деревьями, а затем вела строго на юг.

По ней двигались еще час. Лину, никогда не бывавшую в лесах на севере в эту пору, удивляло, что ночь такая светлая. Дорогу было хорошо видно даже без огня, наоборот, он мешал, освещая только крошечный участок, когда все остальное пряталось в тени. Сейчас же глаза привыкли к сумраку и могли разглядеть все, что нужно.

Когда дорога вдруг раздвоилась, Дамиан покрутил головой и выбрал правое ответвление. Оно было уже и бросалось в глаза, что по нему давно никто не ходил и не ездил. Зато оно шло в сторону гор. По этому пути, вившемся между сосен и огромных валунов, скакали еще часа четыре, пока Дамиан вдруг не направил коня в лес и не сообщил во всеуслышание:

— Сейчас отойдем от дороги подальше и устроим привал. Надо же разобраться, что делать дальше.

* * *

Азильда спала у костра, разведенного солдатами, и не чуяла, какая гроза собирается над ее головой. Те тоже задремали. Им никто не велел торопиться и ушлые парни решили, что в случае чего свалят свое опоздание на плохое самочувствие госпожи. Им велели ее беречь? То-то!

Поэтому пока желудок не начал им трубить, что пора вставать, они и не шевелились. Солнце уже давно встало, но под сводами деревьев было темно, так что никто и не думал просыпаться, пока в один момент со всех не слетел сон.

Со стороны дороги появился очень злой маркиз Даригон и заорал:

— Вы что тут разлёживаетесь, мерзавцы?! Графиня давно должна была быть в крепости!

Азильда подняла голову, солдаты вскочили... Через несколько минут костер был затоптан, а прекрасная дама водружена на седо впереди своего любовника. У солдат имелась лошадь и для нее, но Даригон — младший предпочитал не отпускать свою последнюю надежду далеко от себя. К тому же в таком положении с ней можно было поговорить дорОгой.

Очень недовольная внезапным подъемом Азильда вспомнила все грехи своего бывшего

возлюбленного и совсем не жаждала с ним общаться. Но ему на ее обиды было наплевать: он хотел знать точно, является ли все еще княгиней Амондиран эта капризная дамочка или уже нет. Когда Валер чего-то добивался, он был очень настойчивым, так что вскоре Азильда сдалась и сообщила, что коварные девицы ее обманули: заставили снять драгоценность, а потом вытащили из кармана и теперь она у них. Вернее, у одной из них, такой толстухи.

Валер, услышав эту новость, чуть не заплакал. Выходит, он зря мотался дуда — сюда и искал Азильду по кустам?

Вспомнилось столь же безрадостное возвращение в Стомбир. Когда они, подгоняемые Кавериско, прискакали в крепость, девиц там уже не было. Правда, солдаты под предводительством коменданта еще не прокопали путь на башню, но маг вытащил из своей бездонной сумки амулет, повертел им и сообщил:

— Там нет никого крупнее мышей. Наши птички упорхнули и я даже подозреваю как. Кстати, — обратился он к Семпронию Северу, — С кем они прибыли в Стомбир?

Тот горестно вздохнул.

— С отрядом наемников и со слугами. Я уже посылал их арестовать, но в городе никого из них больше нет. Они и лошадей своих увели. Хорошо, наших не тронули.

— Как они отсюда ушли? — заволновался Валер.

— Кто? Женщины? Порталом, — хмыкнул Кавериско, — Моя жена защитила по ним магистерскую диссертацию. Она и вашу Азильду этим способом отсюда отправила, но я не думал, что она так хитроумна и у нее имеется столько действующих амулетов частного портала.

Он не стал объяснять, что все его поисковые штучки просто вырубались, когда Эммелина активировала портал, которым выбросила из башни Азильду. К настоящему времени все уже пришло в норму, но применять что-либо было поздно. Если они выбрались из башни не менее получаса назад, то сейчас их никаким амулетом не достанешь и не найдешь. Но отпускать Эмму он не собирался. Ему лично на Азильду плевать, не он ее упустил, не ему и отвечать. А вот жена — совсем другое дело. Она нужна ему самому, да и император заинтересован в магах такого уровня. Можно будет получить от него кучу денег за поимку столь ценной магички.

Герард Кавериско принял решение. Надо разделиться. Для начала он постарался взять в сообщники коменданта крепости. Тот был перепуган и готов на все, чтобы избежать гнева герцога Даригона и императора Сильвестра. Маг отозвал его в уголок и задушевно сказал:

— Я понимаю ваше положение. Моя жена может запудрить голову кому угодно, на то она и магистр. Ее подруга вообще ведьма, владеющая ментальной магией, и очень сильная притом, — последнее утверждение было ложью, но откуда коменданту такое знать, — Так что сердиться на вас бессмысленно, вы просто жертва обстоятельств. Виноват скорее Валер, да и герцог Даригон не подумал, оставляя тут такую приманку. Но, к сожалению, император может не принять это во внимание.

Да уж, — подумал Семпроний, — Они наделали ошибок, а расплачиваться придется ему, ни в чем не виноватому. Он лукавил сам перед собой, так как отлично знал: нарушить приказ и впустить девиц в крепость его никто не заставлял, это была его личная инициатива. Но может быть удастся списать это временное помрачение мозгов не на свой мужской орган, а на ментальную магию коварной ведьмы? Маг ему не нравился. Он сразу понял, что его жена Эмма — это и есть вожденная Амалия, но сейчас надо было думать не о бабах, а том, как спасти свою шкуру.

Кавериско тонко уловил момент, когда Север спёкся. Теперь он был готов смотреть на мага как на своего спасителя и выполнить любую его просьбу, лишь бы тот отмазал его перед императором. В этот момент Кавериско и попросил его:

— Дайте мне отряд опытных и хорошо знающих местность солдат. Я должен изловить этих девиц во что бы то ни стало. Их сможет поймать только маг, а кроме меня других магов тут все равно нет. Они сильны, но молоды и импульсивны, а я человек с огромным опытом. К тому же Эмма — моя жена. Она не может действовать мне во вред, магия ей запрещает. Могли заметить — она даже не бросила в меня заклинанием, хоть и могла.

Семпроний хмыкнул, подумав:

Ага, а ковер у тебя из-под ног она выдернула, это как?

Но вслух ничего не сказал. Был у него отряд следопытов и горных стрелков. Небольшой, всего десять человек. Они не подчинялись начальнику гарнизона, потому что были родились и выросли здесь, в Стомбуре. Вот их-то Семпроний Север решил представить в распоряжение мага. Об этом он сообщил Кавериско, а тот, удовлетворенно похлопав его по плечу, вернулся к Даригону и дал тому указание:

— Вернитесь за госпожой Азильдой и выясните подробности. Мы должны знать точно, является ли она до сих пор княгиней и где сейчас кольцо — артефакт.

О том, что, вернувшись в крепость, маркиз его там не застанет, он говорить не стал.

* * *

После нескольких часов скачки Лина даже не могла самостоятельно слезть с лошади. Хорошо, что Дамиан заметил, как она кряхтит в седле с несчастным видом, и стащил ее на землю. Там, правда, ей было не легче: и свою задницу сбила, и лошадиную спину стерла. Животное было жалко, но боль в ногах и пояснице заставляла забыть обо всем.

А еще было стыдно: она никогда никому не была обузой, наоборот, а вот сейчас... После небольшого отдыха следовало продолжить путь, а как это сделать, если один из членов отряда чуть не плачет от боли и совсем не может нормально двигаться?

Наемники не обратили на Линыны страдания никакого внимания. То ли не верили, что ей может быть так плохо, то ли стеснялись. Все же она девушка, а болит у нее очень деликатная часть тела. Бросили попону на землю и крутись как хочешь.

Зато Тина сразу все сообразила и потребовала, чтобы им с Линой выделили местечко за кустиками, куда никто не посмеет сунуть нос. Пока Роберт вместе с Дамианом разыскивали желаемое, она таскалась за ними и зудела, что за новичком надо следить, учить, поправлять посадку во время езды, а не после. А то из-за их небрежения девушка может лишиться всего своего женского естества. Тут не то что княжеской — императорской казны не хватит, чтобы компенсировать такую потерю.

Роберт посмеивался, а Дамиан принял выговор от Тины близко к сердцу. Он действительно чувствовал себя виноватым. Девчонки собой рисковали, сделали самое главное — добыли кольцо и никто из мужчин им не помогал. Так неужели они такие неблагодарные, что в простом помочь не могут: проследить, научить?

Лина валялась на попоне и была страшно недовольна, когда невесть откуда взявшаяся Тина велела вставать и идти за ней.

— Лечить тебя буду!

Вставать не хотелось, идти и того меньше. Все правильно, не на глазах же почтеннейшей публики свои окорока заголять, но больно-то как! С трудом поднялась и заковыляла вслед за подругой. Если уж Тина вспомнила свои целительские обязанности, сбить ее с этого курса не могла бы и императорская гвардия.

К счастью ведьма свое дело знала, а кроме того все ее мази и бальзамы были при ней. Лина не зря в свое время зачаровывала склянки своей соседке по комнате в общежитии: ни один флакончик не разбился, хотя тина имела дурную привычку валить их в сумку без разбора.

Она заставила бедную артефакторшу обнажить больные места и старательно втерла в них сначала заживляющий бальзам, а затем укрепляющую ткани мазь, обильно сдобрив оба средства собственной магией.

Здесь, в горах, ведьме очень нравилось: магические потоки были обильные, брать силу получалось легко и можно было не экономить. Поэтому уже минут через сорок Лина смогла встать и радостно улыбнуться: если что и болело, то не зад и не ноги. Она снова была готова сесть в седло.

— Вот, — протянула ей Тина нечто, более всего похожее на панталоны, но из чего-то очень странного, — Надень на голое тело под штаны. Я пропитала их бальзамом. Все будет заживать раньше, чем ты успеешь натереть. И пластырь на поясницу наледи, а то завтра не согнешься, не разогнешься.

Лина кротко выполнила предписание целительницы. Если упираться, с Тиной станется заорать и опозорить ее перед всеми, так что лучше натянуть эти жуткие панталоны и приклеить ужасный, старушечий пластырь. Все равно смотреть на все это некому.

Когда исцеленная Лина выбралась из их с Тиной убежища на поляну, где наемники готовили еду, то ее встретили радостными улыбками и вручили огромный бутерброд со всякой всячиной: мясом, сыром и овощами. Костер Роберт разжигать не разрешил, чтобы не выдать невзначай их убежище. Пообещал, что завтра, когда они будут уже в горах, он даст развести огонь и сварить горячую пищу.

Сидя рядышком на попоне, две подружки наелись и разомлели. Обоих потянуло в сон. И тут выяснилось, что они рано обрадовались. Роберт счел, что они еще недостаточно оторвались от возможных преследователей.

С направлением тоже определились довольно быстро: вариантов нашлось немного. Надо как можно скорее добраться до гор и попытаться их перевалить, а для этого стоит сместиться еще на юг, где империя граничит не с Амондираном и не с Гремоном. На границе между империей и Сальвинией горы становятся ниже и в них достаточно проходов, которые можно преодолеть верхом. К тому же в горах удобнее обороняться. Если залезть повыше, то нападающим трудно подобраться незамеченными.

От всех этих военных соображений у девиц головы шли кругом. Их чувства разделял и Ромуальд. Теперь, когда не было необходимости прикидываться обычным наемником, он вернул себе собственное имя, потребовав, чтобы его больше не называли Гюнтером. Хотел и титул, но тут и Роберт Данцер, и Дамиан встали стеной: пока они не вернутся в княжество, ему лучше не валять дурака, изображая из себя важного вельможу. Целее будет.

Ромуальд попытался найти понимание у девушек, но те, к его изумлению, полностью разделяли позицию советника.

Пришлось ему засунуть свои амбиции в карман и слушаться предводителя отряда. А тот велел собираться: через полчаса трогаемся. Заодно и похвалил предусмотрительность

советника. Так как они умно поступили, взяв с собой заводных лошадей, то можно продолжить путь не мешкая.

Лине заседлали другого коня и скачка началась снова. Теперь рядом с ней держался Дамиан: следил за правильной посадкой и давал указания. Лина старалась все выполнять, но на несколько часов постоянных указаний и понуканий, прибавившихся к мучениям от собственно верховой езды, ей хотелось чтобы зануда — советник уже заткнулся, желательно навсегда.

Когда солнце давно перевалило за полдень, Данцер скомандовал остановиться. Все устали, хотели есть, да и крепость осталась далеко позади. Можно было искать место для отдыха и кормежки.

Посланные на разведку по обе стороны от дороги наемники вскоре вернулись и сообщили, что нашли место для привала. Роберт расспросил обоих и махнул рукой в сторону гор. Разведчик, нашедший место, шел впереди и показывал дорогу.

Ему действительно улыбнулась удача. Глубокая расселина вывела отряд к довольно большой скрытой от глаз и окруженной скалами поляне, на которой росла густая, ярко — зеленая молодая травка. В одном месте трава была особенно темной и сочной: там со скалы стекал ручеек чистой воды.

— Все тридцать три удовольствия — сварливо пробурчала Лина, сползая с крупа своего коня.

На этот раз благодаря Тине ее попа пострадала значительно меньше, зато чувствовала она себя в целом гораздо хуже. Вчера весь день как на сцене, ни минуты отдыха, потом скачки всю ночь до утра... И разве ей дали после этого отдохнуть? Нет! Снова водрузили на лошадь и опять вперед, вперед! Сил не было уже никаких.

Точно так же обстояли дела и у ее закадычной подружки. Тина соскользнула с седла на землю и тут же улеглась прямо на траву. Ей даже есть не хотелось, только спать и чтобы все от нее отстали.

Данцер тем временем осмотрел лошину и принял решение:

До завтрашнего утра останемся здесь. Девушкам нужен лотдых, а где мы еще найдем такое отличное место? Укромно, есть вода и трава для лошадей. Разбивайте лагерь, ребята. И можете развести костер вон там, у скал: дым пойдет в сторону гор и нас не выдаст.

Опытный наемник понимал, что опасно не то, что кто-то увидит струйку дыма. В чистом горном воздухе местный следопыт ее скорее носом учует.

Тина тем временем немного оклемалась и вспомнила про их с Линой походное снаряжение.

— Лин, а где твоя палатка? Была ведь, я сама видела, как ты суешь ее в сумку.

— Ой, — обрадовалась магичка, — Хорошо, что ты напомнила.

Она жестами подозвала болтавшегося рядом с девушками Стефана и спросила:

— Стеф, ты наших с Тиной сумок не видел? Конкретно мне нужна моя, зелененькая. А тот уже давно поджидал, когда про него вспомнят, и конечно знал, где сумки. Он же их на лошадей и навьючивал. Тут же подхватился и притащил обе, заслужив поощрительную улыбку от обеих девушек.

Лина покопалась в ее недрах и извлекла на свет складной шатер цвета молодой зелени. Только вот сил его поставить у нее не нашлось. Она умоляюще посмотрела на молодого мага.

Тот все понял и побежал выяснять у Роберта Данцера: где можно поставить палатку для

девушек.

Зря Стеф так громко задавал свой вопрос: желающих позаботиться о прекрасных дамах оказалось больше, чем возможностей. К палатке тянули руки все, начиная от Ромуальда, и чуть не порвали, выхватывая из рук друг у друга. Командир прекратил безобразие, разогнал усталых, но рвущихся в бой самцов и сам соорудил временное жилище для героинь этой экспедиции.

Даже попон туда натаскал и устроил лежанки, пригласил Тину с Линой внутрь, а затем отогнал от шатра мужчин: пусть девушки спокойно отдохнут.

Он шуганул оттуда даже Дамиана, который горел желанием узнать как все прошло. Где-то через полчаса тот все же прорвался к шатру и заглянул внутрь... Лина и Тина спали как убитые. Прелестная ведьма разметалась во сне, а маленькая артефакторша спала как дитя, положив сложенные руки под щеку.

Почему-то это показалось суровому от природы советнику необыкновенно трогательным. Он поборол в себе жажду информации и вернулся к костру, на котором уже булькало какое-то варево.

Ближе к закату, когда наемники давно наелись и расползлись на отдых, девушки прервали свой сон и вылезли из шатра. У костра их дожидался Дамиан с котелком, на дне которого болтались две порции мясной похлебки. Он подозревал, что ближе к вечеру они проголодаются и не хотел упустить такой шанс узнать все из первых рук. Рядом дремали Ромуальд со Стефаном, но, услышав шаги Тины и Лины, оба продрали глаза и сели, чтобы тоже послушать историю о том, как было добыто кольцо княгини Амондиран.

* * *

Первой начала рассказ Валентина. У нее отлично получалось есть похлебку и заодно излагать свои и Линыны приключения в крепости так, как она это видела. Получалось у нее драматично и высокохудожественно. Ведьма то повышала голос, то понижала, не пересказывала слова Азильды или того же коменданта, а играла их, как заправская актриса.

Надо сказать, при этом она не старалась приукрасить свою роль, даже скорее выставляла главной героиней напарницу, но так, чтобы вызвать восхищение обеими. К тому же Тина совершенно не отклонялась от истины, что было еще более удивительно.

Лина даже заслушалась и подумала: какие же мы с Тиной молодцы!

Примерно эти же мысли были и у всех, кто сейчас слушал девушку.

Рассказав про концерт, который устроила Лина, ведьма вдруг замолчала, задумалась, а затем обратилась к подруге:

— Слушай, а я так и не поняла, зачем ты полезла на сцену ублажать этих олухов пением. Эммелина как раз доедала последнюю ложку, поэтому готова была включиться.

— Мне надо было проследить за Азильдой. Я видела, что она нервничает и крутит кольцо и подумала, что она может внезапно решиться и снять его. А вот куда денет? Мне хотелось быть уверенной, что она спрячет его на себе.

— И как? — заинтересовался Дамиан.

— Как я и предполагала. Во время особо длинной баллады она наконец прошептала формулу развода и стащила с пальца колечко. Мне даже удалось разглядеть куда она его запрятала.

Ромуальд места себе не находил от волнения. Он представлял в картинах все, что ему рассказывали, и они ему не нравились. Вдруг стало ясно, что девушки подвергали себя огромному риску, причем делали это сами. Это выставило его в нехорошем свете, и неважно, что перед ним же самим.

А когда Тина стала рассказывать про то, как Лина устроила свое выступление перед этими мужланами, князь вдруг ощутил укол ревности. К любви это не имело ни малейшего отношения, скорее к чувству собственности. Она пела для этих мужланов, которые в искусстве ни уха, ни рыла! Хотелось затопать ногами, как в детстве, но приходилось сдерживаться. Внезапно девушка сама дала ему повод придраться.

Он и так смотрел на магичку во все глаза, а тут вдруг уставился на нее в ужасе.

— Ты вытащила кольцо у нее из кармана? Потихоньку? Украла?

Лина не подала виду, но страшно обиделась. Она не стала отвечать, просто замолчала и отвернулась от князя. Вот ложись тут за этого Ромуальда костями, а он тебя еще и оскорблять будет.

Тина тоже была возмущена. Она, наоборот, воззрилась на князя с таким осуждением, что тот поёжился под ее взглядом. Дамиан вынужден был вмешаться:

— По — моему, Ромуальд, ты погорячился и сказал не то, что хотел сказать. Лина, продолжай, пожалуйста. Мы уже поняли, что госпожа княгиня сама, по доброй воле сняла свое венчальное кольцо. Очень интересно, как тебе удалось его у нее добыть.

Лина вздохнула и стала рассказывать дальше, обращаясь к одному советнику.

— При всех взять у Азильды кольцо не представлялось возможным. Я ждала момента, когда перед ужином мы поднимемся к ней на башню. Так как служанка лежала внизу, нам бы никто не помешал. Комендант понимает, что оттуда не сбежишь, и мужчин — конвоиров к своей пленнице не приставляет. Он бы и от той жуткой тетки отказался, если бы наверху сидела простая женщина, привыкшая обходиться без служанки.

— У Ази была только одна камеристка? — вдруг деланно удивился Ромуальд, — Для дамы ее положения это неприемлемо.

Он хотел снова вступить в беседу, но не знал как, вот и ляпнул глупость. Лина его демонстративно проигнорировала.

— Концерт уже закончился и мы совсем было собрались подниматься наверх, как вдруг прибежал солдат из охраны и сообщил, что приехали маркиз Даригон и, — тут она сделала драматическую паузу, — Герард Кавериско, маг. Как я жива осталась при этой вести, не знаю. У меня от страха ноги отказали. Спасибо Тине, она взяла дело в свои руки.

Ведьма перехватила инициативу, пересказав в лицах побоище в пиршественном зале. Под конец не удержалась, прокомментировала:

— Наша Линочка ничего на свете не боится, кроме своего кошмарного мужа. Да и то, мне кажется, только потому, что не имеет возможности врезать ему как следует из-за своего идиотского брачного контракта. Я удивляюсь, дорогая, как ты решилась ковер у него из-под ног выдернуть? Твой Кавериско так и полетел носом в пол.

Лина потупилась и пожала плечами.

— Я изо всех сил представляла себе, что действую против солдат, а Герарда просто выбросила из рассмотрения. Мой отец, хоть и гад порядочный, вписал в контракт слово „сознательно“. Я не могу причинять вред Герарду Кавериско ни словом, ни делом, ни помышлением СОЗНАТЕЛЬНО! Если это будет случайно, то с меня взятки гладки.

Стефан, до того слушавший молча, вдруг решил задать вопрос:

— Лина, этот твой муж, он же знаменитый артефактор. Магистр. Почему он не применил против вас ничего такого? Как я понял, он действовал самыми простыми заклинаниями, да и то... А мог всех усыпить, например, и взять вас тепленькими.

Магичка вдруг рассмеялась.

— Стеф, вспомни, чем артефакторы отличаются от других магов.

— Ну и чем? — выразил заинтересованность Ромуальд.

Магичка услышала, но ответила все равно так, как будто разговаривала со Стефаном.

— Артефакторы обычно слабые маги. Умные, знающие, даже изошренные, но не сильные. Герарду, чтобы усыпить меня или Тину, пришлось бы задействовать амулет, иначе никак. На нас защита, его сил бы не хватило. А любой артефакт, даже боевой... Чтобы его быстро задействовать, надо, чтобы он был у тебя в руке. В крайнем случае лежал в кармане. Кавериско не представлял, что встретит меня и не был к этому готов, вот и все.

Тут решила высказать свое мнение Тина:

— Но ты-то в них пульнула серьезным заклинанием, и не одним. А на то, чтобы магией сходу выдернуть ковер из-под ног целой толпы солдат, и вовсе нужны немалые силы.

Лина улыбнулась подруге и вздохнула. Она наелась и теперь ее снова клонило в сон, хотелось все бросить и уползти в шатер, но не ответить она не могла.

— Тин, ты лучше других должна знать. Я пошла в артефакторы не потому, что на другое у меня сил не хватало. Я стала учиться этой профессии потому, что меня к этому с детства готовили. Папа об этом мечтал и передал мечту мне, а Кавериско обучал на артефактора, так что когда я пришла учиться, мне специальность и выбирать-то не пришлось. Но силы у меня достаточно, не зря при поступлении мне предлагали практически все факультеты, кроме боевого.

Тут из-за спины Лины раздался голос Роберта Данцера. Он давно подошел к рассказчицам и внимательно их слушал, но до сего момента таился в тени.

— Поправьте меня, если я неверно понял. Вы, Лина, достаточно сильный маг и могли бы с успехом противостоять этому Кавериско. Но контракт связывает вас по рукам и ногам.

— Все верно, Роберт, так оно и есть, — подтвердила магичка.

— А что значит „ни словом, ни делом, ни помышлением“? Делом — это я могу понять. Словом? Предположим, вы знаете какую-то его постыдную тайну, но не можете ее выдать. Правильно?

Примерно так.

А помышлением? Значит ли это, что вы даже в уме не можете желать ему зла?

Лина горько рассмеялась.

— Нет, конечно. До такого магия еще не дошла. В душе я могу сто раз пожелать ему провалиться. Я могу мечтать о том, как бы было здорово, если бы он помер. Но пока это не обрело форму проклятия, все в пределах нормы. Имеется в виду, что я не должна строить планы против него. Попытка отправить Герарда Кавериско на тот свет чужими руками гарантированно отправит на тот свет меня.

Данцер внезапно вышел из тени, встал напротив девушек и низко поклонился Лине.

— Спасибо за ценное разъяснение. А скажите, милая моя, если в вашем присутствии кто-то будет убивать Герарда Кавериско, обязаны ли вы прийти ему на помощь?

— Интересный вопрос. Спасибо, что спросили. Нет. Если его будут убивать у меня на глазах, я всегда могу их закрыть.

Она надеялась, что расспросы на этом прекратятся, но Данцер хотел все для себя

прояснить. За время работы на Дамиана он успел познакомиться со всеми возможными врагами, кроме Кавериско и теперь желал знать, чего стоит ждать от мага. Семпрония Севера и солдат из крепости он не боялся, при наличии в команде магички и ведьмы с ними было бы нетрудно справиться. Но вот маг путал все карты. Надо было точно знать, что от него ждать. Данцер задумался и построил вопрос так, чтобы он не слишком задел чувства Лины.

— Я читал в газетах, что магистр Кавериско погиб в какой-то экспедиции. Но сейчас вижу, что он здоров и бодр. Лина, а что еще вы можете сказать про Герарда Кавериско, кроме того, что он ваш бывший муж?

Артефакторша оценила вежливость формулировки.

— Что могу сказать? Он магистр артефакторики. Маг по определению слабый, но на редкость опытный и изощренный. А еще страшная сволочь. Про нравственность он даже не слышал, слова „совесть“ в его словаре нет. Для него существует цель и он к ней идет любыми путями. Да, он очень умен и хитер, опытный интриган и просто гениальный артефактор. То, чего он не знает про нашу с ним профессию, того и знать не стоит. Я счастлива, что завершила свою работу по порталам позже, чем он якобы погиб. Что еще? Он способен выдумать и воплотить в жизнь такое, до чего нормальный человек просто никогда не додумается.

— Исчерпывающая характеристика. А какова вероятность, что погоню за вами возглавит именно он?

Внимательно слушавший Дамиан вдруг оживился и сообщил с таким видом, как будто все это время сидел и высчитывал:

— Вероятность примерно 92 процента.

Ромуальд деланно рассмеялся:

— Как тебе удалось так точно подсчитать?

Он дулся на своего советника за то, что тот взял руководство на себя и задвинул своего князя на задний план. Но Дамиан не поддался на провокацию. Произнес спокойно:

— Я сказал „примерно“. Но могу пояснить. Кого пошлют в погоню? Явно не коменданта и не градоначальника. Начальник гарнизона тоже не подходит: это не входит в их задачи. Остаются такие офицеры, как Септимий, маркиз Валер Даригон и магистр. Отряд с ними будет в любом случае. С этим все согласны?

Даже желающий казаться скептическим Ромуальд не смог возразить. Дамиан же продолжал рассуждать вслух:

— Идем дальше. Они знают, что девушки в нашем отряде владеют магией. У них в городе магов, кроме Кавериско, нет, только лекарь, да и тот плохонький. Соответственно, кто бы ни возглавил отряд, офицер или Даригон, магистр все равно идет с ними. Ничего не знаю про деловые качества уважаемого Септимия, а вот на Валера Даригона я за последние четыре года насмотрелся. Пустое место. Море амбиций и ничего за душой. Если бы он не был сыном своего отца, то давно бы милостыню на улицах просил, потому что для того, чтобы стать карманником, ему бы ума не хватило.

Князь радостно поддержал своего советника: у него сложилось о маркизе точно такое же впечатление. Это, кстати, обижало его в измене Азильды больше всего: ему, таланту и красавцу, она предпочла это пустое, хоть и смазливое место.

Данцер резюмировал:

— Против Кавериско только то, что он не занимает никакой должности. С другой

стороны, так у него руки развязаны. Я согласен с Дамианом: именно он и поведет погоню. В связи с этим: девушки, светает рано, а я планирую тронуться в путь еще до света. Чем дальше уйдем, тем больше у нас шансов. На чужой территории имперцы нас ловить побоятся. Не знаю, остановит ли это господина магистра... В общем, всем спать!

Это уже был не намёк, а прямое указание. Девушки радостно убрались в шатер, так как хотели спать просто ужасно. Дамиан не стал их задерживать. Вопросов у него осталось много, но ответы на них можно было получить и завтра.

* * *

Магистр Кавериско, договорившись с комендантом крепости, не остался в ней дожидаться, пока ему соберут отряд, а отправился в местную гостиницу, чтобы осмотреть номера беглянок. Там могло остаться нечто, что способно было навести его на мысль.

Но в шикарном трехкомнатном номере, который занимали фальшивая госпожа ар Дотцель и ее компаньонка, не нашлось ничего интересного. По запаху удалось определить, где какая женщина спала, но этим достижения и ограничивались.

В сундуках все вещи были возмутительно новыми. Похоже, пошиты они были перед самой поездкой: некоторые даже никто ни разу не надевал. Материала для поиска тоже не было: ни волоска, ни ногтя, ни капельки крови. Даже нестираной рубашки не нашлось: прислуга в гостинице работала не за страх, а за совесть.

Недовольный Кавериско спустился в трактир и заказал себе подогретого вина. Пока на кухне суетились, в дверях появился человек. Увидев мага, он удовлетворенно кивнул и направился к нему:

— Вы господин Кавериско? Я Мирон Лещ. Меня прислал вам на помощь господин Север, здешний комендант.

Мирон Лещ понравился магу с первого взгляда. Немолодой, но и не старый, лицо хорошенько пропеченное солнцем и провяленное на ветру, глаза умные, хитрые, да и телосложение не подкачало: крепкий мужик, что твой дубовый пенёк. Если он и есть здешний следопыт, то такому Кавериско согласен доверять. В пределах его компетенции, конечно. Но с подобным опытным и башковитым типом поимка Эммы и ее сволочной подруженьки из мечты прямо на глазах превращалась в реальность.

Ну наконец что-то положительное! И он, широко улыбнувшись, приветствовал того, кто был прислан ему в помощь.

Лещу господин магистр понравился значительно меньше, чем он сам магистру. Во — первых Мирон, как большинство жителей империи, не любил магов. А во — вторых, Кавериско вообще не располагал к себе людей, если только специально не задавался этой целью и не использовал амулеты очарования. Естественно, они были повсеместно запрещены, но когда Герарда это останавливало?

К тому же для обоих недостатков личной симпатии не означал отсутствие рабочего взаимопонимания. Если магом двигало множество разных, но одинаково сильных мотивов, то у Леща мотивация была проста и понятна: деньги. По сути он был наемником, только не состоящим в гильдии, а работающим по заказам одного — единственного человека, от которого полностью зависел: коменданта Семпрония Севера.

Но если деньги способны обеспечить преданность этого человека, заставить служить

своим интересам не за страх, а за совесть, Кавериско был готов платить. Если, кроме того, что за двух сильных в магическом плане женщин он получит от императора неизмеримо больше, еще и Эммелину вернуть удастся, то овчинка стоит выделки.

Он не испытывал нежных чувств к жене, слова „любовь“ в его словаре отсутствовало. Но вот поквитаться с ней хотелось. Столько лет она от него бегала, столько лишила. А ведь она была ему нужна, просто жизненно необходима. Кавериско чувствовал, как уходят его силы, как все ближе подкрадывается старость, а вместе с ней и та, которую лучше вслух не называть. Только Лина могла дать ему новые жизненные силы.

Ради этого стоило хорошо платить, ради этого имело смысл даже терпеть неприязнь Мирона Леща.

Он широко улыбнулся следопыту и для начала спросил:

— Мне нужно найти и поймать женщин, которые приехали в Стомбир издалека, останавливались в этой гостинице, а затем сбежали. Сможете мне помочь?

Лещ замялся и тогда Кавериско добавил небрежно:

— По два золотых империиала за каждый день работы вам, по пол — империиала вашей команде, а в случае успешной поимки получите тысячу на всех. Деньги разделите на тех, кто останется в живых к концу похода.

Это решило дело. Услышав о таком отличном куше, Мирон переменял свое мнение о маге, он даже стал казаться ему симпатичным, представительным господином.

Кавериско не пожалел о том, что пообещал следопыту такие большие деньги. Тот начал с места в карьер:

— Господин, дамочки приехали сюда не одни. С ними были слуги и отряд наемников для охраны. Как только красотки смылись, мы отправились арестовывать наемников и слуг, а их и след простыл. Причем эти ребята знали, что девицы собираются линять: их уже чуть ли не с утра не было на месте.

— А их вещи? Лошади? И на чем-то дамы приехали? Где их экипаж?

— Карета сломалась на въезде в Стомбир несколько дней назад и сейчас стоит у каретного мастера. Я понимаю, вы ищете что-то для магического поиска. Так вот: в ней от них ничего не осталось, все вычистили. Вещей наемников тоже нет, как и лошадей. Вообще в доме, который они нанимали, все выглядит так, как будто там никто не жил. Идеальная чистота, полный порядок и пусто, как в заброшенном храме. — А лошади?

— Были на выгоне, затем их увели. Куда — я пока не выяснял. В лес, думается. Хотите — могу найти следы и сказать, куда они подались. Но это утром. По темноте я не работаю.

Маг задумался. А нужно ли ему бегать по лесу, разыскивая следы неизвестно кого? Может, стоит применить логику? Куда может податься беглая жена? Если вспомнить, кто был заинтересован в кольце княгини, на этот раз она прибыла из Амондирана. Туда же и должна будет вернуться! А если так...

— Не стоит, господин Лещ. Если мы погонимся за дамочками и их охраной по следам, то рискуем опоздать. Они наверняка постараются скрыться за границей. А граница у нас идет по горам. Правильно?

— Это вы верно заметили, господин, — согласился Мирон.

— Ну вот и отлично! Туда ведь всего одна дорога? По дороге быстрее будет, нежели без нее. Там мы их и встретим.

Данцер действительно поднял всех на рассвете, только трогаться в путь не спешил. Для начала созвал всех, кто мог что-то в этом понимать, и предложил сказать хотя бы примерно где они находятся. Карту-то еще на подходах к империи Дамиан умудрился сжечь.

Просьба поставила мужчин в тупик. Горы — вон они, а более мелкие подробности... Как-то казалось, что и так все будет ясно, определятся прямо на местности, но чем дальше, тем все становится более расплывчатым. Надо уходить сквозь горы в Гремон, а уже оттуда пробираться в княжество, потому что там и склон пологий, и погоня туда двинуть не рискнет. По карте смотрели — вроде проходов не меньше трех, но вот где они?

Пока шли дебаты, девушки умывались у ручейка — водопада, затем вернулись к шатру и начали складывать вещи, прислушиваясь к разговору. Когда наемники и наниматели зашли в тупик, Лина вдруг влезла в из круг и протянула Роберту свернутый в рулон кусок тонко выделанной кожи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это что? — с удивлением спросил предводитель отряда.

— Карта, — со вздохом пояснила девушка, — Обыкновенная магическая карта нашего континента. Разворачивайте и смотрите.

На весу оказалось неудобно, Данцер расстелил карту прямо на траве. Наемники, Дамиан и Стефан с Ромуальдом сгрудились вокруг. Но когда кусок кожи размером с четверть обычной простыни был развернут, у всех вырвался вздох разочарования. Это действительно была карта всего континента, от Цветочного мыса на западе, рядом с которым процветала Афросилая, до побережья таинственной Саории на востоке, про которую писатели сочиняли всякие ужасы, потому что никто о ней ничего не знал.

Стомбир при таком масштабе было не разглядеть, а Амондиран изображался одним не очень большим кружочком. Как по такой карте можно что-то разобрать?

Один Стефан смотрел на это безобразие с благоговейным восторгом. Он-то сразу понял что это такое. Еще бы правильное заклинание вспомнить.

Лина протолкалась сквозь плотный круг мужчин и опустилась на колени рядом с картой.

Ну до чего же непонятливые! Слушать надо внимательно: карта зачарованная. Где то, что вам надо рассмотреть повнимательнее? Здесь?

Она положила свою маленькую ладошку на горы в окрестностях Стомбира и в то же мгновение вся карта изменилась. Теперь она показывала как раз нужное место, да еще в таких подробностях!

Горы со всеми вершинами, хребтами и расселинами, дорога со всеми изгибами и мостами, ручьи и речки, поселения и развалины — на этой волшебной карте было изображено буквально все. Лина задумалась, а затем что-то прошептала и щелкнула пальцами. На карте возникла красная точка.

— Мы здесь, — сказала она.

Тут уж все встали на колени, стараясь рассмотреть, куда их занесло.

Как ни странно, они не слишком-то удалились от Стомбира. Дорога, которой они до сих пор придерживались, шла не по прямой. Сначала они здорово забрали на юго — восток, а потом вернулись к горам. Но тут в земли империи выдавался небольшой хребет, который

они все это время старательно объезжали, да так полностью и не объехали. Выходит, целые сутки скачки дали им незначительную фору.

— Эх, — резюмировал Дамиан, — Нам бы раньше эту карту, еще в Стомбире. Мы бы лучше подготовились.

— Там ее нельзя было доставать, — со вздохом сожаления пояснила Лина, — сильный артефакт, ее бы живо засекли.

— А откуда она у тебя такая? — поинтересовался Стефан.

— Откуда- откуда... Сама сделала. У Кавериско была аналогичная, а я срисовала и плетение скопировала. Давно, еще до университета.

— Значит, и у него такая есть? — заволновался Данцер, — А наши передвижения он по ней отследить не может?

— Надеюсь, что нет. Я старалась, чтобы ни одной частички ему для таких час не осталось, ни волоска, ни даже нестираной тряпочки. А без частицы того, кто ему нужен, поисковик не замутить.

— Ага, — влезла откуда ни возьмись появившаяся Тина, — Мы на этот случай все проверили. Плохо только, что и мы Кавериско отследить не можем. Лин, по — твоему, он за нами погнался?

— Должен был. Только он хитрый, так что у себя на хвосте мы его вряд ли увидим. А вот впереди по курсу...

— О чем это ты?

— Ну как же... Мы дали здоровый крюк, а он, насколько я его знаю, будет нас караулить на главной дороге.

Она ткнула пальцем в карту.

— Если мы хотим перейти границу где-то в районе гор, то нам ее не миновать. Даже если мы по ней не пойдём, пересечь все равно придется. А двигаться отсюда на юг, чтобы обойти горы и пробраться в Сальвинию, нет ни малейшего смысла. там селений и крепостей с солдатами больше, чем редиски на огороде. В первом же населенном пункте нас повяжут.

Пока Лина говорила, Данцер внимательно изучал лежавшую перед ним карту. Наконец он принял какое-то решение и тронул девушку за руку.

— Я все отлично рассмотрел, понял и запомнил. Убирай. Значит так: сейчас завтракаем и возвращаемся на ту дорогу, по которой двигались раньше. Там впереди, насколько я понял, развалины какого-то поселения. Отличный ориентир для нас. К тому же мы приблизимся к месту, от которого отходит весьма подходящее ущелье. По нему течет довольно полноводная река, через нее на большой высоте перекинут мост. Если пойдём по берегу, господин Кавериско на своей главной дороге останется у нас над головами и за спиной. Правда, там дальше есть места, по которым лошади вряд ли пройдут...

— Ничего, Роберт, — обрадовалась Лина, — мы и пешком... А лошадок отпустим. Егс Светлость ведь компенсирует их стоимость?

Ромуальд хотел напомнить, что вся эта история и так влетела ему в хорошую сумму, но понял, что это будет более чем неуместно. Лучше предстать перед девушками человеком щедрым, это более приличествует таланту.

— Ну конечно, новые лошади за мой счет. Главное — без потерь добраться до Амондирана.

Лина тем временем свернула карту и снова засунула ее в свою сумку. Затем пошарила в ней и вытащила здоровый кошель, который протянула остановившемуся рядом с ней

Дамиану.

— Вот. Тут боевые амулеты, стандартные и усиленные. Потом некогда будет их разыскивать. Отдайте Роберту, пусть он поделит их между наемниками. Только, — она оглянулась и сделала заговорщическое лицо, — Ромуальду не давайте.

— Почему? — удивился советник.

Ему казалось, Лина относится к князю более лояльно, чем все остальные.

— Убьётся, — убежденно вымолвила магичка.

Дамиан взял кошель и от души улыбнулся Лине. Почему-то подобная оценка Ромуальдовых талантов именно этой девушкой была ему приятна. Но надо было отдать кошель Данцеру и проследить, чтобы парни получили нужные амулеты и знали, как ими пользоваться. Он нашел глазами Стефана и сделал тому знак подойти: маг должен был научить наемников работе с боевыми артефактами. Не девушкам же этим заниматься.

Лина тем временем подошла к подруге, которая сердито навьючивала сумки на лошадь. Около Тины тёрся Ромуальд. Ушлая ведьма заставила-таки его работать: он подавал ей предметы, держал что-то на весу или затягивал очередной ремень по ее команде. Лина сдержала улыбку. Наконец кто-то пристроил это бесполезное создание к делу.

Красавец — князь вился вокруг Валентины, пытаясь так или иначе дотронуться до нее, погладить по руке, обнять за талию... В его родном городе или в любой цивилизованной местности уже давно пошли бы в ход цветы, конфеты, рестораны и дорогие подарки, но здесь, в лесу, ухаживать было труднее, а ведьма держала себя неприступно.

Тине Ромуальд не нравился с самого начала и она не собиралась менять о нем свое мнение. Таких самодовольных красавчиков она априори считала никуда не годными. Но, как любая ведьма, была убеждена: даже кажущиеся бесполезными предметы можно заставить приносить пользу. Нужно только знать как взяться за дело.

Сейчас Лина могла наблюдать результаты педагогических усилий подруги. Ромуальд только что не прыгал на задних лапках как учёный пес в цирке. По крайней мере слушался ведьму беспрекословно. Еще несколько таких уроков и он начнет в самом деле приносить пользу.

Завидев подругу, Тина скомандовала:

— Теперь помоги Лине. Ей тоже нужно заседлать коня и приторочить к седлу сумки.

Магичка вздохнула с облегчением. Князь обязан был уметь седлать лошадей, а она их пока побаивалась. Вчера у нее был практически первый опыт верховой езды, до этого Лина передвигалась по миру или порталами, или в дилижансе. Хорошо еще, что в ее гардеробе нашлись удобные штаны. В дамском седле по горным дорогам такое расстояние она бы не проехала.

Но ехать — это одно, а вот ухаживать, седлать и расседлывать — другое. Об этом она не имела ни малейшего понятия. Вчера этим занялся кто-то из наемников, сегодня ей поможет Ромуальд. Глядишь, так до конца путешествия и обойдется без обучения этому искусству. Пусть она уже скормила своей лошадке две горбушки, но все еще ее побаивалась.

Князь не стал возражать. Усвоив, что с Лины взятки гладки, он переметнулся к Тине. Вчера у него не было случая поухаживать, зато сегодня он собирался взять реванш за все предыдущие неудачи. Тина ведьма, а это значит, ей нужен мужчина. Почему этим мужчиной не может быть он, Ромуальд? Кто здесь красивее него или более родовит? А его слава художника и музыканта?

Он пообещает прекрасной ведьме написать ее портрет и сочинит романс в ее честь.

Портрет — дело будущего, а романс он может сочинить уже сейчас. Вот сядет в седло и начнет... Если все время будет видеть перед собой тонкий профиль и летящие по ветру темные волосы, то к следующему привалу все будет готово. Неужели Валентина не оценит?

Единственное обстоятельство, которого он побаивался, было то, что он уже успел подъехать к Лине. Девушки подруги, она могла рассказать об этом, что снижало шансы Ромуальда. С другой стороны женская дружба — это соперничество, разве не так? А значит Тине должно быть лестно, что ради нее он покинул ее подругу.

С этими мыслями он закончил седлать коня Лины и помог ей на него сесть. Прикасаясь в процессе к ее плотному, будто литому телу, вдыхая запах сдобы и корицы, он почувствовал сожаление, что эта женщина не будет ему принадлежать. Потом перевел взгляд на ее подругу...

Ну почему эти женщины не могут обе быть его? Каждая из них ему нравится и они такие разные, такие непохожие друг на друга...

От этих размышлений его отвлек Данцер, который уже вскочил в седло и всем своим видом демонстрировал, что отстающих жать никто не будет.

* * *

Мирон Лещ оказался сущим сокровищем. Герард Кавериско в душе не переставал благодарить коменданта, что сосватал ему этого замечательного человека. И команда подобралась на славу: два сына Леща, такие же следопыты как папенька, четверо охотников из Стомбира, отлично знающие все здешние тропы, трое стрелков — снайперов и один долговязый, унылый, полусонный парень, про которого Мирон сказал, что у него нюх как у собаки. Кроме того, его бабушка была ведьмой. Сам парень колдовать не может, но магию чувствует очень тонко и может засечь ее издалека.

Кавериско согласился, что это ценное свойство, характерное именно для ведьм. Самому ему для работы на расстоянии требовались специальные артефакты.

Заводных лошадей брать не стали: поездка не предполагала быть длительной. И потом, табун без должного присмотра может шумом привлечь внимание беглецов. Кавериско желал все сделать чисто, а главным фактором в этом деле полагал внезапность.

Бодрым шагом они доехали до того места, где была найдена Азильда. Ведьмин внук сделал знак остановиться, обошел место по кругу, принялся и сообщил:

— Тут была только одна женщина. Она душится дорогими духами. Взялась неизвестно откуда, а потом ее увезли в сторону Стомбира. Да, еще тут сильно пахнет незнакомой мне магией. Просто в нос шибает.

Только одна? — переспросил магистр.

Парень кивнул, не желая больше тратить слов, и вскочил в седло. При всем своем сонном виде действовал он быстро, ловко и умело.

— Как тебя зовут, умник? — поинтересовался маг.

— Маркус, — буркнул нюхач.

Кавериско ему, впрочем, как и всем остальным, не нравился, но работодатель не должен нравиться. Он должен платить за работу, вот и все. А Маркус сейчас показал ему класс., так что теперь его будут звать не „эй, ты!“, а по имени.

Дальше дорога забирала круто вверх, так, что чудом казалось, что по ней ездили телеги

и даже кареты, следы чьих колес намертво отпечатались в камне. Мирон Лещ пояснил. Когда дорога была оживленной, наверху стояла лебедка, приводимая в движение силой падающей воды. Примерно в том месте, где нашли Азильду, лошадей выпрягали, подцепляли повозку крюками и втаскивали наверх, а коней вели в поводу. С тех пор как торговля с Амондираном заглохла, лебедку разобрали.

Действительно, через час подъема показался полуразрушенный домик. Около него дорога становилась почти ровной. За домиком виднелись остатки огромного колеса вроде мельничного: видимо, остатки движителя старого подъемного механизма.

Немного дальше дорога поворачивала и шла теперь не в горы, а вдоль них. Еще через пару часов показался перекресток.

Мирон Лещ махнул рукой вперед:

— Туда — в Сальвинию. А если вам нужно в Амондиран, то это направо.

— Моим сбежавшим красавицам нужно в Амондиран, — задумчиво произнес маг, — Но я не уверен, что они воспользуются именно этой дорогой. Нет ли других?

— Маркус?! — махнул рукой Лещ и парень стёк на землю, — Посмотри, женщины тут были?

Долговязый сделал круг, принохиваясь, затем сказал безразлично:

Тут как минимум месяц никого не было, ни женщин, ни мужчин.

Лещ кивнул и хотел было дать сигнал ехать дальше, но магу надо было посоветоваться.

Поэтому весь отряд расположился на кратковременный привал, тем более что тут дорогу пересекал очередной ручей и можно было набрать воды, умыться и напиться. Кавериско же отвел следопыта в сторону.

— Как думаете, куда они могли двинуться?

Мирон в задумчивости почесал затылок.

— Все зависит от того, как они выбрались из крепости. Если слезли по стене и сейчас пробираются пешком, то мы оставили их далеко за спиной. Тогда имеет смысл сесть здесь и ждать: рано или поздно дамочки выберутся на дорогу, никуда не денутся.

Мысль старого следопыта Кавериско не понравилась.

— Выбросьте это из головы: у них был отряд наемников с лошадьми.

— Думаете, наемники не сбежали и они с ними встретились? Сомневаюсь. Я видел следы: парни уехали еще утром, а девицы слиняли ближе к закату. Знаете как?

— Думаю, порталом. Они же магички. Вернее, магичка одна, вторая ведьма.

Почему-то на магичку Лещ не прореагировал, а вот при упоминании ведьмы испугался.

— Ведьма? Мы охотимся на ведьму? Что же вы сразу не сказали?

— А это имеет значение?

— Еще какое! Если парни об этом узнают, половина повернет назад. Они ведьмам боятся.

Кавериско хладнокровно возразил:

— Значит, они не должны об этом узнать. Тем более что ведьма эта нестрашная. Скорее целительница, чем что-то еще.

На лице Мирона отразилось сомнение, но он промолчал. Тысяча золотых — хороший куш. Он сам в пекло не полезет и сыновей не пустит, а если что-то случится с остальными, можно будет все свалить на мага и вытрясти из него компенсацию побольше. Он же обманул и не сказал, что там будет ведьма.

Когда-то, много — много лет назад, маги и ведьмы бежали из империи, а солдаты по приказу императора их ловили, не давая уйти за кордон. Несмотря на прошедшие с тех пор

годы в Стомбуре еще жива была память, как город чуть не был стёрт с лица земли. Прямо в городке трех сильных ведьм чуть было не схватил отряд императорской армии. Дамочки сидели мирно и завтракали, а солдаты окружили трактир и их командир приказал женщинам сдаться. В результате военные полегли все, а также погибли многие горожане, особенно те любопытные, которые желали посмотреть, как будут ловить ведьм. Ну, и дома в центре пришлось отстраивать заново. Остались ли в живых те три ведьмы, история умалчивала, но, судя по тому, что об их гибели ничего не говорилось, наверное остались и даже ушли невредимыми.

Так что магов стомбирцы с тех пор просто недолюбливали, а ведьм откровенно боялись и уважали.

Каверско между тем достал из сумки продолговатый футляр, испещренный рунами, и вытащил из него рулон тонко выделанной кожи. Сидевший поодаль Маркус оторвался от своего бутерброда и уставился на странный предмет. Почуял магию? Скорее всего.

Герард развернул кожу и продемонстрировал Лещу карту, точно такую, какая имелась у Лины. Быстренько вызвал то место, где они сейчас находились, прищелкнул пальцами и прошептал заклинание, чтобы определить свое место красной точкой и предложил:

— Покажите, как вы представляете себе путь наших беглянок.

У Леща глаза разгорелись. Ему бы такую вещь! Все видно как на ладони. Маг не отдаст конечно, а украсть у него вряд ли получится. Мирон с сожалением вздохнул, но затем быстро взял себя в руки и всмотрелся в нарисованное. Поразмыслил чуток и выдал диагноз:

— Если они, как вы предполагаете, верхом и с отрядом, то здесь их ждать бесполезно. Если они, конечно, не полные дуры.

Кавериско насмешливо хмыкнул.

— Ну, Валентина Скарель, может быть, и не ума палата, но моя жена точно душой никогда не была. Даже в детстве. Так куда, по — вашему, они подались?

Мирон тряхнул кудлатой головой.

— Верхом они могли двинуться только на юг. На север им ехать бесполезно, да и глупо: на этом пути их увидят и схватят. Там полно деревень и люди встречаются чуть не на каждом шагу. А южнее Стомбира предгорья, где никто не живет. И так много лиг, почти до самой границы с Сальвинией, где кончается горный хребет. Там снова поля, сады, люди, а еще город и крепость Камбра, побольше нашего Стомбира будет.

Лещ водил по карте заскоружлым пальцем и восхищался: стоило дотронуться, как на карте как живое возникало то, о чем он говорил. Маг отвлек его от этого приятного занятия.

— Им не надо в Сальвинию. Они идут в Амондиран. Как бы вы действовали на их месте?

Он сумел-таки задать правильный вопрос. Мирон весь подобрался, представив себе, что за ним погоня, и на лице его, быстро сменяя одна другую, отобразилась целая гамма чувств и мыслей. Затем он снова ткнул пальцем в карту.

— Думаю, они для начала пошли на юг. Вот сюда.

Он повел пальцем по лесам, кругом обходя длинный и широкий, испещренный расселинами отрог горного хребта.

— Но затем им нужно будет вернуться к горам, раз их путь лежит в Амондиран. Значит, они где-то тут переночуют, — он ткнул в участок, лежавший довольно далеко от дороги, а потом постараются все же пробраться в горы. Хребет не такой уж высокий и непроходимый, перевалы, хоть и заброшенные, без дорог, но имеются. На лошадях, конечно, пути нет, но

пешком до этого вашего Амондирана за декаду дойти можно. Ну хорошо, за две, раз уж там девицы. Все же силы у них не мужские и скорость должна быть ниже.

Каверско, который все это время внимательно слушал, вдруг резко спросил:

— Где? Где они могут пересечь эту дорогу и уйти в горы?

Лещ снова почесал в затылке:

— Местность они, скорее всего, не знают. Если бы шел я, то... Вот смотрите. Видите: здесь развалины древнего храма и остатки поселения? А еще, гляньте, река. Я бы пошел вдоль по берегу. Наша дорога построена так, что все реки и ручьи, стекающие с этих гор, ее пересекают. Только они текут вниз, по ущельям, а мы поедем поверху, через мосты, и увидим воду далеко у себя под ногами.

Кавериско задумался:

— Река. Ты сказал река. Она одна?

— Нет, конечно! Рек и ручьев тут великое множество, особенно сейчас, в конце весны и в начале лета. Зато мостов всего пять. К вечеру мы выедем к самому ближайшему.

Хищная ухмылка исказила физиономию мага.

— Мы увидим, как мои курочки приближаются?

Лещ расплылся в улыбке:

— А как же! С высоты все отлично видно, причем заранее. Предлагаю нам с вами окопаться на среднем мосту, а ребят расставить по остальным. Как кто-то из них заметит внизу ваших крошек, он прискачет и сообщит, а заодно даст команду всем собраться.

План магу понравился. Он одобрительно похлопал следопыта по спине и сказал:

— Так и сделаем. Собирай людей и вперед.

Действительно, когда солнце собралось за горизонт, отряд достиг первого моста на дороге в Сальвинию. На этом месте оставили двоих, предупредив, что тот, кто первый заметит беглецов, получит награду. Кавериско предпочитал не запугивать, а покупать своих людей, так они больше стараются.

На втором мосту опять остались двое.

Третий мост, самый большой из-за того, что в ущелье, которое он пересекал, текла широкая и полноводная для горной река, Мирон Лещ выбрал в качестве стоянки для себя, мага и сыновей. Но вредный Кавериско отправил одного из его мальчиков дальше, а вместо него оставил Маркуса.

А все потому, что унылый парень вдруг принялся и махнул рукой куда-то вниз и влево:

— Там еду готовят. Жгут костер и варят кашу с мясом.

Маг хищно усмехнулся. Малышка может не суетиться: он ее скоро поймает и тогда ей придется подписать новый контракт, уже на всю, пусть и недолгую, жизнь.

* * *

Развалины появились перед беглецами внезапно. Только что ничего не было, и вдруг за очередным поворотом открылась небольшая логовина, в центре которой высились камни, явно обработанные человеческой рукой. Они образовывали правильный квадрат. А еще вблизи можно было разобрать, что в тех местах, где их покрывает мох, прячутся руны незнакомой письменности.

Даже хорошо подкованная Лина смогла сказать только, что язык, скорее всего, драконий. Но вот построили ли храм сами драконы или люди, которые им поклонялись, она определить не смогла.

Зато Тина чувствовала себя почти счастливой. Это было место силы и она просто купалась в чистой энергии. Ее подруга даже немного испугалась: в такие моменты ведьма становилась как пьяная: хохотала без причины и приставала к мужчинам.

К счастью, это заметила не только Лина, но и Роберт Данцер. Первоначально он планировал остановиться возле развалин, а теперь скомандовал ехать дальше. Невменяемая ведьма его попросту пугала. Так что привал сделали у реки. Она оказалась широкой, но неглубокой. Роберт сначала не хотел ее пересекать, но затем увидел на другом берегу удобное место для стоянки и велел своему отряду перейти реку вброд.

Особо храбрые не стали слезать с седел, а просто переехали широкий поток верхом, за что один из наемников чуть не поплатился жизнью. Под ногой коня здоровый камень вдруг перевернулся и бедное животное рухнуло в воду, придавив своей тушей ногу седока.

Двум другим парням, уже переехавшим реку, пришлось, привязав коней, возвращаться и помогать приятелю. К нему бросился и Стефан. Левитировать лошадь он бы не потянул, но сумел чуть — чуть приподнять, чтобы вытащить застрявшую между камней ногу парня.

Лина хотела на него закричать, чтобы не использовал магию, а потом махнула рукой. Она каким-то шестым чувством уловила, что теперь это уже не имело значения. Оставалось положиться на судьбу и делать все, чтобы Герард не смог торжествовать. Ускользнут — значит ускользнут, а если встретят Кавериско и его людей — придется драться. Его она ударить не сможет, а тех, кто ему служит — пожалуйста.

Падение одного из членов отряда, хоть и закончившееся относительно благополучно, не прошло даром. Упавший парень потянул ногу, его лошадь охромела и нуждалась в лечении.

После инцидента с наемником Данцер велел всем спешиться и переходить реку пешком, ведя коней в поводу. Ромуальд который отлично держался в седле, хотел покрасоваться и проигнорировать указание командира, но Дамиан живо вернул его с неба на землю. Подъехал и зашипел в самое ухо:

— Перед девочками в другой раз повыпендриваешься, а сейчас выполняй приказ командира!

Хорошо еще затрещину не дал! Ромуальд вдруг почувствовал, что здесь никакой он не князь, а его лучший друг вовсе не всегда стремится принять его сторону.

Пришлось засунуть княжеский гонор в карман и покориться. Рядом через реку шли девушки, только они на него не смотрели, занятые своими лошадьми и своими мыслями. Ему стало грустно и одиноко. Даже сочиненный по дороге романс в честь Тины наполовину вылетел из головы.

Но когда отряд расположился на привал и ведьма вдруг занялась готовкой, Ромуальд устроился рядом. Глядя на Тину, он вспомнил забытые слова и тихонько запел. А она, все еще не отошедшая от опьянявшей ее силы, слушала и таяла на глазах.

* * *

Лина не стала мешать подруге и вертеться на глазах у князя. Сама виновата: никто не заставлял ее врать Ромуальду. Отошла от лагеря и устроилась на берегу реки, подложив под

себя свернутый плащ. Ей хотелось побыть одной. Во время скачки собственное тело мешало ей думать, а поразмыслить было над чем.

Кавериско в ее первоначальном плане не было. Его она не учла. Если бы не он, им было бы просто убежать. В отсутствии других магов их с Тиной способности были огромным преимуществом. Кавериско сводил это преимущество на нет. Тина целительница и к бою не приспособлена. А сама она не может использовать против него магию. Вилы!

Ее раздумья были прерваны советником. Дамиан подошел совсем неслышно, сел рядом и промолвил:

— Лина, мне вот интересно...

— Интересно что? — откликнулась она.

— Ты ненавидишь магистра Кавериско и даже не скрываешь этого, хоть до сих пор числишься за ним замужем. Я понял, что он плохой человек. Но что он сделал конкретно тебе? Он тебя бил?

Лина помолчала немного, а затем произнесла фразу, от которой Дамиан чуть не свалился в реку:

— Он меня ел.

— Ел? Я не ослышался?

От улыбки девушки советнику вдруг стало холодно и страшно.

— Ты не глухой, а у меня хорошая дикция, так что ты услышал все правильно: ел.

— Но как? Он что, вампир?

Лина пустила горький смешок.

— Почти. Ты же знаешь, вампиров не бывает, это все детские сказки. Но маг может, например, через ведьму тянуть силу и этим свести ее в могилу.

— Он из тебя...

Она отрицательно замотала головой.

— Все было совсем не так. Я-то не ведьма.

— Ты не расскажешь?

Девушка сначала сидела молча, но потом вдруг встрепенулась.

— Почему не расскажу? Если хочешь, слушай. Только придется тебе кое-что объяснить.

Ее голос звучал глухо, но твердо.

— Ты наверное знаешь, что у каждого мага есть магический резерв, откуда он черпает силу для заклинаний.

Дамиан утвердительно кивнул.

— Но ты, наверное, не знаешь, что у каждого человека вне зависимости от наличия магического дара есть резерв жизненной силы, причем у мага этот резерв ничуть не больше, чем у обычного человека. Когда он бывает исчерпан, человек умирает.

— Но маги живут в разы дольше обычных людей!

Она задумчиво кивнула.

— Верно. Они могут пополнять свой жизненный резерв за счет магического. Ты должен был слышать про такие истории: маг израсходовал на колдовство весь свой магический резерв, залез в жизненный и чуть не умер. Так бывает в критических ситуациях, но в обычной жизни энергия течет в обратном направлении. Поэтому маги и живут долго, и чем сильнее маг, тем дольше его жизнь. Но даже самые сильные маги не вечны.

Последнюю фразу Лина произнесла столь многозначительно, что Дамиан в тревоге спросил:

— Это ты к чему сейчас?

— Объясняю про Кавериско. Ты его видел? Нет? Он уже стар даже для мага, особенно если учесть, что силы у него не так много. Он давно должен был умереть, а вместо этого живет и неплохо выглядит.

Дамиан смотрел на Лину с ужасом.

— Он пил твою жизненную силу? Но, по — моему, это невозможно!

Лина пожала плечами.

— Почему невозможно? Ты слышал про магию крови? Она повсеместно запрещена, но тем не менее чуть не каждый год появляются те, кто пытается ее практиковать. Убивают простых людей и выпивают их жизненный резерв. Для этого есть специальные ритуалы. Слабые маги таким образом ищут возможность продлить себе активную жизнь. Их ловят и уничтожают, но и пример не останавливает новых желающих.

У Дамиана в голове все перемешалось и не желало складываться в картинку.

— Ты хочешь сказать... Но Кавериско...

— Ты прав. Он не пошел по этому пути, слишком хитрый и осторожный. Он решил забирать жизненный резерв у мага, ведь у нас в молодости он легко восстанавливается и можно брать еще и еще. За время, пока я была его ученицей и ни о чем не подозревала, он создал артефакт, чтобы качать энергию жизни из живого, неповрежденного тела. Моего тела. Я потом разобралась, что и как он делал: амулет был настроен только на меня и должен был работать при..., — девушка внезапно замаялась и покраснела, затем взяла себя в руки и закончила фразу уверенным, твердым голосом, — При сексуальном контакте. Для того он и женился.

Дамиан попытался представить себе нечто подобное и ему чуть не стало дурно. Вот почему эта женщина так жестко держит дистанцию с мужчинами. При таком опыте удивляться не приходится.

— Ты поэтому сбежала...

Лина услышала в голосе Дамиана понимание и ее как прорвало.

— Да, поэтому. Молоденькой девочке, только вступившей в брачный возраст, в принципе неприятно лечь в постель со стариком. Но это бы я перенесла. А вот то, что он забирал мою жизнь... Такого ни простить, ни оправдать нельзя. Это был такой ужас... Как будто из тебя высасывают все соки. Как будто все, что в тебе есть: кости, мышцы, нервы, органы — все стало жидким и вытекает из тебя, как из прохудившегося сосуда. После каждого раза я две декады лежала пластом. Уже много времени прошло, но как вспомню...

Она передернулась и побледнела. Дамиан хотел прижать ее к себе и успокоить, но не решился. Вместо этого спросил:

— Но почему он к тебе привязался? Мог бы сделать другой артефакт, настроенный на другую...

Лина расправила спину и заговорила с горечью:

— Вряд ли. Не так-то это просто. Он на мой потратил три года, находясь все время от меня в двух шагах. Там столько ограничивающих условий... Где ему взять другую магичку — девочку для такого дела, да еще такую, которую отдали бы ему в полную и безраздельную собственность, пусть на время? Это мой отец был идиотом, а другие родители девочек с даром такого старого козла близко бы не подпустили. Он вытянул из меня много силы и подсократил этим мой век, но больше я ему не дам.

Она поднялась на ноги и прижала к груди крепко сжатый кулачок. Произнесла, глядя

прямо перед собой:

— Если Герард меня все-таки поймают, то это будет последнее, что он сделает в этой жизни. Пусть я умру, но и он жить не будет.

Лину трясло. Казалось, еще минута, и она сорвется в истерику. Она выговорила, но все равно не смогла успокоиться, слишком сильна была боль и слишком велика угроза. Советнику было ясно, что она не тот человек, чтобы орать, рыдать и биться. Но выплакаться ей надо. Дамиан поднялся, приблизился к магичке и обнял ее, прижал к себе, стал гладить по волосам и спине, приговаривая:

— Поплачь, поплачь, девочка, тебе станет легче. И не бойся — я не дам тебя в обиду. Мы не дадим. Эта сволочь сдохнет раньше, чем дотронется до тебя хоть пальцем.

Его слова как будто открыли невидимую заслонку: из глаз девушки потекли слёзы. Она прижалась к груди мужчины и поливала его рубашку, пытаясь спрятать свое лицо. Лине одновременно было стыдно, что она как дура разревелась при постороннем, и приятно, что советник так воспринял ее слова.

Она не обольщалась: когда дойдет дело до схватки, у мага перед обычным человеком всегда будет огромное преимущество, даже у такого, как Кавериско. Его можно задавить количеством, но для этого нужна сотня, хорошо, минимум полсотни людей. Один Дамиан ничего не сможет противопоставить магии, да и весь отряд в полном составе тоже.

Надежда только на Тину и на Стефана. На Тину больше. Она, конечно, по специальности целительница, существо в основном доброе, но если ведьму разозлить, то даже страшно себе представить, что она может наворотить. Тут главное самим в живых остаться.

А Дамиан... Что он может против магии?

Но несмотря на то, что Лина видела ситуацию в истинном свете, желание Дамиана защитить, помочь тронуло ее до глубины души. Она все это время видела в нем ум, организационные способности и прочие добродетели идеального руководителя, а сейчас вдруг он открылся ей совсем с другой стороны. Тот, кого она считала суровым, расчетливым и по большому счету бездушным, был совершенно нормальным человеком, не чуждым благородных порывов и светлых чувств. Не нужно было быть магом — менталистом, чтобы понимать: Дамиан вполне искренне ей сочувствует.

Советник же прижимал женщину к своей груди, ощущая, как стекают по ее щекам на его рубашку горячие слёзы, и в душе поднималось что-то такое, чему он сам не мог найти названия.

Он отошел от костра и отправился за Линой именно потому, что не мог смотреть на бурный флирт Ромуальда с красавицей — ведьмой. Тина понравилась ему еще тогда, когда он ничего о ней не знал. Кроме красоты, в ней он видел то, что соответствовало его представлениям об идеальной женщине.

С молоком матери Дамиан всосал представление о женщине как о существе слабом и нежном, нуждающемся в защите, которую он, мужчина, должен ей предоставить.

До недавних пор ему казалось, что под это определение подходит Тина. Образ, который она создавала, как раз соответствовал представлениям советника об идеале. Нежная, хрупкая, недалёкого ума, зато ласковая и страстная, и это в сочетании с выдающейся красотой. Просто совершенство.

Только вот несмотря на постоянно отыгрываемую роль легкомысленной глупышки, Тина оказалась существом значительно более неуязвимым, чем ее с виду такая сильная

подруга.

Так что золотистый флёр очарования, окружавший молодую ведьму, в глазах советника практически померк и растворился. Теперь он гораздо лучше видел настоящую Тину и ее очарование с каждым днем действовало на него все меньше, что пугало и злило советника. Он и от костра отошел для того, чтобы не видеть, как красавица разрушает созданный им образ, беззастенчиво флиртуя с князем, которого она даже не уважала. В последнем у советника сомнений не было.

Дамиану никогда раньше не приходилось иметь дело с ведьмами и он не знал, что это за птички и с чем их едят. Изящная, хрупкая, восхитительно беззащитная Валентина Скарель оказалась вооружена против превратностей судьбы значительно лучше, чем целый отряд императорской гвардии. Сама слабость в Тинином исполнении была всего лишь ловушкой для раззявивших рот на ее прелести мужчин. Операция по добыванию Ромуальдова родового артефакта показала это как нельзя лучше.

Лина до этого момента казалась ему скорее сгустком интеллекта и воли, в ней не было места мягкости, слабости. Она не нуждалась в защите, скорее была готова защищать сама. Ромуальда, например.

И тут она внезапно из железной барышни и великолепного профессионала на его глазах превратилось в существо гонимое, страдающее, но стойкое, достойное сострадания и восхищения. Когда она сказала, что готова умереть сама, чтобы не дать Кавериско торжествовать, у Дамиана болезненно сжалось сердце. Впервые в жизни он подумал: а так ли важно, чтобы женщина была слабой и беззащитной, если в девяноста процентах случаев это все равно игра? Возможно, мужчине больше подойдет та, кто может встать с ним рука об руку?

* * *

Лина не дала ему долго задумываться. Минута слабости закончилась, слёзы высохли и она оторвалась от груди советника. Он поразился, как качественно артефакторша справилась с собой. Глаза чуть припухли, это верно, но в остальном никак нельзя было заподозрить, что девушка только что дала волю эмоциям и рыдала как малое дитя.

Она дернула Дамиана за рукав.

— Пойдем, там уже должны были приготовить поесть. И прости, я что-то расслабилась. Не говори никому, что я ревела, ладно?

Дамиан сжал ее маленькую ладошку в своей.

— Договорились. А ты успокойся: мы что-нибудь придумаем.

С этими словами они вышли на полянку у реки и увидели, что диспозиция изменилась. Ромуальд, видимо, все спел и перешел к более активным действиям, а ведьме это не понравилось. Сейчас она гоняла его по полянке, размахивая пустым мешком из-под муки и шипела, как змея. Совершенно не готовый к такому князь бегал от нее и уворачивался, но, судя по обсыпанной мукой спине, не слишком удачно.

Удивительно, что оба не забывали о конспирации и носились по полянке практически молча. Еще вчера Роберт прочел всем лекцию о правилах поведения в горах и велел не шуметь, так что и Ромуальд, и Тина старались как могли. Еще удивительнее было то, что все наемники и Стефан оставили князя наедине с ведьмой и даже не пришли полюбоваться на

забавную сценку. Их тихие голоса и всхрапывание лошадей доносились с речки, с той стороны, откуда они пришли. Видно, Роберт Данцер сообразил и отправил свой отряд ухаживать за конями. Пусть князь сам разбирается со своей красоткой.

Он-то думал создать Ромуальду благоприятные условия для ухода, но что-то пошло наперекосяк. Иначе почему ведьма стала гоняться за пылким любовником с грязным мешком наперевес?

Тина, увидев подругу, остановилась, опустила свое оружие и стала объяснять:

— Ты представляешь, он ко мне полез! Вот прямо допел свою дурацкую песенку и давай хватать за части тела! Белым днем, при всех! Совсем стыд потерял! А мы еще ради его дурацкого кольца жизнью рисковали! Было бы ради кого!

Несмотря на то, что ведьма говорила тихо, почти шептала, ее голос раздавался над полянкой как набат.

Ромуальд перестал убегать и теперь осторожно отряхивался от муки, косясь на ведьму: вдруг ей вздумается снова его погонять.

Дамиан застыл как изваяние. В сущности, сцена вышла безумно смешной, но настолько неожиданной и странной, что смех просто застревал у советника во рту, а глаза сами лезли на лоб.

Зато Лину открывшаяся картина несколько не удивила. Она плюхнулась на попу и закрыла лицо руками. Можно было подумать, что она снова рыдает. Но когда отмерший наконец Дамиан опустился рядом с ней на колени, чтобы успокоить, то понял, что девушку душит смех.

Тина вдруг замолчала и внимательно обзрела подругу и советника. Затем лицо ее изменило выражение с возмущенного на таинственно — задумчивое и она отбросила мешок в сторону. Следующая реплика полетела в сторону затаившегося в кустах князя:

— Ладно уж, вылезай, так и быть. И зови людей, еда давно готова.

Стрельнув еще раз глазами в сторону Дамиана, она развернулась и, покачивая бедрами, устремилась к реке.

Лиана, вытирая с лица слезы, выступившие уже от смеха, подскочила к стоявшему прямо на поляне без всякого костра котелку и принялась. Подруга была права: похлебка уже сварилась. Несмотря на запрет на магию Тина умудрилась закольцевать какой-то поток, идущий через почву, и сделать так, чтобы он грел воду.

Умница. При такой методике энергия не выплескивалась в пространство, а именно по выбросам силы их мог засечь Кавериско. Но Тина решила, что дым костра — более существенный признак, а ловить их будут в основном люди без дара.

Тем временем Дамиан подошел к вылезшему из кустов Ромуальду и спросил на ухо:

— Что это только что здесь было?

— Не знаю, — жалобно заблеял тот, — Я спел Тине новый романс, а когда она сказала, что он очень мил, обнял ее за плечи и предложил сложить в ее честь еще хоть целый десяток. Только вот сидеть было неудобно, поэтому я неловко повернулся, стал заваливаться и совершенно машинально схватился за... Ну, в общем, за Тину. Никогда не думал, что это изысканное создание в единый миг превратится в разъяренную фурию. Остальное ты видел.

Дамиан покачал головой. Как всегда, Ромуальд поторопился и был настолько неловок, что разозлил готовую сдать даму. Проклятие, что ли, над его князем? Никак у него личная жизнь не желала складываться. Конечно, пустоголовых красоток, мечтавших залезть в постель к Ромуальду всегда было полно, но вот романтического художника и музыканта они

интересовали только как разовые приключения. Он с юности мечтал о даме с умом и душой, а такие от него шарахались как демоны от заклинателей. Даже глупая Азильда не прониклась чувствами к своему идеально красивому, богатому, знатному и знаменитому на весь белый свет мужу.

Судя по заданному вопросу, Ромуальд размышлял о том же:

— Дамиан, что со мной не так? Почему они все меня отвергают? Я же не урод какой-нибудь, не сволочь, не хочу их обидеть, наоборот...

Советник вспомнил, как горели глаза у Тины, когда он оставлял их с князем. Ему тоже казалось, что она не прочь, а вот поди ж ты...

— Может, ты находишь неудачные место и время? Прости.

У Ромуальда действительно был талант заводить ненужные разговоры в неудачные моменты. Вот как сейчас. Князь хотел поговорить о девушках, а к ним с советником как раз подошла Лина с похлебкой, которую увлеченный своими переживаниями Ромуальд попросту не заметил. Зато увидел Дамиан.

Он забрал протянутые ему и князю две миски и повел друга на бережок, туда где до этого сидел с магичкой. Кажется, настало время поговорить. Только по дороге успел спросить Данцера:

— Когда мы выдвигаемся?

Тот потер переносье.

— Попозже, друг мой, попозже. Торопиться не стоит. Солнце должно опуститься ниже и тени стать длиннее. Тогда под их прикрытием мы сможем подойти к дороге и мостам достаточно близко и увидеть, ждут нас там или нет.

— У вас есть конкретный план?

— Планов несколько и выбор зависит от того, что мы там увидим.

Дамиан кивнул и догнал Ромуальда, который уже нашел удобное место для разговора. Ровно то же, где еще недавно сидела Лина. Он встретил друга вопросом:

— У тебя опять нет времени меня выслушать?

А ведь точно. Почти на протяжении всей экспедиции Дамиан избегал задушевных разговоров с Ромуальдом. Он их и в обычное время не жаловал, считая пустой тратой времени, а в условиях, когда требовалась строжайшая конспирация, взял обыкновение просто затыкать князя, объявляя, что сейчас на это нет времени. Но тут уж было не отвертеться, поэтому он ответил с усмешкой:

— Для разнообразия есть. Роберт сказал, что мы выходим позже. Так что говори, что хотел. Опять тебя девушки не любят?

Ромуальд иронию проигнорировал.

— Вот смотри: Лина с самого начала была со мной милой и доброй. Конечно, она не потрясающая красавица, зато у нее другие достоинства. Ум и всякое такое... Мне казалось, что я ей нравлюсь. Но когда я попробовал с ней...

— Ты к ней лез?

Дамиан был в шоке. Приставать к женщине — главному исполнителю в твоей игре, которая может стоять тебе не только княжеского венца, но и жизни! Этого он не мог понять.

Ромуальд смутился.

— Ну, не то чтобы лез. Еще там, в Стомбире, в гостинице, в первый день я попытался с ней поговорить...

Дамиан прекрасно себе представлял, как Ромуальд в этих случаях разговаривает.

Вломился к девчонке и попробовал завалить в кровать. Но не стал напрямую упрекать князя, все равно дело уже сделано, не исправишь. Спросил только:

— Ну и как?

— Никак. Сначала она отвечала на мои поцелуи и была непрочь... Но вдруг оттолкнула меня и отвергла. Выгнала.

А вот это уже интересно.

— Чем мотивировала?

— Сказала, что ей нельзя. Что по контракту с этим Кавериско она должна хранить ему верность. Вроде если она нарушит, то умрет в мучениях.

— Ну вот, она тебе все объяснила. Вряд ли найдется девушка, готовая рисковать жизнью ради времени, проведенного с тобой в постели.

Ромуальд поднял на друга свой коронный взгляд больного олененка:

— Она врала! Врала! Я сразу почувствовал! Просто я ей не нужен. И сейчас то же самое Тина была так возбуждена, она просто пылала. Она же ведьма, ей нужен мужчина, а она уже столько времени одна. Но стоило мне просто попробовать... Ты видел, что получилось. У меня такое чувство, что она отказала лично мне! Будь на моем месте ты, Стеф или даже любой из наемников, реакция была бы другой. Они не хотят лично меня! Что это? Азильда меня прокляла, как думаешь?

Дамиану ничего не оставалось, как пожимать плечами, пытаюсь успокоить друга.

— Ну что ты, Ром, не надо так. Не переживай. Девчонки просто очень ответственные, причем обе. А для профессионала в процессе выполнения заказа любовная связь с заказчиком неприемлема. Так что потерпи. Вот вернемся в Амондиран, там продолжишь свои ухаживания.

— А если не вернемся?

Вопрос Ромуальда почти выбил Дамиана из колеи. Он и сам об этом думал, вернее, начинал и тут же гнал вредную мысль прочь. Но сейчас его долг требовал вселить в князя уверенность в благополучном исходе дела, поэтому он преувеличенно спокойно сказал:

— Вернемся, куда денемся. Так вот: когда уже будем дома, обрати внимание: не стоит таких девушек сразу, без подготовки тянуть в кровать. Они не шлюхи и не придворные искательницы богатых мужей. Их любви имеет смысл добиваться.

* * *

Похлебка давно была съедена, разговоры переговорены, а Данцер никак не командовал трогаться с места. Дамиана это страшно нервировало и он решил провести небольшое совещание. Так, чтобы язык размять и отвлечься.

Для начала предложил Роберту озвучить свои варианты плана. Вдруг кто-нибудь придумает что-нибудь более практичное.

На совещание он позвал мага и обеих девушек. Лина приняла участие, а Тина наотрез отказалась.

— С этим — к нашей Эммелине. Это она у нас, не продумав, шага не сделает. Я девушка спонтанная, сама не знаю, что в следующую минуту учиню. А уж планы строить просто ненавижу: все равно все срывается не так, как задумано.

Такой ответ советника не удивил. Он и предложил-то просто для проформы. Зато

Данцер, услышав ответ ведьмы, рассмеялся. Тина ему нравилась, но звать ее на совещание он считал глупостью. Хорошо, что девушка сама также думает. Он бы и князя не стал звать, но тут уж делать было нечего: тот вовсе не был с себе так самокритичен, как легкомысленная ведьма.

Когда Роберт, Дамиан, Стефан, Ромуальд и Лина собрались в кружок, начальник отряда выложил им свои соображения. Очень скоро впереди должна была показаться главная дорога, та, что вела вдоль гор в Сальвинию, вернее, в город Камбру на границе. Если их стерегут, то только там.

С моста хорошо видно, что творится внизу, поэтому Роберт и ждал второй половины дня. Солнце садится за горами, поэтому в это время тени будут скрывать беглецов, если они себя ничем не выдадут. Трудность состоит в том, чтобы разглядеть тех, кто будет их высматривать с дороги.

Лина вздохнула и призналась, что у нее есть с собой подзорная труба. Положила в последний момент, просто так, на всякий пожарный. Нет, она не магическая, самая обыкновенная. Если Роберт сумеет ею воспользоваться, она будет только рада.

А если он увидит на дороге тех, кто их караулит? Что тогда?

Данцер прищурился, как бы сомневаясь, готовы ли его спутники услышать то, что он сейчас скажет.

— С того места, к которому я вас веду, должны быть видны все пять мостов. Крайние — плохо, но благодаря Лине у нас есть подзорная труба и мы сможем разглядеть, все ли мосты охраняют.

Дамиан сразу понял, куда клонит Данцер.

— Предлагаете идти под тем мостом, где нет охраны? А если охрана есть на каждом мосту. К тому же... вы уверены, что везде можно пройти?

Командир отряда грустно вздохнул.

— Не уверен. Про два моста это точно известно, а про три других сведений нет. Поэтому я предлагаю обманный маневр. Если на дороге нас ждут, я смогу увести погоню.

— То есть нам придется разделиться? — сразу все поняла Лина.

Роберт кивнул.

— Да, и боюсь, что больше мы не встретимся. А еще нам придется увести всех лошадей и вы пойдете через горы пешком.

— Хорошо, что мы заранее об этом узнали, — прокомментировал Дамиан, Такой маневр не провести без подготовки. Что вы предлагаете, Роберт?

Данцер рассказал свою идею и Дамиан отметил, что не зря из всех предложений выбрал именно этот отряд и этого предводителя. Все было продумано до мельчайших подробностей. Пока сам Дамиан и все остальные восхищались лининой картой и ее возможностями, Роберт изучал местность и применял к ней свой многолетний опыт, чтобы разработать пути для успешного бегства. В пути он имел возможность все обдумать и сейчас излагал все сжато, сдержанно, но очень точно.

— Пройдем вперед вдоль речки примерно до очень большого камня или скалы, как кому нравится. Оттуда уже должна показаться дорога. Осматриваем ее через трубу и фиксируем, где и сколько людей нас караулит. Если на дороге никого нет, продолжаем движение вдоль реки верхом и уходим в горы настолько, насколько удастся. Там отпускаем коней и дальше идем пешком вплоть до самого Амондирана.

— А если нас ждут? — переспросил Ромуальд.

— Значит, выполняем обманный маневр. Я со своими людьми выеду на открытое место так, чтобы нас увидели, затем мы повернем на юг и поскачем вдоль дороги. За последним мостом лигах в двадцати есть возможность на нее выбраться, и не одна. Туда мы и направимся. Торопиться не будем, пусть думают, что нас обыграли и мы их не заметили. Наша задача — увлечь за собой погоню.

— А мы? — поинтересовалась Лина.

— А вы пешком и скрытно, по кустам, подберетесь к самой дороге. Тогда вас с нее невозможно будет засечь. Главное не шуметь. Добрались — двигаетесь к ближайшему мосту, под которым можно пройти. Если считать от Стомбира, то это третий и четвертый. К тому времени должно стемнеть, так что действуйте осторожно, не торопитесь. Не повредите ноги, они вам понадобятся. Как пересечете дорогу, дуйте вдоль речки в сторону гор. Там можно укрыться в кустах или в подлеске. А когда вы удалитесь лиги на три, вас даже орел не увидит.

* * *

После этого начались споры. Никому не хотелось разделять отряд и разлучаться. Ромуальд твердил что как выехали все вместе, так все вместе и должны вернуться. Но чем больше он шумел, тем становилось яснее, что другого выхода просто нет. Вступать в открытый бой с людьми императора на его земле — чистое самоубийство. А воинов на лошадях не заметить может только слепоглухонемой.

Наконец князя уговорили и решение было принято. Началась подготовка. Нужно было решить множество мелких практических вопросов: как распределить еду, вещи и оружие, как пешим тащить в горы то, что сейчас везут лошади, как сделать так, чтобы преследователи не поняли, что девушек нет в отряде.

Проще всего решился вопрос с оплатой Данцеру и его команде. Дамиан просто вытащил из-за пазухи конверт, в котором лежал уже подписанный аккредитив королевского банка Гремона, и вручил его Роберту. После того, как почти пятьсот лет назад гремонский король, опасаясь банкротства собственной страны, слил воедино несколько готовых рухнуть банков и поставил туда управление от короны, это было надежнейшее финансовое учреждение Девяти Королевств. Так что наемники могли не бояться: свои деньги они получают обязательно.

Для отвлечения внимания Кавериско и создания видимости, что девушки и их спутники не покинули отряд, решили изготовить чучела. Все равно все едут в плащах, а в сумерках никто не разберет, человек это или нечто неживое. Главное чтобы количество сошлось.

Идея всем понравилась и парни Данцера рьяно взялись за дело, скручивая одеяла, покрывая их плащами и водружая на заводных лошадей. Лина с Тиной пошептались, после чего артефакторша достала из сумочки моток тесьмы, нарезала из него ленточки длиной в локоть, а затем обе девушки устроились друг напротив друга и начали зашептывать получившиеся кусочки. Затем повязали их на чучела и радостно захихикали. На вопрос Дамиана что все это значит, Лина ответила:

— Кавериско наверняка раскинет следящую сеть, так вот, нужно, чтобы он увидел в этих чучелках живых людей, а нас как таковых не воспринял. Мы снабдили ваши изделия временной аурой. Теперь издалека даже маг не поймёт, что он не живые. Подождите, сейчас

сделаем следующую партию, это уже для нас с вами.

— Чтобы не увидели?

— Вы догадливы, советник, — фыркнула девушка.

На следующую порцию ленточек она сначала брызнула из какого-то пузырька. Резко запахло горелым, но в ту же минуту вонь развеялась. После чего девушки зашептали и эти тряпочки, а затем раздали их тем, кто пойдет с ними в горы: Дамиану, Ромуальду и Стефану. Мужчины последовали их примеру и повязали ленточки на шею.

— Ну вот, — констатировала Лина, — теперь примерно сутки маги нас будут принимать за мелких животных. Вряд ли Герарда заинтересует группа сусликов или горных сурков. Чучела же в магическом зрении минимум сутки будут представляться живыми людьми.

Данцер восхитился предусмотрительностью и искусством ведьмы и магички. Он никогда не полагался на амулеты, опасаясь, что они могут в любую минуту отказать, а предпочитал старую добрую сталь. Но эти девчонки были так убедительны... И, надо сказать, их амулеты работали ровно так, как было обещано. Он пообещал себе, если все закончится благополучно, найти девиц в Амондиране и прикупить у них полезных предметов побольше, выбив на правах старого друга скидку.

Самым сложным оказалось разделить еду и оружие. Особенно еду.

До Камбры отряд Данцера мог добраться дня за три — четыре, а перевалить через горы пешком меньше чем за две декады и думать было нечего. Значит, отряду Дамиана и еды нужно больше, но как ее утащишь на своем горбу?

Лина с Тиной живо развеяли все сомнения, на глазах у почтеннейшей публики затолкав большую часть припасов к себе в саквояжи. У Роберта даже рот открылся от изумления. Он же не знал, что в этих небольших дорожных баулах есть вход в некое таинственное измерение, куда можно напихать хоть целый склад. Дамиан же уточнил:

— А еда там не испортится за столько дней?

Лина беззаботно махнула рукой.

— Там нет времени, а значит, нет и никакой порчи продуктов. Есть только один минус: достать что-то из моей сумки могу только я, а из Тининой — только Тина.

— А у вас там много всего? — заинтересовался Роберт.

— Полно. Мы все, что из домашних вещей могло пригодиться, туда выгребли. Так что и чашки, и ложки, и кастрюли, и мука, и одеяла с перинами у нас с собой найдутся.

Данцер сунул нос в темноту саквояжа, который Лина держала на руках раскрытым, ничего там не увидел и спросил:

— А как вы их там ищете?

— Очень просто, — улыбнулась магичка, — Надо представить себе нужный предмет как можно лучше и сунуть руку в саквояж. Он сразу ткнется тебе в ладонь.

— Полезная вещь, — пробормотал наемник, — А мне такую сделаете? Потом как-нибудь.

Лина виновато покачала головой:

— Сожалею, но нет. Такой штукой могут пользоваться только маги и ведьмы. Хотя... Отличная идея! Заезжайте ко мне года через два, постараюсь придумать, как это могут использовать обычные люди.

Дамиан тем временем взял в руку один из саквояжей и взвесил: ничего необычного, умеренно тяжелый. После чего он решительно засунул волшебную вещь в заплочный мешок.

Баул там отлично помещался.

Это значило, что можно было не тащить на себе громоздкие и тяжелые сумки. Все добро, которое они собирались взять в горы, отлично упихивалось в саквояжи девушек, размеры которых позволяли мужчинам поместить их в заплечные мешки и нести с удобством. При этом у всех освобождались руки. В горах отсутствие тяжелой поклажи и свободные руки могли стать важным условием выживания. А то, что не приходилось отказываться ни от еды, ни от мелких удобств давало надежду, что они переберутся в Амондиран здоровые, целые и невредимые

Наконец все было подготовлено. Тени к тому времени вытянулись достаточно, чтобы скрыть движение отряда. Роберт Данцер скомандовал трогать и один за другим беглецы покинули место стоянки. Двигались медленно, осторожно. Через два часа Роберт остановил отряд около огромного камня, до середины перегородившего речку. Такую глыбу легко можно было назвать и скалой.

Командир вытащил из седельной сумки отданную ему Линой подзорную трубу и полез на камень. Дамиан, еще ничего не понимая и не видя, стал карабкаться следом. Данцер осторожно выставил трубу наверх и тихим голосом позвал советника:

— Смотрите: все, как я и предполагал. Отсюда отлично видны все пять мостов и на каждом можно рассмотреть как минимум двоих. Нас ждут.

Он сунул подзорную трубу Дамиану, чтобы тот тоже мог посмотреть. Что же, опытный наемник верно рассчитал действия противника.

Через трубу отлично были видны высокие белые арки мостов. Крайние были как в тумане, но даже так советник разглядел на них людей.

— Значит, вариант с обманным маневром?

Данцер вздохнул.

— К сожалению да. Надеюсь, у нас все получится, ведь мы отлично подготовились, спасибо девушкам.

— Каким путем посоветуете идти?

Роберт забрал подзорную трубу и снова оглядел местность.

— Я бы на вашем месте не стал валять дурака и покидать берега этой речки. Смотрите: если будете держаться зарослей, то сможете скрытно подойти к дороге между третьим и четвертым мостами, а там... Не знаю, что спрятано за четвертым мостом, но отсюда видно: за третьим заросли продолжают на каком-то протяжении. Да и по карте судя это самое выгодное направление. Там вполне можно перебраться через горы, не будучи опытным скалолазом.

Дамиан согласился с доводами наемника. Он не так уж хорошо запомнил карту, но мнению Данцера в этом вопросе можно было доверять. А тот вскользь заметил:

— Только пусть девчонки не отдадут князю кольца до прибытия в Амондиран, а то снова приключения начнутся.

Советник от таких слов чуть в воду не свалился. С оценкой Ромуальда Дамиан был согласен на все сто, но, оказывается, он только сейчас подумал о том, где находится артефакт, за которым они, собственно, и ездили. Выбравшись из крепости, Лина сказала, что все в порядке, и он выбросил этот вопрос из головы. Сейчас ему было ясно, что у девушек кольцу княгини безопасней всего. Небось тоже в пятом измерении держат, там, куда чужому вход заказан.

Они с Робертом слезли со скалы и доложили остальным обстановку. Кажется, все уже

приняли ту мысль, что отряду суждено разделиться и споров больше не возникло. Данцер дал последние указания:

— Идите прямо сейчас. Осторожно, на открытые места не выходите. Дорога тут видна отовсюду, так что не заблудитесь. А мы сместимся левее, к четвертому мосту, и покажемся этому вашему Кавериско. Вроде как вышли к дороге, увидели преследователей и теперь думаем, что делать. Дадим им время снять караулы, затем поскачем на юг. Но не по прямой, а так. Чтобы они нас то видели, то нет. Это их задержит и отвлечет. А вы тем временем чешите прямо к дороге и ныряйте под третий мост.

Девушки подъехали к командиру наемников и расцеловали его в обе щеки, уверяя, что он всегда будет желанным гостем в их домах. За ними с наемниками попрощались князь, советник и маг. Затем они соскочили на землю, Дамиан и Стефан забросили за спину мешки с саквояжами, и маленький отряд пеших путников углубился в заросли.

* * *

Ждать пришлось долго. Почти сутки Кавериско с Лещом торчали на мосту, по очереди вглядываясь в раскинувшуюся перед ними панораму. Беглецов как корова языком слизала. Если бы они ехали так, как говорил старый следопыт, должны были давно появиться поле зрения. Даже если двигались скрытно, все равно, их должны были выдать хотя бы потревоженные птицы, тем более что предгорья заливал яркий свет и любое движение сразу хорошо было заметно опытному глазу следопыта. Но все было тихо.

Когда солнце перевалило за горный хребет и тени опустились на долину горной речки, Лещ досадливо плюнул.

— Смотрю, они у вас хитрые, ждали, небось, когда солнце частично за горы уйдет. Сейчас по теням можно хоть целую армию у нас под носом провести.

Кавериско с гордостью достал из бездонного кармана огромную лупу в расписанной рунами оправе. Похвастался:

— Моё изобретение. Даже не маг, глядя через этот занятный артефакт, может увидеть наличие живого. Укрыться от взгляда можно только за природным камнем, а лес и кусты помехой не являются. Держи и смотри: если это люди, ты увидишь довольно большие... ну как тебе объяснить? Звездочки или огоньки. Такие яркие и желтые.

Мирон выхватил лупу у мага из рук и через нее воззрился на окрестности. Сначала молчал, вода головой туда — сюда, затем спросил:

— А маленькие синенькие огонечки — это что?

Кавериско взял у него из рук лупу, глянул и сказал насмешливо:

— Грызуны какие-нибудь. Красные — хищники. Лошади, коровы — зеленоватые. Наши беглецы скорее всего едут верхом, так что ищем группу из людей и коней.

Сзади к магу и следопыту подобрался Маркус. Заглянул через плечо, ничего не увидел и попросил:

— А дайте и мне взглянуть.

Мирон хотел было шугануть парня, но Кавериско протянул ему лупу:

— Взгляни, может, что и увидишь. И вообще, сейчас ты будешь караулить, а мы с твоим начальником пойдем отдохнем. Если что заметишь — подойди и скажи тихо. Не шуми тут.

На лице Маркуса отобразилось презрение к умственным способностям нанимателя.

Зачем объяснять очевидные вещи?! Но сказать это вслух парень не решился, мало ли что у этих магов на уме. Он кивнул и занял пост у парапета.

Поначалу принаравливался к лупе и пытался отыскать соответствие между тем, что она показывала и тем, что он видел невооруженным глазом. Опытным путем установил, что мелких пичужек и зверьков размером с мышь лупа не видела. Зато выдру или енота показывала как мелкий синий фонарик. Такими же, кстати, оказались в магическом стекле вороны и другие крупные птицы, только оттенок фонарика сменялся на фиолетовый. Но вскоре Маркусу стало скучно. Он устроился у парапета, отложил в сторону лупу и достал свои немудреные припасы. Караулить и заодно грызть что-нибудь вкусненькое вроде вяленого мяса или козьего сыра было веселей, чем просто тупо пялиться вокруг.

Да и зачем себя ограничивать? Смотреть не отрываясь не имело смысла, он собирался поглядывать на происходящее внизу каждые десять минут.

Прошло почти два часа. Маркус удобно разлегся на парапете моста и жевал припасённые кусочки, поглядывая время от времени на окрестности через волшебную лупу, но не видел ничего достойного внимания. Он уже решил, что так близко к вечеру никто не появится, как внезапно все изменилось. Вдалеке загорелась целая группа огоньков. Такая, как надо — желто — зеленая. Молодой нюхач вспомнил объяснения мага: всадники с лошадьми. Маркус пересчитал их всех и потёр руки: одиннадцать человек, а лошадей вдвое больше. Они!

Он первый их заметил, а значит, ему полагается награда.

Парень вскочил с парапета и ринулся к кустам у съезда с моста, под которыми разил свой бивуак Кавериско.

Маг удобно устроился на одеяле и спал, подложив под голову седло. Рядом дремал Мирон Лещ. Поодаль лошади жевали овес из подвязанных к мордам торб. Картина дышала миром и спокойствием.

Маркус ехидно усмехнулся, предвкушая, как сейчас нарушит идиллию и испортит нанимателю сон, затем наклонился к Кавериско и зашептал театральным шепотом:

— Господин маг, господин маг! Кажись, они тут! Я их видел!

Вмиг оба спящих мужчины вскочили на ноги, как будто и не спали вовсе. Что Мирон на такое способен, Маркусу было известно, но от мага он этого не ожидал. Такого нанимателя можно было даже немного уважать.

— Где? Покажи! — потребовал Кавериско.

Маркус подвел его и Мирона к своему смотровому пункту и вручил лупу:

— Смотрите. Одиннадцать человек и вдвое больше лошадей. Они?

Кавериско глянул, лицо его растянулось в довольной усмешке и он хлопнул парня по плечу.

— Молодец, как тебя там, Маркус! С меня награда! Как думаешь, что они собираются делать?

Долговязый нюхач пожал плечами. С того момента, как он побежал звать начальство, светящиеся точки не сдвинулись ни вправо, ни влево. Выходит, стоят, совещаются. Он так и сказал:

— Откуда я могу знать, если они сами пока не определились? Видите, стоят, разговаривают. А выхода у них два. Или уйти вдоль реки в горы, или прорываться вдоль дороги к Камбре. Второе вероятнее: с таким табуном им в горах делать нечего.

— Гляжу, ты соображаешь, — промолвил маг, — Тогда другая задача. А если бы тебе

надо было срочно переправить нечто маленькое, но очень ценное через горы?

— А они знают о том, что мы их ждём здесь, на дороге? — уточнил парень.

— Думаю, знают.

Мирон сверкал глазами и делал Маркусу страшные морды. Видимо, у него было свое решение загадки, но озвучить его, когда маг спрашивает другого, он не решался. Нюхач поразмыслил и выдал:

— Опять возможны два варианта. Или они решат, что безопасней будет не разделяться и отправятся быстрым аллюром в Камбру, или... Все поскачут, чтобы отвлечь погоню на себя, а трое — четверо сойдут с лошадей и двинутся в горы пешком.

— Какой хороший, умный мальчик! — восхитился Кавериско, — У тебя случайно дара нет? Нет? Очень жалко. Такому головастому парню грех сидеть в заштатной дыре. Тебе надо учиться, малый. Был бы магом, я бы вязал тебя в ученики.

Такого Маркусу никто никогда не говорил. Его вообще недолюбливали и часто обзывали уродом и придурком. Даже Мирон, который ценил его талант ищейки, не видел в парне других достоинств. А заезжий маг оценил то, что Маркус считал самым важным в себе — ум! За это он готов был в лепешку разбиться ради Герарда Кавериско. Ему даже не пришло в голову, что слова немного значат, если к ним не приложены дела. Герард умел хвалить людей безопасным для себя образом. Если бы у парня и в самом деле был дар, он, скорее всего, промолчал бы.

Но Маркус этого не знал и был переполнен благодарностью. Он снова схватил лупу, которую маг положил на парапет, и взгляделся в группу всадников. Те хаотически перемещались на одном месте. Все еще совещаются.

— Надо скорее созвать наших людей, чтобы, когда эти красавчики примут решение, мы могли бы броситься в погоню, — сказал между тем Мирон Леш и свистнул особым образом.

Тут же их кустов как по команде возникли два его сына. Отец оглядел их и скомандовал:

— Собирайте группу. Клиенты на месте. Сейчас разберемся, куда они направляются, и за ними.

Через мгновение парней на мосту уже не было. А у беглецов как раз в этот момент поменялась диспозиция. Хаотическое движение закончилось: отряд выстроился в походном порядке и двинулся на юг. Все одиннадцать человек. Маркус тут же доложил об этом магу, который задумался.

— Знаешь, парень, это, конечно, здорово, что они не вздумали разделяться. Сейчас соберемся все вместе и поедem за ними. По дороге оно быстрее получится, чем по пересеченной местности. Но что-то меня смущает.

Нюхач ел глазами начальство.

— Что вас смущает, господин? Вы же сами все видели!

— Не знаю, — передернул плечами маг, — Можешь считать это интуицией, но... Не знаю. Слушай, что я решил: ты остаешься и ждешь нас здесь. На всякий случай, Маркус, на всякий случай. Я оставлю тебе лупу и амулет связи. Если увидишь что-то странное, сомнительное, непонятное — сожми в кулаке и позови меня вот так: „Господин Кавериско!“. Я откликнусь, тогда доложишь обстановку.

Маркусу этот план не пришелся по душе.

— А если ничего не случится?

— Дождешься нас. Все равно дальше Камбры мы не уедем, а это не так уж далеко. Еды я

прикажу тебе оставить. Да не переживай. За то, что ты первый заметил наших беглецов, в любом случае тебе полагается премия. А пока вот, держи лупу и амулет.

Кавериско всучил Маркусу уже знакомую волшебную стекляшку и зеленый полупрозрачный камень на сыромятном шнурке. Тот рассмотрел магические предметы и рассовал их по карманам. Вовремя! На мост как раз выезжали последние парни из тех, кто караулил мост ближе к Стомбиру.

Мирон передал своему нюхачу мешок с продуктами, сам вскочил на коня и махнул рукой. Кавериско, хоть выглядел немолодым и грузным тоже лихо вскочил в седло. Через минуту погони и след простыл, на мосту остался Маркус один одинешенек.

Ему было грустно и обидно: похвалили, посулили награду и бросили одного неизвестно зачем. Хорошо еще хоть лошадь не забрали, оставили. Надо было еще посмотреть, что ему пожертвовали из продуктов. В сумке, которую ему вручил Лещ, нашлось не так уж много: сушеное мясо, полголовки сыра, крупа в холщовой мешочке, соль и краюха хлеба. Никто не подумал оставить ему котелок, хорошо еще, что у самого Маркуса была в хозяйстве огромная жестяная кружка, в которой можно было что-то приготовить. Жаль только, что одна.

Парень решил: если отряд за три дня не вернется, он поедет себе потихоньку домой. А пока можно развлечься, разглядывая окрестные горы в волшебную лупу. Наступали сумерки и ему было интересно, как колдовская вещь работает в темноте.

Поначалу ничто не привлекло его внимания, кроме носившихся в сумерках над дорогой летучих мышей. Но их он видел без всякого волшебства. Затем вдалеке появились два здоровых оранжевых огонька и еще штук семь поменьше. Сначала Маркус решил, что это люди, но потом до него дошло, что это, скорее всего, семья кабанов идет на водопой. В тех же отдаленных местах ему удалось разглядеть светлячки, которых он идентифицировал как волков и оленей.

Но вот он перевел взгляд на то, что находилось совсем рядом. Больших зверей у дороги не было. Только что это там за цепочка синих огоньков?

Синими лупа Кавериско показывала крупных грызунов и им подобных, енотов, например. Маркус задумался: кто бы это мог быть? Суслики? Горные сурки? Кто тут водится?

Он стал перебирать известных ему животных и вдруг понял: группами по пять никто из них не ходит. Тем более сейчас, в конце весны, когда все звери уже образовали пары и ждут потомства. Осенью он бы списал непонятное явление на молодняк этого года, но в начале лета? Что-то тут не так.

Он уже готов был сжать в руке амулет Кавериско, но задумался: а что он ему скажет? Что внизу бродит пятерка подозрительных грызунов? Маг засмеет его и будет прав. Надо понаблюдать.

Маркус растянулся на парапете и свесил голову вниз. Лежать было не очень удобно, но зато так отлично были видны маневры удивительных животных. Они двигались вдоль реки через заросли ивняка, краснотала и жимолости, явно направляясь к дороге. Если бы Маркус не был уверен, что это не люди, он бы подумал, что это их беглецы и есть. Уж больно похож был их маршрут на тот, который он предположил, когда думал о том, что они будут убегать пешком через горы.

Темнота сгустилась еще больше, но парню это не мешало: ведь так лучше было видно светящиеся точки.

В какой-то момент он потерял зверьков из вида: они подошли слишком близко к дороге

и в то же время оказались не строго под ним, а в стороне. Парень поднялся с парапета. Слишком страшно было сильно свешиваться вниз, да еще ночью. Маркус себя любил и жалел, поэтому не стал совершать опасных телодвижений. Решил, что попозже снова посмотрит, куда девались странные создания. Вместо наблюдения он зажег маленький костерок и разложил на полотенце куски хлеба и сыра, собираясь поужинать.

Время тянулось и тянулось. Съев очередной кусок, Маркус каждый раз выглядывал наружу, но синих огоньков больше не видел. Вероятно, это действительно были животные, у которых норки где-то здесь, под дорогой.

Наевшись, он зажег от костра ветку и, освещая себе путь, пошел к своей кобыле, которая паслась привязанная в кустах у въезда на мост. Ему помнилось, что к седлу была приторочена фляга с крепким вином. Ночь обещала быть более чем прохладной: хватить горячительного в такой ситуации просто боги велели.

Маркус подошел к лошади, которая объела кусты рядом с дорогой и теперь мирно спала, протянул руку к фляге и вдруг услышал внизу шорох. Он тут же загасил ветку и вытащил из кармана волшебную лупу. В этом месте парапета не было и он немного съехал вниз, держась за кусты, а когда перед ним открылся зев арки моста, приложил к глазам магический предмет.

О чудо! Здесь он снова увидел те же пять синих огоньков, двигающихся цепочкой друг за другом. Расстояние между ними подходило как для енотов или горных сурков, так и для людей. Но вот то, что под их ногами или лапами шуршала галька, говорило скорее в пользу разумных тварей: звери двигаются бесшумно. Он все гадал, когда в темноте раздалось:

— Демоны! Стеф, хватит наступать мне на пятки!

Ура! Это они! Больше и быть некому! Ему опять повезло! За эту пятерку маг его озолотит! Надо срочно связаться с Кавериско.

Но сделать это, вися на кусте, не представлялось возможным. Маркусу надо было вернуться к лошади, активировать амулет и сообщить Кавериско, что он выследил пятерых странных грызунов, которые все же оказались людьми.

Только вот кое-что парень не рассчитал. Когда он попытался подтянуться, держась за куст, и влезть обратно, его ноги вдруг соскользнули и парень повис на тонких, но на редкость колючих ветвях. Что под ногами, он не видел. Возможно, земля в паре локтей, а возможно до нее четверть лиги.

Проклиная Кавериско, Мирона, беглецов и себя заодно, он попытался найти опору для ног и добился только того, что куст не выдержал. Ветви переломились с мягким хрустом и Маркус полетел вниз.

К счастью, падать оказалось недалеко. Он здорово стукнулся, ушиб задницу и приложился спиной, но вроде ничего не сломал. Вот только двигаться дальше в темноте было невозможно.

Во время падения он потерял лупу и теперь с ужасом думал, что ему влетит и от Мирона, и от Кавериско. Вещь магическая, ценная, а он ее так глупо уронил. Как бы оплачивать не заставили. Ругая себя на чем свет стоит, Маркус стал шарить руками вокруг, но под пальцами с нудным постоянством нащупывал только камни и ветки.

Имело смысл позвать на помощь мага. Если он укажет ему, куда пошли те, за кем он охотится, возможно, Кавериско не будет слишком строг. Да и сидеть тут... Сейчас он не может вылезти потому что не видит окружающего, но кто поручится, что утром ситуация окажется лучше? Бедолага уже приготовился к выволочке и полез в карман за амулетом

связи, и тут обнаружил, что камушек на шнурке куда-то подевался.

Хорошо, что никто его не видит! Маркус постарался сесть поудобнее, прислонился к каменной стенке и горько заплакал

* * *

Маленькому пешему отряду пришлось несладко. От скалы путь шел по густому кустарнику, к счастью достаточно высокому, чтобы скрыть рослых Дамиана и Стефана. К тому же они еще сутулились под тяжестью вещевых мешков, так что верхушки краснотала и жимолости возвышались над их макушками где на локоть, а где на два.

Но главную трудность представляло то, что под ногами не было нормальной тропинки, пробираться приходилось по бездорожью. Камни, корни, грязь мешали идти и замедляли продвижение.

Шли гуськом: впереди Дамиан, за ним Тина, в центре Ромуальд, которому определили это место, боясь выпускать его из-под присмотра, далее шла Лина и замыкал колонну Стефан. Идти было непросто: регулярно кто-то кому-то наступал на пятки, кто-то поскользнулся на влажных камнях и падал, остальные его поднимали. В общем, трудностей хватало. Когда же наконец все приспособились к такой ходьбе, стало быстро смеркаться.

Дамиан, который шел первым, был вынужден уступить свое место Стефану, которому находить дорогу помогало магическое зрение. Девушки пытались ему помочь, предлагали идти сменяясь, но он отмахивался. В кои-то веки ему дали возможность проявить себя и он не собирался от нее отказываться.

Как раз когда на землю начали опускаться сумерки, маленький отряд дошел до того места, откуда хорошо была видна дорога.

До сих пор ее ясно видели только Дамиан с Робертом, когда забирались на скалу, да и то в этом им помогала Лина волшебная подзорная труба. Сейчас же каждый в просвет кустов мог разглядеть белую полосу парапета, куски каменной кладки и темный зев арки ближайшего моста.

Лина присмотрелась и зашептала:

— Там наверху кто-то есть.

— Караульного оставили, — спокойно подтвердил Дамиан.

— Это не маг, — констатировала Тина, — мы будем проходить под мостом когда окончательно стемнеет. Он нас просто не увидит, если не станем шуметь.

Поменяв местами первого и последнего, отряд тронулся в путь. Если и до этого все по большей части молчали, то теперь вообще старались идти бесшумно. Даже Ромуальд, оступаясь в очередной раз, не рисковал ругаться вслух, а Тина и Лина перестали попискивать, когда ноги скользили на мху.

Магическое зрение Стефана дало возможность всем достичь каменной кладки основания моста. Дорога была пробита в скалах и имела поэтому весьма прочное основание, но там, где она перекидывалась через ущелья, пришлось строить подпорные стены.

Определить, в какую сторону двигаться к проходу под мостом, было несложно. Ближайший располагался справа и до него оставалось всего локтей двести.

Дамиан обошел всех и каждому шепнул, что пришло время сделать небольшую передышку. Лина махнула на него рукой и постаивла полог тишины, чтобы можно было

нормально разговаривать, затем добыла из сунутого ей под нос саквояжа еду. Они расположились кружком у самой стены под кустами и советник оделил всех хлебом с сыром, а заодно дал хлебнуть вина с водой для поддержания сил и бодрости духа.

Отдыхали целый час, если не больше. Темнота все равно стусутилась настолько, что увидеть их сверху не представлялось возможным. Кусты прикрывали их сверху, а поставленный магичкой полог тишины дал возможность обмениваться впечатлениями и соображениями. Зато белый камень подпорной стены просто светился во тьме, служа отличным ориентиром. Было решено идти, держась за стенку, чтобы не потеряться, тем более что около нее древними строителями была устроена неширокая, чуть больше локтя шириной, каменная отмостка, на которой не росли ни трава, ни кусты. По ней можно было идти гуськом даже в кромешной тьме.

Поэтому никто не стал торопиться. После долгой дороги хотелось вытянуть ноги и дать им покой хоть ненадолго. Ведь впереди еще не один час пути.

Под пологом тишины можно было наконец обмениваться впечатлениями. Ромуальд жаловался, что мох на камнях скользкий и он два раза чуть не свернул себе лодыжку. При этом он поглядывал на девушек, ожидая, что одна из них его пожалует. Но ни ведьма, ни магичка его страданиями не заинтересовались. Их больше волновал вопрос о продолжении пути.

Лина сообразила:

— Если Герард оставил на мосту сторожа, то надо идти скорее. Мы не знаем, какими артефактами он его снабдил. Уж связью-то навверняка. Но, во — первых, ночь на нашей стороне, а во — вторых, природный камень прикроет нас от поисковой магии, так что надо зайти поглубже в ущелье до того, как рассветет.

Дамиан с Стефан с нею согласились, Тина тоже не стала спорить, и Ромуальд, желавший отдохнуть подольше, остался в гордом одиночестве. Так что как только последний из путников доел свой кусок, все встали и пошли вдоль стены, напутствуемые словами Лины:

— Не шумим! Когда мы движемся, я полог держать не могу, так что идите тише и старайтесь не производить лишних звуков.

Сейчас впереди снова шел Дамиан, за ним Лина, а Ромуальд на этот раз плелся предпоследним. Стефан не решился оставить князя без пригляда, боясь, что в противном случае они его тут потеряют. Но Ромуальд после привала вел себя на редкость хорошо. Шел тихо, ногами переступал ровно, не ныл и не пыхтел. Этому способствовал обтесанный сухой и не скользкий камень под ногами.

Так они прошли вдоль стены и вступили под арку моста. Под ней было значительно темнее, чем снаружи, зато отмостка нашлась и там, сухая и удобная. Судя по всему река текла ближе к другой опоре, а с той стороны, где они шли, громоздились камни. В темноте все это было практически не видно, но маги, а особенно ведьма, хорошо чувствовали рельеф и воду.

Мост оказался на удивление широким. Вероятно, наверху могли спокойно разъехаться две кареты. Преодолели они это расстояние довольно быстро и выбрались из темноты. Снаружи было значительно светлее, но вот удобная отмостка закончилась. К тому же здесь она выступала над почвой довольно высоко и приходилось спрыгивать. Дамиан спустился первым, по очереди подал руку девушкам и поспешил их отвести подальше, чтобы Ромуальду со Стефом было куда спрыгнуть. И тут князь опять отличился. Оказавшись внизу, он не

сообразил отойти в сторону, поэтому громко зашипел на спрыгнувшего вслед за ним мага:

— Демоны, Стеф, хватит наступать мне на пятки!

Тут наверху что-то зашумело и весь отряд, не сговариваясь, рванул вперед что есть духу. Сейчас, когда уже не нужно было прятаться по кустам, они бежали по берегу реки, покрытому крупной галькой. Попадающиеся там и сям валуны обходили без задержек. Кто бы ни шумел, человек или зверь, но встречаться с ним никому не хотелось.

Когда лиги через полторы речка сделала крутой изгиб, Дамиан притормозил, а там и вовсе остановился. Его команда запыхалась, Ромуальд и Лина тяжело дышали, да и Тина с трудом переставляла ноги: бежать с каждой минутой становилось все трудней. Им нужен был хотя бы минутный отдых.

При этом советник прекрасно понимал, что сейчас стоит поднажать, чтобы наконец оказаться в безопасности. Еще немного и вся их компания скроется из виду за скалами и тогда их будет совершенно невозможно увидеть с дороги. Но прямо сейчас над горами должна была взойти луна и осветить их путь, а это значительно облегчило бы дорогу тем, кто сильно устал.

Он не мог сделать для друзей ничего, только подбодрить. Поэтому и сообщил:

— Десять минут стоим, отдыхаем. За это время выйдет луна и мы будем лучше видеть куда ногу ставить. Затем идем вдоль реки еще примерно две лиги. Там должно быть удобное место для стоянки. Его только орел с небес может заметить, больше никто.

Он не сказал ни одного слова утешения, но информация о близком отдыхе вдохновила всех. Казалось, даже усталость на время отступила. Так что когда через обещанные десять минут он скомандовал: „В путь!“, друзья бодро двинулись вперед.

Их бодрости хватило ненадолго, так что последнюю лигу до привала отряд просто полз со скоростью улитки. Хорошо, что луна освещала путь, да и близящийся рассвет тоже разогнал темень, иначе кто-нибудь непременно сломал бы себе ногу просто потому, что от усталости движения стали неверными.

Наконец Дамиан заметил то самое место, которое показал ему на карте Роберт Данцер. Чуть в стороне от реки, там, где в нее впадал бурный и говорливый ручей, располагалась небольшая полянка, окруженная скалами и камнями и поросшая не густым, мягким мхом, а самой настоящей травой. Ручей нанес сюда частички почвы, ветер — семена, а время создало уютный рай для путешественников.

Дамиан показал это место своим спутникам и как будто влил в них силы. Буквально через минуту все ввалились на полянку. Девушки добрались до своих саквояжей, споро раскинули два шатра и набросали в них одеял. Сейчас спать всем хотелось гораздо сильнее, чем есть.

Лина с Тиной забрались в один шатер и предложили мужчинам осваивать другой. Дамиан заикнулся было о том, что надо выставить сторожа, но магичка сердито полезла в сумочку и выбросила из нее на землю бляшку с красным камешком, который, ударившись о камень, засветился как глаз дракона.

— Охранного купола хватит, — буркнула сонная девушка и нырнула под крышу.

Когда вошло солнце, все в лагере спали глубоким сном.

Ожидая восхода, Маркус замерз, промок и оголодал. Поспать толком не удалось, потому что сидеть пришлось на корточках, а в этой позе не задремлешь. Вся его еда осталась наверху, куртка и одеяло тоже. Окружающие его камни забирали тепло, а под утро выпала обильная роса, от которой не было спасения. Каждая ниточка его одежды впитала в себя влагу, мох под ногами просто хлюпал.

Наконец первые лучи солнца пробились из-за горизонта и осветили серое предутреннее небо, окрасив его золотом. Стало настолько светло, что парень смог наконец разглядеть в деталях свое положение.

Он сидел на уступе в маленькой, размером с банную шайку выемке, поросшей густым, мягким мхом. Над его головой качались ветви кустов, один из которых ночью не выдержал веса его тела. Да и не должен был! Выросшие на камнях, эти кусты держались тут на честном слове.

Маркус готов был сам себя выпороть! Ну куда полез?! Надо было еще вчера подготовить путь вниз. Он и подготовил, кстати, но не здесь, а с другой стороны моста. Там можно было легко спуститься. Но тогда бы он попал на другой берег речки, а не на тот, по которому шли синие огоньки.

Он вздохнул и огляделся получше. Даже встал для этого, чуть не завопив от боли. Ноги, всю ночь пробывшие в скрюченном положении, просто взорвались, когда он начал ими двигать. Пришлось потратить время, размять и растереть их хорошенько, прежде чем приступить к чему-то иному. На крошечном пяточке сделать это было трудно, но Маркус справился.

Окрестности не порадовали. Он залез туда, откуда просто так не вылезешь. Зато в пяти шагах ближе к горам располагался нормальный спуск, отсюда Маркусу было хорошо его видно. Там же, судя по всему, можно было и подняться наверх. Надо же было ему полезть в месте, где нет прохода!

Но тут мысли парня приняли более позитивное направление: он нашел лупу Кавериско. Тяжелая, массивная вещь упала на тот же самый уступ, где он сидел, но не разбилась, а провалилась в мох и теперь наружу торчал только жалкий кусочек оправы. Восславив богов за то, что ценная вещь нашлась в целостности и сохранности, Маркус вытащил ее на свет, обтер, как смог, краем рубашки, привязал на шнурок от одного из своих амулетов и засунул за пазуху. Теперь хоть за это не придется расплачиваться.

Зеленый же кристалл как в воду канул.

Парень принял решение выбираться. Подняться отсюда наверх не представлялось возможным. Но если спуститься к реке, а затем подняться по той дорожке, которую он увидел... Для того, чтобы спрыгнуть, высокогато, но не зря же Маркус почти всю свою жизнь провел в горах. Он умел лазить по скалам без крюка и веревки. То, что он не мог сделать в темноте, утром уже не представляло особых трудностей.

Пара — тройка минут — и он уже стоит на галечном берегу речки среди принесенных ею валунов. Оставалось решить, что делать дальше. Выслеживать тех людей, которые прикидывались сурками? Пойти переодеться, зажечь костер и сделать вид, что ничего не случилось, он ничего не слышал и не видел?

Второй путь казался заманчивым. В конце концов маг ему никто и служить его интересам Маркусу не обязательно. Он говорит об интересах империи? Много ли хорошего видел сирота от государства? Если империи всегда было плевать на Маркуса, кроме тех случаев, когда она пыталась что-то у него забрать: деньги или свободу, то ему на нее плевать

два раза.

Остановливалось то, что мага он уважал и боялся. Врать ему в лицо могло и не получиться, а тогда... Ой, даже думать не хочется. К тому же как объяснить, куда он дел кристалл связи?

В результате Маркус придумал комплексное решение. Он чуть не бегом поднялся на мост, быстро сменил одежду на сухую, надел на плечи куртку. Пусть потом ему будет в ней жарко, лишь бы сейчас не было холодно.

Лошадь он отвел в другое место, где еще не все было объедено, и привязал там. Заодно сбегал к речке и принес ей воды в походном кожаном ведре. Теперь он может оставить бедную скотинку хоть на полдня.

А он и не собирался отсутствовать дольше.

Рассовав по карманам куски вяленого мяса и закинув на плечо торбу с остальными продуктами, Маркус вновь спустился к реке, подошел к мосту поближе и принялся. Его уникальный дар страшно ему мешал в обычной жизни и парень научился его регулировать. Для того, чтобы почувствовать все запахи, надо было потянуть носом особым образом. Он так сделал и тут же азартно сверкнул глазами.

Кавериско искал женщину? Так вот же она, вернее, они! Вчера под мостом прошли аж две женщины. Одна из них пахла мятой, вербеной и ванилью, а вторая... Ах! Маркус снова принялся. Вторая благоухала сдобой, корицей, чабрецом и почему-то слегка отдавала медью. Первая была выше ростом: на камнях ее запах располагался выше. Видимо, обе вели по ним рукой, чтобы не потеряться, вот и оставили после себя метки.

Маркус тихонько рассмеялся. Он молодец! Весь отряд погнался за пустышкой и только он выследил настоящую дичь. Осталось найти их в горах.

Только вот незадача! Девушки не одни, с ними трое мужчин и как минимум двое из них действительно опасны. Маркус принялся снова, чтобы в уме разделить запахи и что-то понять про этих людей. Да, все верно. Один совсем безобидный, хоть и с оружием. Но пахнет от него как в лавке тетушки Марсии, которая продает всякую всячину вроде ниток для вязания и вышивания, шкатулочек, деревянных поделок, красок и альбомов для рисования, фарфоровых статуэток и прочей бесполезной, но красивой дребедени. Зато два других внушали опасения. От одного пахло как от воина: кожей, потом, металлом, а еще почему-то чернилами и дорогими благовониями. Видно, он не простой воин. Второй, признанный Маркусом опасным, тоже пах всем тем же, только благовония были другие, подешевле, зато к их аромату примешивался оттенок чего-то медного. Ой, ну какой же он дурак! Легкий оттенок меди — это же запах колдовства! Так пахнут маги!

За свою жизнь он их почти не встречал. Одного, может двух, не больше. Но если покопаться в памяти... Точно! И от Кавериско так же пахло медью. Слегка, чуть — чуть, на грани восприятия, но этот оттенок без сомнения присутствовал.

Выходит, впереди двое магов и один из них — женщина?!

Маркусу совсем расхотелось их преследовать. Но когда Кавериско вернется вместе с Лещом и всем отрядом, лучше иметь, что им рассказать. Лишиться своих денег и получить вместо них хорошую затрещину ему не улыбалось.

Весь в раздрае молодой нюхач двинулся вверх по течению речки. Нос вел его как по ниточке: разыскиваемые люди прошли здесь совсем недавно. Как ни странно, в его сознании легкий аромат сдобы перебивал и ядрёный мужской пот, и кисловатый холод металла. Как приятно пахнет эта женщина! Почему-то Маркус ни на мгновение не усомнился, что

Квериско нужна именно она.

Ему пришлось пройти почти четыре лиги, прежде чем он смог заметить что-то интересное. В стороне от реки, чуть повыше, расположились странные елки. Это ему поначалу показалось, что елки, но стоило присмотреться, и он понял: шатры. Зеленая с рисунком ткань, их покрывавшая, делала их похожими издали на деревца. Пожалуй, с дальнего расстояния и он бы не различил.

Кроме его преследуемых разбить эти шатры было некому. По логике они сейчас там, отдыхают после тяжелой ночи. Или нет?

Самым странным для Маркуса оказалось то, что к нему не доносились запахи. Вообще. Как будто не просто в шатрах никого не было, но и не существовало никаких шатров. Магия?

Он взялся за шнурок и вытащил из-за пазухи лупу Кавериско. Посмотрел через нее на лагерь беглецов и рот разинул. Шатры располагались под полупрозрачным куполом, отливавшим красным. Маркус осторожно приблизился и принюхался: от купола тянуло все той же медью, только сильнее, чем от людей. А еще к ней примешивался тот запах, который возникает после грозы. И вот он просигнализировал Маркусу, что подходить ближе себе дороже. Сейчас как шарахнет молнией!

Несмотря на то, что Маркус не слишком таился, никто не выглянул. Из этого он сделал правильный вывод: после тяжелого перехода беглецы так устали, что даже нормальной стражи не выставили. Маги, небось, понадеялись на свой охранный купол, и спят без задних ног.

Эх, если бы амулет вызова не пропал! Сейчас позвать Кавериско и можно их брать тепленькими.

С другой стороны, если позвать отряд прямо сейчас, они все равно прискачут далеко не сразу. Так что можно особо не беспокоиться.

Решив, что он разузнал достаточно, парень двинулся в обратный путь. Если беглецы пошли по этому ущелью, никуда они не денутся. На несколько дней пути у них нет другой дороги.

Если что, он скажет, что ничего не видел ночью, и только недавно почуял запахи, по которым выследил нужных магу людей. Еще бы амулет связи найти...

Первым, что увидел Маркус, вернувшись к мосту, был злополучный куст. Выбранный с корнями, он нелепо валялся у самых скал и парню вдруг захотелось его осмотреть. Удивляясь сам себе, он все же подошел и поднял растение. От довольно жидкий извилистый корешок переходил в толстенький, но короткий, в ладонь, ствол, который почти у самой земли превращался в целый пучок тонких, но довольно прочных ветвей. На них вчера он и повис.

Стыдясь собственной сентиментальности Маркус откинул куст в сторону и увидел, как что-то сверкнуло и звякнуло, падая в воду.

Амулет связи!

После чего он полчаса возился в ледяной воде, разыскивая зеленый камешек на шнурке. Отыскал! Теперь его не накажут: все ценные амулеты у него. А какую историю он при этом будет рассказывать... Тут надо хорошенько подумать. Если не рассказывать Кавериско всей правды, но просто показать, куда ушли те, кого он ищет, то можно рассчитывать на дополнительную награду. Только вот если маг догадается, как на самом деле все было... Можно и по шею получить вместо денег.

Еще полчаса ушло на мыслительную деятельность. Победила жадность. Нюхач стиснул

в кулаке зеленый кристалл и позвал хриплым голосом:

— Господин Кавериско! Господин Кавериско!

Минут пять все было тихо и парню даже показалось, что кристалл от пребывания в холодной воде испортился и больше не работает. Но он продолжал сжимать камень, как будто тепло его тела могло вернуть свойства волшебной вещи.

Дождлся! Кристалл вдруг потеплел, завибрировал и Маркус услышал:

— Они там?

— Да, господин Кавериско! Трое мужчин и две женщины! Они пошли вверх по среднему ущелью!

— Жди! — отрывисто скомандовал маг и амулет успокоился.

Маркус устроился поудобнее, развязал мешок с едой и принялся наворачивать сыр. Ему нужно было как следует подкрепиться, чтобы успокоить расхолодившиеся нервы и снова обрести трезвую голову.

* * *

Лиана проснулась, когда было уже далеко за полдень. Она чувствовала себя свежей и отдохнувшей. Ничего не болело, не ломило и не ныло. Как ни странно, пеший переход при всей своей трудности дался ей легче, чем скачки на лошадях. Она вылезла из шатра и огляделась. Ромуальда не было видно, возможно, он еще спал, а вот Дамиан со Стефаном возились с костром. Они не решились вскрыть защитный купол, вместо этого налили в котелок воду из фляжек, благо те были полными, и сейчас готовили еду для всех.

Лину эта картина тронула до глубины души. Какие хорошие парни! Не стали будить девчонок, зная, что предстоит трудный переход, дали им поспать, а сами позаботились о еде для всех.

Заметив магичку, оба ей улыбнулись и помахали рукой. Затем Стеф сделал знак приблизиться и зашептал в театральной манере:

— Лиана, что делать с твоим куполом? Я боюсь его трогать. Он не похож на те, с которыми я имел дело раньше.

Лиана гордо хмыкнула. Конечно не похож! Это же ее личная разработка! Пришлось провести для мага небольшой показательный урок. Стефан впитывал новые сведения с жадностью, как губка. Лиана не могла понять, почему он в университете толком ничему не обучился. Не было должной мотивации?

Пока она объясняла магу особенности купола, методы его дезактивации и зарядки, к костру подтянулись Тина с Ромуальдом. Их разбудил запах каши. Сонная ведьма тут же ринулась умываться и снесла по дороге защиту, даже не заметив.

Стефан покачал головой:

— Мы тут битый час осторожничали, боялись потревожить купол, думали, гадали. А она...

Лиана рассмеялась:

— Она все правильно сделала. Это лучший способ дезактивации амулета такого типа. Осталось положить в карман и при случае зарядить энергией. Хотя...

Магичка подняла бляшку с земли и осмотрела.

— Еще двое суток будет работать без подпитки. Хороший амулет получился,

долгоиграющий.

Тут вернулась с речки Тина, бодрая и освеженная, и тут же задала вопрос не в бровь, а в глаз:

— Почему это вы решили развести костер? Что, нам можно больше не скрываться?

Ей ответил Дамиан:

— Думаю, сейчас это уже не имеет значения. Кавериско с отрядом далеко, мы скрыты от дороги скалами и наш хилый дымок никому нас не выдаст.

Тину эти доводы не убедили.

— Головой подумай: суток не пройдет, как Кавериско догонит Данцера и убедится, что нас с ним нет. Что дальше?

— Тогда он вернется и будет нас искать. Но это еще сутки. За это время мы сможем уйти так далеко, что окажемся не на территории империи, а скорее не то в Гремоне, не то в Амондиране. Там точной границы нет. Вряд ли люди императора рискнут действовать на чужой земле.

Тут к сомневающейся Тине добавилась Лина.

— Думаешь, Герарду не все равно, на какой земле он действует? Раз он меня нашел, будет ловить вне зависимости от государственных границ. Тем более они тут достаточно неопределенные.

Дамиан согласился:

— Думаю, ты права насчет Кавериско. Но с ним солдаты из стомбирского гарнизона. У них на этот счет может быть другое мнение. Идти в горы на территорию чужого государства решится не всякий.

— Будем на это надеяться, — подвела итог Лина, — А теперь скорее завтракаем и идем дальше. Что-то у меня ни малейшего желания проверять на деле лояльность Герардовых спутников.

Сказав это, Лина отправилась собирать и складывать шатры. Их удобство все уже оценили и желали и дальше спать под полотняной крышей. Тина ей помогала и по ходу дела жужжала в уши, жалуясь на тупоумие некоторых мужчин. Ей с самого начала не нравилась история с кольцом княгини и она не упускала случая напомнить об этом подруге, которая, по мнению Тины, их во все это втравила.

Шатры еще не были убраны в саквояжи, как их позвали на завтрак. Каша вышла наваристой, так как парни напихали туда довольно много вяленого мяса. Да и количество не подкачало: все наелись и еще осталось почти столько же. Будет чем перекусить в дороге.

После еды все тронулись в путь, продолжая держаться речки. С нею им повезло. Пусть она была извилистой, но зато именно на этом ее берегу имелась значительная по ширине полоса мелкой гальки, по которой можно было довольно быстро продвигаться. Другой же берег составляли крупные камни и обломки скал. Дамиан заметил это вслух и получил ответ от Лины:

— Роберт молодец. Он нас заставил перейти речку и идти по этому берегу. Знал, наверное, как обстоит дело с горными речушками. Нам с ним очень повезло.

Похвала Роберту заставила самого Дамиана приосаниться. Данцера нашел и нанял он лично, так что и выбор правильного пути можно считать его заслугой.

Сейчас не было необходимости держаться друг за другом, так что отряд разбился на группы. Лина шла с Дамианом. После того, как она выплакалась на его груди, у них внешне установились спокойные, приятельские отношения. Так что эти двое шли рядом и обсуждали

все подряд. Погоду, горы, погоню, артефакты князя, положение Азильды после того, как у нее забрали кольцо... Не касались только личных тем. Они были под негласным запретом, который каждый из них установил для себя.

За ними пробирались между валунов Тина с Ромуальдом. Тот приклеился к ведьме как банный лист и все пытался задать вопрос: почему она его не любит. Хитрая Тина отвлекала его по методу опытного экскурсовода. Стоило Ромуальду открыть рот, как она показывала на что-нибудь и ахала:

— Посмотри, какая красота!

Или спрашивала:

— Ой, что это за птичка пролетела?! Смотри, смотри, с синей грудкой и хохолком! Как она называется?

Шедший за ними Стефан с трудом сдерживал смех. Ему было ясно, что Тина просто валяет дурака. Она лучше князя знает всех птичек, а спрашивает, чтобы он отвлекся и не морочил ей голову своими чувствами.

Еще забавнее было наблюдать, как Ромуальд каждый раз попадался на Тинины уловки и начинал крутить головой, разыскивая птичку, или пялиться на очередные красоты природы, выражая восхищение тонким вкусом девушки и ее способностью видеть прекрасное.

Сам Стефан по своей природной скромности не решался вступать в разговор с девушками при князе и советнике, хотя очень хотел. Даже тем у него была: магия. Он понимал, что в свое время поленился, не взял от учения все, что оно могло дать, и теперь ему надо очень много наверстывать. Глядя на магичку и ведьму, он чувствовал свое несовершенство и готов был костями лечь, чтобы стать достойным коллегой этих замечательных девушек. За последнее время он уже выучил несколько новых заклинаний, но для настоящего профессионального роста ему не хватало базовых теоретических знаний. Если бы Лина или Тина взяли его подтянуть...

А вот когда он подучится и уже не будет позориться своей никудышной подготовкой, можно было бы поухаживать. Только не за Линой, ее уровня ему никогда не достичь, а все время стыдиться собственной тупости и примитивности — гроб для отношений. Да и внешне Валентина нравилась ему гораздо больше.

Было и еще одно обстоятельство. Только в паре с ведьмой, настоящей. Состоявшейся, у слабого мага был шанс стать кем-то более значимым, вырастить свой резерв и умения. Конечно, это меркантильное соображение, он гнал его от себя, но что-то внутри шептало: „А вдруг?“

Тем более что Валентина Скарель пока не выбрала себе возлюбленного. Так как она была уже взрослой ведьмой, у нее не было постоянной потребности в мужчине и она выбирала, свидетелем чему с самого начала был маг.

Он молчал, но внимательно следил за красавицей, тем более что это было нетрудно: все протекало прямо у Стефа на глазах и вариантов у Тины было немного. Всего трое, если сказать прямо.

Дамиан ей нравился, но оттолкнул своей душевной черствостью и излишней прагматичностью. Она была с ним дружелюбна, но не более. Ромуальд же ведьму раздражал с самого начала. Не заметить этого мог только сам Ромуальд. Слишком самовлюбленный князь не мог себе представить, что он кому-то не нравится, и даже прямые нападки Тины зачастую принимал за игру, за кокетство.

А с ним, со Стефаном, Тина всегда была добра, приветлива, ласкова... Конечно, это

больше всего походило на отношение сестры к брату, но чем боги не шутят! Сегодня он дорог ей как брат, а завтра случится что-то, после чего она увидит его в другом свете.

Именно поэтому маг старался держаться к Тине поближе, не обращая внимания на недовольные взоры, которые бросал на него Ромуальд.

Князя присутствие мага раздражало. В принципе он хорошо относился к Стефану, но надо же иметь хоть немного такта! Он пытается объясниться с девушкой и свидетели в этом деле ему не нужны.

Только вот девушка никак не хотела понять, что жалобы на ее и всеобщую жестокость — это любовное признание. Но ссориться с тем, с кем придется бок о бок переходить через горы, она тоже не собиралась. К счастью, Ромуальд ни разу не попытался выразить свои чувства и желания напрямую. Он каждый раз пытался подъехать к Тине на очередной кривой козе. У той же был накоплен немалый опыт борьбы с навязчивыми, но робкими поклонниками, к которым, к счастью, относился Ромуальд.

Каждую его завуалированную фразу она встречала так, как будто иносказаний в принципе не существует. Когда он начинал жаловаться на страдания, девушка спрашивала, что он ел, не отравился ли. Когда говорил о сердцебиении, предлагала не торопиться, идти помедленнее и отказаться от зверобоя в заварке. Когда он начинал песню, что мир к нему жесток, она, вместо сочувствия, начинала рассказывать про то, что князю еще повезло: к другим мир жесток значительно больше.

Стефан шел сзади и посмеивался, чем вообще вгонял Ромуальда в краску. Над ним смеются. И кто? Маг безродный. А самое обидное, что у него есть для этого все основания. Как это так?! Князь, умный, красивый, знатный, признанный художник и музыкант, не может заставить красавицу просто принять его ухаживания!

Если бы он знал, что Валентина, да и многие другие девушки подобные разговоры ухаживаниями не считают, то его картина мира разлетелась бы на тысячу осколков. Ей больше по душе пришелся подход Стефана, который поутру не дал ей портить руки ледяной водой и сам вымыл посуду после завтрака, а потом сложил вместе с Дамианом шатры и помог их убрать в магические саквояжи. Жизнь научила ее ценить заботу. А Ромуальд сам в ней нуждался.

Тина подумала о подруге: Лина была бы идеальной парой для красавчика — князя. Уж она окружила бы его заботой, за это можно было быть спокойной. Непростая судьба не озлобила маленькую артефакторшу, наоборот, она стремилась всем помочь и ни для кого не желала быть обузой. А уж ума, которого явно не хватало Ромуальду, у Эммелины было на троих.

Только вот будет ли Ромуальд идеальной парой для Лины? В этом у Тины были большие сомнения. Скорее уж ей подойдет Дамиан.

Тина, возможно, не смогла бы это сформулировать и выразить словами, но на уровне интуиции понимала отлично. Этим двум умникам есть о чем поговорить, к тому же в его присутствии Лина становилась, сама того не замечая, мягче и спокойнее. Она как бы перекладывала груз принятия решений на плечи более сильного и умного советника и позволяла себе расслабиться.

Кстати, происходило это исключительно потому, что Дамиан не пытался указать магичке ее место, а уважительно прислушивался к тому, что она говорит.

Тине нравился советник, его ум, сила. Надежность, которую она более всего ценила в мужчинах. Поначалу она даже выбрала его в качестве своего возможного возлюбленного. Но

он оказался слишком черствым для нее. Руководствовался исключительно логикой и плевал на эмоции, если они не вписывались в ту картину, которую он хотел создать.

Отправляя их в эту экспедицию за кольцом княгини, он наплевал на их интересы и подставил незащищенных девушек под удар, сам при этом оставаясь в безопасности. И сколько она ни орала, сколько ни злилась, он решения своего не изменил. Хуже: он убедил Лину, что это ее долг, а Тину заставил, надавив на ее отношение к подруге. Манипулировал ими в своих интересах. Можно было сказать „в интересах княжества“, но Тина считала, что это всего лишь отговорки. Парень не захотел пойти трудным для себя путем и кинул на это опасное предприятие тех, кто сделал его без вреда для его любимого Амондирана. Только вот на то, чем это может грозить той же Лине, он не посмотрел.

Она никогда бы себе не призналась, но Дамиан день ото дня все больше раздражал ее тем, что он ею манипулировать мог, а вот у нее манипулировать им не получалось. Это задевало ее гордость ведьмы и страшно злило.

В общем, советник разонравился Тине окончательно и бесповоротно. Но вот в качестве возлюбленного подруги она была готова его рассмотреть. Все же человек полезный. А если Лину не возмущают его недостатки, то это ее трудности.

Она никогда не ревновала к подруге. Наоборот! Для Тины, как для любой нормальной ведьмы, мужчины, даже ее покойный муж, не были чем-то очень значительным. К красивой, полной очарования ведьме мужчины слетались как мухи на мёд, так что остаться одна она не боялась. Хорошо, когда у тебя есть постоянный любовник, но если он исчез, то ничего не стоит найти нового, надо только выбрать получше, чтобы от него не было головной боли.

Но Тина понимала и Лину: ей найти пару гораздо труднее. Не столько из-за внешности, сколько из-за того, что слишком умная и характер чересчур самостоятельный.

Тина с давних пор мечтала устроить личную жизнь подруги и ненавидела Кавериско, по вине которого бедная Лина отгоняла от себя мужчин как будто это были шершни. Если у нее что-то получится с советником, это будет просто замечательно! Пусть она потом сменит его на кого-то более подходящего, не важно. Лиха беда начало.

Дело осложнялось тем, что Тина нравилась Дамиану, и довольно сильно. Такие вещи ведьмы замечают сразу, потому что влечение — понятие энергетическое, а потоки энергии ведьмы видят невооруженным глазом. Но после того, как вчера советник говорил с Линой на берегу речки, его тяга к Тине поуменьшилась. Кажется, парень наконец-то стал смотреть в нужную сторону.

Еще вчера, ложась спать, она хотела поговорить об этом с Эммелиной, но, во — первых, устала за день так, что язык не ворочался, а во — вторых, точно знала: Лина не захочет это обсуждать.

Сейчас Тина терпела дурацкие домогательства Ромуальда, чтобы дать Лине возможность пообщаться с Дамианом. Пусть поговорят, может, до чего-нибудь договорятся.

Сама она все больше склонялась к тому, чтобы обратить внимание на Стефана. Хороший же парень! Ну и что, что он плохо учился в университете? Это Лина с ее интеллектуальным снобизмом может из-за этого смотреть на него пренебрежительно, а Тина сама не светоч учености. Тем более что Стеф взялся за ум, при любой оказии сидит, читает книги по магии. За из путешествие уже как минимум семь заклинаний выучил, да еще из разных разделов магии, молодец какой! Если дальше так пойдет, вообще магом — универсалом станет. А что резерв маловат, так Тина ему с этим поможет.

Эх, если бы этот зануда Ромуальд за ними не увязался, как бы хорошо было. Лина с

Дамианом, она, Тина — со Стефаном. Как раз они взяли с собой два шатра... И не надо было бы валять дурака, отказывая себе в радостях плоти.

Так сокращая путь разговорами и размышлениями, они шли до самого вечера, всего раз остановившись, чтобы подкрепиться. Когда солнце село, пришлось снова разбивать лагерь. Ущелье к этому времени стало уже, удобных мест для стоянки меньше, так что когда они нашли нечто приемлемое, то тут же поставили шатры. Костер здесь жечь было не из чего, так что Лина достала магический нагреватель и с недовольным видом опустила его в котелок.

Дамиан не оставил это незамеченным, спросил:

— Что тебе не нравится?

— Эта штучка фонит магией.

Он сам не понял, как вытянул руку и погладил девушку по спине.

— Не переживай. Готовь спокойно. Если за нами погонятся, то погонятся, и никакие уловки, никакая скрытность не помогут.

Лина подняла на него глаза.

— Я боюсь. Честно. Если Герард вздумает гоняться за нами по горам, я бессильна буду помочь. А он, хоть и не очень сильный, зато чрезвычайно умелый маг, да и артефакты у него...

— Бессильна помочь, говоришь?! Лина, у нас в команде кроме тебя маг и ведьма, смекаешь? Главное, чтобы ты не начала нам мешать, все остальное поправимо.

Она улыбнулась и потупилась.

— Мешать я вам не буду. Ни за что, — и тут же перевела разговор, — Кстати, чтобы ты знал: кольцо княгини лежит в моей сумочке, а она в свою очередь — в саквояже, который ты таскаешь в заплечном мешке. Я дам тебе перстенёк. Если со мной, паче чаяния, что-то случится, ты сможешь доставать все из моих сумок сам. Надо только представить, что именно.

Советник хотел было сказать, что с Линой все будет в порядке, но глянул ей в лицо и прикусил язык. Следующие полчаса до того момента, как была готова похлебка, Дамиан под руководством магички учился пользоваться пятым измерением. Оно оказалось капризным, но когда пришло время идти спать, у него уже все получалось. В частности, доставать именно то, что нужно.

Несмотря на всеобщую усталость, сон беглецов был недолгим. Светало рано и как только солнце окрасило золотом небосвод, Дамиан всех поднял и погнал вперед. Он надеялся, что за пару дней они уйдут настолько далеко, что Кавериско не рискнет их догонять. Но если даже рискнет... Они молоды, ловки и здоровы, а Кавериско уже не первой свежести и даже не второй, а впереди самые настоящие горы, со скалами и ущельями. Чтобы их перевалить одним пешим хождением не отделаешься, придется карабкаться. Когда они полезут на скалы, старый хрен не сможет их преследовать.

* * *

С того момента, когда наемники расстались с девушками, князем, советником и магом, прошло довольно много времени. Данцер вел свой отряд в сторону Камбры, не поднимаясь в горы. Здесь тоже была дорога, только вот пользовались ею очень и очень давно, поэтому

рассмотреть ее удавалось далеко не всегда. В основном казалось, что они скачут по бездорожью. Реки и ручьи приходилось пересекать вброд, зачастую прямо на пути неожиданно возникали заросли, которые можно было только объехать. Но несмотря на это отряд двигался быстро. За пятью мостами верхняя дорога благодаря рельефу местности виляла, делая большой крюк в глубину горного хребта, нижняя же шла прямо, срезая путь. На это рассчитывал Данцер, уверяя Дамиана, что они обгонят Кавериско и выберутся на главную дорогу впереди преследователей. Они имели важное преимущество: сменных лошадей. Если бы им удалось оказаться на основном тракте впереди отряда мага, то тому их было бы не догнать до самой границы с Сальвинией.

Еще одним преимуществом Данцер полагал то, что они практически все время могли видеть своих преследователей, а вот те их не всегда: кусты, деревья и камни зачастую скрывали отряд наемников от возможных наблюдателей.

Но надо было отдать Кавериско должное: он не мешкал. Его отряд продвигался с хорошей скоростью и обогнать его было делом нелегким.

Данцер со своими людьми скакали всю ночь, используя обычный у наемников способ: половина отряда спала прямо в седлах, а вторая следила, чтобы они не попадали с коней. Роберт же время от времени командовал сменить лошадей на свежих.

Когда восток заалел и первые лучи солнца вырвались из-за горизонта, он убедился, что им удалось значительно обогнать мага и его людей. Роберт скомандовал короткий привал. Надо было покормить коней и дать всем отдохнуть. Через час лошадей напоили в ближайшей речке, а еще через полчаса отряд вновь двигался вперед по дороге, которая начала ощутимо забирать вверх. Уже близко было место, где нижняя дорога должна была слиться с верхней.

Кавериско тоже зря времени не терял. Когда конь вынес Роберта Данцера на каменное покрытие основного пути в Сальвинию, он увидел, что солдаты императора совсем близко. Ни на мгновение не останавливаясь, командир наемников понесся вперед. Чем позже проклятый маг узнает, что гонится за пустышкой, тем дальше успеют уйти девушки с ребятами.

Гонка длилась около часа, преследователи настигали.

Внезапно все изменилось. Когда Роберт уже смирился с тем, что их догонят и присматривал место, чтобы дать бой, Скакавший впереди маг вдруг резко остановился, поднес руку ко рту. Что-то прокричал, и солдаты начали останавливаться.

Роберт тоже придержал коня и с огорчением плюнул: маг как-то дознался, что девчонок здесь нет. Теперь для него бессмысленно гнаться за наемниками. Ну что ж, Данцер может гордиться, что задержал преследователей почти на сутки. Можно было бы развернуться, подъехать к солдатам императора и вступить в бой. Даже если никого не убивать, только ранить, отряд Кавериско стал бы меньше и этим уменьшилась бы опасность для Лины, Тины и парней.

Но Данцер прежде всего был командиром, отвечавшим за своих людей. Вступив в бой с солдатами императора, он рисковал не вывести своих людей из этой переделки. По крайней мере границу им просто так преодолеть не удастся: приметы боевых действий просто так не скроешь, а с имперской пограничной службой они уже имели счастье познакомиться.

Так что он решил предоставить своих подопечных милости богов, тем более что они уже с ним расплатились и он мог считать свою службу Дамиану законченной.

Поэтому, подождав немного, он махнул своим парням рукой:

— Поехали, нечего тут на месте топтаться.

Отряд, привыкший беспрекословно слушаться командира, выполнил эту его команду. Но и наемники, и сам Данцер еще некоторое время оглядывались, пока группа людей под водительством мага не исчезла за очередным поворотом. Их больше никто не преследовал.

* * *

Получив сообщение от Маркуса, Герард Кавериско одновременно обрадовался и огорчился. Обрадовался понятно почему, а огорчился тому, что потратил уйму времени и сил на погоню неизвестно за чем. Надо было возвращаться.

Самым трудным оказалось убедить Леща, что они проделали такой длинный и трудный путь совершенно зря. Тот все рвался догнать отряд и выяснить подробно, куда те дели девушек. К счастью, следопыты и стрелки о сражениях не мечтали, у них были другие приоритеты, например, собственные жизнь и здоровье. Они и убедили своего командира, что маг прав.

Наконец, потоптавшись на месте, отряд Леща развернулся и тронулся в обратный путь.

С той скоростью, с которой они мчались сюда, скакать обратно было немыслимо. И люди, и лошади устали до предела. Они еще могли двигаться вперед, видя что цель близка, но, столкнувшись с разочарованием, разом растеряли кураж и почувствовали себя изможденными. Хоть Кавериско велел Маркусу ждать, намекая, что они скоро вернутся, но пришлось сначала искать место для отдыха как для людей, так и для лошадей и восстанавливать силы сном и едой.

Они медленно, ведя коней в поводу, вернулись к тому месту, где сливались дороги, там расседлали их, обиходили и пустили пастись. Сами же повалились кто где, ибо сил на то, чтобы разбить нормальный лагерь, ни у кого не осталось.

Ближе к вечеру многие поднялись, но только ради того, чтобы сообразить себе что-то поесть. Тогда и организовали нормальный лагерь: с костром и спальными местами для всех.

Герард Кавериско сходил на речку, умылся и даже облился холодной водой, надеясь, что это придаст ему сил, но напрасно: короткий сон не принес желанного отдохновения, он чувствовал себя старым и слабым. Пришлось отложить старт до утра.

До Маркуса, мирно спавшего под кустом, они добрались только вечером следующего дня. Получив от Леща пару пинков, он вскочил и тут же сообщил, что искомые персонажи переночевали недалеко от дороги, но во второй половине дня снялись и ушли вверх по реке, куда он, Маркус, за ними не последовал.

Кавериско захотел узнать подробности и парень рассказал ему свои приключения, умолчав о том, могло не понравиться магу. Выяснив все, что его интересовало, Герард обратился к Мирону:

— Мы идем в горы. Эти люди — опасные преступники, они похитили очень важную вещь, да и сами они важны для империи. Надо задержать и во что бы то ни стало.

Но его слова произвели совсем не тот эффект, на который он рассчитывал. На старого следопыта его риторика не подействовала. Мирон возразил магу по существу:

— В горы? А вы знаете, господин, что до ущелья Дохлой Собаки — это наша земля, а за ним — уже чужая страна? По закону империи мы не можем покидать ее территорию, иначе нас надо будет судить как нарушителей границы. И не говорите, что никто не узнает. Нас тут

десять человек, хоть один да проболтается. А уж если вы поймаете своих красоток, о нашем проступке узнают все. Думаете, легко выбрать между каторгой и виселицей? А мы тут все хотим вернуться домой и жить долго и счастливо.

Не в привычках Герарда Кавериско было бросать дело, когда результат уже близок. Он стал уговаривать Мирона, суля ему баснословные доходы от их предприятия и защиту от закона именем самого императора. Потихоньку Лещ стал сдаваться, но продолжал выдвигать возражения.

— А лошади? Там с ними не пройдешь, они себе ноги переломают. Да и не приспособлены лошадки по скалам лазить. Бросить же их душа не позволяет: животинки дорогие, умные, хорошо обученные и много денег стоят.

Один из сыновей Леща подпел папаше:

— А если вы, господин, паче чаяния своих ведъм поймаете, то как их без лошадей в Стомбир доставить? Пешком они год будут шкандыбать.

Хитрый Маркус слушал эту перепалку, сидя под кустом, и посмеивался: он-то свои денежки уже заслужил и получит. А поймает маг кого-нибудь или нет — не его печаль. Только скоро выяснилось, что он ошибался.

Кавериско сговорился наконец с Лещом. Четверо из его команды оставались с лошадьми здесь. Им предписывалось вернуться к перекрестку, потому что там было где их пасти, и ждать вызова. Ради этого маг вручил им амулет связи, отобрав его предварительно у Маркуса.

Парни не стали спорить, только попросили, чтобы им выдали денег. От перекрестка можно было послать гонца в Стомбир, чтобы он закупил еды побольше. При таких условиях они согласны ждать хоть декаду, хоть две. Маг поначалу закобенился, но затем выдал тому, кого Лещ назначил старшим, мешочек с золотом.

Это его деяние вдохновило остальных. Опытные стрелки и следопыты, в отличие от молодого Маркуса, знали, что посулы могут так посулами и остаться. Но если уж господин один раз тряхнул мощной и не пожалел золота, то можно надеяться, что и они свое получают.

Бедный нюхач очень хотел, чтобы его оставили с теми, кто должен был караулить лошадей. Напрасные мечты! После того, как он так ловко выследил ведъм, господин маг счёл, что его присутствие в отряде, предназначенном для поимки — хороший знак. А Лещ, собака, поддержал:

— Да, господин хороший, Маркус не будет зря хлеб есть. У него не только нос чуткий, у него и мозги иногда работают. Пусть идет с нами, как по ниточке к вашей цели приведет.

Ага, а сам сыновей с лошадьми оставил.

Но Кавериско собирался взять с собой Маркуса в любом случае, даже если бы Лещ был против. Это же он выследил Эмму! Парень ему нравился своей сообразительностью, а то, что он по большей части молчал, вообще было даром богов.

Вообще маг все сделал по — своему, даже продукты поделил. Вернее, он почти все забрал своему отряду, мотивируя это тем, что оставшиеся при конях закупают себе еду в Стомбуре, а в горах лавок нет.

Мирон было заикнулся, что тащить столько на себе — помрешь раньше, чем куда-нибудь доберешься, но тут Кавериско продемонстрировал ему заговоренную суму, куда с легкостью убрались все припасы, причем весу торбе это не прибавило. Туда же отправились одеяла и сменная одежда для всех.

Торбу маг решил навьючить на все того же Маркуса, отметая возражения Леща, что

парень вороват и может смыться со всем имуществом.

— Не беспокойся, уважаемый, — рассмеялся Кавериско, — он не смеется. Сумка у меня не только на безразмерность заговорена, но и от воров. Стоит ему удалиться от меня больше чем на лигу, узнает, почем фунт лиха. К тому же для этого парня она бесполезна: достать из нее то, что туда положено, могу только я.

И показал, да так, что всех убедил.

Единственное, в чем он послушал старого следопыта — не стал выходить с вечера, дал всем поспать и дождался рассвета. Зато утром поднял всех рано, еле дождался, когда все позавтракают, и погнал свой отряд вперед так, как будто за ними гнались демоны. Маркус шустрил впереди, показывая дорогу.

* * *

Ущелье Дохлой Собаки не поразило беглецов внезапным появлением. Просто все вокруг потихоньку в него превращалось.

Когда солнце уже приблизилось к вершинам гор, но до ночи было еще порядочно, путники обратили внимание, как изменился окружающий ландшафт. Растительность почти исчезла, ни кустов, ни деревьев не осталось. Даже мох на камнях из глубокого и пышного, похожего на траву, превратился в легкий зеленый налет. Зато лишайников стало больше, чуть не на каждом камне расплывались его пятна: серые, желтые, багровые, зеленовато — синие.

Ущелье постепенно, но очень сильно сузилось, стены его из пологих стали крутыми и во многих местах подняться по ним было невозможно. Да и галечный берег с каждым шагом становился все менее проходимым. Ширина его уменьшилась, а большие камни стали попадаться все чаще. Дамиан констатировал:

— Кажется, мы дошли до ущелья, по которому проходит граница между империей и Амондираном.

Князь обрадовался неизвестно чему:

— Значит, когда мы его пройдем, то условно будем дома?

Советник посмотрел на него как на больного.

— Нет, Ромуальд, разуверься. Когда мы его минуем, то окажемся в Гремоне. Здесь ширина твоего княжества составляет едва ли две лиги, а ущелье гораздо длиннее. Только вот... Нам надо подняться, понизу мы не пройдем.

— Почему? — не понял Ромуальд.

— Я тебе потом объясню, — пообещал Дамиан.

Вот только удобной дороги наверх не было видно. Пришлось немного вернуться, прежде чем удалось отыскать нечто вроде тропки. Хорошо еще, что для этого не пришлось переходить реку. Несмотря на то, что глубиной она не отличалась, течение здесь было быстрое, а дно состояло из крупных и скользких камней.

Советник задумался: а стоит ли сейчас, в преддверии ночи, лезть на верхотуру. Вдруг они не успеют подняться туда, где можно будет разбить лагерь, до темноты. Ползать по горам ночью — не лучшая мысль.

Но здесь, внизу, тоже не было нормального места чтобы поставить палатки. Он выставил принятие решения на общее голосование. Девицы захотели наверх, а влюбленные

мужчины их поддержали.

После этого Тина и Лина, проклиная все на свете, два часа карабкались по условной тропинке. Кое — где удавалось идти нормально, но по большей части они ползли на карачках, цепляясь за все, за что можно было зацепиться.

Стефан двигался впереди, разведывая дорогу. Он сам вызвался, за что Дамиан в душе не переставал его благодарить. Парень был как будто создан для этой роли. Он не только лез вверх, показывая всем дорогу, но еще и комментировал каждый участок с точки зрения безопасности. Указывал на некрепко стоящие камни, за которые лучше не хвататься, советовал, куда ставить ноги, пару раз вдруг менял направление движения, если чуял впереди опасный кусок.

За ним ползла Тина, за ней Лина, а за Линой Ромуальд. Дамиан был замыкающим. Он зорко следил за своим подопечными. Если бы кто-то попробовал упасть, он был готов его ловить.

К счастью, этого не потребовалось. Все двигались споро и проворно. Даже толстушка Лина, за которую Дамиан больше всего боялся, лазала по горам так, как будто занималась этим с детства.

Советник часто поднимал на нее взгляд и думал, что не такая уж она толстая. У нее аппетитная и очень складная фигурка. Или похудела за последнее время? Все-таки нагрузки были более чем серьезные.

А вот на то, как двигались ее круглые ягодицы, обтянутые бурными парусиновыми штанами, смотреть так пристально не стоило. Желание, поднимавшееся откуда-то изнутри, не способствовало лазанию по скалам и камням.

Дамиан затолкал неуместные чувства поглубже: сейчас не время. Вот окажемся в безопасности, тогда...

Тина и Лина поначалу охали и кряхтели, но потом обе почувствовали, что на звуки лучше силу не тратить. Ползли молча, сжав зубы. Казалось, этот подъем никогда не кончится. Если бы пришлось подниматься прямо, они давно уже были бы наверху. Стефан же избрал более длинный и безопасный, но не более легкий путь.

Наконец, через битых два часа усилий, они оказались на довольно большой площадке, где можно было устроить лагерь. Девушки на последнем издыхании вытащили из саквояжей палатки и припасы, а затем затихли, лежа на куче одеял. Сил у них не было никаких. Тем временем солнце село за горы и наступила ночь.

Мужчины в темноте собрали и установили шатры, перекусили всухомятку и накормили своих спутниц. Воды у них было немного, только та. Что во фляжках. Стефан уверял, что где-то рядом течет ручей, но идти его искать по темноте было безумием, так что поиск вместе с мытьем отложили на утро.

Ромуальд, которого поначалу вдохновила мысль, что он находится на своей земле, к концу подъема так замучился, что это его больше не грело. Сейчас бы он все отдал за ванну и удобную кровать. Дамиан не мог снабдить его первым, поэтому быстро соорудил лежанку из одеяла и отправил князя спать в шатер. Сам же сел рядом со Стефаном, который только что сделал то же самое для обеих девушек.

Хоть советник был не очень высокого мнения об уме мага, но за последнее время убедился, что тот отнюдь не дурак, особенно в делах практических. По крайней мере, если бы сейчас перед ним появилась добрая волшебница и предложила одного из компании перенести домой, то он предпочел бы, чтобы с ним остался маг, а не князь. И отнюдь не

потому, что его так уж волновала безопасность Ромуальда. Просто присутствие Стефана повышало общие шансы на выживание и победу.

* * *

Первой, кого увидел Дамиан, проснувшись утром, была Лина. Она в задумчивости сидела на чьей-то брошенной впопыхах куртке на пороге собственного шатра и смотрела на встающее над скалами солнце. Дамиан спросил ее тихонько:

— Что ты вскочила в такую рань? Поспала бы еще.

— Когда еще увидишь такую красоту, как рассвет в горах, — мечтательно протянула девушка и вдруг добавила совсем другим тоном, — Пить очень хочется, а ни одной полной фляжки я не нашла.

Почему-то в советнике ее слова отозвались радостью, поэтому он весело произнес:

— Ну так пойдем поищем воду. Вчера Стефан уверял, что вон там, — он протянул руку, — течёт ручей.

Лина встала и кротко пошла за ним, взяв из шатра какой-то сверток. Выглядела девушка замученной оборванкой. На ней были те же бурые штаны, что и вчера, только замызганную донельзя рубашку она не заправила за пояс и та висела, скрывая фигуру магички.

По дороге они забрали пустые фляжки и котелок: если вода действительно найдется, будет из чего вскипятить чай.

Ручей протекал совсем близко, однако от лагеря его закрывал выступ скалы. Тонкая струйка прибегала неизвестно откуда и падала в узкую глубокую расщелину, дна которой было не разглядеть во мраке. Зато под нее было удобно подставлять посуду.

Прежде чем наполнять фляжки и котелок, Дамиан умылся, затем предложил Лине сделать то же самое. Она подставила ладонь под струю.

— Ой, ледяная, — взвизгнула она тихонько, — Знаешь что? Сейчас нальём фляжки и ты их заберешь, а меня здесь оставишь. Я попробую умыться теплой водой.

Ну да. Она же маг, ей воду нагреть ничего не стоит, — подумал Дамиан и согласился. Когда все фляги были полны и оставался один котелок, он оставил его Лине, а сам пошел к лагерю. Но не дошел: остановился за выступом и затаил дыхание.

У него не было обыкновения подглядывать, он даже считал это недостойным поведением, но почему-то сейчас его не заботила пристойность того, что он собирался сделать.

А Лина ополоснула лицо под ледяной струёй, набрала котелок и сунула под него знакомый нагревательный амулет. Затем развернула принесенный сверток: стало ясно, что там чистое белье. А затем девушка разделась догола и стала обтирать себя теплой водой из котелка. Откуда-то в руке у нее оказался кусочек мыла и байковая тряпочка.

Даже если бы Дамиану вдруг объявили, что за это полагается смертная казнь, он все равно не отвел бы глаз. Он просто не мог этого сделать. Картина перед его глазами была настолько восхитительной, что он забыл обо всем и только чувствовал, что безумно хочет эту женщину.

А та не знала, что на нее смотрят, и деловито, как кошка, намывалась. Тёрла руки и плечи, мягкий животик и полную, налитую грудь... Когда же она спустилась ниже и скользнула рукой с мыльной тряпочкой между ног, Дамиан закрыл глаза и откинулся на

ближайший камень, едва сдерживая стон. Смотреть дальше было глупо: все равно что специально совать руку в огонь.

Желание разрывало Дамиана на части. Он сейчас накинется на нее как дикий зверь и этим все закончится. Вряд ли Лина простит ему такой низкий поступок. Шатаясь как пьяный, он пошел к лагерю и тут обратил внимание, что идти стало труднее. Демоны! С утренним стояком он, как все мужчины, справился как только встал, помочившись. Но сейчас дело обстояло во сто крат хуже. Показываться в таком виде на люди было невозможно.

Пришлось обойти шатры и, скрывшись среди камней, заняться тем, что, как ему казалось, он оставил среди привычек ранней юности, когда женщины бедному парнишке были недоступны.

Он вернулся в лагерь чуть раньше Лины. Та пришла с полным водой котелком и пристроила его на свой знаменитый нагреватель, собираясь варить кашу. Выглядела она сейчас гораздо лучше, чем со сна. Пусть штаны остались те же самые, но рубашка на ней была свежая, личико сияло чистотой и выглядело отдохнувшим, а рыжеватые волосы вокруг лица кудрявились от влаги.

На топот и бряканье котелка из шатров повывезали все. Сонная и недовольная Тина, бодрый Стефан и томный Ромуальд.

Маленькая артефакторша сообщила всем, что скоро будет завтрак и, подбежав к подруге, что-то зашептала ей на ухо. Тина подняла ровные, как нарисованные брови, затем опустила их и довольно закивала: подруга делилась с ней тем, как тут можно помыться.

Дамиан наблюдал за ними украдкой и пытался сообразить: есть у них лишний котелок, или нету. Оказалось, котелков больше, чем нужно. Лина нырнула в шатер и вытащила два. Один сунула Тине вместе с тряпочкой и мылом, другой взяла в руку. Попросила никого не ходить на ручей, пока она не вернется, и повела подругу мыться.

Выходит, за подругу она опасается, а сама... Могла бы дождаться когда Тина встанет и помыться, пока та будет ее караулить. Но нет, по отношению к себе Лина оказалась более чем легкомысленной.

Или... Мужчину вдруг будто жаром обдало. Может быть Лина как раз и рассчитывала на зрителя? Одного — единственного? И подсмотренная сцена была хорошо продуманным зрелищем? Она его соблазняла?

С этой мыслью Дамиан носился до тех пор, пока девушки не вернулись с ручья. А затем, глядя на спокойную, добродушную улыбку магички, обращенную ко всем вместе и ни к кому в отдельности, он себя одёрнул: глупости! Надо же было придумать себе такое! Девочка ему доверяет, вот и не подумала, что он станет подсматривать. А он повел себя нечестно, а теперь пытается перевалить все с больной головы на здоровую.

Что его голова больна, он убедился, когда они тронулись в путь. На этот раз Дамиан шел впереди и каждые несколько минут оглядывался, но не чтобы удостовериться, что со всеми полный порядок, а чтобы снова и снова увидеть Лину.

Вчера вечером они не смогли в темноте рассмотреть, где находятся, а теперь огляделись и поняли, что Стефан вел их не только вверх, но и вперед. Несколько валунов отделяло бывшую стоянку от ущелья, из которого они поднялись, но стоило сделать два десятка шагов и стало ясно: здесь им бы ни за что не пройти внизу по берегу. Ни по этому, ни по противоположному.

Зажатая в узкой теснине, река ревела и буйствовала, заполняя все пространство от

берега до берега. С обеих сторон ее зажимали отвесные скалы. Это и было ущелье Дохлой Собаки.

Лина с интересом заглянула вниз и в ужасе отшатнулась. Хорошо, что Дамиан ее подхватил и постарался успокоить:

— Ну что ты?! Испугалась?!

Магичка, казавшаяся воплощением хладнокровия, вдруг проявила слабость. Она распахнула свои карие глаза и прошептала, как какая-нибудь глупая куколка:

— Я боюсь высоты. Меня туда как будто тянет.

А вчера лезла и ничего не боялась. Вероятно, потому, что была повернута к пропасти не той стороной.

Дамиан поспешил ее заговорить. Стал рассказывать, что высоты боится более половины населения, что на самом деле тут нет ничего страшного: такая разумная девушка вполне может держать себя в руках и сопротивляться желанию заглянуть в бездну. А если ей трудно, он предлагает свою помощь. Пусть даст ему руку и чувствует себя в безопасности: в случае чего он ее удержит.

Она раздумывала всего несколько мгновений, после которых приблизилась и встала так, чтобы Дамиан оказался между ней и обрывом.

Маленькая, но сильная ладонь артефакторши скользнула ему в руку и сжала пальцы. Лина улыбнулась: теперь ей ничего не было страшно.

Но не успели они пройти и лиги, как из-за гор выползла, ворча и гроыхая, огромная черная туча. Она как будто перетекла через хребет и теперь с огромной скоростью заволакивала весь небосклон. Мгновенно похолодало и порывы ветра принесли первые брызги дождя.

Спохватиться и сделать что-то толковое успел сообразить только Стефан. Он сунул в руки Тины ее саквояж и велел:

— Доставай скорее твой шатер!

Та сразу его поняла и, не переспрашивая, сделала как сказано. Лина кинулась было к своему саквояжу, который нес Дамиан, но поняла: на то, чтобы поставить два укрытия времени не хватит, поэтому переключилась на помощь подруге. Все же эти шатры были ее изобретением и она лучше всех знала, как их ставить за кратчайший срок.

Плохо только, что ровного места было маловато, да и располагать ничем не прикрепленное к земле сооружение прямо на голом камне, обрывающемся вниз на много — много локтей, было опасно. Но все же удалось найти местечко, зажатое между двух огромных валунов, и управиться до дождя.

Не прошло и пяти минут, как шатер стоял, прижатый к каменной стенке, а все пятеро сидели внутри.

Успели вовремя: сверкнула молния, загремел гром и дождь ливанул так, как будто над путешественниками лопнул огромный пузырь, полный воды.

Девушек по общему молчаливому уговору засунули в шатер поглубже, а у выхода сидел Стефан и придерживал полог, чтобы вода не залилась внутрь. Заодно он утешал всех:

— Ничего, гроза такой силы долгой не бывает. Погремит и перестанет. Потом солнышко выглянет и мы пойдем дальше. Надо только будет немного подождать, пока камни просохнут, мокрые они скользкие такие...

Но его слова оказались далеки от действительного положения дел. Дождь, начавшийся как летняя гроза, через полчаса слегка поутих, но не остановился. Он лил, лил и лил,

закрывая густой завесой капель все окрестности. Стефан несколько раз пытался выглянуть, чтобы разведать обстановку, но улучшения не наступало. Дождь как лил стеной, так и продолжал лить. По тому, как стало темно и собиралось светлеть, можно было предположить, что дождь зарядил надолго.

Идти дальше в таких условиях было равно самоубийству. Прячем простуда была последней из опасностей, подстерегавших путника. Гораздо легче и верней можно было поскользнуться на мокрых камнях и сломать ногу, за дождем не увидеть вовремя расселины и свалиться, да и ветер был вполне способен просто сбросить неосторожного путника прямо в ущелье.

Пришлось плюнуть на возможную погоню и оставаться на дневку, ожидая, когда погода станет более благосклонной.

Дамиана с детства воспитывали: если происходит что-то, что тебе не нравится, но чему ты не можешь противостоять, прими это как волю богов и расслабься. Поэтому он быстро оборвал общее недовольство таким поворотом событий и велел наслаждаться отдыхом, раз уж он им предоставился.

Так что через некоторое время девушки повытаскивали одеяла и устроили всем удобные места, не лежащие, потому что на пятерых шатры рассчитаны не были, но и не вовсе сидячие. В центре оставался небольшой пятючок свободного места. Там Лина расположила нагреватель, а Тина заварила согревающий чай, благо за водой бегать не приходилось. Стоило выставить котелок на дождь и через несколько минут он был полон.

Лина достала остатки еды от завтрака, печенье, которое Тина испекла еще дома, а она сохранила, и бутылку вишневой наливки, после чего в палатке воцарилось веселье. Все по очереди вспоминали разные моменты их эскапады, перебивали друг друга, смеялись.

Ромуальд уговорил Лину спеть. Она побаивалась: большой голос в горах мог вызвать сход лавины или еще что похлеще. Но князь был настойчив, остальные к нему присоединились и она согласилась, но пела тихонько, даже не вполголоса, в одну его десятую. Князь, Тина и Стефан подпевали, ведь песни она выбирала известные. Дамиан своим пением мог свалить наповал того медведя, который всем уши оттаптывает, потому что при мощном баритоне музыкальном слухом не обладал вообще и из десяти нот не попадал ни в одну. Поэтому он не стал присоединяться к общему хору. Вместо этого сидел и наблюдал за Линой.

Зря он думал, что Ромуальд неверно изобразил ее на портрете, что он ей польстил. Да он и половины ее прелести не передал. Даже на фоне своей восхитительно красивой подруги она не теряется.

Только вот... Он вдруг поймал себя на мысли, что все веселятся от души, а Лина скрывает какую-то не слишком для нее приятную мысль.

Поэтому когда пение закончилось, он подобрался к Лине и шепнул ей на ухо:

— Что-то не в порядке?

Девушка недовольно пожала плечами.

— Откуда ты взял?

— Я же вижу, что ты неспокойна. Что-то случилось?

— Ничего нового, про все ты уже знаешь. Просто..., — она вздыбила пальцами собственные волосы, — Наверное у меня паранойя, но этот дождь... Тебе не кажется, что в нем есть что-то неестественное?

Ее вопрос удивил советника. Он никогда не подозревал рукотворного в явлениях

природы. Существовали маги — погодники, которые могли притянуть дождь или наоборот, развеять облака, но их было мало и все они служили какому-нибудь государю. Кавериско уж точно не был способен управлять погодой. Лина между тем продолжала:

— Знаю, что ты скажешь. Герард — не погодник, дождь вызвать ему силы не хватит. Это так. Но есть у него один древний артефакт из запрещенных... Если он научился им пользоваться, то не удивлюсь, что этот ливень здесь затем, чтобы задержать нас.

Она договорила и обвела глазами друзей. Оказалось, к их с Дамианом беседе прислушиваются все. Особенно Тина. Стоило Лине замолчать, как она встряла:

— Это тот артефакт, за которым он якобы ходил в Драконьи горы, где убил моего мужа и своих людей?

Лина покачала головой. Она не стала уточнять, что Кавериско никого не убивал, люди погибли под обвалом. Ответила по существу.

— Другой... Не знаю, что должен был делать тот, а этот у него давно. Погодный амулет титанической силы. Только тогда он не знал, как заставить его работать, но время у него было, мог и догадаться. Кавериско вообще охотился за древними артефактами по всему континенту и не брезговал ничем, чтобы их заполучить. Вымогательство, шантаж, воровство... Про убийство не знаю, но, думаю, это его бы не смутило.

Тина нахмурилась и поджала губы.

— Ты полагаешь, он добыл-таки то, за чем ходил? Добыл, а всех свидетелей грохнул, чтобы не отдавать штучку совету магов?

Лина развела руками:

— Откуда я могу знать? Хотя очень на него похоже.

Тина дернула головой как норовистая лошадь и вдруг произнесла подчеркнуто ласковым голосом, от которого по спине бежали мурашки:

— Спасибо, дорогая. Ты развеяла мои последние сомнения. Продолжай, пожалуйста. Что там за погодный амулет?

— Я думаю, что он, чтобы задержать наше продвижение, притянул из-за гор эти тучи, полные воды, и заставил их вылиться в одном месте. Жалко, мы не можем проверить... Но зуб даю: там, где он сейчас идет, никакого дождя нет.

Как ни дико это звучало для Дамиана, он готов был признать правоту магички. Она явно знала о чем говорила. А для него магия всегда была темным лесом.

Дождь до вечера так и не прекратился. Все легли спать рано, каждый в своем гнездышке, потому что второй шатер поставить не удалось. Даже для естественных потребностей приходилось выбегать недалеко и парами: один должен был держать предоставленный Тиной зонтик, а без него она никого наружу не выпускала. Говорила:

— Не хватало мне тут мокрых! Хватит того, что вы принесете на ногах.

Под утро Дамиан проснулся оттого, что перестал слышать стук капель. Он осторожно пробрался к выходу, выглянул...

Все пространство вокруг заливал густейший туман, на расстоянии вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть, но дождя не было. Это радовало: когда встанет солнце, туман потихоньку рассеется и можно будет двигаться дальше. Он вернулся на свое место и оглядел товарищей: все сладко спали.

Вчера вечером Ромуальд умудрился втиснуться между Тиной и Линой и сейчас сопел и причмокивал, уткнувшись кудрявой макушкой прямо в выставленный ему под нос зад ведьмы. Сама же Валентина свернулась клубочком как котенок и сейчас ее темные волосы

смешались со светлыми прядями Стефана, с которым они соприкасались макушками.

Лина спала еще забавнее, чем ее подруга. Лёжа на животе, подтянула под себя ноги, выставив вверх обширную округлость, обняла обеими руками подушку и тихонько присвистывала вытянутыми в трубочку губами. Почему-то эта картина вызвала у советника не столько смех, сколько умиление.

Бедная девочка! У нее и так жизнь не сладкая, а он ее втянул в такое опасное предприятие. И хоть бы Ромуальд как правитель этого стоил! Так ведь нет. Более бездарного князя еще поискать.

Для него и вправду было бы лучше передать свои земли под чей-нибудь протекторат, а самому ехать жить куда-нибудь в Элидиану. Там его талант знают, без куска хлеба он не останется. За постановки его опер в казну княжества идет больше денег, чем от налога на землю.

О том, что было бы лучше для него самого, Дамиан старательно не думал.

* * *

Герард Кавериско шел за Мироном Лещом и ноги его заплетались от усталости. Эта зараза Эмма со своим отрядом опередила их на сутки, если не больше! Пусть она со своей толстой задницей и не самый быстрый ходок, но, как он понял, ее сопровождают такие же молодые люди, как она. Здоровые парни и эта сволочная ведьма, которая всегда помогала Эмме от него скрываться. Поэтому идут быстро, по крайней мере быстрее, чем он.

Ведь любой отряд движется со скоростью своего самого медленного участника, а Герард с каждым днем все больше ощущал гнет прожитых лет.

Когда-то он неплохо поправил свое здоровье за счет женушки. Это дало ему возможность прожить последние годы не жалкой развалиной, а вполне бодрым человеком. Если бы Эмма не сбежала, если бы ему удалось довести дело до конца, то сейчас он бы и выглядел, и чувствовал себя как мужчина в самом расцвете сил и имел бы все шансы прожить почти столько же, сколько уже прожил.

Чем бы это закончилось для женщины Кавериско не беспокоило. Волновало до сих пор другое. Как он так оплошал?!

Эммелина всегда казалась тихой, послушной, сосредоточенной на своих оторванных от жизни мыслях девочкой. Ее интересовали учёба, книги, артефакты и больше ничего. Он поэтому ее и выбрал. Ну, еще потому, что мог договориться с ее папашей.

Он ругательски ругал себя за то, что тогда жалел Эмму и отпивал у нее силы понемножку, давая восстановиться. Думало, так он в сумме больше получит. Тем более что девчонка была крепкая от природы.

И ведь она стоически все терпела! Не орала, не отбивалась, даже громко не рыдала. Так, плакала в уголке, когда никто не видит, и все. Он и расслабился! А эта мелкая гадюка все спланировала и сбежала. Как только предоставилась малейшая возможность, она воспользовалась ею на всю катушку! И так ловко от него бегала все эти годы, можно только удивляться.

Но он тоже хорош. Когда пришло время и появилась возможность получить жену обратно, он увлекся дурацкой легендой и все прошляпил!

Артефакт вечной жизни, надо же! Почему он не подумал головой, а поверил дурацким

летописям и запискам древних магов? Все оказалось враньем, чепухой на постном масле.

А он так наследил, к нему подбираясь. Своих денег пожалел, снарядил экспедицию за счет совета магов, идиот!

Артефакт-то он достал и свидетелей убрал, но и самому пришлось убираться, чтобы не отдавать ценную добычу совету. Естественно, что они в любом случае пожелали бы видеть результат финансируемой ими экспедиции и изучить его. Поэтому он прикинулся погибшим, а сам перебрался через горы, думая, что теперь он в безопасности. Тогда, кстати, он и потратил большую часть сил, полученных от Эммы.

И что? Артефакт оказался липой. Он, конечно, мог дать вечную жизнь, но не в виде человека, а в виде высшей нежити. А за такую вечную жизнь он не дал бы и гаста: уж очень недолго она бы продолжалась. Подобные результаты экспериментов магов было принято уничтожать. Стоило бы ему как-то проявить себя и всё! Тут же совет отрядил бы десяток боевых магов для уничтожения мерзкого существа. Убили бы безжалостно. Вечная жизнь в новой ипостаси не прибавила бы ему силы, так что финал был бы скор и неизбежен.

Пришлось Кавериско спрятать вредный амулет до лучших времен, а самому податься в империю, где магов мало, а его специализации и вовсе нет. Так что там он на вес золота. Еще будучи магистром Валариэтана, он принял предложение имперского посла герцога Даригона и помог ему с неким брачным артефактом одного малоинтересного княжества. Так что он не постеснялся напомнить Даригону о себе и воспользоваться своими связями.

В результате удалось и в императорские приближенные пробиться, и ненужную гадость ему сплавить за хорошие деньги... Но вот задачи, которые перед ним ставил Сильвестр V... Они требовали значительного вливания сил, которых у Кавериско и так осталось немного.

Поэтому он спал и видел: найти беглую жену и закончить начатое. Можно, конечно, было пойти по другому пути: найти новую никому не нужную девчонку с даром и сотворить для нее новый амулет, используя старые наработки. Но вот только сил у Герарда с каждым днем становилось все меньше. Теперь, чтобы создать такой амулет, надо было, прежде чем получить хоть каплю жизненных сил новой жертвы, выплеснуть свой магический резерв почти до доньшка. И никто не гарантировал, что он это переживет и сможет воспользоваться результатами своей работы. Так что Эммелина была и оставалась его единственной надеждой на долгую жизнь.

Он долго ее искал. Вернее, нанял людей, чтобы караулить, когда она наконец покинет университет и Валариэтан, а затем похитить. Но они ее упустили и не смогли найти. Тогда Кавериско понял, что с ним все кончено. Жить ему осталось не больше года. Конечно, если экономить силы, тогда можно протянуть и два, и три... Но император не собирался предоставлять ему такую возможность.

Герард не хотел оправляться из столицы в заштатный Стомбир, отбивался как мог, но герцог надавил лично через императора, а с ним не поспоришь. Кавериско ехал сюда и думал, что удаляется от своей цели: спокойно дожить жизнь в достатке. Ни на что другое его здоровья и физических ресурсов уже не хватало.

Но герцог приказал разобраться с Азильдой и ее кольцом и пришлось ехать.

Оказалось, это судьба. Практически первой, кого он увидел в стомбирской крепости, была Эммелина собственной персоной!

Ему было плевать на князя Амондиранского, плевать на Азильду и хитроумные построения Даригона. Ему нужна была та, у которой он сможет забрать силу и получить новые годы полноценной жизни. В этот раз он не сгруппит, заберет все и сразу.

Когда дело будет сделано, он подумает, что для него выгоднее: вернуться на службу к императору или поискать другое место для приложения своих талантов? Говорят, Кармелла — замечательный город, а он там никогда не бывал.

Мирон Лещ тем временем вел отряд к ущелью Дохлой Собаки. Маркус, бегущий впереди, время от времени сообщал ему о том, что делали в том или ином месте те, за кем они гнались. Вот тут останавливались и ели сыр, вот тут кто-то отошел в кусты и помочился... Скорее всего это была женщина.

Кроме таких пикантных подробностей Маркус давал и более важную информацию. Именно от него Кавериско услышал, что догнать Эмму не получится. Они не могут двигаться быстрее, чем уже двигаются, а ее группа мало того, что ушла далеко вперед, но и не снижает темп.

— Их бы задержать чем-нибудь, господин, — ляпнул Маркус, совершенно не представляя себе, что бы это могло быть.

Но разумные слова упали на унавоженную почву. Кавериско достал из своей сумки некий предмет в небольшом сафьяновом футляре и карту, которая просто заворожила всех: и Маркуса, и Мирона, и остальных сопровождающих следопытов и стрелков. Герард расстелил ее на камне и прижал коленом, одновременно меняя масштаб и вызывая картинку нужной территории.

Затем поднял руку, призывая к молчанию.

— Я постараюсь их задержать. Для этого мне придется очень сильно поколдовать. Чтобы не потратить силу и ценный амулет даром, я хотел бы знать: где сейчас могут быть наши беглецы? Они настолько далеко, что лупа их не показывает.

Маркус подлез ему под руку и ткнул пальцем:

— Вот! Они тут окопались! Вернее, пошли по этому берегу. Только нам он не подойдет, вы, господин, там не залезете: слишком круто. — А другой берег? — уточнил маг.

— Если прямо сейчас начать подъем, то дорога выйдет довольно плавной, даже карабкаться не придется, — уверенно ответил нюхач.

Он хорошо рассмотрел карту и разобрался в ней лучше иных опытных, но косных следопытов. А она ясно показывала жуткие кручи на том берегу, где они сейчас находились, и плавный подъем на другом. Только вот нос подсказывал, что женщины полезли-таки туда, куда он бы не сунулся.

Маг тем временем сообразил:

— Стой, а как мы их поймаем, если они будут на одном берегу, а мы на другом?

— Легче легкого, господин, — отозвался на этот раз Лещ, — За ущельем Дохлой собаки река распадается на множество ручьев, через которые перебраться ничего не стоит. Видите? Само ущелье, конечно, глубокое и опасное, но не слишком длинное. Если вы их задержите на подольше, то мы их встретим.

Кавериско еще раз все обдумал и согласился в выводами Леща. Оставалось задать координаты, активировать амулет и молить богов, чтобы в обозримом пространстве нашлась хорошая дождевая туча, а лучше не одна. Не зная, где именно сейчас находится Эммелина, он решил накрыть ливнем весь правый берег ущелья Дохлой Собаки. Если она там, то дожде ее непременно задержит: по мокрым скалам даже горные козы не скачут. А он собирался вызывать не просто дождь, а ливень, от которого реки выходят из берегов.

Небольшой обряд, капля крови, вливание иницирующей процесс силы... В синем камне, украшающем древний амулет, вдруг сгустились таинственные тучи и начали

вращаться подобно смерчу. Уф, кажется, справился. Кавериско совсем недавно узнал, как работает этот экспонат его коллекции артефактов древности и не был уверен, получится ли все как надо. Вообще-то он магией погоды не интересовался, а штучку получил по случаю, вместо другой, за которой охотился. Но не выбрасывать же. Хотел продать императору... Хорошо, что не успел.

Теперь Эмма от него никуда не уйдет. Только бы хватило сил до нее добраться.

* * *

Уже через час после активации амулета Кавериско понял две вещи. Во — первых, у него все получилось. Тучу он пока не видел, но, как она гроыхает, слышали все и звук этот шел со стороны гор. А во — вторых...

Работа с древним артефактом выпила из Кавериско остатки сил, он еле на ногах держался. Лещ сказал, что надо будет перейти на другой берег, там подняться будет нетрудно. Старый врун. Правда, через реку его перенес один из парней, но в гору лезть пришлось самому.

Узкая тропка вилась между валунов и скал, забирая все круче и круче. По ней удавалось идти, а не ползти, но это мало помогало. Хорошо было молодым: они почти не замечали трудности. А Кавериско тащился на последнем издыхании. Маг еле шел по камням, испытывая постоянное желание упасть и больше не вставать.

Но несмотря на запредельную усталость тела, мозг его продолжал работать. Надо было что-то делать и как можно скорее. То ли добраться до Эммы и выпить наконец ее жизненную силу, то ли... В сумке у магистра лежал не только созданный им артефакт, позволяющий забирать силу у жены. Там еще был зачатый нож для кровавого ритуала древних, с помощью которого он мог воспользоваться любым для пополнения своего тающего резерва.

Надо было только этим ножом начертать у жертвы на груди три руны, а затем вонзить его в известную ему точку и, держась за нож, произнести заклинание. К сожалению, силы простого человека ему хватит ненадолго, очень уж она плохо усваивается, зато даст продержаться сколько нужно до того момента, как он сможет добраться до жены.

В городе, где могут засечь магический выплеск от ритуала, он никогда бы на это не решился. Бегать от стражи до конца дней — не его стезя. А вот на природе, где нет свидетелей или их можно уничтожить, не вызвав подозрений...

Тогда в горах он тоже почти потерял всю жизненную силу и отлично восстановился, выпив двух глупых солдат, которые не попали под завал вместе со всеми. Потом пришлось зачищать следы и спустить на их трупы еще одну небольшую лавину, но он жалел только о том, что среди парнишек не было мага. Его хватило бы надолго. А так... пара лет — и уже только воспоминания о молодости и силе. Если сегодня не удастся схватить Эмму, имеет смысл.

Конечно, жертва не будет ждать и терпеть просто так. На этот случай у мага была подготовлена ловчая сеть, не позволявшая тому, кто в нее попал, ни сопротивляться, ни даже просто орать. Осталось придумать, как сделать так, чтобы его и кого-то из людей Леща оставили наедине хоть ненадолго.

Проще всего было бы отвести в сторону самого Мирона, но он уже стар и его сила почти

не поможет. А вот кто-то из парней, например, тот же Маркус... Кажется, Мирон говорил что он сирота безродный. С ним было бы проще всего. Молоденький парнишка смотрел на мага с восторгом, его можно было легко убедить, что он будет помогать в очень важном ритуале и отвести в сторонку. Да, он был бы легкой жертвой. А там останется спихнуть труп в ущелье: река сама доделает за него грязную работу.

Кавериско горестно вздохнул: план был хорош, только плохо совмещался с поимкой Эммелины. Жертвоприношению команда Леща мешала, зато чтобы схватить беглую жену была необходима.

Ну, сеть никогда лишней не будет, да и нож тоже не помешает.

Когда после длинного подъема Мирон скомандовал привал, Кавериско обессиленно привалился к камню и казалось, задремал. Но голова его все еще обдумывала варианты получения жизненной силы и он все более склонялся к тому, чтобы последовательно обобрать сразу двоих.

Руки мага тоже не спали: он наощупь вытащил из сумки нужные артефакты и ловко рассовал их по карманам. Налево пошел амулет для Эммы, направо — нож и сеть. Маг жалел только об одном — ловчая сеть была у него одна. Большая, ею можно было сразу спеленать троих, но вот двоих по — отдельности никак не получалось. Если рассечь ее на два куска, все магические свойства пропадали.

Ну что ж, он в любом случае не собирался выбрасывать такую ценную вещь. Послужит два раза, а потом в столице он найдет ведьму и даст ей, чтобы подзарядила.

Сети были чисто ведьминскими артефактами, маги пользовались подобными заклинаниями, не привязанными к материальному носителю. Но для Кавериско использование такого мощного заклятия было попросту невозможно. А вот сетку, которую сплела много лет назад его любовница — ведьма, он кидал чрезвычайно умело. Хороший артефакт получился. Больше ста лет прошло, ведьма давно концы отдала, а сеть как новая.

Размышляя о своих планах и ощупывая орудия в карманах, Кавериско настолько отвлекся, что пропустил самое главное. От раздумий его оторвал хриплый вскрик Леща:

— Вы только гляньте!

Да, было на что посмотреть. Весь противоположный берег ущелья скрылся из вида за стеной воды. Туча расположилась ровно так, как планировал маг, и от души поливала камни, расходуя на небольшой участок всю воду, которую притащила с собой. А ей на смену из-за хребта непрерывно шло пополнение.

Если под таким дождем Эммелина со своим отрядом решится продолжать путь, то она ненормальная.

Парни, с пренебрежением смотревшие на с трудом заползшего в гору старика, вдруг преисполнились к нему величайшим почтением и восхищением и стали тихонько переговариваться на тему: „Ну и силён наш маг!“

Каждый стремился подойти к Кавериско и сказать ему что-нибудь восторженное. А он размышлял о том, что маги древности умели кое-что такое, чему нынешние могут только завидовать.

Современные маги — погодники своими заклинаниями не способны были проделать такой трюк: лить дождь строго на указанной территории. А тут они стоят всего в каких-нибудь двухстах локтях от стены дождя и на них не попадает ни капли, в то время как там мокро как на дне морском и ничего не видно на расстоянии вытянутой руки.

Отдохнув, отряд Леща двинулся дальше. Кавериско шел одним из последних, рядом

болтался Маркус, который все время норовил заглянуть магу в лицо. Парень был настолько потрясен погодным колдовством, что не желал отходить от своего кумира.

Это вернуло мысли Герарда к возможному жертвоприношению. Мальчишка просто напрашивался! Но прямо сейчас проделать это было невозможно: все смотрят. А вот ночью... Да, ночью он отзовет паренька в сторонку и попросил помочь ему с ритуалом... И не совет ни капли! А потом скажет Лещу, что не знает, куда подевался нюхач. На обратном пути они найдут истерзанное водой и камнями тело и придут к выводу, что парень отошел помочиться, запнулся в темноте о камень и упал в пропасть.

Этот замечательный план так понравился магу, что даже силы прибавилось. А тут еще Маркус вдруг обратил его внимание:

— Господин, господин! Вы ничего не слышите?

Кавериско прислушался. Поначалу кроме шума дождя и рёва воды в ущелье он ничего не слышал, но затем в природную какофонию стали вкрадываться на редкость гармоничные звуки. Кавериско пошарил в сумке, нашел зелье слуха и глотнул из бутылочки.

Так и есть. Там, за стеной дождя, поют! Ему казалось, что он слышит голосок своей жены и даже узнает песенку. Эммелина с детства любила петь за работой и делала это так славно, что люди, идущие по улице, замедляли шаг, чтобы подольше слушать юную певицу. Он сам впервые зашел в лавку ее отца когда услышал, как она напеваает арию из популярного в том году спектакля у окна мастерской.

И вот теперь пение Эммы дает ему знак, что он близок к своей цели. Сейчас их разделяет только ущелье и стена дождя.

Маркус между тем спросил:

— Мы их нагнали, господин?

Маг усмехнулся.

— Да, Маркус, мы их нагнали. Сейчас перегоним и встретим там, где им от нас не уйти.

Эти слова услышал один из стрелков и передал Лещу. Командир отряда пропустил вперед всех, а сам дождался мага и переспросил:

— Вы сказали нашему нюхачу, что нам удалось нагнать беглецов. Как вы это поняли?

Кавериско махнул рукой в сторону пропасти:

— Они там, за дождем. Я слышал голоса и среди них голос магички. Если вы прислушаетесь...

Лещ напрягся, но ничего не услышал, зато Маркус радостно подтвердил:

— Да — да, господин Мирон, они там поют. Это я первый засёк и сказал господину магу.

Мирон Лещ хорошо знал необычные способности этого парня, так что поверил ему сразу. Он только сомневался, что старик, каким с недавних пор представлял маг, тоже мог такое расслышать. Кавериско же, увидев сомнение на лице следопыта, пояснил:

— Мне для того, чтобы проверить слова вашего паренька, пришлось выпить зелье острого слуха. Если хотите, могу дать глотнуть, сами послушаете.

Лещ отказался. Он с недоверием относился к магии, которую нужно принимать внутрь, и не собирался пить неизвестные зелья из рук этого странного старикана. Пусть император ему доверяет, но он, Мирон Лещ, не император. Желая отвлечь мага от идеи угостить его зельем, он предложил:

— Раз так, мой господин, давайте через час устроим привал и посмотрим на вашу замечательную карту. Если мы их уже обогнали, нужно выбрать место, где их встретить,

чтобы они не смогли улизнуть.

* * *

Туман рассеялся ближе к полудню. К тому времени все уже проснулись и позавтракали, а некоторые даже успели вылезти из шатра и размяться. Действительно, после сна в скрюченном состоянии у многих, в том числе и у Лины, затекли руки, ноги и спины, но как делать упражнения, если ты собственных пальцев не видишь? Магичка еще не забыла, что вчера им удалось приткнуться в опасной близости к пропасти и опасалась, что сослепу может туда угодить. Хотя Дамиан и уговаривал, что знает, в какую сторону от палатки можно идти без опасений за свою жизнь.

Но туда Лина уже сходила в кусты. Еще и разминкой там заниматься? Увольте. Так что они с Ромуальдом остались в шатре, пока остальные что-то там делали в тумане. Судя по тому, что снаружи доносилось тихое хихиканье, а в тумане все звуки приглушаются... Ребятам было очень весело.

Ромуальд между тем пытался наладить диалог. Спросил, какую музыку Лина любит и согласна ли она выступить на сцене и спеть в его новой опере. Он уже сюжет придумал, осталось связаться со старым другом, который напишет либретто. Лине же он хочет поручить партию главной героини.

Девушка очень удивилась. Ей никогда не приходило в голову, что ее пение может быть чем-то большим, чем развлечением во время работы. Да и бросать свою профессию она не собиралась. Так и пояснила Ромуальду: поет она для себя, в лучшем случае для друзей. Сцена — не для нее, ей неприятно внимание множества незнакомых людей.

Бедный князь уныло вздохнул. Казалось, вот оно: отличный повод чтобы сблизиться с Линой. Он не сомневался, что в конце концов она освободится от своего кошмарного мужа. Тина его терпеть не может, это уже ясно, а вот Лина тогда едва устояла. Наверное она ему все же сказала правду: отдаться нежным чувствам мешает брачный контракт. Придется подождать, но оболящать девушку заранее никто не мешает.

Вот он и придумал этот ход с новой оперой. Лине должно быть лестно, что ее голосом восхищается не кто-нибудь, а знаменитый композитор. Оказалось, что и тут он пролетел. Ну на какой козе ней подъехать?

Кстати, мысль изложить историю их приключений в музыке — очень удачная. Две героини, дав героя, злодеи, погоня, страсти... Это может стать его новым триумфом.

Лина тем временем расстелила на середине шатра свою карту, максимально увеличила то место, где они находились, и устроилась рядом на животе. Когда внутрь нырнули бродившие в тумане Дамиан, Тина и Стефан, она поманила их рукой и ткнула пальцем:

— Вот, смотрите. Здесь мы находимся, а туда нам надо. Мой вывод: мы еще мало поднялись вверх, чтобы перевалить хребет. Надо уйти от реки залезть повыше. Тут должна быть охотничья тропа или то, что от нее осталось. Она как раз ведет туда, куда нам надо: в Гремон. На нее можно попасть если подняться вот на эту стенку, — она ткнула пальцем в рисунок, — Недалеко отсюда есть подъем. Идти меньше полулиги. Нам бы его не прошляпить.

Ее тут же оттеснили от карты и все вместе начали ее изучать. Дамиан засомневался.

— Лина, у нас еще погоня на хвосте должна быть. Как от нее отделяваться

собираешься?

Девушка бросила на него прищуренный взгляд.

— Погоня? Верно, я выпустила ее из виду. Но ничего не поменялось. Смотри: дождь — он и для Кавериско дождь. Вряд ли мой благоверный в его годы решится шастать по скалам под ливнем. А значит, если мы задержались, то и преследователи тоже. Чем скорее мы окажемся в Гремоне, тем скорее будем в безопасности. Нападать на нас на чужой территории имперцы побоятся.

Стефан подал голос:

— А Кавериско, Лина? Ему наплевать на кольцо Азильды, насколько я понял. Ему нужна ты. И он не станет себя связывать такими условностями, как границы. Ты сказала, что не можешь ему вредить. А обязана ли ты его слушаться?

Магичка потупилась.

— Вообще-то да, — и тут же вскинулась, — Но за непослушание нету магического наказания! Мне ничего не грозит! И вообще вы не обязаны...

— Обязаны, Лина, — веско возразил Дамиан, — Мы все тебе очень обязаны. и Это ты была не обязана лезть в пекло ради Ромуальда и его княжества, но раз уж полезла, то теперь наша очередь предпринять что-то ради тебя.

Он оглядел остальных мужчин и взглядом добился от них подтверждающих кивков. Все были с ним согласны.

— Вот видишь, Лина, никто не согласен дать тебя в обиду этому сволочному магу. Мы сделаем всё, чтобы тебя защитить.

Тина обняла подругу со спины.

— Успокойся, милая, мы тебя не бросим на растерзание. Тем более что я просто мечтаю увидеть, как твой муженек будет корчиться в предсмертной агонии!

Обернувшись к мужчинам, она хищно ощерилась и добавила:

— Да, вот такая я добрая целительница!

И снова склонилась к задумавшейся Лине:

— Ты не можешь ничего против него предпринять? И не предпринимай. Без тебя разберемся. Иди лучше на улицу, посмотри, как там туман. А мне надо с мальчиками парой слов перекинуться.

На удивление Дамиану Лина встала, кивнула и вышла в туман.

Тина поманила парней поближе к себе и театральным шепотом заявила:

— Не говорите с Линкой про мужа, ее это вгоняет в тоску. Лучше слушайте сюда. Если этот гад нас все-таки догонит, то Лина нам не помощь, а помеха. Не ошибусь, если скажу: у каждого из вас есть причина радоваться тому, что он издохнет. Кроме Стефана, конечно.

— У меня тоже есть, — вдруг заявил маг, — Если он сделал столько зла моим друзьям, то это все равно что мне самому.

Тина вместо ответа чмокнула парня в щеку, отчего Стефан покраснел как варёный рак. Затем девушка продолжила:

— Надо распределить роли. Дамиан, насколько я знаю, ты отлично дерешься на мечах и всяком таком... С тебя силовая поддержка. Стеф, прошу, вспомни все боевые заклинания, которые знаешь.

— Кроме файерболов, огненной плети и ледяных стрел я ничего..., — начал Стефан, но Тина его остановила.

Отлично. Думаю, большего не потребуется. Мы в горах, разбрасываться здесь силовыми

заклинаниями — самоубийство. Думаю, и Герард это знает. На мне ближний бой.

— Что? — изумился Дамиан.

— Ничего. Был бы Кавериско простым человеком, я бы так не сказала, но против мага у ведьм есть очень действенные приемы, поверь.

Советник кивнул, принимая точку зрения Валентины.

— А я? — вдруг проснулся Ромуальд, — Какую роль ты мне отвела?

— Самую важную. Если мы будем вынуждены вступить в бой, да даже если просто окажемся достаточно близко к Кавериско, чтобы вести с ним переговоры, у тебя одна задача: обнять Лину покрепче, держать и не пущать.

— Что? — в изумлении вскричали все трое мужчин разом.

Тина не поняла, что их так удивило, но пояснила:

— Мы будем противодействовать гаду, а ей лучше этого не видеть, не слышать и не знать. Вот и притисни ее к своей широкой груди, желательно лицом, сделай так, чтобы она на время выпала из жизни. А мы тем временем с врагами разберемся.

Кажется, кроме Ромуальда никто не пришел в восторг от того, как Тина собиралась использовать князя. Маг вообще не верил, что тот способен на какую-то практическую пользу, а советник чувствовал, что у него все внутри переворачивается, стоит только представить, как этот венценосный обормот обнимает Лину. Его Лину!

Тут до Дамиана дошло, что он уже готов заявить на магичку права собственности, а она еще понятия об этом не имеет, и устыдился. Поэтому, когда Тина спросила, все ли уяснили себе что им надлежит делать при встрече с Кавериско, он с преувеличенным энтузиазмом подтвердил свою готовность.

Тут в Шатер вернулась Лина и сообщила, что солнце поднимается все выше, а за ним и туман. Еще полчаса и можно будет двигаться дальше. Заодно она попросила подругу на всякий случай раскинуть следящую сеть. Что-то у нее душа не на месте.

Подобные аргументы всегда находили отклик у Тины, ведь как раз интуиция была ее сильной стороной и ей она более всего доверяла. Если для разнообразия это чувство проснулось у ее насквозь логичной подружки, значит, так было угодно высшим силам.

Прикрыв на всякий случай глаза, ведьма повела рукой по воздуху, вдохнула поглубже и сообщила:

— Впереди восемь человек. Один из них маг, еще один... Не пойму. Не маг, но странный какой-то.

Мужчины, услышав это известие, на несколько минут просто окаменели. Лина же развила бурную деятельность. Снова разложила свернутую было карту и стала требовать от Валентины, чтобы она попробовала привязать виденное к плану местности.

— Где впереди? Прямо по курсу? Справа? Слева? Далеко? Близко?

Тина сначала крутила головой, не совсем понимая, что от нее требуется, но потом сообразила. Вгляделась в карту, снова закрыла глаза, сканируя местность по — ведьмински, а затем уверенно ткнула пальцем:

— Вот! Они здесь! Восемь человек, из которых один маг и один странный.

Тут на карту набросились мужчины. Рассматривали ее, крутили и так и эдак. Наконец Дамиан сформулировал свою позицию.

— Выходит, они к нам подобралась по другому берегу... Лина, ты была права. Лезем выше. Встреча с господином Кавериско, как я понял, неизбежна, но так мы займем более выгодную позицию и оставим между нами основное ущелье. Оно, хоть и узкое, будет нас

прикрывать.

Ромуальд вдруг взволновался и стал тыкать пальцем в то место, где притаились враги:

— Там мост! Они могут в любой момент перейти и оказаться лицом к лицу с нами!

Дамиан тяжело вздохнул и уже собрался разъяснить свою мысль князю, но тут вылез Стефан:

— Для этого и нужно нам подняться повыше! От моста до того места, где мы будем находиться, около десяти локтей отвесной стенки! Дорожка там, правда, тоже есть, но узенькая. Нападающим придется подниматься поодиночке и мы легко сбросим их вниз.

Лина спокойно резюмировала:

— Всё. Мы приняли решение и пора уже начать его исполнять. Складывайте вещи, скоро выходим.

Когда через полчаса туман наконец поднялся, команда беглецов была готова выйти в путь. Карта не обманула. Берег тут шел двумя гигантскими ступенями, каждая из которых отвесно обрывалась вниз, но кое — где вода и прочие силы природы победили камень. Он треснул наискосок и образовался узкий наклонный выступ от подножья до самого верха. По нему-то и удалось забраться этажом выше. Ползти здесь не удавалось, приходилось двигаться приставным шагом впритирку к скале.

Хуже всех пришлось Лине. Ее пышные формы занимали слишком много места, буквально сталкивая девушку с узкого карниза. Все остальные двигались лицом к каменной стене и цеплялись за нее, а магичке пришлось идти лицом к пропасти, иначе ей сильно мешала грудь.

Дамиан и Стефан поставили бедняжку между собой и крепко привязали к себе веревками. Она отказывалась, говоря, что так может утянуть в пропасть их всех, но мужчины отказались ее слушать. Казалось, близость Кавериско затмила ясный, холодный ум, заставляя девушку смириться со своей незавидной долей.

Только вот никто не собирался ей позволять расслабиться и покориться. Если Лина вытащила Ромуальда из задницы, которая была ему уготована целой империей во главе с императором, то неужели ее друзья допустят, чтобы она расквасилась перед одним — единственным стариком, кто бы он ни был?!

О семи его сопровождающих никто не думал. Важно было нейтрализовать самого Кавериско, а остальные вряд ли захотят связываться с компанией, в которой есть еще маги и целая ведьма в расцвете сил.

Когда наконец все они выбрались на ровное место и посмотрели вниз с этой высоты, то особо эмоциональные Ромуальд и Тина громко ахнули. Отсюда открывался поразительный по красоте вид. Вот только ни у кого сейчас не было ни сил, ни желания им восхищаться. Просто с этой точки отлично была видна струйка дыма, поднимавшаяся от лагеря имперских следопытов.

* * *

До самой темноты Мирон Лещ гнал свой отряд вперед. Обогнать преследуемых и встретить их, когда они не будут ждать! Эта мысль гнала его и заставляла подгонять остальных. Кроме того, после шуки с дождем он воочию убедился в том, что Кавериско — сильный маг, а таких с недавних пор император приближал к себе. Авось старый хрыч

заступится за них и вместо наказания за переход границы они получают поощрение. Ведь награждают же удачливых шпионов?! А они сейчас как бы выполняют задание...

Мирон вел свой отряд и то и дело непроизвольно косился на шумящую всего в ста локтях стену ливня. Это был еще один повод поторапливаться. Пока дождь шел только по одному берегу реки, но долго ли маг сумеет удерживать стихию в рамках?

К удивлению Леща, да и всего отряда, погода так и не вышла из повиновения до самого вечера. Там, где река распадалась на множество ручьев, каждый из которых можно было смело перешагнуть, стена дождя заворачивала к югу вдоль узкого, но очень глубокого каньона, по которому шло основное русло. Мирон повел людей вдоль волшебной шумящей завесы.

Где-то впереди был мост, по которому можно было переправиться на другую сторону. Там он и планировал встретить беглецов.

Перед самым закатом мост наконец был найден. Старый, чуть живой подвесной мост. Мирон пощупал веревки, составлявшие его основу, потыкал в редкие перекладины... Сорок локтей максимум, если не тридцать... надо будет укрепить его веревками, взятыми из дома, а на гнилые деревяшки лучше не наступать. Но в принципе мост живой и переправиться по нему можно.

Переходить не стали: починка и переправа могли затянуться, в сумерках идти по подвесному мосту безумие, а на другой стороне не просматривалось место для лагеря.

Лещ бросил взгляд на мага и ужаснулся. Даже по сравнению со вчерашним днем маг выглядел ужасно. А если сравнивать с тем, каким он был в Стомбуре, можно констатировать, что Герард Кавериско за несколько дней из цветущего пожилого господина величественной наружности превратился в дряхлого старца. Только взгляд у него остался прежним, как будто маг презирал всех, считая себя существом априори высшим. Мирона это с самого начала раздражало, но важность задачи и то, что заезжий маг собирался щедро расплачиваться золотом из императорской казны, заставило его забыть свою неприязнь.

Сейчас к тому же ему было жалко старика. Тот весь день шел, сжав зубы, не просил поблажек и снисхождения к своим летам, а теперь просто на глазах разваливался. К счастью Маркус был на подхвате. Сразу устроил вымотанного мага на отдых: расстелил одеяло, уложил его, свернул куртку и подсунул старику под голову, укрыл плащом...

Лещ был удивлен: обычно Маркус вел себя нелюдимо, ни с кем не дружил, держался наособицу, а тут крутился вокруг усталого мага как любящий внук вокруг дедушки. И чем это заезжий его зацепил? Посулами хорошего заработка или магией?

Кавериско тоже обратил внимание на то, как вьется вокруг него мальчишка — нюхач, но вопрос почему волновал его в последнюю очередь. Главное чтобы парень не слинял раньше времени. Поэтому надменный маг был с Маркусом мил и ласков.

Его целью было чтобы мальчик устроился ночевать рядом. Тогда можно будет подождать, пока все заснут, а затем разбудить дурачка и попросить проводить в сторону от лагеря. Вроде он помочиться хочет, но один боится не дойти. Будет темно, но это ничего. У Герарда с собой магический светлячок, привязанный к кулону.

Как только они выйдут из поля зрения возможных наблюдателей, он уронит кулон и попросит Маркуса его поднять.

Все остальное — дело техники. Сетка, под которой парень ни крутиться, ни кричать не сможет, нож чуть выше сердца и читать заклинание... Его, хвала богу загробного мира, он знает наизусть. С последним звуком вся сила Маркуса перейдет к нему. С нею ему будет

нетрудно сбросить тело в реку. После такого дождя она полноводная, а значит легко утащит труп и найдут его не раньше, чем камни и вода сделают невозможным установление настоящей причины смерти.

Затем надо будет тихо вернуться на место и лечь спать. Да, утром не забыть играть роль старикашки, для этого завернуться в плащ. А на расспросы про Маркуса отвечать, что не знает, куда он пошел. Спал и ничего не слышал.

Все отлично продуманные планы имеют склонность идти к демонам по какой-нибудь совершенно идиотской причине. Кавериско настолько устал за день, что как только план сложился в его голове, он успокоился и заснул мертвым сном. Его будили, желая накормить ужином, он ворчал, но не просыпался.

Лагерь затих рано. Все намаялись за день и заснули сразу как поужинали. Маркус, как верный пес, улегся с Кавериско рядом и всю ночь караулил его сон. Все предпосылки для реализации гениального плана были налицо. Только вот силы подвели коварного мага: ушли и без глубокого полноценного сна возвращаться не собирались.

Когда Кавериско наконец проснулся, то чуть не заплакал с досады. Великий план провалился, а свалить вину не на кого. Все произошло из-за его собственной старческой немощи. Но мало ему этого! Вокруг туман, в котором ни зги не видно.

Вчера, вызывая дождь, он не подумал о том, что утром обязательно будет густой туман, причем на обоих берегах, не только на том, где лило. Тучам и ливню он мог задать границы, а вот туману нет. Это значит, что вместо того, чтобы чинить мост и перебираться на ту сторону, чтобы встретить Эмму и ее отряд, все будут сидеть и ждать, когда солнышко высушит воду.

Можно было воспользоваться туманом и попробовать повернуть ритуал с Маркусом, благо никто ничего не видит, но мальчишка куда-то смылся, а остальные, судя по голосам, уже встали. Если все же отловить паршивца и повести за собой, кто-нибудь обязательно увидит!

Маг чуть не плакал от огорчения.

* * *

Военный совет занял всего четверть часа. Предложения было два: подняться еще выше и обойти стоянку врагов дальней дорогой или идти вперед и встретить опасность лицом к лицу.

Очередное рассматривание карты дало отрицательный ответ на вопрос: возможно ли пройти выше. Для этого у них не было опыта скалолазания и подходящего оборудования. Так что вопрос решился сам собой.

На том, чтобы не пытаться избежать встречи с Кавериско, как ни странно, настаивала Лина. Ей надоело вечно бегать и прятаться, а сейчас появился шанс наконец-то разобраться и решить эту проблему раз и навсегда. Тина же предпочла бы никогда более не видеть гада, хотя к встрече была готова лучше своей подруги. С ней был согласен Ромуальд, а вот Дамиан со Стефаном желали потягаться силой со старым злодеем.

Когда же стало ясно, что столкновения избежать не удастся, споры мигом прекратились. Теперь все беспокоились только о том, как не дать сопровождающим Кавериско людям перебраться через мост. Бороться с одним, даже очень сильным и

опытным магом, было проще. Его никому жалко не было. А убивать ни в чем не повинных подданных императора никто не собирался. Между империей и княжеством Амондиран войны нет, так что пусть живут.

Стефан предложил поджечь мост или что там вместо него простым файерболом, так как это было практически единственным боевым заклинанием, которым он уверенно владел. Здесь, в горах, в ходу подвесные мосты из веревок и досок, сторит за милую душу.

В принципе это решение всех устроило. Оставалось подойти поближе и, прежде чем люди Кавериско хватятся, попасть по мосту огненным шаром. Дамиан сомневался в меткости Стефана, но его поспешили успокоить: тут трое владеют этой техникой. Если Стеф промажет, остальные подключатся: кто-нибудь да попадет. Вот только идти надо скрытно, чтобы их не заметили раньше времени.

Лина подумала и предложила двигаться как можно дальше от края, прижимаясь к скале, чтобы их не было видно с той стороны. Она вспомнила про имеющийся у ее мужа артефакт: лупу, показывающую ауру живых существ. Но, в отличие от следящей сети Тины, которая дает картинку с приличной высоты, лупа не может показать то, что скрыто за камнем. Так что способ укрыться от взгляда мага имелся, жалко только, что ближе к мосту эта стратегия должна была перестать работать: уступ в этом месте сильно сужался.

Стефан уверил всех, что именно на это он и рассчитывает. Его ни Кавериско, ни его спутники, не знают, а по физиономии догадаться что он маг невозможно. Поэтому он пойдет вперед и, прежде чем кто-то успеет среагировать, запульнёт парочку шаров по мосту.

— Попадёшь? — сурово спросил Дамиан.

— В детстве я был одним из лучших игроков в мяч, — ответил маг, — Только бы этот ваш Кавериско не вздумал применить против меня какую-нибудь вредную магию: щиты-то я делаю совсем хилые.

Тут Тина презрительно хмыкнула. Стефан испугался: она может подумать, что он трус, и хотел уже что-то добавить, но тут вступила Лина. Она-то отлично поняла: хмыканье Тины относилось вовсе не к моральным качествам Стефана, а к способности Кавериско к боевой магии.

— Насчёт этого можешь не бояться. У Герарда сил еще меньше, чем у тебя, к тому же он старик. Швырнуть в тебя заклинанием он вряд ли сможет. Если только боевым амулетом... Но для этого нужны физические силы, ловкость и меткость, а с этим у него должно быть туго. Не добросит. Да он и побоится использовать такие амулеты в горах: их заряжают отнюдь не файерболом, а чем-то покрепче. Здесь это очень и очень опасно.

Стефан понимающе кивнул и промолвил:

— Замечательно! Тогда тем более я поступлю так, как задумал. Должна же от меня быть хоть какая-то польза.

Услышав эти слова, Тина подошла к парню, обняла его и чмокнула в щеку, шепнув на ухо:

— Вперед, мой герой!

После такого поощрения Стефан был готов в одиночку сразиться хоть с драконом. К счастью, цель его оказалась ближе и доступней. Все-таки Кавериско не дракон, а сжечь огненным шаром старый веревочный мост — это не в битве участвовать.

Теперь Стефан возглавлял отряд беглецов, двигаясь примерно на двадцать локтей впереди всех, а Дамиан шел сзади, прикрывая тылы. Когда противник стал виден невооруженным глазом, он предпочел забыть о чувствах и полностью переключился на

защиту отряда.

Позицию замыкающего он выбрал недаром. Опасности нападения сзади не существовало, это Дамиану, да и всем остальным было ясно. Но так он мог держать всех в поле зрения и своевременно реагировать, если что. Больше всего его беспокоил Ромуальд, не только из-за того, что он отвечал за здоровье и безопасность своего князя, но в основном потому, что даже боги не смогли бы предугадать, что взбредет в голову этому гению художественной мысли. Так что лучше было держать красавца под постоянным присмотром.

Но и Лину с Тиной из виду упускать не стоило. Дамиан помнил, что сказала ведьма им всем и какую роль она отвела Ромуальду. Советник считал своим долгом проследить, чтобы князь в нужный момент выполнил свою часть работы.

Ему было ясно, что задание, которое князю казалось скорее пикантным, на самом деле действительно трудное и ответственное. Ведь Лина не растечется, как мороженое на печке, в объятьях Ромуальда, она будет отбиваться и вырываться. Девочка желает всех защитить, ведь она тут самый сильный и умелый маг. Но на этой сцене предстоит действовать другим. Не она их будет спасать, а они её.

Дамиан очень надеялся, что всё получится, хотя и не представлял себе как.

Расстояние до моста они преодолели примерно за час. Когда уступ, по которому они шли, начал сужаться, Стефан махнул им рукой: мол, стойте, а сам, пригибаясь, побежал вперед. Лина было рванула за ним, но ее сначала ухватил за руку советник, а затем князь вспомнил свои обязанности. Обнял девушку, прижал к груди и зашептал:

— Успокойся, Линочка, не беги, не торопись. Сейчас Стеф даст сигнал и мы пойдем все вместе.

Спокойный, ласковый голос подействовал. Лина успокоилась и вместе со всеми стала наблюдать за действиями Стефана.

А тот зря времени не терял. Добежал до того места, где от моста на второй ярус поднималась тропинка, встал во весь рост и, не тратя время на раздумья, швырнул вниз три огненных шара один за другим.

Сидевшие у костра солдаты императора вскочили, но было поздно: мост пылал и куски его, охваченные пламенем падали в пропасть.

Лина уже давно увидела Кавериско, но старалась на него не смотреть. Сейчас же она наблюдала, как один из солдат, самый старший, что-то говорил магу, показывая на пылающий мост, а тот смотрел на огонь и не отвечал.

Вдохновленный своими достижениями Стефан тем временем стал махать руками, призывая своих друзей. Он погорячился: один из солдат вскинул арбалет и болт прошил предплечье молодого мага. Стеф завопил от боли и рухнул на землю. Ведьме показалось, что парень ранен очень серьезно и она, забыв обо всем, бросилась к нему на помощь. Остальные побежали за ней.

Тина налетела на Стефана как ураган, плюхнулась рядом и стала допытываться, где и насколько тяжело он ранен. Если легко, то почему упал?

Тронутый до глубины души маг поспешил объяснить: рана нестрашная, больно, но терпимо, а упал, чтобы не стать мишенью для арбалетчика. Целительница осмотрела вошедший в руку болт. К счастью, он прошил насквозь мягкие ткани, не задев ни нерва, ни артерии. Если бы надо было бежать или биться, она бы просто зашептала боль и кровь, а полноценным лечением занялась позже.

Сейчас, когда опасность того, что враги перейдут пропасть и нападут на них, была

устранена, Тина занялась Стефаном как следует. Действовала быстро, но эффективно. Достала нож, срезала металлическое острие болта и выдернула его из раны, обильно поливая ее обеззараживающим зельем из своей сумочки, с которой она не расставалась. Стефан застонал и чуть было не упал в обморок, но ведьма сунула ему в рот пастилку с приятным вкусом, которая сразу взбодрила мага. После этого она остановила кровь, наложила повязку и дала указания:

— Руками не размахивай и завтра будешь как новенький. Даже шрама не останется.

От момента, когда она начала лечить мага, прошло едва ли больше трех минут. Стефан поднял на нее полный обожания взгляд и спросил:

— А сегодня? Если нужна будет моя магия, я смогу?

Тина кивнула и ласково улыбнулась.

— Сможешь, но с осторожностью. Повторю: руками не размахивай. Пассы делай экономно. А вот оружием ты пока владеть не сможешь, прости.

— Это ты меня прости, — произнес Стефан.

Он еще многое хотел сказать, но не успел. Раздался вскрик Лины и все внимание переключилось на то, на что с выражением ужаса на лице пальцем указывала магичка.

На другой стороне пропасти события вдруг начали развиваться с огромной скоростью и совершенно неожиданным образом.

* * *

Когда неизвестный парень стал кидаться огненными шарами и сжег мост, Кавериско понял, что все его надежды пошли прахом. До Лины не добраться, силу Маркуса он проспал... Да и вообще его жизни осталось всего ничего: не факт, что он выберется из этих мест живым.

Он оглядел свое окружение. Демоны! Молодые, здоровые парни, им эти горы нипочём, а он даже за целую ночь полноценного сна так и не восстановился.

Кажется, он от отчаяния совсем потерял рассудок, потому что к уже лежавшей у него в кармане сетке добавил несколько парализующих игл. Первую же он вонзил в руку стоявшего рядом Мирона, отчего тот сразу замер, и пошел через весь лагерь прямо к нюхачу, который стоял ближе всех к сгоревшему мосту и рассматривал то, что от него осталось. По дороге Кавериско втыкал свои иглы в солдат и те замирали в той позе, в которой их застали врасплох. Надо сказать, обстановка благоприятствовала. Парни смотрели на противоположный берег, обсуждая, как можно туда перебраться и есть ли у них шансы против магов. Никто не ждал от Кавериско беды и никто не обращал на него внимания, тем более что свое черное дело он творил в полной тишине.

Только один понял, что происходит и успел поднять руку, пытаясь защититься, но было поздно: отравленная игла вонзилась ему в ладонь.

Маркус тем временем сидел на корточках над остатками моста и принюхивался. Все забивал запах гари, но к нему отчетливо примешивалась медь, которой тут не было и быть не могло.

Это обрадовало парня. Он был прав: медный оттенок запаха — признак колдовства, магии или как еще можно называть эту пакость. Мост-то не от чего-нибудь загорелся, а от настоящих файерболов! Маркус никогда их раньше не видел, но был наслышан, и вот

сподобился.

Кроме бывшего моста он краем глаза, чтобы никто не заметил его интерес, он поглядывал на магов и ведьму, окопавшихся на том берегу. Интересно, как можно определить, есть у человека склонность к магии или нет? По запаху? Так-то все люди, сгрудившиеся у спуска, казались обычными, хоть и симпатичными. Девчонка милая, ему такие всегда нравились, а один из парней и вовсе хорош собой на зависть. Ему даже показалось, что это и есть вторая девушка, та, которая красавица — ведьма, но нет, парень. Если бы Маркусу чуток его красоты, в Стомбуре девки сами бы его в постель тащили, а не морду воротили...

На лагерь и на самого Кавериско он не обращал внимания: что там может быть интересного, когда все важное сейчас на том берегу, а перебраться не по чему?

Но вот то, что он чувствует магию, может оказаться полезным. Он расскажет господину магу о своем наблюдении, авось тот решит, что с такими талантами Маркус не должен прозябать в Стомбуре и заберет его с собой в столицу.

Утешенный такими соображениями, парень попытался встать, и в этот момент на него сверху упала сеть. Мерзкая, отвратительная сетка! Она сразу же спеленала Маркуса по рукам и ногам. Он попытался вырваться, но сеть держала крепко и не давала пошевелиться. Тогда он заорал изо всех сил! Но из его рта не вылетело ни звука.

Он понял чьи это проделки раньше, чем увидел подкравшегося к нему со спины мага. Таковую сеть простому человеку никто бы не доверил! Одного Маркус не мог понять: зачем? Зачем Кавериско связывать его, того, кто готов был служить магу верой и правдой?

Ждать ответа долго не пришлось. Кавериско пинком опрокинул сидящее на корточках тело, наклонился и заглянул парню в глаза. В руках он держал небольшой то ли кинжал, то ли стилет, покрытый странными узорами от рукоятки до самых кончиков.

— Ты уж прости, милый, — заговорил маг тихим шепотом, — Но мне нужна твоя жизнь. И не суетись, это бесполезно: двигаться ты не можешь, а об остальных я позаботился. Ещё часа два никто не сможет прийти тебе на помощь.

Он осторожно просунул свой кинжальчик между ячейками сети и распорол рубашку Маркуса в нескольких местах, стараясь обнажить грудь, заодно продолжая шипеть что-то про силу, молодость и жертву. Но содержание вкратце было понятно. Этот подонок собирался выпить жизнь из всех, кто находился в лагере и сбросить их в реку, а начать решил с него, Маркуса.

Бедный нюхач, которому осталась только способность двигать глазными яблоками, скосил взгляд и увидел в лагере одни замершие статуи. Ну и сволочь этот Кавериско, постарался! Действительно, помощи ждать неоткуда. Свои не помогут, скорее скоро сами станут жертвами этого паука, а чужим до него нет дела. А тут этот гад его лучшую рубашку на куски кромсает!

Почему-то эта простая мысль вызвала у парня невероятный приступ иррационального бешенства. Он готов был голыми руками порвать мага на клочки! Состояние подсказало действие: парень дернулся раз, два, сильнее, сильнее... О чудо! Тело вновь ему повиновалось!

Для начала он заорал так громко, как только смог. Ему ответило горное эхо. Затем парень попытался освободиться.

Сетку сбросить не получалось, она держала крепко, но зато он мог отбиваться и вырываться! Маркус дернулся, пытаясь выпрямить ноги, но в результате перекатился в

сторону и оказался на краю пропасти. Он это понял и постарался больше не двигаться. Рухнуть вниз не хотелось.

Кавериско, стоявший на коленях, теперь не мог до него дотянуться и, кряхтя и охая, стал подниматься на ноги. Он явно был поражен тем, что Маркус сбросил с себя заклинания. Теперь он был опасен даже связанный, но маг совсем не думал об этом. Он видел, что его шанс на восполнение жизненной силы ускользает. Если Маркус свалится в пропасть, то Кавериско потеряет все! И его юную силу, и свою замечательную сетку! А без неё...

Он отправил всех людей Леща в стазис почти на два часа, но в этом положении вышить их не представлялось возможным. Для этого нужно было каждого привести в чувство. Вряд ли они согласятся с тем, что он им уготовал, так что предварительно каждого придется упаковать в сеть. Но она у Кавериско всего одна, и та на Маркусе! Парень каким-то образом истощил заклинание, но его легко можно восстановить. А вот если гаденыш рухнет в пропасть, Кавериско конец! В таком состоянии он далеко не уйдет, а через два часа Мирон Лещ и его ребята очухаются, догонят, и тогда вряд ли жизнь старого мага продлится хоть пару минут.

Оставалось только одно: как-то оттащить Маркуса от пропасти и все же завершить начатое. Тогда можно будет думать дальше.

Пока что думалось плохо, потому что Кавериско не побежал к своей заветной сумке за подсобными материалами, а подошел к лежащему на спине Маркусу. Встал так, чтобы парень не свалился в пропасть раньше времени. Голова нюхача лежала на самом краю, а ноги маг придержал самым простым заклинанием веревочки.

Парень сверкал глазами, с ненавистью глядя на мага. Он уже ощупал сам себя и успел проклясть собственное невезение: любимый нож, который он обычно носил в ножнах на боку, вместе с поясом остался там, где Маркус спал. Иначе он бы уже давно разрезал проклятую сеть и задал бы магу перца. Но если ему суждено погибнуть, то пусть! Жизнь и так не слишком сладкая штука. Он от нее ничего хорошего не видел.

Только вот господину Кавериско его сила и молодость не достанутся! Ни за что!

Сейчас он его совсем не боялся. Старый трухлявый пенёк, протухшая солонина, заплесневелый гриб! В сердце парня kloкотала ненависть, а страха не было. Кавериско вытащил свой кинжал и нагнулся над лежащим на спине Маркусом. Сейчас!

Парень дернулся что есть силы, повторяя своим телом движения рыбы, выброшенной на берег. Его спелёнутые ноги сильно ударили Кавериско под колени и тот, нелепо взмахнув руками, рухнул в пропасть. Слабый крик, всплеск и всё!

Но и Маркус не остался лежать в безопасности. От резкого движения его тело развернулось и перекатилось ближе к месту, где раньше был мост. Там уклон шел в сторону пропасти, камень был гладким, а первоначальный импульс довершил дело. Завернутое в сеть тело Маркуса поехало вниз как на саночках.

Не имея возможности задержать свое скольжение к гибели, парень заорал от ужаса и закрыл глаза. Он понял, что от судьбы не уйдешь. Ему предстоит кормить рыб вместе с Кавериско, что было бесконечно обидно.

Резкий рывок... Вместо падения парень больно ударился спиной обо что-то твердое. Движение тела прекратилось, вода все так же редела где-то внизу. Маркус осторожно открыл один глаз... Лучше бы не открывал.

Он висел над пропастью и сейчас только зацепившаяся за что-то сетка отделяла его от гибели.

Вдруг он услышал крик:

— Парень, держись!

Те, за кем они охотились, гурьбой летели вниз по тропинке со своего уступа. Все пятеро. Впереди неслась симпатичная круглолицая девчонка, которая ему так понравилась. За ней несся черноволосый красавчик, за ним высокий широкоплечий парень, за парнем еще одна девчонка, а за ней длинный сутулый фитиль, которого подстрелил Леонат. Все они высыпали на берег перед сгоревшим мостом и застыли. Даже если они хотели помочь, что вряд ли, сделать это представлялось невозможным. Между ними и Маркусом была пропасть, широкая и глубокая, на дне которой бесновалась горная река, ставшая полноводной после вчерашнего дождя.

Но даже если бы помощь была возможна, Маркус не верил, что у этих ребят так плохо с головой, что они будут спасать своего преследователя. Он бы бросил своего на произвол судьбы и радовался, что так дешево отделался.

* * *

Между тем на противоположном берегу шёл разговор именно о том, как спасти глупого мальчишку.

Еще когда вся команда находилась наверху и, лёжа у края, смотрела на то, что происходит у противника, Тина обратила всеобщее внимание на сидевшего на корточках Маркуса, к которому подкрадывался Кавериско:

— Вон, вон, смотрите, это тот парень, чья аура кажется мне странной.

— А что он делает? — спросил Стефан, имея в виду не мальчишку, а мага.

Ему ответила Лина, хотя это был не ответ а скорее размышления вслух:

— Обалдеть. Он зачем-то погрузил всех своих людей в стазис. Знаю эти иголки: теперь они часа два будут как статуи. Ой! Он хочет связать парня сетью! Зачем?

Как раз в этот момент сетка и впрямь упала на Маркуса и спеленала его от головы до самых ног.

Когда вслед за этим Кавериско достал свой кинжал и начал кромсать рубаху бедняги, Лина попыталась встать и побежать вниз. Она узнала кинжал по описанию, хоть никогда его раньше не видела, и отлично поняла, какой ритуал собирается провести ее муж.

Побежать ей не дали. Ромуальд и Дамиан навалились на нее с двух сторон и не позволили подняться на ноги. И ту парень заорал и задергался.

— Невероятно, — прошептала Лина, — Как? В этой сети невозможно шевелиться.

— Какая прелесть! — раздался за ее спиной звучный голос Тины, — Молоденький ведьмачок! Никогда живьем не видела, только читала! Лин, твой Кавериско его инициировал на свою голову.

Как в воду глядела. Стоило последнему слову Тины смолкнуть, как связанный парнишка дернулся изо всех сил и старый злодей полетел в пропасть. Все произошло так быстро, что никто ничего не понял. Даже Лина сообразила, что навеки освободилась от своего кошмара только после того, как слабый крик мага истаял в воздухе, а в воде уже нельзя было разглядеть его труп. Бурная река проглотила добычу в мгновение ока.

По мнению Дамиана можно было начинать радоваться и ликовать, но бедная Лина сидела как оглушенная. Правда, продолжалось это всего какую-то минуточку. Она же первая

заметила, что сетка с ее избавителем поехала вниз, в реку, туда, где уже сгинул Кавериско.

Так как и Ромуальд, и Дамиан уже успели вскочить и больше не держали магичку, она вскочила и бросилась вниз. Шансов успеть у нее не было, но и сидеть просто так она не могла.

Когда же сеть с несчастным парнем вдруг замедлила ход и повисла над пропастью, зацепившись за один из камней, к которому еще недавно крепился мост, из груди Лины вырвался вздох облегчения. Пока человек жив, есть вероятность его спасти. Она крикнула ему „Держись!“, первая добежала до края пропасти и остановилась в раздумьях. Как выволить паренька?

Тина сказала, что он ведьмак? „Ведьмачок“, выразилась она. Интересно, это что-то дает в плане спасения или придется выкручиваться самой?

Маркус тем временем попытался подтянуться и зацепиться руками хоть за чтонибудь. От скального выроста, на котором держалась сеть, стали отлетать мелкие камешки.

— Парень, — крикнул ему Стефан, — Не вертись! А то рухнешь вниз прежде чем мы придумаем как тебя вытащить.

Маркус меньше всего был склонен верить в добрую волю тех, кого видел перед собой, но совет оценил. В деле своего спасения он скорее верил в то, что Лещ и его ребята рано или поздно отомрут и вытащат его. Надо только продержаться. Интересно, маги знают, насколько это может затянуться? Потому что если час — другой — это одно, а сутки он не провисит. Либо он сам не выдержит, либо скала, за которую ему посчастливилось зацепиться, либо сеть.

Очень хотелось спросить, но он не решался заговорить. Те, с кем разговариваешь, перестают представляться врагами и сделать им что-то плохое становится трудно. Он знал об этом не понаслышке, поэтому упорно молчал.

Но маги на той стороне молчать не собирались.

Высокая, тоненькая, темноволосая девушка вышла вперед и крикнула:

— Эй, ведьмачок, ты как? Еще повисишь или тебя срочно спасать? А то твои дружки простоят без движения еще часа два, да и потом вряд ли поторопят тебя вытаскивать. На мертвого проще повесить всех собак, чем на живого, ты не находишь?

Ой, как она была права! Маркус и сам об этом думал. Если Лещ отправит его в полёт вслед за Кавериско, то никто не пожалеет о бедном сироте, зато у самого Мирона будет железный виновник всего плохого, что произошло с отрядом. Поэтому парень решил и крикнул:

— А вы можете меня вытащить?

Темненькая красотка весело рассмеялась. Ее смех напомнил Маркусу звон серебряных колокольчиков на празднике середины года. Если выбирать между ней и Лещом, то двух мнений нет: она! Только почему девушка называет его ведьмачком?

Он так и спросил, но девица отмахнулась:

— Сначала мы тебя вытащим, дурачок, а потом поговорим. Интересный разговор предстоит, ты даже себе не представляешь.

— Что я должен делать? — уточнил Маркус.

Ответила другая девица, та, что пониже и потолще:

— Ничего. Главное не дергайся и не мешай нам тебя спасать.

Затем обратилась к подруге и заговорила что-то невнятное.

— Чтобы его левитировать сюда, надо уменьшить вес. Еще фиксация... Придется

действовать воздушным лезвием, но отсюда не видна цель. Да и силы... Если только ты меня подкормишь по ходу дела.

— Всех накормлю, — пообещала брюнетка, — Стефан, ты на страховке. Держи меня за руку и заведи классическую ловушку парню под ноги. Начнёт падать — ты поддержишь.

— Стойте, — воскликнула толстуха, — У меня другая идея. Сначала немного распустим сеть, чтобы были видно что резать, а потом строго по плану. Приготовились... Начали!

У Маркуса сердце сначала поднялось только что не в горло, а затем рухнуло куда-то в желудок. Часть сети внезапно распустилась и он повис на три локтя ниже на длинных и совершенно ненадежных веревках. Их было штук шесть, не меньше.

Далее стало совсем жутко: веревки одна за другой начали лопаться. Ясно было, что жить ему осталось пара секунд, не больше. Маркус в уме повторял все молитвы, которые знал, хоть и не надеялся больше ни на что.

Но в тот момент, когда лопнула последняя веревка, его тело стало легким, как пушинка и плавно, как облачко, переплыло пропасть. Над твердым, безопасным местом вес вдруг вернулся и он брякнулся наземь. К счастью, падение с высоты в локоть не нанесло ему никаких повреждений. Только вот сил больше не было никаких.

Маркус оглядел сгрудившихся вокруг него людей. Все они смотрели на него с интересом, но без злобы и, кажется, ничего плохого делать ему не собирались. Что-то в глубинах сознания наконец определило, что он в безопасности, и дало команду на отдых. Он не лишился чувств, нет. Просто заснул. Впал в глубокий, спокойный, целительный сон.

* * *

Увидев, что парень спит с неясной улыбкой на губах, Дамиан удивился. Он бы на месте этого бедолаги ни за что не заснул! Но девушки сочли это нормальным.

— Понимаешь, — сказала Тина, — Разум человека может воспринять многое, но ему для этого надо давать отдых. С парнем за короткий период времени столько всего произошло, что мозги просто не справились с обработкой и взяли небольшой отпуск. Хорошо, что заснул, а не потерял сознание. Пусть поспит. Когда проснётся, с ним можно будет побеседовать.

Дамиана интересовало другое.

— А что делать с его спутниками? Они как-то странно замерли и отмирать пока не собираются.

Лина махнула рукой:

— А, не бери в голову. Мне кажется, Герард всадил в них иглы с заклинанием стазиса. Ничего страшного или вредного. Два часа пройдет и отомрут. Они тебе зачем-то нужны?

— В принципе нет, но я хотел бы узнать у них про этого парня. Кто он, как его зовут и так далее. Мне кажется, они отомрут раньше, чем он проснется. Также я хотел с ними договориться о том, чтобы они больше нас не преследовали. Если нужно дать денег, у меня есть. Идти по горам и так непросто, а с погоней на хвосте... Ну, ты понимаешь.

Лина прекрасно всё поняла. Насчёт денег у нее были свои соображения, но сообщать о них Дамиану она не торопилась. Сидела тихо и разглядывала лагерь имперцев на том берегу. Кажется у нее начал созревать толковый план.

— Тина, — осторожно спросил Стефан ведьму, задумчиво изучающую физиономию спящего Маркуса, — У тебя в отношении этого парня есть какие-то планы? Ты сказала о нём „ведьмачок“. Что ты имела в виду?

— Да, — присоединилась Лина, — мне тоже хотелось бы знать о чём речь.

— Всё просто, — вздохнула Валентина, — Перед нами редкая птица: молодой, только что инициированный ведьмак. Честно? Сама впервые вижу. Нет, ведьмаков я видала и раньше, например, на нашем факультете. Их у нас от трёх до пяти процентов в разные годы. Но вот чтобы инициация произошла прямо при мне, таким мало кто может похвастаться.

Слушавшие ее друзья лихорадочно пытались вспомнить хоть что-то про инициацию ведьмаков. Ведь если это мужской вариант ведьмы, то должно быть что-то общее. Но всем известно, что для ведьмы это связано с сексом, а ничего сексуального с этим странным парнем на их глазах не происходило. Тина заметила недоумение ребят и пояснила:

— Ведьмаки от ведьм сильно отличаются именно в этом плане. Для девчонок обретение дара — это любовь, близость и всё такое. К семнадцати — восемнадцати годам все ведьмочки успевают пройти инициацию, а многие уже и выгорают, не справившись с реальностью. А вот ведьмаки могут всю жизнь прожить и так и не узнать о своих способностях. Их дар просыпается в минуту крайнего напряжения сил, физического или духовного. Еще дар могут инициировать очень сильные чувства, как любовь, так и ненависть. А вот безумный страх сплющивает, закрывает навсегда каналы энергии.

Девушка готова была прочитать длинную лекцию, но ей не дали.

— В общем, — подвела итог Лина, — Ведьмак может прожить спокойную, размеренную жизнь и не встретиться со своим даром, а может пройти инициацию в любом возрасте. Еще: трусу ведьмаком не стать никогда. Правильно?

— Совершенно верно, — подтвердила Тина, — Не знаю, что послужило толчком в этом случае, но парень вдруг обрёл способности и смог за какие-то мгновения истощить заклинание, наложенное на сетку. Вы не приглядывались, а я следила за ним.

Стефан вспомнил, что говорила Тина на стоянке.

— Он, как я понял, еще раньше вызвал у тебя подозрения.

— Да, но тогда я не могла понять, что в нем кажется мне странным. Теперь всё ясно.

— И что же ты собираешься делать? — задал вопрос Дамиан.

Стефан хотел спросить о том же, но постеснялся. Несмотря ни на что парень он был гордый и не хотел навязываться. Если Тину интересует другой, пусть. Приставать, вымаливать внимание он не будет. Но раз нужный вопрос уже задан, никто не мешает ему выслушать ответ.

— Я хочу дождаться, когда он придет в себя, объяснить кто он есть и уговорить бедняжечку пойти с нами. Отпустить его с теми, с кем он сюда пришел будет просто преступно! Дар ведьмака — это вам не хухры — мухры! Парень сейчас опасен сам для себя, что уж говорить об окружающих! Ему надо учиться.

— Ты будешь его учить? — изумилась Лина.

Насколько она знала Валентину, у той не было никакой склонности к педагогике.

— Придётся, — пожалала плечами ее подруга, — По дороге необходимо будет научить его контролировать себя. А как окажемся в цивилизованных землях, напишу письмо моей бывшей кураторше и отправлю парня в Элидиану. Все будут счастливы: на факультет ведьм мальчишек катастрофически не хватает.

Стефан слушал Тину и на его лице сама собой расплывалась счастливая улыбка. Ему не

дали от ворот поворот, а значит, всё ещё может быть хорошо.

* * *

Лина оказалась права: примерно через два часа имперцы стали по одному приходить в себя. Первым очухался Мирон Лещ, но он еще не успел сообразить, что случилось, как его окликнул один из солдат:

— Эй, командир, я что-то не понял: что с ребятами?

Наблюдавшая за их пробуждением Тина ткнула в бок уютно устроившегося рядом Стефана:

— Смотри, смотри, что сейчас будет! Интересно, как скоро они сообразят, что Кавериско их заколдовал? Эти полудурки были в стазисе, а значит, время для них не текло и они ничего не видели и не слышали.

— Ты думаешь? — усомнился Стефан.

В университете он изучал стазис в качестве заклинания для хранения продуктов и плохо себе представлял, как он действует на живые объекты.

Тина уверенно подтвердила свои предположения. Она из учебного курса почерпнула не больше него, зато однажды по ошибке испытала действие стазиса на собственной шкуре. Во время практики пострадали трое студентов, она взялась их исцелять, а руководитель по невниманию погрузил и пациентов и целительницу в стазис для отправки в университетскую лечебницу. После чего целый семестр выплачивал Тине компенсацию, несмотря на то, что она даже не заметила, что с ней что-то стряслось. Ректор таким образом наказал его за ротозейство.

Так что девушка знала, о чём говорила. Солдаты один за другим приходили в себя, выдергивали застрявшие в организме иглы и собирались в кучку, чтобы обсудить происходящее. Они гудели как рой шмелей и совали друг другу под нос странные колючки, но за недостатком информации не могли придти ни к какому выводу. Сейчас их не интересовали те, за кем они так упорно гнались. Произошло что-то непонятное, угрожающее их жизням, а их парни ценили больше императорской награды.

Наконец последний из ребят включился в поток жизни. Он единственный видел, как маг выводил из строя одного за другим, но вот чем закончились его действия, не знал. Зато смог заронить в сознание Леща мысль о том, что во всем виноват проклятый Кавериско.

Рассказ о коварстве мага навел Мирона на мысль о Маркусе. Тот все время крутился рядом с Кавериско. Неужели и он ничего не знает? Он покрутил головой, но нюхача не увидел. Зато узрел на другой стороне пропасти разбитый преследуемыми лагерь.

Ребята поленились перетаскивать спящего Маркуса с места на место, да и площадка около бывшей переправы оказалась удобной. Шатры разбивать не стали, просто настелили одеял, вскипятили чай и разлеглись в надежде отознать.

У Дамиана было желание пообщаться с теми, кого привёл Кавериско. Теперь, после гибели мага, у них не осталось причины продолжать охоту. Скорее всего они повернут назад. А если нет? Если им даны другие указания и они будут продолжать преследование во что бы то ни стало? Идти дальше, не зная, есть на хвосте погоня, или нет, весьма опрометчивый поступок.

Надо сказать, идей Дамиана никто не разделял, но каждый охотно остался на месте

исходя из своих соображений. Тина считала, что они должны дождаться, когда молодой ведьмак придёт в себя, Стефан радовался возможности побыть с ней рядом.

Дамиан валялся на одеяле между спящим Маркусом и бодрствующим Стефаном, пил чай из кружки и внимательно следил за тем, что происходило на противоположном берегу. Он ждал удобного момента чтобы вступить в переговоры.

Мрачный Ромуальд выпросил у Тины бумагу и карандаш, которые нашлись в ее саквояже, и устроился под скалой. То ли делал наброски будущей картины, то ли записывал свои музыкальные идеи... Никто этого не знал, потому что он не желал никому показывать результаты своей деятельности.

Только Лина сидела тихо и не отрываясь смотрела прямо перед собой. Сейчас, когда всё было кончено, она вдруг впала в апатию. Вроде бы всё закончилось хорошо. Она освободилась, избавилась от кошмара, который мучил ее все последние годы: живи да радуйся. Но девушка ощущала только пустоту, да еще где-то на периферии болталось чувство вины.

С чего бы? Она не сделала ничего, чтобы уничтожить Кавериско, его гибель была делом его собственных рук. Он хотел отнять чужие жизни чтобы продлить свою и поплатился за это. Но почему-то сознание своей непричастности совсем не радовало Эммелину.

После крайнего напряжения всех сил наступила реакция и она сидела. Подобрал под себя ноги, и тупо пялилась на ревущую в пропасти воду.

Даже в таком состоянии она постаралась проявить свойственный ей такт. Не стала устраиваться посреди лагеря, где ее унылый вид мог испортить всем хорошее настроение. Она выбрала местечко чуть в стороне, за большим камнем, среди зарослей горного вереска. Сидела и пыталась себя убедить, что все пошло по наилучшему сценарию и ей нечего стыдиться. Гоняла эту мысль по кругу, но картина исчезающего в пропасти Кавериско так и стояла перед глазами.

Она видела, как пришли в себя Мирон Лещ и его люди, но никак на это не отреагировала.

Зато Дамиан решил ковать железо пока горячо.

Подожел к самому краю обрыва и крикнул:

— Эй, ребята! С вами всё в порядке?

Мирон резко обернулся на голос советника и злобно спросил:

— А тебе какое дело?

— Да в общем никакого, — весело отозвался Дамиан, — Только мы тут были свидетелями что творил ваш маг после того, как загнал всех вас в стазис. Очень поучительное зрелище. Не интересуетесь?

Солдаты разом зашумели. После того, как все они усвоили, что из их жизни незаметно выпали два часа, причем сделал это Кавериско с помощью своих колючек, им для душевного равновесия требовалась жизнеспособная версия того, зачем ему это понадобилось и куда он подевался. Леща к тому же интересовала участь Маркуса. Во — первых он отвечал за всех членов своего отряда, а во — вторых где он возьмет второго такого нюхача?

Так что на ехидный вопрос советника он ответил:

— Хотелось бы знать.

Дамиан радостно потёр руки: разговор, кажется, налаживался. Теперь главное не потерять интерес противной стороны. Поэтому он начал с того, что всех зацепило:

— Пока вы хлопали ушами, любуясь на то, как горит мост, этот ваш маг Кавериско

что-то вытащил из своей сумки и пошел раздавать каждому. Судя по тому, что все замирали кто в какой позе стоял, это были иглы со стазисом. Наши маги сразу определили.

— У вас их много? — поинтересовался Лещ.

Советник с гордостью ответил:

— Трое, вернее, два мага и одна ведьма. Так что если вы хотели узнать о наших силах, то спешу вас обрадовать: у нас с магами полный порядок. В отличие от вас.

Лещу это заявление не понравилось, но он не нашел ничего лучшего для возражения, кроме того, чтобы помянуть Кавериско:

— У нас был свой маг. Сильный, между прочим, и очень опытный. Господин Кавериско. Куда он подевался?

— А вы не поняли? — расцвел улыбкой советник, — Нет больше господина Кавериско. Но, поверьте, вам от этого только лучше. Этот поганый старикашка всех вас загнал в стазис чтобы убить и выпить жизненную силу.

Мирон хотел возразить, но ужас осознания сковал его горло. Он только смог несколько раз глупо хлопнуть ртом, как вытасченный на берег карась. Тихо разговаривавшие за спиной Леща солдаты разом замолкли и уставились на Дамиана. Они чуяли его правоту, но принимать ее им очень не хотелось. Один из парней, не дождавшись реакции своего командира, вдруг выкрикнул:

— Не ври! Зачем бы господин Кавериско стал такое делать? Ведь за это же как минимум смертная казнь! Да и как бы он смог?

Дамиан пожал плечами.

— Как — я не знаю, сам не маг. Про смертную казнь скажу: если свидетелей не осталось, можно списать вашу гибель на что угодно. Проверить слова Кавериско здесь некому: квалификация не та. А на остальные ваши вопросы сейчас ответит специалист.

Советник хотел позвать Лину, но не увидел ее рядом. Тогда он толкнул Стефана, который воззрился на него с неммым ужасом. Парню было легче кидаться файерболами, чем показать кому-нибудь свою академическую несостоятельность.

Тина все поняла, сделала Стефану знак оставаться на месте, лениво встала и помахала солдатам ручкой:

— Привет, ребята! Что вас смущает? Хотите знать, как Кавериско мог выпить чужую жизненную силу? Легко! У него был специальный ритуальный кинжал. Если поищите, возможно он все еще валяется у бывшего входа на мост. Его достаточно было воткнуть в грудь жертвы и произнести заклинание. В результате маг становится моложе и сильнее, а вот бедная жертва умирает.

Подтверждение словам ведьмы нашлось быстро: один из солдат подобрал ритуальный нож рядом тем местом, где погиб старый маг.

Тут до Мирона дошло:

— Он убил Маркуса на ваших глазах?

Тина замотала растрёпанной головкой:

— Маркуса? Не смог, не сумел. Этот ваш Маркус... Не знаю, где вы такое чудо взяли. Он боролся за свою жизнь и сумел скинуть Кавериско в пропасть. Но и сам...

Девушка хотела что-то еще добавить, но Дамиан тронул её за плечо, шепнул в ухо пару слов и она села на место весьма гордая собой. Советник снова взял переговоры на себя. Он не дал Тине рассказать про Маркуса подробнее потому что пока не решил, стоит ли им знать, что паренёк жив. Когда ведешь непростые переговоры нужно всегда иметь карту в

рукаве и сейчас ею стал бедный ведьмак.

Дамиан еще думал, что бы такое сказать, но Мирон сам пришёл к нему на помощь. Командир отряда понял, что не с его силами гоняться за магами и ведьмой, но возвращаться ни с чем было опасно. Вот если бы этот нахальный парень придумал какой-нибудь финт, который помог бы им выкрутиться и не попасть за решётку... Поэтому он для начала спросил:

— И что вы от нас хотите?

— В принципе ничего особенного. Давайте отсюда каждый пойдет к себе домой. Так как будто мы никогда друг друга не видели и ничего друг о друге не знаем. За это я вам даже заплатить готов.

Что-то такое Лещ и полагал услышать.

Парни за его спиной глухо зароптали. С одной стороны предложение понравилось: беднягами надоело таскаться по горам неизвестно зачем, да и деньги ещё никому не помешали. С другой же вернуться в Стомбир и доложить коменданту, что девушек они не поймали, мага потеряли, а еще один из отряда погиб... За это никого по головке не погладят. Хорошо еще, если поркой дело ограничится, а то могут и на рудники сослать.

Пришлось объяснять долговязому парню, который думал, что отделается горстью монет, как обстоит дело в действительности. Объясняли все хором, каждый выкрикивал то, что по его мнению являлось главным.

Дамиан понял одно: если имперцы их отпустят, то им не поздоровится, а не отпустить у них нет ни единого шанса. Но если они не могут возвратиться в Стомбир, то, может, лучше им идти вместе с теми, кого они так упорно преследуют, в Амондиран и попытаться осесть там?

Предложение советника вызвало нездоровый ажиотаж. Парни не знали на что решиться и начали спорить, тыкая друг друга в грудь и выкрикивая свои доводы так, что у Дамиана от шума разболелась голова.

Через некоторое время компания разбилась по интересам. Двое хотели домой: их там ждали жёны и дети, а остальным было плевать, где служить, если платить станут хорошо.

Мирон Лещ колебался: жена его давно умерла, остались только сыновья, но они были вместе с ним в отряде и сейчас караулили лошадей неподалёку от перекрёстка. Дом и нажитое имущество было жалко, но не жалче собственной жизни и свободы. Деньги у прижимистого Леща водились, он предусмотрительно держал их в банке, отделения которого можно было найти и в Гремоне. Ему был прямой смысл дезертировать.

Но в Стомбире оставалась сестра с семейством и еще несколько родственников. Если его сочтут предателем империи, им житья не будет и хорошо, если дело обойдется без тюрьмы.

Не стоило также забывать про ребят, которых они оставили сторожить лошадей. У них тоже будут неприятности. Бросить своих Лещ не мог.

Примерно это он изложил советнику. Дамиан задумался, затем спросил:

— Где, ты говоришь, остались твои люди?

— На перекрёстке, где отходит путь на этот ваш Амондиран.

— А если они вас не дождутся?

— Через декаду вернутся и скажут, что мы пропали. Тогда наш начальник отправит в горы поисковый отряд.

Заинтересованно слушавший их беседу Стефан вдруг спросил:

— А на дороге в Амондиран есть застава? Ну, как на той дороге. По которой мы приехали из Гремона?

Лещ удивленно уставился на молодого мага:

— Нет, заставы нет. С тех пор как император запретил людям ездить через этот перевал, дорогу просто перегородили. Не засыпали, просто поместили туда амулеты и теперь не пройдешь, если дорожишь жизнью.

Тут подала голос Тина:

— Ты об этом слышал или сам видел?

— Видел, — сознался Мирон, — Я до того места дошёл когда охотился. Вроде ничего нет, марь голубенькая в воздухе висит и всё. А птица сквозь нее пролететь хотела, так вспыхнула и сгорела на месте, только пепел на землю упал. А по бокам от прохода стоят столбы и на них здоровые такие штуки расположены. Это они огнём пыхнули, чем угодно поручусь.

— Понятно.

Валентина вскочила и побежала искать подругу. Раз на перевале дело не обошлось без артефактов, значит нужен специалист. Но Лина уже сама шла ней. Она отлично слышала весь разговор, но ей была безразлична участь стомбирских солдат. А вот артефакт на границе не мог не заинтересовать.

Она подошла к Дамиану, повернулась лицом к пропасти и обратилась к командиру отряда:

— Как тебя звать?

Мирон оторопел, но назвал своё имя, не совсем понимая, зачем ведьме это нужно. Почему-то в ведьмы он определил именно Лину, а Тину почитал магичкой, хотя, в сущности, это не имело никакого значения.

Лина не стала сообщать Лещу свое имя,

— Итак, Мирон, расскажи подробнее, что видел на перевале? Как выглядели эти штуки, которые плевались огнём?

Допрос свидетеля продлился минут двадцать. Дотошную артефакторшу интересовали мельчайшие подробности, которые Мирон затруднялся выразить словами. Наконец, когда оба умаялись, но так и не договорились, Дамиану пришло в голову вставить свой вопрос:

— Эй, Мирон, а как же ваши дипломаты, которые уехали от нас в спешке? Я точно знаю, что Валер Даригон увозил Азильду именно по этой дороге., да и его папаша тоже через Гремон не проезжал. Как они преодолели магическое препятствие? Они же не маги!

От этих его слов в голове у Лины что-то щелкнуло и всё встало на свои места. Она оживилась.

— Конечно! У них с собою должен был быть амулет, на время выключающий защиту. Мирон! Там где-то должна лежать сумка Кавериско. Найди и кинь ее сюда.

Лещ опасливо сделал два шага назад.

— С чего это я буду отдавать тебе такую ценность?

— Какую ценность? — недовольно фыркнула магичка, — Ну хорошо. Просто найди сумку и посмотри что в ней.

На это Лещ согласился, но вместо себя послал одного из парней. Магии он побаивался. Солдат нашел на месте ночевки Кавериско небольшую по размеру торбу, которую маг носил через плечо, сунул в нее руку и завопил:

— Командир, тут ничего нет!

— Как ничего? — не поверил Лещ.

Он не раз видел, как Кавериско доставал из своей торбы самые разные предметы, в том числе и кошель с золотом, поэтому и усомнился в словах своего человека. Но парень стоял на своём. Он принес сумку Лещу и сунул тому под нос.

— А вот так! Сам глянь и убедись! Тут только грязные подштанники, рубаха и пара носовых платков, больше ничего.

Мирон, который очень надеялся найти деньги мага, расстроился. Лина ехидно заметила:

— Думал, там золотые горы и они просто так дадутся тебе в руки? Как бы не так! Денежки у вашего мага водились, зуб даю. Он человек богатый. Но только без магии их не достать. Так что предлагаю ещё раз: перекинь мне сумочку. Если я найду там деньги — они твои. Клянусь чем хочешь.

Расстроенный Лещ не стал долее спорить, а размахнулся, держа сумку за длинную ручку, и запустил её через пропасть. Она пролетела над головами Лилиной компании и шмякнулась о каменную стенку. Шустрый Стефан сбегал и принес её магичке, после чего та села и задумалась. На обоих берегах люди затаили дыхание.

Прошло минут семь прежде чем Лина начала действовать. Добыла из своей маленькой сумочки какие-то инструменты и зелье в синей бутылочке, засучила рукава и начала священнодействовать. Тыкала в сумку иголкой с ниткой, что-то выковыривала острыми щипчиками, поливала горловину из бутылочки и всё время что-то приговаривала. Наконец, когда у зрителей уже иссякло терпение, она сунул руку внутрь и достала оттуда пару знакомых мешочков.

— Золото! — крикнул Лещ.

Стоявшие рядом с ним солдаты загомонили. Им тоже хотелось золота, но мешочек был слишком мал.

— Правильно, парни, — подтвердила Лина, — Кажется, я обещала, что все найденные деньги будут вашими? Тогда подождите: это ещё не всё.

Один за другим она достала из сумки мага еще двадцать четыре таких мешочка. Солдаты следили за её руками не отрываясь. В стандартном кошеле должно лежать сто золотых и каждый был бы счастлив получить хоть один, а тут целых двадцать пять. Если их разделить между ними поровну... двести пятьдесят империалов — немалая сумма, на нее можно дом купить. О том, что маг обещал им больше, они благополучно забыли: живые деньги всяко лучше посулов.

Руки солдат, да и самого Леща тянулись к золоту, но Лина не торопилась его отдавать. Сложив мешочки кучкой, она снова нырнула в недра сумки Кавериско и вынула целый пучок амулетов на длинных кожаных шнурах.

— Вот, — уверенно произнесла она, — Это то, что вам надо. Любой из этих амулетов остановит действие огненного барьера на две минуты. Этого достаточно, чтобы пройти всем. Ну, или чтобы проехала карета. В принципе вам хватит и одного, но я отдам все, мне не жалко.

После этих слов она передала гроздь амулетов Дамиану, ткнула пальцем в горку кошель и шепнула:

— Разберись тут сам. У тебя лучше получается.

У советника отлегло от сердца. Он не хотел отдавать ценности раньше, чем договорится с Лещом и возьмёт с него нерушимую клятву. А то этот хитрый глупец способен загрести

золотишко, а затем решить, что ему мало и продолжить охоту.

Следующий час Дамиан и Лещ азартно торговались. Советник предлагал старому следопыту воссоединиться со своими людьми и лошадьми на перекрёстке, а затем разделиться. Те, кто желает начать новую жизнь, отправятся в Амондиран по главной дороге, а остальные могут вернуться в Стомбир и доложить, что посланные за беглецами равно как и сами беглецы погибли в горах в результате стихийного бедствия. Следы несчастья, унесшего жизни людей, Кавериско уже обеспечил, так что проблем с доказательствами не будет. Главное, чтобы те, кто решит остаться, не выдали своих и говорили одно и то же. Причем важно это скорее для них самих, чем для тех, кто уйдет за кордон, потому что пособничество предателям империи кралось не менее сурово, чем само предательство, каким считалось бегство за рубеж.

Лещ находил идеи Дамиана разумными и осуществимыми, но хотел гарантий и больше денег. Он так надоед всем своими танцами „шаг вперед и два назад“, что Ромуальд отвлекся наконец от творчества и сердито изрёк:

— Я, Ромуальд Амондиранский, своей честью гарантирую всё, что от своего имени пообещал вам мой советник Дамиан Оран ле Сиртажель.

Но Мирон и тут не захотел сбавить обороты:

— А кто мне гарантирует что вы тот, за кого себя выдаёте?

Ромуальд оскорблённо отвернулся, а Дамиан схватился за голову. Ещё никогда ему не было так трудно на переговорах. Осталось попробовать последний способ. Он повернулся к магу.

— Стеф, а может мы зря стараемся спасти их шкуры? Мне кажется, в виде трупов они станут более сговорчивыми: нам не придется заморачиваться, тратить деньги...

Маг решил подыграть другу: бросил полный сомнения взгляд на Леща и его команду и произнёс:

— Как ты считаешь, их лучше файерболлами закидать или воздушной петлей подцепить и в пропасть?

Перепуганные парни похватили свои арбалеты, прекрасно сознавая, что от магии они их не защитят. Лещ понял, что проиграл, и сказал со вздохом:

— Ладно, уговорили. Давайте золото и амулеты: мы не будем вас преследовать.

Дамиан с помощью Тины организовал принесение неотменяемой клятвы всеми членами отряда Леща, сложил мешочки с золотом и амулеты в позаимствованный у Тины платок, связал его узелком и, размахнувшись как следует, перебросил обещанное через пропасть.

Повезло, никого не зашиб.

Мирон Лещ не стал сразу раздавать полученное богатство, а предложил своим парням как можно скорее тронуться в обратный путь. Там по дороге было отличное место, где они смогут встать на привал: тихое, укромное, есть ручей с чистой водой. Он не хотел больше мозолить глаза магам, а то мало ли что им в голову взбредёт.

Все так торопились, что только отойдя больше чем на лигу вспомнили о Маркусе. О нём-то они и не спросили! Догадаться, что эту забывчивость им организовала одна коварная ведьма, никому в голову не пришло. Зато пришло другое: все почему-то были уверены, что бедного нюхача уже нет в живых. Вроде он Кавериско в пропасть столкнул и сам туда свалился. Надо отдать им должное: эта гипотеза была очень близка к тому, что случилось на самом деле.

Команда Дамиана так и осталась у сгоревшего моста. Маркус мирно спал. Ни будить его, ни перетаскивать никто не собирался. Лина так и сидела за камнем, не интересуясь даже едой. Она была готова встать и делать что нужно другим, но сейчас от нее никто ничего не требовался и магичка пребывала в состоянии близком к прострации. Дамиан несколько раз порывался с ней поговорить, но Тина его удерживала.

— Подожди, не трогай Лину, — убеждала она, — Я её не первый день знаю. Посидит всё в себе переварит и будет как новенькая.

Но Дамиан беспокоился чем дальше, тем больше. Дело шло к ночи, а Лина никак не хотела двинуться с места. Уже раскинули шатры, сварили ужин, поели, а она так и не вышла из-за камня. Через некоторое время заволновалась и Валентина. Отнесла подруге еды, но та не обратила на это никакого внимания. Тогда ведьма решилась на активные действия. Покопошилась в саквояже, дёрнула советника за рукав и сунула ему какой-то странный пакет.

— Вот. Это палатка из нашего набора для полевой практики. Из универа спёрла. Сможешь поставить?

Дамиан удивился, но подтвердил:

— Смогу. А зачем?

Тина посмотрела на него на умственно отсталого.

— Иди и поставь там, где Лина. Настели внутрь одеял. А как совсем стемнеет попробуй уговорить её лечь и заснуть. Не всю же ночь ей сидеть, глядя перед собой. Ещё замёрзнет. Так что иди. Тебя она послушает.

— А — ааа..., — хотел что-то возразить Дамиан, но ведьма его заткнула.

— А я буду занята с нашим ведьмаком. Он скоро проснётся и его надо будет ввести в курс дела. Мы со Стефаном им займемся, а ты позаботься о Лине.

Дамиан сделал так, как посоветовала ведьма. Поставил палатку за спиной у Лины, устроил лежанку из груды прошлогоднего сухого вереска, притащил одеял... результат ему понравился, палатка была меньше шатров, но не крошечная, там было бы удобно даже вдвоём.

Пока он суетился, девушка сидела молча и, казалось, не обращала на него ни малейшего внимания. Но когда Дамиан в последний раз поправил свою работу и вылез наружу, то услышал тихий, как шелест листьев, голос магички:

— Спасибо.

Этот шёпот обрадовал Дамиана. Раз уж она сама первая заговорила, значит, не вовсе ушла внутрь себя. Вместо того, чтобы уйти туда, где горит костёр, он сел рядом с Линой и осторожно обнял её за плечи.

Жуть! Она была холодная как камень! Живые люди должны быть гораздо теплее! Девушка сидела на камнях без движения и промёрзла до костей, но почему-то не желала обратить на это внимание.

От осторожности не осталось и следа: Дамиан сгрёб Лину в охапку и потащил в палатку. Там уложил на приготовленную лежанку и стал расспрашивать, сердито приговаривая:

— До чего ты дошла! Ведь простудишься! Есть у тебя согревающее растирание? А

тёплые носки? Это ж надо так себя не жалеть! Замерзла как цуцик! А завтра встанешь с ангиной, и это в лучшем случае! И что мы тогда здесь, в горах будем с тобой делать? Если себя не жалко, подумай о других! Ну-ка, доставай тёплые вещи, выпивку и растирку: буду приводить тебя в порядок.

— А выпивку зачем? — не поняла Лина, кротко вытягивая из саквояжа всё затребованное.

Вместо обычного пойла у нее нашлась бутылочка ведьминского бальзама на травах, очень крепкого, горького и душистого.

— Внутрь! Изнутри тоже надо лечиться! А мёд у тебя случайно не завалился?

— Завалился.

На свет явилась керамическая баночка с запечатанной воском крышкой.

Дамиан развил бурную деятельность. Для начала стащил с Лины ее знаменитые бурые штаны и оставил в панталончиках. Растёр ей ноги от стоп до самых коленей специальной согревающей мазью и натянул на них шерстяные носки. Завернул Лину в одеяло и притащил от костра котелок с кипятком.

Тина было поднялась проверить как там подруга, но Дамиан так сверкнул на неё глазом, что она как встала, там и села. Ему лишние свидетели были не нужны, да и Лине сейчас это вряд ли было бы приятно.

В кружку советник сыпанул заварки, налил кипятка, добавил мёда и крепкого травяного бальзама. Еще в ранней молодости он научился так лечиться от начинающейся простуды и часто пользовался этим способом во время своих поездок. Ведь не всегда в его распоряжении были комфортные условия дворца: порой доводилось промокнуть до нитки, ночевать под открытым небом или довольствоваться ночлегом в заброшенном доме, где невозможно было затопить печь. И всегда подобное пойло спасало: наутро не оставалось и намёка на простуду. Так что за Лину он принялся со знанием дела.

Магичка хотела ему напомнить, что в их команде есть целительница, которая вылечит ее за пять минут, но поняла, что ей приятна забота этого большого и сильного мужчины. Поэтому она послушно пила лечебное пойло и терпела растирание без единой жалобы, хотя загрубевшие без ухода ладони Дамиана были шершавые как наждак.

Когда же он проделал все лечебные процедуры, напоил девушку горячим по второму разу и, завернув ее в теплое одеяло, собрался уходить, она неожиданно для себя самой произнесла:

— Посиди со мной, пожалуйста. Не уходи сразу.

Дамиан, который никак не мог найти предлога, чтобы остаться, подумал, что ослышался. Но Лина повторила:

— Пожалуйста, побудь со мной ещё немножко.

Он тут же опустился на лежанку рядом с ней, обнял девушку за плечи и пристроил ее разлохматившуюся голову себе на грудь.

— Отдыхай, моя хорошая, я никуда не уйду.

Он думал, что она согрелась и сейчас заснёт, но Лина и так целый день провела далеко не в нормальном, бодрствующем состоянии. Наконец до нее дошло, как она замёрзла. После растирания и выпитого зелья её тело стремительно согревалось изнутри и снаружи, голова кружилась и ноги в шерстяных носках кололо тысячью иголок. Она возвращалась к жизни и ей нужен был рядом кто-то живой. Лучше всего вот этот самый мужчина: с ним у неё с первой встречи было отличное взаимопонимание. Неважно, что у неё до сих пор от взгляда

на синие очи и чёрную шевелюру Ромуальда до сих пор вздрагивало внутри. Это было всего лишь неизжитым чувством маленькой девочки перед витриной магазина игрушек, в котором молодой князь был самой красивой и желанной куклой. Как личность Дамиан нравился ей гораздо больше.

Когда он лёг рядом и обнял ее, Лина замерла и какое-то время не шевелилась, прислушиваясь к биению его сердца. Ей не верилось, что этот спокойный, уверенный в себе мужчина так взволнован её близостью, что его пульс стал скакать как конь на галопе. Дамиан явно был возбуждён. Но ей нужно было выговориться, а для этого собеседник должен быть спокоен. Она так не формулировала, она так чувствовала.

Постепенно бешеный пульс советника под ее рукой сменился ровным, даже не учащённым сердцебиением. Тогда Лина заговорила:

— Прости, я вела себя глупо. Заставила тебя и Тину волноваться, сама чуть не замёрзла... Извиняет меня только то, что я была ко всему этому не готова. Демоны! Да как можно к такому подготовиться! Представляешь, я жила год за годом в полном кошмаре. Пряталась от Кавериско где только можно. Делала всё, чтобы он меня не достал. Ждала дня освобождения как узник, приговорённый к смерти ждёт помилования. И твёрдо знала: если встречу его в обычном, незащищённом месте, мне конец. После стольких лет поиска и погони он не станет церемониться, выпьет меня одним глотком, чтоб уж наверняка. А я даже лишена буду возможности защищаться.

Дамиан, который уже, пригревшись, начал засыпать, полностью проснулся. Девочка наконец-то решила заговорить, вылить всё, что на сердце накопилось. Отлично! После этого она успокоится и перестанет смотреть в никуда таким взглядом, что за неё становится больно.

Он чуть сильнее сжал плечи Лины и прошептал:

— Всё уже кончилось, Лина, теперь всё будет хорошо.

Она, казалось его не слышала.

— Знаешь, я очень хорошо видела как он летит в пропасть. Лучше всех. Это произошло за какие-то мгновения, а мне казалось, что его падение тянется и тянется, он никогда не достигнет дна. И в голове било, как колокол: „Всё кончено! Всё кончено!“ Как будто и моя жизнь кончалась. Ведь уже много лет, целью и смыслом почти всего моего сознательного существования были прятки с тем, кого мой отец навязал мне в мужья. Я свыклась, сжилась с этим и уже не представляла как жить по — другому. А тут из меня как будто стержень вытащили. Вроде я должна быть рада, а сил на радость нет.

Дамиан поцеловал пушистую прядь, вившуюся у виска девушки, ласково дунул ей в ухо и сказал:

— Мне кажется, я тебя понимаю. Мужчина на твоём месте пошёл бы и напился. Даже не просто напился: пустился бы в недельный загул просто чтобы доказать самому себе, что он живой.

Следующие слова Лины его удивили:

— Я думала об этом. В моей ситуации это не самый глупый поступок: напиться так, чтобы себя не помнить. Наверное я так и сделаю когда мы вернемся домой. Здесь обстановка не располагает, да и выпить особо нечего.

— А твой волшебный бальзам не пойдёт?

Лина удивлённо замотала головой.

— Ты серьёзно? Его за один раз можно выпить две, ну три столовые ложки, да и то если

развести водой. Иначе от передозировки может сорвать крышу.

Так говорили маги, если кто-то впадал в невменяемое состояние. Дамиан похолодел: он-то выпоил Лине две кружки лечебного чая и в каждую плеснул бальзама от души, много больше, чем по ложке, даже столовой. Но сказать ей об этом не рискнул. Пока с девушкой вроде всё в порядке, зачем волновать? Поэтому заговорил о другом, желая отвлечь:

— Я понимаю: у тебя сейчас закончилась одна жизнь, а другая ещё не началась, вот ты и находишься на распутье. Думаешь, как теперь будешь жить. Хочешь, я тебя обрадую? Новая жизнь будет гораздо лучше старой. Чем хочешь клянусь! В ней ты сможешь сама решать, что тебе делать, не оглядываясь ни на кого. Тебе нечего будет бояться. И ты наконец сможешь впустить в неё то, что до сих пор отвергала.

Он ещё много всего хотел сказать, но вместо этого приподнялся на локте и наклонился над Линой. Она лежала тихо, ее глаза как звёздочки сверкали в полумраке палатки, ротик был чуть приоткрыт и вся она показалась Дамиану такой близкой и желанной. Он наклонился и поцеловал нежные раскрасневшиеся губы легко, чуть касаясь. Взор девушки стал томным, она простионала что-то невнятное и внезапно ответила на поцелуй.

Теперь уже крышу сорвало у самого Дамиана. Продолжая целовать Лину, он лихорадочно, но осторожно стал стаскивать с нее сначала одеяло, а затем и одежды, не забывая проделывать то же с собой. Он вылутил ее из тряпок как горошину из стручка, а она не сопротивлялась, наоборот, помогала ему, поворачиваясь так, чтобы было удобнее стянуть очередную вещичку и при этом нежно постанывала от возбуждения.

Когда на девушке остались только шерстяные носки, она вдруг на мгновение освободилась от объятий Дамиана и подняла голову. В глазах на миг рассеялся дурман страсти, они стали разумными и сосредоточенными. Лина протянула к потолку палатки, что-то прошептала, щёлкнула пальцами и снова прильнула к советнику в поисках ласки.

Полог безмолвия окутал палатку, отрезая ее от всех звуков внешнего мира и не позволяя никому услышать, что творилось внутри.

* * *

Маркус пришёл в себя к ужину. Скорее всего его разбудил запах похлёбки, ведь парень не ел с утра, если не со вчерашнего дня. Стефан, повинаясь указаниям Тины, отвёл его к тоненькой струйке чистой воды., которая сбегала вниз на соединение с рекой. Ледяная вода быстро прогнала остатки сна и вернула парню способность соображать. А стоило ему вернуться к костру, как красивая ведьма сунула ему в руки миску, полную чего-то вкусного.

Еда помогла не только восстановить силы, но и вернула душевное равновесие. Уплетая ложку за ложкой Маркус оглядывался по сторонам и отмечал: он на одном берегу с теми, за кем они гнались. А вот ребят Мирона Леща не видно, как не заметно и признаков лагеря на другом берегу. Его собственная котомка тоже исчезла.

О чём это говорит? Не о том ли, что кошмарное приключение, которое он хотел считать сном, произошло на самом деле? Господин Кавериско действительно оказался злодеем и напал на бедного нюхача, желая его убить, а коварная ведьма спасла, пригрела, накормила? Если это так, то мир Маркуса встал с ног на голову.

А ведьма между тем обратила внимание, что спасённый ведьмак заканчивает трапезу, и приступила к нему с разговорами. В помощники и союзники взяла Стефана, полагая, что в

некоторых вопросах мужчины легче найдут общий язык. Для начала спросила:

— Что головой крутишь? Ищешь, куда твои дружки подевались?

— Не ищу, но знать бы хотел, — угрюмо отозвался парень.

Красавица вздохнула.

— Они ушли. Оставили тебя нам и ушли.

— Куда? Домой? — не поверил Маркус.

— А ты думаешь, они пошли в гости к императору?

— Нет, но если я всё правильно помню, домой им никак нельзя. Они не выполнили задания. Вы-то все на свободе. Да еще маг этот старый погиб...

— О — ооо! — обрадовалась девушка, — Ты помнишь, как он погиб?

Маркусу было неприятно об этом думать, но он в душе гордился, что сумел сам спастись от коварного старика.

— А что тут не помнить... Напал он на меня. Не знаю, правда, зачем, но напал. Сетьк спеленал, ножиком тыкал... Ну, я извернулся и мы с ним полетели в пропасть. Меня сетка спасла, за что-то зацепилась, а он так и ухнул.

Тина довольно потирала руки.

— Отлично, парень! Тебя Маркус зовут? Правильно?

— Маркус.

— Тогда знакомься: Я — Валентина, можно Тина, это — Стефан, он маг. Вон тот красавец, который с бумажками возится — амондиранский князь Ромуальд, его лучше звать Ваша Светлость. Еще у нас есть Лина и Дамиан, их ты ещё увидишь.

Пока Тина говорила, Маркус согласно кивал, но стило ей замолчать, как он задал вопрос:

— А зачем мне это знать?

— Затем, что ты дальше идёшь с нами, — безапелляционно заявила ведьма.

Ее слова вызвали у Маркуса новый приступ угрюмого настроения. Он набычился, спрятал глаза и пробурчал:

— Я не хочу с вами, я хочу домой.

Стефан сделал Тине знак помолчать и сам заговорил с парнем:

— Видишь ли, Маркус, домой тебе никак нельзя. Да и приятелям твоим тоже. Но им-то ясно почему: не выполнили задание и потеряли мага. За это их в вашей замечательной империи так накажут, что забудут, как их зовут.

Маркус изумлённо смотрел на мага и в глазах у него стоял невысказанный вопрос, на который Стефан поспешил ответить.

— Поэтому они тоже домой не пойдут, чай, не дураки. Они пойдут в Амондиран и там наш князь даст им денег и работу.

Заметив, что Маркус смотрит на него с явным недоверием, добавил:

— Что, не веришь мне? Напрасно. Когда доберемся до дома, сам убедишься.

На что Маркус сердито ответил:

— Это ваш дом в этом, как его, Амондиране, а я в Стомбире живу.

— Живешь? — радостно подхватил Стефан, — Это хорошо. А как, по — твоему, отнесутся твои соседи к тому, что ты теперь ведьмак?

— ВЕДЬМАК?!!!

Парень чуть не подпрыгнул.

— Что вы такое говорите? Что значит я — ведьмак?

— Ну, это тебе лучше Тина объяснит, она и сама ведьма, только... Вспомни: когда Кавериско поймал тебя сетью, ты ни двигаться, не говорить не мог. Так?

— Так, — вынужден был согласиться Маркус.

— А потом что-то случилось и ты смог закричать и пошевелиться. Тем и спасся. Правильно?

Увидев, как паренек растерянно моргает, Стефан уменьшил напор и задушевно прошептал:

— А что случилось-то? Что ты в этот момент почувствовал?

Маркус сначала задумался, вспоминая, как оно всё было, затем ответил:

— Злость. Я почувствовал дикую злость и ненависть к этому гаду, который решил меня убить за всё хорошее, что я для него сделал.

Рядом почти беззвучно опустилась Тина и обняла Маркуса за плечи.

— Молодец, — тихо произнесла она, — Ты большой молодец, если не испугался, а разозлился. В тебе спал ведьминский дар, понимаешь? А от сильного потрясения проснулся. Ты стал ведьмаком. Здорово, правда?

— Не вижу ничего здорового, — вновь сердито забурчал Маркус.

Он был бесконечно смущен вниманием Тины. Никогда раньше такие дивные красавицы его не обнимали. Да что там! Самые обычные девчонки не очень-то стремились с ним общаться, все-таки он был не такой, как другие и это усугубляло его одиночество безродного сироты.

А тут с ним разговаривают как с равным, спрашивают, отвечают на его вопросы. И это маг и ведьма!

Он на Кавериско смотрел снизу вверх, безусловно принимая, что маг выше его, и вдруг оказывается что он сам такой же! Или не совсем такой, но всяко не хуже! Восхитительная красавица, на которую он раньше и посмотреть бы не решился, обнимает его как родного и называет ведьмаком. А ведь она сама — ведьма! Значит, она признает его равным себе!

Это никак не укладывалось в голове, потому что было для Маркуса слишком. Вот он и начал снова недовольно бурчать, пытаясь выяснить, чем ведьмачество ему грозит в плане практическом.

— Что тебе не нравится? — удивилась Тина, — Ты подумай, как это здорово! Магов пруд пруди, ведьм тоже немало, а вот мужчин — ведьмаков единицы! Ты должен гордиться!

— Ага, гордиться? А что еще делать прикажете?

— Учиться, конечно! — встрял Стефан.

Он был очень недоволен тем, что его любимая девушка обнимается с этим дурацким Маркусом и, так как не знал, как повлиять на Тину, решил отвлечь парня.

— Учиться? — удивился Маркус, — Чему? Я уже учёный, вон, в Стомбуре школу закончил. Писать и читать умею.

— Теперь тебе надо научиться владеть своим даром, иначе ты представляешь опасность и прежде всего для самого себя, — авторитетно заявил маг, — Именно поэтому ты должен пойти с нами.

Маркус не поверил:

— Какую такую опасность?

— Обыкновенную, — откликнулась Тина, — Ты ведь пока не контролируешь свой дар, а значит, можешь натворить дел. Например увидишь страшный сон, а наяву спалишь всё вокруг себя и сам сгоришь. Таких примеров сколько угодно. Так что тебе надо научиться

владеть своим даром, а потом избрать себе подходящую магическую специальность и в ней совершенствоваться. Ведь теперь ты проживешь не короткую человеческую жизнь, а долгую, как я или Стефан.

Мысль о необходимости учиться Маркусу не понравилась, зато перспектива долгой жизни обрадовала. Еще больше привлек его рассказ об Элидианском университете и о том, что на факультете, где учатся юные очаровательные ведьмочки он будет единственным мужчиной. Перед ним открылись такие захватывающие перспективы! Ради них он готов был пойти на жертвы и начать обучение, тем более что ведьма намекнула: она собирается начать с ним занятия с завтрашнего дня, чтобы к новому учебному году подготовить его к поступлению.

Недовольный таким оборотом дел Стефан предложил свои услуги по изучению самоконтроля, но Тина их отвергла, утверждая, что маг ведьмака ничему хорошему не научит.

Как ни был нюхач сбит с толку последними событиями, но заметил, что белобрысый маг старается оттереть его от ведьмы из ревности. Он понимал, что его шансы очаровать прекрасную Валентину равны нулю, но было приятно, что его воспринимают как настоящего, полноценного соперника. Это было еще одним подтверждением того, что его приняли как равного.

Наконец ведьма добилась от Маркуса всего, что наметила, и успокоилась. Встала, прогулялась в спустившуюся темноту, вернулась и подхватила под локоть обескураженного ее поведением Стефана.

— Пойдем, дружок, нам надо переговорить.

Стефан кротко, как бычок на верёвочке, пошел за ней, полагая, что вредная ведьма хочет без помех обсудить дальнейшую тактику обработки Маркуса. Побаивался он только одного: как бы им в темноте не свалиться в пропасть, но готов был идти туда, куда увлекал подругу её легкомысленный нрав.

К его удивлению Тина не пошла дальше второго шатра. Сначала завела за него Стефана, а затем резко втолкнула внутрь и нырнула за ним. В следующее мгновение она набросила на них полог тишины и засмеялась в голос.

От неожиданности бедный маг сел прямо посередине шатра и в молчаливом изумлении уставился на развеселившуюся ведьму. Она же, отсмеявшись, произнесла театральным шёпотом:

— Наш Ромуальд везде пролетел, бедняжка. Я с самого начала его с трудом выносила, а Лина, на которую он так рассчитывал, теперь с Дамианом.

Бедный маг никак не мог понять, к чему это она. Да и откуда эта уверенность в том, что Лина сейчас с советником? Она что, им свечку держала?

Тина не стала дожидаться неудобных вопросов, сообщила сама:

— Я ту в темноте прошла мимо ее палатки...

— Какой палатки? — не понял Стефан.

— Дамиан разбил для нашей Линочки отдельную палатку в том месте, где она сидела. Ну, раз она не хочет никого видеть... Так вот: я прошла мимо, гляжу: Дамиана нигде нет, а палатка укрыта пологом тишины, да таким мощным! Вот я и думаю: твой приятель молодец.

Да уж, яснее быть не может. Наверное так и должно было случиться. Но Стефан пожал плечами:

— Не уверен, что это хорошо. Я очень уважаю Дамиана, но он прежде всего политик.

Чувства для него на последнем месте. А Лина достойна того, чтобы ее любили.

Тина беззаботно махнула рукой:

— А, ерунда! Ей сейчас нужно быть не одной чтобы не свихнуться, а Дамиан, по моему, лучший вариант.

Глядя на полную сомнений физиономию своего друга, добавила:

— Ну не Ромуальд же!

— Почему? — для проформы спросил Стеф, — Ромуальду она очень бы подошла. Такая умная, серьёзная, заботливая жена нашему князю очень бы подошла, — и пошёл с козыря, — А если не Ромуальд, то почему ты меня не взяла в рассмотрение?

Тина вытаращила глаза:

— Ты соображаешь, что говоришь? Во — первых, такая жена князю бы очень подошла, но я не знаю, что плохого сделала тебе Лина, что ты ей такое нещечко как Ромуальд сватаешь. А во — вторых... Ты правда думаешь, что я тебя кому-нибудь отдам? Даже лучшей подруге?

Стефан хотел что-то сказать, но вдруг ясно увидел, что слова больше не нужны. Никакие. Они были назначены друг другу богами и глупо было в этом сомневаться. С счастливым смехом он протянул руки и повалил Тину прямо на себя. Она сначала притворно взвизгнула, а затем впилась в губы мага властным поцелуем уверенной в себе женщины.

* * *

Маркус остался у костра в обществе совершенно ушедшего в себя Ромуальда. Ну, это поначалу он так думал. Потому что минут через десять после того, как Тина со Стефаном исчезли в темноте, князь встал, тоже отошел в сторонку, затем вернулся и сел напротив юного ведьмака.

— Что, бросила тебя твоя ведьма? — ехидно спросил он.

— И никакая она не моя, — ответил Маркус, — Она меня учить будет, это да. А всё остальное... Очень оно мне надо! А вы, это, сиятельство, да?

Ромуальд затряс породистой головой.

— Оставь, парень. Какое из меня сиятельство, тем более здесь? Зови Ромуальдом. Это мое имя.

— А вы правда князь Амондиранский? — продолжал интересоваться Маркус.

Красавец произнес с горечью:

— Правда. По рождению и воспитанию. И знаешь, что я тебе скажу? Ничего хорошего в этом нет.

— Как это? — не понял ведьмак, — Князь — он же самый главный! Почти как наш император! Он всё может! Как захочет — так и будет.

— Зелёный ты еще, — махнул на него рукой Ромуальд, — На самом деле всё в точности до наоборот. У князя на первом месте долг, а о том, чего ему самому хочется, никто и не спрашивает. Думаю, у императора положение еще хуже, потому что страна гораздо больше. И жениться им надо ради наследников и дипломатии, а не по любви.

Маркус задумался. Ему показалось, что он понял.

— А, вы хотите жениться на ком-то, а вам нельзя?

Ромуальд вдруг рассердился:

— Глупости! Я вообще больше не хочу жениться! Ни на ком! Мне надоело! Свободному художнику жена не нужна!

Жизненный опыт подсказывал Маркусу, что сейчас у него есть шанс снискать расположение этого недовольного жизнью властителя. А конвертировать хорошее отношение в монеты он умел с детства. Поэтому он подталкивал Ромуальда к тому, чтобы тот высказался. Излил душу.

Была опасность, что момент откровенности может завершиться не дружескими чувствами к нему, Маркусу, а неприятием и даже ненавистью, но рискнуть стоило.

— А что вы хотите? — осторожно спросил он.

— Я? — задумался Ромуальд, — Я хочу свободы! Хочу заниматься тем, чем мне нравится вместо того, чтобы подписывать горы дурацких бумажек! Я же не чиновник! Я художник! Душа требует отдаться искусству, а тут приходит Дамиан и зудит: подпиши то, утверди это, послы приехали, надо принять, ну и всё такое прочее...

Тут мысль его скакнула в сторону и он спросил Маркуса:

— Ты знаешь песню „За синими горами“?

Ещё бы не знать! Маркус вообще любил петь и выучивал все новые песни, какие долетали до Стомбира, а эта была одна из самых известных и очень нравилась парню. Вместо того, чтобы ответить Ромуальду, он затянул приятным тенором:

„Там, где восходит солнце,

Там, где гуляет ветер,

За синими горами

В дальнем краю“...

Ромуальд подтянул мотив, а затем резко оборвал пение, сказав:

— А ведь это моя песня, я ее написал. И еще много других. Я композитор и художник, а вынужден заниматься демонами знают чем!

Маркус решил отвлечь Ромуальда от тяжелых дум и лукаво спросил:

— А чем это вы сейчас занимались? Ну, писали что-то на листочках?

— Это я оперу пишу, — признался князь, — я уже две написал, это будет третья.

— Оперу? — изумился Маркус, — а что это — опера?

Ромуальду не приходило в голову, что кто-то может не знать, что такое опера. Пришлось объяснять дикому туземцу:

— Опера — это музыкальное представление. Я, например, хочу рассказать историю про то, как мы добыли кольцо княгини Азильды средствами музыки. Понял?

Маркус ничего не понял кроме того, что Ромуальд пишет новые песни и искренне восхитился, чем заслужил наконец-то дружбу князя.

* * *

Наутро все вылезли из палаток и собрались у костра. С одной стороны бесконечно смущенная Лина, довольный, как обьевший сметаны кот Дамиан, радостная Тина и совершенно ошалевший от неожиданно свалившегося на него счастья Стефан... С другой — разочарованный во всём Ромуальд и глядящий на него как пёс на хозяина Маркус.

Не дождавшись ведьмы, от которой он хотел получить указание о размещении на ночлег, он пристроился в шатре князя с разрешения последнего. Ромуальд быстро сообразил,

куда исчезли его друзья и с горькой обидой в голосе сказал юному ведьмаку, когда тот заикнулся о пропаже магов:

— Им теперь хорошо, не то, что нам, брошенным. Да, они о нас заботятся, потому что люди, в принципе, хорошие, но на самом деле мы с тобой и даром никому не нужны. И не важно, что я князь, а ты, по сути, пока никто. В этом мы равны. Так что не тушуйся, залезай в шатёр и устраивайся. У двери есть парочка одеял. Постараемся выспаться, раз уж нет шансов на любовь.

Маркус и представить себе не мог, что богатый, знаменитый, титулованный человек даже в трудном походе может забыть о чинах и пригреть его, безродного и нищего. Да, Кавериско был с ним добр, выражал приязнь, но как высший к низшему. Даже не как король к крестьянину, а как человек к псу. Если ещё вспомнить, для чего на самом деле маг приваживал нюхача...

А этот красавец и талант держался по — дружески несмотря на то, что ему от Маркуса ничего не было надо. Мало того, он, настоящий князь, отнёсся к бедному парню не как к приبلудной собаке, а как к товарищу по несчастью. В общем, можно сказать, двумя одеялами, которые ему, кстати, не принадлежали, Ромуальд купил ведьмака с потрохами.

Так что утром он глядел на собравшихся на завтрак девушек и недоумевал: как они могли предпочесть этих своих хмырей Ромуальду? Он же лучше!

Но, поразмыслив, пришёл к выводу: князь Амондиранский настолько выше всех в этой компании, что девицы просто не рискнули добиваться внимания столь великолепной особы, а он по своему благородству делает вид, что огорчён. На самом деле на свете нет особы столь прекрасной, чтобы она была достойна Ромуальда.

А князь получил от Маркуса то, что в тот момент было ему необходимо как воздух: признание и восхищение. За время экспедиции он получил столько щелчков по самолюбию, что чувствовал себя по — настоящему несчастным. Все видели в нём помеху и не давали себе труда это скрыть, девушки в первую очередь. Ромуальд уже пришел к выводу, что он зря затеял свой побег из дворца и напрасно присоединился к тем, кто шёл его выручать. Его романтическое воображение рисовало героическую историю, где он сам — главное действующее лицо. То, каким он видел себя в мечтах, абсолютно не походило на ту бесславную роль „сбоку припёка“, которую ему довелось сыграть в этом деле.

Полный обожания взгляд юного ведьмака наполнял Ромуальда уверенностью, что есть ещё в мире те, кто его ценит. Если как князь и как воин удачи он потерпел фиаско, есть еще роль художника и композитора. Его песни знают и поют даже в забытой богами имперской дыре, а значит он не последний человек в этом мире.

Так что, найдя поутру Маркуса притулившимся у входа в шатёр, он был искренне тронут: парнишка оберегал его сон! Для этого славного туземца он, Ромуальд, был не помехой, а достойным восхищения героем легенды.

Дамиан проснулся раньше Лины и умиленно воззрился на приткнувшуюся к его боку растрёпанную голову, торчащую из-под одеяла. Кроме макушки оттуда высовывалась розовая пятка и кусочек аппетитной круглой попки. Забавная!

Они так и заснули вчера не одеваясь, а под утро похолодало и Лина прижалась к нему в поисках тепла. Но кое-что все же выставила наружу, чтобы не перегреться и даже носок где-то потеряла, хотя вчера их он с неё так и не снял.

Почувствовав его взгляд, девушка проснулась, открыла глаза, вспомнила всё, спрятала лицо и залилась румянцем. Дамиан склонился к ней, стал целовать нежную шею и полное,

покатое плечо, приговаривая:

— Девочка моя, любимая, хорошая, радость моя...

Она продолжала отворачиваться. Дамиан был достаточно зрелым и опытным мужчиной, чтобы понимать истоки ее поведения, свойственного скорее невинным юным девицам, чем взрослым женщинам. Но любовный опыт Лины был равен даже не нулю, величине отрицательной, поэтому её следовало успокоить и убедить, что ничего плохого не случилось. Наоборот. Для неё началась нормальная жизнь женщины.

В то же время Дамиан сам себе удивлялся. Уже давно он не связывался с девственницами именно потому, что они требовали к себе повышенного внимания. Его устраивали лёгкие, необременительные одноразовые отношения из разряда: нам было хорошо, при случае можно повторить, но никто никому ничего не должен.

А с Линой он со всего размаха влетел именно в то, чего столько лет избегал. Она пробудила в нём чувства, которые он давно считал похороненными. С ней ему было недостаточно просто переспать, её хотелось видеть рядом постоянно.

Ещё вчера он гнал от себя эту мысль, а сегодня поутру представил себе, что Лины больше в его жизни не будет и понял: он на такое категорически не согласен. Поэтому сейчас он должен ее убедить: то, что между ними произошло, это не случайность, не глупость, не каприз. Теперь так будет всегда. Он и она. Мужчина и его женщина.

Для начала он спросил:

— Лина, почему ты отворачиваешься? Скажи: тебе было плохо со мной?

Она повернула к нему пылающее лицо:

— Нет, нет, мне было хорошо. Наверное, как никогда в жизни. Только... мне стыдно теперь. Кажется, я наакалась бальзама и у меня действительно сорвало крышу.

Не хватало ещё, чтобы она попросила прощения!

— Глупости, Лина. Тебе нечего стыдиться. Это же я тебя напоил. Но мне тоже не стыдно: всё вышло хорошо и правильно. Я никак не решался сказать тебе, что влюбился как мальчишка, боялся, что между нами встанет твой жизненный опыт. А теперь скажу прямо: ты моя, ты мне нужна, я тебя люблю и никому не отдам!

Девушка смотрела на него и на губах её расцветала улыбка. Когда он замолчал, она медленно обвела глазами внутренность шатра, поправила одеяло на груди и высунула наружу вторую ногу, на этот раз в носке. Приподнялась на локтях, чмокнула Дамиана куда-то в подбородок, снова упала на спину и рассмеялась.

— Ну, если я тебе нужна вот такая... Забирай.

Всё же хорошо, что у Лины полный порядок с чувством юмора, подумал Дамиан, опускаясь сверху в открытые объятия своей подруги и целуя ее полуоткрытые губы. Он сам ненавидел пафосные сцены и терпеть не мог нудных девиц, которые ими увлекались в дурацких романах и старались оттуда перетащить в жизнь. С его магичкой такого бояться не стоит. Она может быть серьёзной, но не унылой и не скучной.

Стефан чуть с ума не сошел, когда понял, что Тина не шутит, что она действительно выбрала его. Поначалу даже пытался ей объяснить, что он — не лучший вариант. И внешность у него самая обычная, и маг он слабенький, и вообще Ромуальд его держит при дворе только из милости.

Тина даже рассердилась:

— Прекрати прибедняться! Терпеть этого не могу! Ты мне нравишься и этого достаточно!

После таких слов он до самого утра старательно доказывал ей, что она не ошиблась с выбором. В результате оба не выпалились, но это не мешало им чувствовать себя великолепно.

Под утро Тина прошептала на ухо своему возлюбленному:

— Ты лучше их всех! Ты просто потрясающий, запомни! Не скрою: я не сразу тебя оценила, но теперь точно знаю, что сделала лучший выбор из всех возможных. Мне с тобой хорошо. Так хорошо, как не было ни с кем и никогда.

Она сказала правду: даже с первым мужем ей не было так легко и свободно, а для ведьмы это значило очень много.

Валентина не призналась бы сама себе, что выбрала Стефана скорее не из-за его достоинств, а из-за недостатков, причем её собственных. Она уже побывала замужем и даже любила своего Этьена, но на его примере прочувствовала, что такой тип отношений её не устраивает.

Отличник, красавец, сын преуспевающих родителей обожал свою жену — ведьму, но при этом смотрел на неё сверху вниз, как было принято у магов. Восхищаясь её красотой, он ценил то, что она ему давала, но не уважал её мнение, считая глуповатой и простоватой. Тина при нём лишнее слово сказать боялась: Скарель вполне мог прилюдно высмеять ее за незнание или неверное понимание. Он редко и неохотно выводил ее в общество, а она гадала: ревнует ко всем из-за красоты или стыдится из-за глупости? Когда он погиб, она искренне горевала, но где-то подспудно чувствовала облегчение, чего очень стыдилась: девушка она была хорошая, хоть и ведьма.

Тине был нужен мужчина, который был бы с ней одного круга, одного уровня, близкий по интересам, чтобы терпел её закидоны просто потому, что любит. С таким она могла найти свое счастье, такого она способна была сделать счастливым и такого она искала с тех пор, как осталась одна.

Неглупый, мягкий, добрый, тихий и при этом надежный как скала Стефан, готовый костями лечь за тех, кто ему доверился, подходил ей как нельзя лучше. За время их путешествия она имела возможность понаблюдать за ним и поняла, какой отличный человек скрывается за простоватой внешностью придворного мага Амондиранского князя. То, что надо. Когда же опытным путем она выяснила, что и в постели они идеально во всем совпадают... Ведьма за свою короткую, но бурную жизнь усвоила, что от добра добра не ищут.

Млея в объятьях Стефана, она была полностью довольна жизнью. Только в дальнем углу сознания копошился вопрос: а как там Лина? Валентина лично отправила советника к подруге, надеясь, что это поможет ей пережить тяжелый момент. Но вот не обидит ли этот дуботолый тип её дорогую Линочку? Она полагала Дамиана эмоционально тупым и боялась, что тот, действуя в своём бездушном стиле, может нанести рану там, где он призван был её исцелить.

Поэтому утром к костру она выходила с опаской, внимательно присматриваясь как к подруге, так и к её любовнику.

Как выяснилось, бояться было нечего: Лина с Дамианом выглядели как влюблённые друг в друга молодожёны после первой брачной ночи, когда они выходят из спальни под взглядами заинтересованных родственников. Магичка краснела и отворачивалась, пытаясь скрыть ото всех радостный блеск в глазах, а советник явно гордился собой и своей чудесной подругой.

К счастью, присутствующие в основном были людьми не только взрослыми, но и хорошо воспитанными, поэтому никто не позволил себе никаких комментариев. Маркус же, не страдавший от лишнего воспитания и чувства такта, просто терял голос в присутствии своего кумира и ведьмы, обещавшей сделать из него человека.

После сытного завтрака Дамиан снова изучил карту и предложил не терять времени даром. Хотя погоня была им теперь не страшна, но мешкать не следовало: дорога через горы и так должна была занять от одной до двух декад, а еды они набрали с собой впритык.

Никто не стал спорить: собрались и тронулись в путь.

В первый день идти помогала эйфория от одержанной победы и того, что произошло после. Мужчины старались ни на миг не оставлять своих женщин. Тут Стефану очень мешал Маркус, который всю дорогу приставал к „госпоже ведьме“, умоляя начать поскорее его учить. Он желал быть достойным своей новой участи.

На привале Тина сдалась: показала парню несколько особых упражнений, которые он мог делать на ходу, и велела повторять каждое по десять раз, а заодно научила зажигать огонь и замораживать воду. Этим она его осчастливила: теперь он чувствовал себя настоящим ведьмаком, спутником и защитником великого барда Ромуальда. Он шёл рядом со своим новым кумиром, слушал, как тот то бормочет, то напевает про себя, и старательно тренировался.

На самом деле разумная ведьма отложила настоящее дело обучения Маркуса до того счастливого дня и часа, когда они покинут горы. Пока же упражнения на прокачку каналов должны были выматывать молодого ведьмака и не давать ему колдовать даже по случайности. К счастью, он этого не знал и радовался новообретённым способностям.

Уже на второй день эйфория схлынула, а идти стало труднее. То, что так красиво выглядело на карте, оказалось на редкость мерзким на деле. Далеко не везде получалось просто идти: приходилось лезть, а местами даже ползти, прыгать через узкие расселины, стоять веревочные мосты через широкие.

Третий и четвёртый день оказались не легче. Наоборот, чем дальше в горы они забирались, тем труднее было идти и тем холоднее становилось.

Дамиан в качестве начальника отряда с каждым днём становился все суровее и гнал их вперед с удивлявшей Лину жёсткостью. Даже на нее сердито покрикивал. Зато ночью, прижимая девушку к себе, он виновато шептал, что по — другому нельзя. Им нужно как можно скорее перевалить горы и войти в цивилизованную часть Гремона.

По карте Дамиан мог наблюдать, сколько они прошли за день, и радости ему это не доставляло.

Его пугало то, что они двигались слишком медленно, гораздо медленнее того, что он планировал. А это могло привести к тому, что им не хватит еды. Охотиться было особо не на кого: кроме коз и горных сурков тут не водилось другой живности, а они оказались слишком шустрыми для неопытных охотников. Остановившись на ночлег накануне пятого перехода, он потребовал выложить из сумок и пересчитать всю еду. Так они будут знать, на что рассчитывать.

Лина и Тина распотрошили свои саквояжи. Маркус, которому досталась по наследству сумка Кавериско, тоже сунул в нее руку, но был остановлен магичкой.

— Подожди, я её на тебя настрою, а заодно посмотрю, что там есть.

Парень уже усвоил, кем приходился Лине злобный маг, поэтому без разговора протянул сумку ей:

— Забери. Она же твоя.

Девушка рассмеялась.

— Да не отнимаю я её, наоборот! Тащи сам! Только сейчас она бесхозная: заклинание Герарда я сломала. Нужно сделать новое, на тебя.

С этими словами она принялась выгружать всё, чем Кавериско запасся в путь. Чем больше вынимала, тем больше глаза у неё лезли на лоб. Там было всё: амулеты самых разных назначений в товарных количествах, одежда на все случаи жизни, драгоценности, банковские аккредитивы, документы разных королевств на разные имена... Возникло чувство, что Кавериско таскал с собой всё своё имущество.

Еда тоже была, правда, специфическая. Сухое печенье, высушенное повидло в пластинках, засахаренные фрукты, орехи, изюм... Еще нашлись мёд и варенье в запечатанных горшочках. Как выяснилось, маг был примитивным сладкоежкой.

— Так вот чем он всю дорогу хрустел, — догадался Маркус и добавил разочарованно, — а меня ни разу не угостил.

Равнодушная к сладкому Лина тем временем разбирала остальное имущество. Простые амулеты она оставила Маркусу: он сможет их продать и получить приличные деньги. Сложные артефакты оставила себе: их было опасно отдавать в неумелые руки. Банковские аккредитивы тоже забрала: она может доказать, что после смерти мужа является их законной владелицей, а в руках других людей они вызовут ненужные вопросы. Прикинув, сколько там денег, присвистнула и решила поделиться богатством с Тиной. Она и не ожидала, что ее покойный муж ворочал такими деньжищами.

Одежду запасливого мага вместе с припрятанными по карманам золотом и серебром она отдала тому же Маркусу: парень влип в историю в чём был, а его личные вещи достались ребятам Леща, потому что Тина не хотела рассекречивать перед имперцами то, что Маркусу удалось спастись. Конечно, Дамиан и Стефан поделились с ним рубашкой и штанами, но переодеться бедняге было не во что. А в сумке Кавериско нашлись и брюки, и рубашки, и жилеты, и камзолы, и мантии. Что самое важное: всё на высокий рост, потому что маг был лишь немногим ниже Дамиана. Правда, в его рубашках тощий Маркус тонул, но это можно было пока пережить, а потом просто ушить.

Пока она разбиралась с вещами Кавериско, Тина с Дамианом делили припасы. При самом скромном их расходовании, даже с учётом сладостей, их оставалось максимум на девять дней.

Дамиан собрал всех вокруг костра, объявил о положении вещей и потребовал, чтобы всё напрягли свои силы: они всё ещё идут вверх, хотя должны уже были перевалить хребет и начать спускаться.

Позже, лёжа в палатке рядом с Линой, он признался, что боится. Конечно, в первую очередь за неё: она уже и так похудела чуть не вдвое, её скоро начнёт ветром сдувать. Но ещё ему страшно за Ромуальда. Пока что Ромочка с достойной восхищения твердостью переносит лишения и трудности, но что будет дальше? Его долг доставить князя домой живого и здорового.

В то же самое время Ромуальд развивал перед Маркусом своё видение ситуации. Вернее, он пересказывал парню либретто своей новой оперы, где главным героем был, конечно, благородный князь. На самом деле именно сейчас для Ромуальда настало время проявить героический характер и причиной этому было наличие восторженного зрителя. Поэтому он ни на что не жаловался, терпел всё, даже окрики Дамиана, стиснув зубы лез в

гору, а на привалах старательно ставил шатры и следил за похлёбкой.

Может, для кого-то это и не подвиг, но для выросшего в неге и холе Ромуальда такое поведение было вполне героическим. А когда после ужина все расходились по палаткам, он доставал бумагу чтобы добавить пару — тройку тактов в свое новое произведение. Во многом это делалось напоказ, но он не мог разочаровать Маркуса, который ходил за ним хвостом и считал за великую честь спать с ним в одном шатре.

Третья палатка, которую Тина когда-то уволокла из университета, оказалась очень нужной. Теперь не было мужского и женского шатров, компания разбилась на пары. И Дамиан, и Стефан не упускали возможности побыть наедине с любимыми женщинами, даже когда после тяжелого дня сил уже ни на что, кроме нежного поцелуя, не оставалось.

* * *

Так дело шло до седьмого дня, когда отряд наконец-то перевалил хребет и начал спуск к Гремону. Они далеко не сразу поняли, что преодолели главное препятствие на пути домой. Вокруг все так же громоздились пики и утёсы, поэтому только опытный глаз мог определить, что что-то изменилось.

К счастью, Маркус с детства шастал по горам и немного в них разбирался. Поэтому когда отряд остановился перед очередным ручьём, он обратился к Дамиану так, чтобы все его слышали:

— А вы ничего не замечаете?

— Замечаю? — удивился Дамиан, — а что я должен заметить?

И тут до него дошло.

— Постой! Ты хочешь сказать, что мы теперь идём уже не вверх, а вниз?

Маркус радостно затряс головой:.

— Пока ещё не очень заметно, но часа через два это станет очевидно. Так что готовьтесь. Это только кажется, что вниз идти легче. На самом деле труднее: больше шансов загреть. Давайте я первым пойду и покажу, как надо ходить!

Отказываться от помощи человека опытного никто не стал. Действительно, Дамиан и девушки, прожившие жизнь в равнинной Элидиане, совершенно не умели ходить по горам. Лазание они за последние дни освоили на отлично, но только вверх! Ромуальд, выросший в горном Амондиране, никогда не ходил по горам пешком, а Стефан делал это только в глубоком детстве, когда все пропорции иные и там, где взрослому достаточно сделать шаг, ребенок ложится на живот и ногами ищет землю.

Мракус не ошибся: явный уклон появился даже раньше, чем через два часа, скорее минут через сорок. А когда наступил предсказанный им срок, отряд скакал вслед за ним по камням и, осторожно ставя ноги, шёл по осыпям. Перед ними расстилалось обширное море лесов, покрывающих эту часть Гремона. Можно было надеяться, что завтра они достигнут их границы.

Когда Дамиан наконец дал знак, что пора остановиться и устроить привал, и он сам, и все остальные были как кучка выжатых лимонов. У всех болели мышцы, о существовании которых еще вчера никто не подозревал, а напалились и набили синяков они за этот спуск больше, чем за весь предыдущий путь. Да и спускаться по прямой не получалось, приходилось двигаться галсами, что вдвое удлиняло дорогу. Никто не ожидал, что вниз

действительно идти труднее, чем вверх.

Развернув в очередной раз волшебную карту, советник убедился: они вышли примерно там, где намечали. Этому можно было радоваться, но существовало одно обескураживающее обстоятельство: в горных лесах Гремона никто не жил. Кое — где стояли охотничьи замки аристократов и избышки лесников, и всё. А им нужна была цивилизация. Место, где можно взять деньги со счёта, снять номер в гостинице, наесться в трактире, вымыться и привести себя в порядок, разослать письма, купить лошадей и нанять карету.

До всего этого топать было не один день, а еды оставалось всё меньше. Несмотря на то, что Дамиан старательно бдил, чтобы продукты расходовались экономно, они всё равно убывали гораздо быстрее, чем планировалось. Конечно, в лесу голодным не помрёшь, но перспектива питаться выкопанными из земли корешками никого не радовала.

Бедная уставшая Лина отозвала свою не менее измученную подругу в сторонку и девушки стали шептаться, время от времени бросая на парней горящие странным огнём взгляды. Затем подошли к ним и завели разговор о том, что сегодня ночью они ночуют в шатре вместе. Без мужчин.

Стефан и Дамиан хотели было обидеться, но глянули на своих подружек и махнули рукой. Может, им сейчас так надо. Зато Ромуальд только что не цвёл: не его одного отправили в отставку.

Сразу поле ужина, состоявшего из жидкой похлёбки и горсточки орехов, девушки поставили шатёр, удалились в него, утащили с собой Линину сумку и саквояж и прикрылись пологом тишины. Стало ясно, что они что-то затевают. Дамиан готов был ворваться и потребовать объяснить, что происходит, но Стефан его отговорил. Он был не готов ссориться с Тиной и не хотел, чтобы его друг поругался с Линой.

Но спокойствие было нарушено. Мужчины, вместо того, чтобы устраиваться на ночлег, бестолково метались по лагерю.

Первым сообразил, что надо делать, Маркус. Он отловил Стефана и попросил научить его чему-нибудь. Например, дозировать магию, чтобы при случае не расплавить чайник, а вскипятить в нём воду. Так как разговор об этом шёл и раньше, Стеф решил не уклоняться. Всё равно делать нечего. Они с ведьмаком уединились в трёх шагах от поляны, где стояли палатки, и занялись обучением.

Глядя на одинокого Дамиана, Ромуальд наконец решился поговорить с ним о том, о чём думал всё время, пока они шли по горам. Так или иначе их приключение шло к своему логическому концу, настало время обсудить, как они будут жить после того, как вернуться к нормальной жизни.

Князь чуть не силой усадил беспокойного советника рядом с собой и сказал, как обухом по голове ударил:

— Знаешь, Дамиан, я не хочу возвращаться в Амондиран.

— Что? — не поверил тот своим ушам.

— Что слышал. Мне никакого удовольствия не доставляет быть князем. Да по сути дела я им и не являюсь. Только пользуюсь деньгами и титулом да подписываю бумажки не читая.

Советник осторожно спросил:

— И что же ты собираешься делать?

— Уеду в Элидиану. Буду писать музыку, картины, жить полной жизнью. Так что зря мы всё это затеяли и трудности преодолевали зря. Можно было сразу попросить Лину разрушить моё кольцо, тогда бы и Азильдино потеряло смысл.

Дамиан слушал друга, раскрыв рот. Он был в таком шоке, что не находил ответа на заявления Ромуальда. А тот продолжал, видя в молчании советника чуть ли не одобрение.

— Но с другой стороны это хорошо, что получилось как получилось. Я наконец твёрдо понял, чего хочу от жизни и что мне нужно. И ты, и Лина. И все остальные показали мне, кем я являюсь на самом деле и подтолкнули к правильному решению. Напрасно ты шесть лет назад уговорил меня принять венец. Это не моё. Я отказываюсь быть князем. Наотрез.

Дамиан наконец обрёл дар речи, но смог произнести только:

— Ты понимаешь, что бросаешь землю своих предков в трудную минуту?

Ромуальд беззаботно махнул рукой:

— А, она без меня будет жить ещё лучше. Передадим власть гремонскому королю, например. Он мужик неплохой и законы в Гремоне приемлемые. Посадит наместника и под его властью Амондиран будет процветать.

Советник не успел сказать, что Ромуальду-то будет хорошо, а куда он, Дамиан, денется? Князь тут же добавил:

— Если правильно провести переговоры, то можно договориться, что наместником будешь ты. А что? Никто не разбирается в наших внутренних делах лучше тебя. А для меня выторгуешь пожизненное содержание. Вроде как гарантия, что я никогда не приду требовать мой престол обратно.

И тут до Дамиана дошло, что Ромуальд очень хорошо всё обдумал, гораздо лучше, чем можно было от него ожидать. Действительно, после того фиаско, которое потерпел в Амондиране Даригон со своими интригами, взоры императора ещё не скоро обратятся в ту сторону. А когда он всё же вспомнит про горное княжество, оно уже станет частью сильного королевства. Так что дело вполне может выгореть.

Из Ромуальда действительно князь как из поросычьего хвоста шапка. А художник и композитор он замечательный. Пусть занимается тем, что ему мило. Даже если не удастся выторговать ему приличного содержания, он своим творчеством заработает столько, сколько отродясь не водилось в бюджете Амондирана.

В то, что его назначат наместником, Дамиан не верил. Но теперь у него был отличный послужной список и он мог претендовать на место управляющего при каком-нибудь герцоге или губернаторе провинции. Он вздохнул, прикидывая, согласится ли Лина поехать с ним в очередную дыру.

Вслух он сказал:

— Это хорошо, что мы добыли кольцо. Если ты хочешь передать свою землю Губерту, то придётся вместе с ней передать и все артефакты власти, так что без кольца не обойтись. А вообще подумай ещё. Время терпит. Может, ты все же откажешься от этого бредового плана?

— Ты будешь меня отговаривать? — поджал губы Ромуальд.

Дамиан покачал головой.

— Нет, не буду. Я, как ты понимаешь, не в восторге, но это твоя жизнь, твоя страна и твой народ. Решай сам. Я со своей стороны сделаю всё, чтобы это произошло максимально безболезненно.

Князь бросился другу на грудь и облил её слезами облегчения. Он ожидал бешеного сопротивления и длительных уговоров, когда же их не последовало, он почувствовал, что теряет почву под ногами, но не падает, а взлетает ввысь.

Ромуальд последнее время часто дулся на Дамиана и обижался, что тот увёл женщину у него из-под носа, но сейчас почувствовал, как дорог ему друг, каким неоценимым

сокровищем он был для него долгие годы и как много он ещё готов сделать для своего князя.

* * *

В эту ночь дольше всех бодрствовали в шатре девушек. Из-за полога тишины расслышать, о чём они беседуют, было невозможно, но свет, пробивающийся сквозь матерчатые стенки, показывал, что они пока не спят. Стефан выползал наружу под утро, когда восток уже светлел, и видел, как они погасили световой шар.

Он доложил об этом Дамиану и тот велел не торопить девушек с подъёмом, да и завтрак устроить попозже. И пусть сегодня кашу сварит Маркус. Опытный в походной жизни ведьмак делал это великолепно.

К позднему завтраку наконец выползли Тина с Линой, сонные, растрёпанные, но на удивление довольные собой. Дамиан хотел их пожурить, за то, что они так задержали их поход, но не успел, потому что услышал от Лины:

— Надо найти хорошую, ровную площадку, не заходя в границы лесов. Надеюсь, уже сегодня мы сможем оказаться в цивилизованных краях.

— Портал? — мигом отозвался Стефан, — но тогда почему только сейчас?

Тина гордо фыркнула:

— Считаешь, мы такие тупые, раньше не сообразили?

От несправедливого обвинения у парня даже дыхание перехватило:

— Тиночка, как ты можешь? Вы с Линой очень умные и образованные, куда мне, дураку. Просто я хочу понять...

Лина его поддержала:

— Действительно, не выпендривайся, а объясни. Если бы это была не моя идея, я тоже сразу не разобралась бы, — она глянула на задравшую нос подругу и махнула рукой, — А, да что с тобой говорить... Слушайте. Портал будет стационарный, с фиксированной точкой выхода. Другой нам не годится. На территории империи делать незарегистрированный портал в гремонский город — государственное преступление, причём и для тех, и для других. Для нас было бы невозможно его разрушить сразу после того, как перейдём, а готовой конструкцией могли бы воспользоваться имперцы. Это, надеюсь, понятно. Наверху в горах тоже было нельзя: там сильная магическая аномалия. Нас бы занесло невесть куда и хорошо, если бы живы остались. В лесу трудно ориентироваться, а расчертить круг надо очень точно. Значит, или сейчас, или никогда.

Дамиан всё понял правильно:

— Выходит, мы уже сегодня можем оказаться в городе? Лечь спать в нормальную кровать, предварительно вымывшись? Заказать блюда в трактире? Так, сворачиваем палатки и начинаем искать ровную площадку. Большая нужна?

Лина тряхнула головой.

— Большая. Такая, чтобы вместить круг с радиусом в два локтя или больше. Ведь нас шестеро и мы все должны будем в него поместиться, чтобы ничего не торчало наружу.

— А силы хватит? — робко пискнул Стефан

Тут Тина рассмеялась:

— Ты совсем меня не ценишь, любимый, а зря. Как может не хватить силы, если у вас компании есть и ведьма, и ведьмак? Конечно, порталы мы создавать не можем, но накачать

мага силой под завязку и потом в процессе его поддерживать — легко!

Пристыженный Стефан потупился, а затем вдруг бросился складывать ближайший к нему шатёр. Он хотел поскорее отвлечь Тину, чтобы она забыла об обеде. Складывание завершилось объятьями и поцелуями.

Дамиан же подошёл к Лине, которая собирала в саквояж свои и чужие вещи, рассеянные по полянке.

— Линочка, скажи, ты давно это придумала?

— Скажем так: я давно об этом думала. Боялась только: всё-таки портал — это не игрушки. Там одних расчётов... Ошибёшься — и все прилетят в пункт назначения по частям. Но вчера я видела, с какой тоской ты смотришь на наши припасы и поняла: надо что-то делать.

Советник прижал свою подругу к груди, поцеловал в макушку...

— И вы с Тиной...

— Всю ночь считали, да. Учебник, мои записи и справочник по порталам я дальновидно засунула в саквояж ещё дома. Вот и пригодились.

Дамиан, всё ещё не отпуская Лину от себя, задумался.

— А куда ты собиралась нас отправить, если не секрет?

— Какой секрет? В столицу. Только там в Гремоне есть достаточно большие порталные круги. Это же не Элидиана и не Кортал, где сеть старая, развитая. Здесь же в небольших городах их строят из расчёта максимум на трёх человек., поэтому у нас нет другого выбора.

Советник грустно вздохнул. Вот и кончился его краткий отдых. Да и у Ромуальда не осталось времени на подумать. Стоит им попасть в столицу Гремона, как придётся решать множество вопросов, связанных с решением князя раз и навсегда уйти в отставку.

Если всё пройдет нормально, а с Линой он в этом не сомневался, сегодня они будут отъедаться, мыться и отдыхать, а уже завтра на него навалится столько дел, что держись! Кажется, в этот раз отговорить Ромуальда не удастся, а значит, впереди письма, переговоры, поездки, расчёты и всякая официальная дребедень, от которой он, что греха таить, уже отвык.

Когда стало ясно, что их приключение подошло к концу, он вдруг осознал, что ничего увлекательней в его жизни не было и скорее всего уже не будет. Теперь он до старости станет вспоминать, как ездил за кольцом княгини Азильды.

Тем временем Лина, которую он всё ещё прижимал к себе, попыталась освободиться, чтобы заняться делом. Этим она напомнила Дамиану о том, что кое — какие вопросы, связанные с порталом, надо решить прямо сейчас.

— Девочка моя, а ничего, если мы переместимся незарегистрированным порталом? Вряд ли в Гремоне этому обрадуются.

Лина потёрла пальцем нос.

— Об этом я как-то не подумала. Но вообще... бывает, что маги в сложных ситуациях пользуются этим способом. Тогда важно, чтобы мы сразу могли удостоверить свои личности и доказать кредитоспособность. Тут проблемы могут быть только с Маркусом, у остальных бумаги в порядке. Но если князь поручится за нашего ведьмака, думаю, особых трудностей не возникнет.

Дамиан вовсе не был в этом уверен, но не стал расхолаживать Лину. В конце концов у него достаточно опыта и власти, чтобы разрулить и эту ситуацию, а среди высших

сановников Гремона у него есть парочка добрых приятелей. Помогут в случае чего.

Тем временем палатки были собраны, вещи сложены и всё готово к тому, чтобы идти дальше. Стефан уже был готов кинуться на розыски нужного участка, который годился бы под портал, Маркус тоже. Лина их остановила.

— Никуда не нужно бежать. Смотрите: там, где стоял шатёр князя, отлично разместится рисунок. Как раз подходящий размер. Нужно только расчистить место от мха и вереска, который мы сюда вчера набросали для мягкости.

Мужчины принялись за работу под руководством Тины, а Лина достала свои расчёты, компас, волшебную карту и набор цветных мелков. Дамиан присмотрелся, и понял, что это не те мелки, которыми дети пользуются в школе, а скорее пастель, вроде той, которой рисует князь. Только набор цветов ограничен, всего девять: цвета радуги, белый и чёрный.

Ну что ж, пока Лина готовится, ему тоже не грех заняться чем-то подобным. Поэтому он попросил ее, пока она не закрыла саквояж, достать ему оттуда все их подлинные документы: надо снабдить каждого бумагами, удостоверяющими личность. А ещё прежде чем они войдут в портал, придётся привести свой внешний вид в соответствие с принятыми в обществе приличиями: мужчинам побриться, женщинам надеть юбки и всем умыться и причесаться.

Да, не забыть заранее положить в карман щедрую плату за перемещение: это облегчит дальнейшие переговоры.

Когда место наконец было расчищено и девушки приступили к рисованию, Дамиан заставил всех мужчин заняться приведением себя в относительный порядок: князь и его спутники не должны выглядеть грязными оборванцами.

Времени им хватило с избытком: Лина с Тиной работали не покладая рук около двух часов. Вместо циркуля использовали кинжал и веревку, вместо линейки — кромку дамианова меча и Тинин футляр для набора зелий.

Когда рисунок портала был готов, позвали Маркуса, как сказала Тина, на всякий случай. Они с Линой собирались вливать энергию в круг и активировать его части.

Действительно, сила ведьмака не понадобилось, зато парень посмотрел, как работают в связке маг и ведьма. Дело шло не быстро, но где-то через полчаса круг со вписанной в него двенадцатилучевой звездой сиял не хуже, чем порталном зале любой столицы. После этого Тина с Линой отошли за ближайшиe кусты и велели всем остальным не подходить к готовому portalу. Девушкам тоже предстояло привести себя в пристойный вид.

Они справились на удивление быстро. Когда Лина и Тина вышли на полянку, мужчины вытаращили глаза. У девушек был такой вид, как будто они перед этим не лазали по горам целую декаду, а только что вышли на прогулку из собственного дома. Аккуратные причёски, элегантные платья, туфельки на каблучках, припудренные носики... На их фоне проигрывал даже князь, обладавший природным шиком, отчего на нём даже обноски смотрелись стильно, а сейчас нарядившийся во вполне приличный камзол.

Забавнее всего выглядел Маркус в шикарном камзоле Кавериско, который был ему велик размеров этак на шесть. Но это всегда можно было списать на то, что парень сильно похудел, скитаясь в горах. На остальных вещи тоже болтались и только девушки каким-то образом умудрились остаться в платьях по размеру.

Не иначе применили швейную магию и ушили платья, догадался Стефан. Он хотел попросить Тину помочь и Маркусу с костюмом, но глянул на серьёзное, сосредоточенное личико своей любимой и махнул рукой. Ведьмак переживёт как-нибудь.

По знаку Лины Дамиан всех построил в порталном круге, следя, чтобы никто не стёр нарисованное. Но это оказалось излишним: после вливания силы нанесённые мелкими знаками стали крепче, чем высеченные на камне.

— Когда мы уйдем, они еще некоторое время подержатся, — шепнула ему Лина, — До первого сильного дождя.

После этих слов она сама вошла в круг и активировала портал. Их окружило туманное марево, а когда оно рассеялось, то они увидели, что к ним спешат люди в форме магов порталной службы Гремона.

Дамиан не зря готовился. Деньги, документы — всё пошло в ход, чтобы развеять опасения бдительных стражей. Почему-то наибольшие сомнения вызвал не Маркус, а князь Ромуальд. Вероятно, никто не ожидал увидеть правителя в таком странном виде и в такой сомнительной компании. Наконец Дамиан догадался послать крутившегося рядом мальчишку с запиской к своему знакомому заместителю министра иностранных дел. Тот пришел очень недовольный тем, что его оторвали от трапезы, но когда узнал Дамиана и выслушал то, что тот нашептал ему на ухо, подобрел.

Тут же всех опознал, лично поручился за ведьмака и пожелал принять всех у себя дома. От этого князь наотрез отказался: он тут инкогнито и хочет в трактир, где не нужно будет соблюдать этикет. Дамиан перемигнулся со своим приятелем, после чего тот отвёз их в отличную гостиницу, не самую шикарную, чтобы соблюсти инкогнито Ромуальда, но и не из захудалых. На прощание он договорился с Дамианом о встрече и отбыл, радуясь, что не надо тратить на неожиданных гостей: они смогли заплатить за себя сами. Завтра в министерстве он сможет доложить о своей серьёзной победе в деле присоединения новых земель, не упоминая, что он для этого палец о палец не ударил.

* * *

По хорошему всему отряду надо было начать свои действия в Гремоне с посещения банка и магазинов одежды и обуви, но все так вымотались, что предпочли ванну и обильный ужин, который приказали подать не в общий зал, а в отдельную гостиную.

После мытья девушки пожалели, что их шикарный новый гардероб так и остался в Стомбире, а с собой в саквояжах нашлось по одному приличному платью и одной чистой смене белья, которые они уже успели использовать. Хорошо, что в гостинице для гостей были приготовлены теплые махровые банные халаты. Когда все встретились наконец за ужином, оказалось, что только Маркус не решился выйти к остальным в этой удобной, но не слишком приличной одежде. Бедный ведьмак старательно путался в просторных рубахах и штанах покойного мага и густо краснел, глядя на Лину и Тину, несколько не стеснявшихся своего вида.

Несмотря на то, что Дамиан взял каждому по отдельному номеру, сам он ночевал у Эммелины. Ванна, удобная кровать и чистое постельное бельё творили чудеса: отмытая до скрипа магичка отдавалась ему с небывалым воодушевлением и не скрывала своего счастья.

Дамиан отбросил все лишние мысли и полностью погрузился в сладостные ощущения, которые дарил ему возлюбленная. Но, проснувшись под утро, подумал, что это, пожалуй, их последняя счастливая ночь. Переговоры о переходе Амондирана под руку Гремона обещали быть долгими и трудными. В это время ему будет не до любви. Он не может на официальных

переговорах появиться с любовницей, а жениться на Лине прямо сейчас, пока ситуация не прояснилась, было бы безрассудно. Ей придётся вернуться в Амондиран, чтобы её присутствие не мешало ему заниматься большой политикой. Когда всё устаканится, он заберёт её туда, куда поедет сам, и вот тогда женится. Вернее, сделает предложение и если она согласится разделить его судьбу... Остаётся один вопрос: дождётся ли она его?

Сразу после завтрака вся компания отправилась по делам. Надо было посетить банк, почту, а также магазины белья и готового платья. К счастью, всё это было расположено недалеко.

Лина положила все аккредитивы своего покойного мужа на счёт и перевела половину Тине, после чего обе поручились за Маркуса, которому тоже открыли счёт. Юный ведьмак впервые в жизни видел, как берут отпечаток ауры чтобы подтвердить личность и был под впечатлением от этого действия, поэтому даже не понял, что обе девушки положили на его имя по десять золотых гитов, а случившийся рядом князь добавил ещё двадцать.

На почте Дамиан разослал несколько простых писем и несколько срочных сообщений. Тина написала своей бывшей кураторше в университет и попросила приютить Маркуса и подготовить его к поступлению.

Остальным там было делать нечего и они купили газет, как местных, гремонских, так и других, считавшихся международными изданиями. Среди них попалась даже одна амондиранская. В ней, среди прочих местных новостей, писали о том, что князь и княгиня уединились в некоем тайном месте ради рождения наследника. Насколько далеко это было от истины, настолько громко хохотал князь, когда читал выдуманный газетчиком бред.

О решении Ромуальда оставить свой престол пока никто не знал.

Лине же попалась газета с новостями империи. Там сообщалось, что герцог Даригон, до сего времени бывший приближённым доверенным лицом первого советника императора Элдара Вианора, попал в опалу. Ему приказано удалиться из столицы в своё поместье. Девушка усмехнулась: быстро же в империи работает служба информации. Они только через горы перебрались, а Даригона уже наказали за просчёты в деле с кольцом княгини. Жалости к пострадавшему она не испытывала: тот, кто связался с Кавериско, был её недостоин.

После того, как они обошли все близлежащие лавки, торгующие одеждой и экипировались по полной программе, пришло время вернуться в гостиницу и пообедать. Так все и сделали, кроме Дамиана, который отправился на встречу со своим знакомым. Перед этим отозвал Ромуальда и спросил:

— Ну как, ты не передумал? Отрекаешься от престола предков?

Но даже эти грозно звучащие слова не подействовали на князя. Он нахмурился и ответил:

— Неужели ты думал, что я могу отказаться от своего решения? Нет уж, я своего мнения по три раза на дню не меняю.

— То есть, я могу начать процесс переговоров? — уточнил советник.

— Начинай, — махнул рукой Ромуальд, — Только, умоляю, лишний раз меня не дёргай. Я подпишу любые доверенности чтобы дело прошло без меня.

Дамиан хорошо знал своего теперь уже почти что бывшего сюзерена, поэтому счёл нужным уточнить:

— Один раз тебе придется поприсутствовать. Передача прав будет оформлена торжественным актом и твоя личная подпись под ним...

— Знаю, знаю, — отмахнулся Ромуальд, — Один раз уж так и быть.

Весь этот разговор прошёл мимо внимания остальных, потому что девушки как раз уговаривали Маркуса продать великолепные, но совершенно ему не подходящие наряды Кавериско, а деньги потратить на нечто более подходящее и практичное. Стефан же предлагал сдать в лавку ненужные артефакты здесь, в Гремоне, где они дороже, чем в Элидиане, и пополнить банковский счёт. Быть студентом хорошо тогда, когда ты не должен подсчитывать последние гасты и думать, как дожить до стипендии.

Парень же стоял, молчал и таращил глаза, не в силах принять никакого решения. Эти люди столько для него сделали и готовы были совершенно бескорыстно помогать ему и дальше. Для него настолько непривычна была искренняя забота, что он, вместо того чтобы думать и выбирать, с трудом сдерживал слёзы.

Успокоил его Ромуальд, который сказал, что принимать решение прямо сейчас не обязательно. Одежду-то ему уже купили. Но вообще-то и Стефан, и девушки дело говорят. Мнение князя по своему удельному весу в глазах ведьмака приравнивалось к божественному гласу, поэтому он поспешил согласиться с предложениями, отложив осуществление на завтра.

Дамиан вернулся в гостиницу поздно ночью и, прежде чем пойти к Лине, заглянул к Ромуальду. Сообщил тому, что дело на мази. Правда, уехать сразу в Элидиану князю не удастся, сначала придётся посетить родной Амондиран чтобы подписать все необходимые бумаги и запечатать их родовой печаткой. А месяца через три всё будет готово для подписания акта отречения и передачи Амондирана под руку гремонского короля.

Отъезд на родину он назначил через три дня.

* * *

Лина сидела на кухне своего дома на Садовой улице и чистила овощи. На ужин собирались заглянуть Тина со Стефаном.

Рядом на стуле лежала кipa газет, в верхнюю из которых Лина между делом заглядывала. На глаза ей попался заголовок: „Скандал в Империи“. Ниже сообщалось, что юный маркиз Валер Даригон, наследник герцога Даригона, по приказу императора должен жениться на обещанной им девице, сальвинской графине Азильде Гермине Регианор. Лина усмехнулась: вот и Азильда пристроена, причём за того, за кого она желала. То, что у бывшей княгини открылись глаза на ее нового суженого, большой роли не играет.

С тех пор как все они вернулись из империи прошло уже больше полугода и многое в их жизни изменилось.

Уехал в Элидиану Ромуальд, не пробыв на родине и двух декад. Сказал, что отрекается от престола, собрал свои вещи, попрощался и отбыл. Перед отъездом подарил и Тине, и Лине по портрету. Лине тот, давнишний, а Тину написал уже по возвращении и вложил в картину всю горечь отвергнутого поклонника. Так что Лина свой портрет повесила в гостиной, а Тина свой завернула в тряпки и спрятала в нижний ящик комода.

Вместе с Ромуальдом в Элидиану поехал и Маркус с рекомендательными письмами к ректору университета и декану факультета ведовства.

Про их жизнь можно было узнать двух источников: в газетах регулярно писали про Ромуальда, а то, что в газеты не попадало, излагал в своих письмах Маркус. Юный ведьмак проникся к своим спасителям теплыми чувствами, а его новая наставница требовала, чтобы

он упражнялся в изложении мыслей на письме. Вот он и строчил по три послания за декаду: одно Лине, одно Тине и одно Стефану, и все разные.

У него, впрочем, как и у Ромуальда, всё было хорошо. В университет его взяли на подготовительный факультет, но дали общежитие и назначили стипендию: дар ведьмака и впрямь был очень редким и разбрасываться им не приходилось. Конечно, он был старше многих своих соучеников, но в университете на это не смотрели и скоро Маркус привык. Теперь он уже не жаловался на трудности, а описывал прелести столичной жизни, к которым приобщился через Ромуальда.

Прекрасный князь — художник произвел в Элидиане фурор своим появлением, а когда стало известно, что скоро на столичной сцене будет поставлена опера, в которой князь якобы описал свои собственные приключения, от поклонниц не стало отбоя.

Премьера ожидалась в начале весны и Тина уговаривала подругу съездить послушать, благо денег у них теперь достаточно.

Сама Валентина два месяца назад вышла замуж за Стефана, причём сделала это внезапно. Вот только вчера ничто не предвещало, а сегодня она уже зовет подругу стать свидетельницей их клятв. Всё произошло так, как это принято у ведьм: быстро и без помпы. Зато брак магический: на всю жизнь.

Удивлённой Лине она пояснила своё решение так:

— Мы с ним уже четыре месяца вместе, а он до сих пор не начал меня раздражать. И потом, мне с ним легко. Знаю — знаю, ты думаешь, что я легкомысленная.

— Нет, — пожала плечами Лина, — я знаю, что Стефан отличный парень. Но...

— Ты думаешь, что мне нравился Дамиан? — ткнула Тина в больное место, — Нет, я быстро в нём разочаровалась. Это было бы второе издание Этьена, только без магии. Зачем мне такое счастье? Тебе он лучше подходит.

Лина тогда промолчала. Молчала она и сейчас, хотя каждая весточка о бывшем советнике до сих пор заставляла сжиматься сердце.

Они приехали в Амондиран все вместе, Дамиан проводил ее домой и даже остался на одну ночь, но утром ушёл в замок и больше она его с тех пор не видела. Меньше чем через декаду он уехал обратно в Гремон и даже не попрощался. Писем тоже не писал, так что о том, что с ним происходит, Лина узнавала из газет.

В своё время он так и не сказал ей, что князь собирается отречься и передать свою вотчину Гремону. Об этом ей сообщил сам Ромуальд перед отъездом.

Сейчас о том, как идут переговоры между королём Губертом и представляющим Амондиран Дамианом газеты писали в каждом выпуске. Ещё бы, не каждый день независимое княжество по своей воле входит в состав королевства. Наконец был назначен день торжественного акта передачи прав, а пока она ещё не произошла, в замок прибыли аудиторы гремонского короля. Поговаривали, что от результатов их работы зависит, что будет с Амондираном и какого наместника сюда назначат.

Затем пошли разговоры о том, что король Губерт хочет сделать Дамиана наместником. Он готов дать ему графский титул, но требует, чтобы он выбрал себе жену из высшей знати Гремона. В качестве невесты новоявленного графа называли разных придворных красавиц, из номера в номер печатались их портреты. Появлялись и изображения самого Дамиана. Когда ему не приходилось больше служить фоном для выдающейся красоты Ромуальда, то стало заметно, что он тоже весьма хорош собой. Газетчики один перед другим старались расхвалить будущего наместника, употребляя эпитеты „величественный“, „статный“,

„классический“ при описании его внешности и „достойный“, „мудрый“, „дальновидный“ при описании его человеческих качеств. Но самым частым эпитетом к имени Дамиана стало слово „благородный“. Это заставляло Лину кривиться и закусывать губу. То, как он поступил с ней, благородным не назовешь.

Она избегала говорить о нём, но время от времени бесцеремонная Тина тыкала в больное место то пальцем, а то и чем поострее. Вот только вчера она увидела в газете портрет Дамиана рядом с белокурой красоткой, про которую было сказано, что это Луиза, единственная дочь графа фар Ранстерна. Сунув газету Лине под нос, Валентина заметила:

— Я от него не ожидала такой низости. Жениться ради титула... Фи! Хотя... Он же политик, а политики не те люди, которые живут по совести. Не зря он мне не нравился! Так с тобой поступить! То вдруг любовь — морковь, а потом слился и нет его! Даже письма с извинениями не прислал.

Лина остановила подругу:

— Прекрати! Я не хочу об этом говорить и не хочу обсуждать его поступки. Он имел право делать так, как считал нужным. И тогда, и сейчас. После гибели Кавериско он меня просто спас и я ему очень благодарна. Я тогда не знала, хочу ли вообще жить. А он дал мне почувствовать себя женщиной, любимой и желанной. Неважно, что это продлилось недолго и пусть теперь мы не вместе. Я не хочу слышать о нем ничего худого.

О том, что она собралась уехать из Арденны как только прибудет новый наместник со своей молодой женой, Эммелина умолчала.

Тина, привыкшая к отповедям подруги, не стала обижаться, а наоборот, поспешила подластиться:

— Ну что ты, дорогая! Если тебе неприятно, я ни слова не скажу. Давай лучше о приятном: о делах. Через декаду Стефан наконец закончит ремонт и откроет свою аптеку, а я буду принимать пациентов в кабинете наверху.

С отъездом Дамиана и прибытием гремонских аудиторов Стефан потерял свой пост придворного мага. Он подозревал, что, кто бы ни был назначен наместником, недоучившегося Стефа он на этой должности видеть не захочет, поэтому стал задумываться о новом поприще. Так как любимой его материей была и оставалась алхимия, то открыть аптеку представлялось ему наиболее логичным выходом. Посадив в кабинете над ней ведьму — целительницу, он обходил всех возможных конкурентов, обеспечивая себя стабильной клиентурой.

Тине эта идея понравилась и они, не успев пожениться, начали приглядывать подходящее место. Такое нашлось в самом центре Арденны, недалеко от рыночной площади, только состояние здания оставляло желать лучшего. Тина готова была ещё поискать, но Стефан уверил её, что сам сделает отличный ремонт. Зря что ли он столько времени угрохал на бытовую магию?!

И вот теперь этот ремонт близился к завершению. Чтобы ускорить процесс, Тина помогала мужу и поэтому не успевала готовить. Вот и напросилась последние дни перед открытием аптеки ужинать у подруги вместе со Стефаном. Лине же это было только в радость. В компании друзей она не чувствовала себя такой одинокой.

Её финансовые дела шли безупречно. Князь не посмотрел на то, что она стала богатой, унаследовав деньги Кавериско, и честно расплатился с ней за работу. Сейчас на её счету было столько, что она могла не работать и жить в праздности, ни в чём себе не отказывая, ещё лет тридцать. Но для Лины безделье было неприемлемо: она отчаянно скучала. Чтобы

развееваться придумывала и разрабатывала новые амулеты, но дело шло плохо, ей не хватало вдохновения. Посреди сложнейших расчётов вклинивалась мысль о Дамиане и у маленькой артефакторши опускались руки.

Наверное, ей надо было уехать в Элидиану вслед за Ромуальдом. Родной университет с радостью бы принял её, место на кафедре было бы обеспечено. А там... Когда вокруг полно симпатичных молодых магов, девушка недолго останется одна, тем более что теперь её ничто не ограничивает.

Но она не трогалась с места. Планировала, размышляла, готовилась к тому, чтобы покинуть гостеприимную Ардену, но никак не могла решиться ее покинуть. И не в Тине было дело. Ведьма нашла своё счастье и прекрасно могла без неё обойтись.

Просто Лина в глубине души всё ещё ждала Дамиана.

Нет, она не думала, что он приедет и упадёт к её ногам. Будучи разумной и практичной особой, она не верила в такой исход событий. Но пусть хотя бы придёт и скажет: „Прости, дорогая, между нами всё кончено. Я теперь наместник и не могу жениться на простой девушке, даже если она магистр артефакторики“.

А она, заглянув в его глаза, поняла бы, что надежды нет, и жила бы дальше, отрезав этот кусок своей жизни. Как это сделать он её научил.

Сейчас, думая об этом, она приняла решение. Хватит ждать. После открытия аптеки Стефана она уедет. Выставит дом на торги, даст Тине доверенность, а сама отправится в Элидиану. Найдёт работу, повидается с друзьями... Авось Ромуальд не пожалеет для нее контрамарки на свою премьеру.

У магов жизнь долгая, так что времени, чтобы забыть Дамиана, ей хватит. И пора менять свой подход! Больше она ни от чего не станет отказываться! Будет жить полной жизнью, перестанет отворачиваться от соблазнов и может быть найдет своё счастье.

Заскрипели ступеньки, хлопнула дверь и Лина удивилась. Должны были придти Тина с мужем, но вошёл кто-то один. Не случилось ли что?

Она вскочила и быстро вышла из кухни в гостиную.

На пороге стоял Дамиан и спокойно обводил комнату взглядом.

Эммелине захотелось подойти и стукнуть его чем-нибудь тяжелым, чтобы стереть с его лица это равнодушное выражение. Вместо этого она сказала:

— А где Тина и Стефан? Я жду их к ужину.

— Они не придут, — ответил Дамиан, — Потому что прямо сейчас ужинают в лучшем ресторане Ардены. Там, что напротив ратуши.

— С какой радости? — тон Лины был полон недоверия.

— Я с ними поменялся. Договорился, что они едят мой ужин в ресторане, а я ужинаю с тобой.

Первой мыслью было: „Ну, Тина, змея! И ничего мне не сказала. Не предупредила!“

Вторую Лина произнесла вслух:

— Откуда ты взялся? Ты же сейчас в Гремоне на переговорах. Во всех газетах об этом есть.

Он сделал несколько шагов вперед и взял ее за руки, до сих пор нервно скрещенные на животе. Лина не нашла в себе сил выдернуть их и спрятать за спину. Стояла не шевелясь и пыталась разглядеть в глазах Дамиана ответ на вопрос: зачем он здесь?

Он смотрел на нее и молчал, и ей стало казаться, что она видит сон. И тут раздался его голос:

— Газеты не всё знают. Переговоры закончены. Я получил титул графа фар Ардена безо всяких условий. Вернее, с одним. Чтобы его выполнить я к тебе и приехал. Лина, ты выйдешь за меня замуж?

— Что?

Девушка вдруг опомнилась и стала вырываться.

— Прекрати надо мной издеваться! Полгода! Полгода я тебя жду, полгода не знаю, на каком я свете, от тебя ни ответа, ни привета! Ты со мной тогда даже не попрощался, а сейчас не поздоровался!

Дамиан отпустил ее руки, чтобы положить свои ей на плечи и заглянуть в глаза.

— Ты меня за это никогда не простишь?

Лина замотала головой.

— Прощу, не прощу... Попробуй для начала объяснить своё поведение, а там я подумаю, стоишь ли ты прощения.

— Нечто вроде „я хотел проверить свои чувства“ не принимается?

Лина пришла в неопишную ярость.

— Проверить свои чувства? А о моих ты подумал?

— Ну, и твои заодно. Судя по тому, как ты сердисься, они не изменились?

Лина изо всех сил ткнула его крепким кулачком в грудь.

— Дамиан Оран ле Сиртажель граф фар Арден, я тебя убью!

Ответом на удар был нежный поцелуй в висок.

— Убей, милая. Но ты не ответила на мой вопрос: ты выйдешь за меня замуж?

— Зачем тебе это?

— Ну вот, не ответ, но хотя бы начало конструктивного диалога. Видишь ли, наместник должен быть женат, а я ни на ком, кроме тебя, жениться не собираюсь.

— А все эти графини, герцогини и прочие баронессы?... Те, которых тебе сватали в Гремоне? Они такие красивые, а я... И ты... ой!

Лина подхватила и бросилась на кухню. Поражённый Дамиан последовал за ней и ворвался туда в тот момент, когда она воздушной петлёй вытащила из печки горшок. Судя по запаху, с тушёными овощами.

Плюхнула его на подставку, повернулась к Дамиану и вздохнула облегчённо. Затем пояснила:

— Ты же ко мне ужинать пришёл. А еще пара минут — и наш ужин бы сторел. Так что извини. Что там с герцогинями?

Дамиан покачал головой:

— Ты ещё спрашиваешь! Ну кто из них способен такое отчудить? Бросила жениха, делающего предложение, чтобы спасти горшок из печки! Ты единственная и неповторимая! Для меня единственная и неповторимая тоже лично для меня! Поняла? Или тебе нужно объяснить по — другому?

В ответ услышал тихий лепет:

— Объясни.

Он обнял её и начал целовать, с каждым мгновением всё более увлекаясь. Оторваться от этого занятия удалось не сразу и не вдруг, так что когда это всё же произошло, оба стояли растрёпанные и смущённые и пытались привести в порядок одежду. Отдышавшись, Дамиан задал вопрос:

— Я понятно объяснил?

И услышал странный в этой ситуации ответ:

— Да, спасибо.

Затем Лина немного поразмыслила и спросила сама:

— Как ты их уговорил разрешить выбрать такую жену? Не графиню, а магичку безродную?

Он пожал плечами.

— В общем, то, что ты маг, и решило дело. В Гремоне магией владеет в основном знать, так что это твоё качество заменило титул. Мне поставили только одно условие: брак должен быть магическим. Это требование короля Губерта и я его принял. Ты знаешь, о чём речь?

Лина вытаращила глаза:

— Это ТЫ мне предлагаешь? Обычно маги уговаривают своих подруг заключить такой, а те упираются. Я представить себе не могла, что ты это предложишь. Пойми: кроме магического долголетия ты получишь ещё уйму геморроя: ни изменить мне, ни скрыть ничего... А если со мной что-то случится, то и ты... Нет! — она вдруг засуетилась, — Я дам тебе книгу, ты считаешь, а тогда...

Дамиан снова подхватил её на руки и чмокнул в висок.

— Лина, радость моя, я всё знаю. Я уже читал такую книгу и принял решение не наобум. Я хочу разделить с тобой всю жизнь на двоих. Ты согласна?

Лина вдруг расслабилась, обмякла в его руках, затем обняла за шею и, приблизив свои карие глаза к его серым, прошептала:

— Согласна. Куда я от тебя денусь?!

Затем стекла с его рук на пол одним слитным движением и рассмеялась:

— А теперь давай поужинаем, а то еда стынет!

Больше книг на сайте - Knigolub.net